

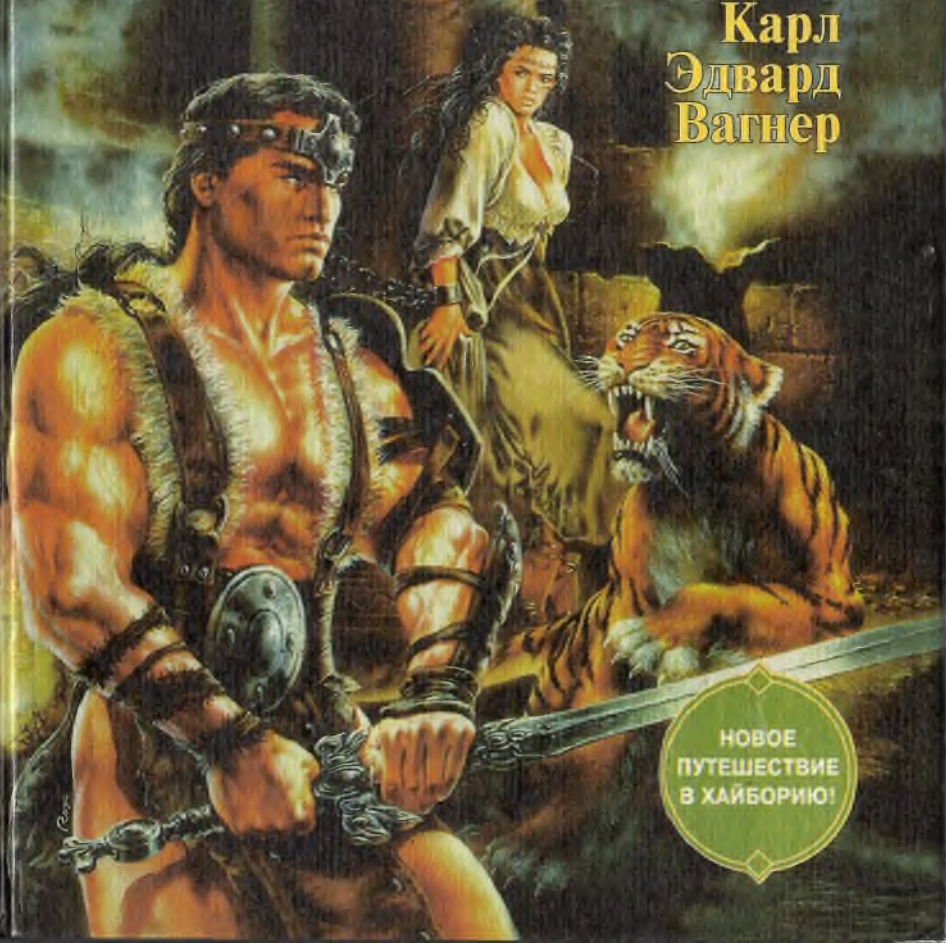
САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ПЕПЕЛ
ИМПЕРИЙ

Джон
Маддокс
Роберте

Карл
Эдвард
Вагнер

НОВОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ХАЙБОРИЮ!

**КРОМ!
ЕЩЕ
ОДИН
НОВЫЙ
КОНАН**

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ПЕПЕЛ ИМПЕРИЙ

Джон Маддокс Робертс
Карл Эдвард Вагнер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
М 13

John Maddox Roberts.

Conan and the Amazon. Copyright © 1995 by Conan Properties, Inc

Karl Edward Wagner.

Conan the Road of Kings. Copyright © 1979 by Conan Properties, Inc

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Маддокс Робертс Дж., Вагнер Карл Э.

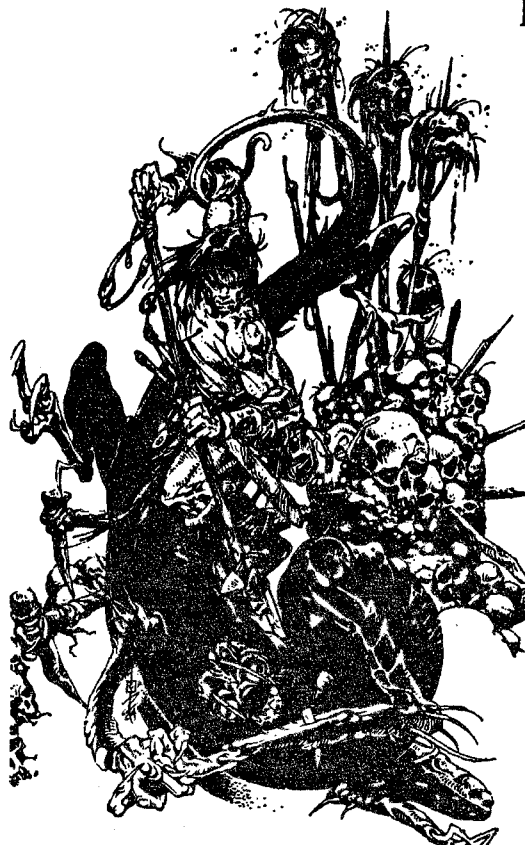
М 13 Пепел империй: Романы / Пер. с англ. — СПб.: Терра—
Азбука, 1996. — 496 с.
ISBN 5-7684-0074-5

Неутолимая жажда приключений влечет Конана-киммерийца по
просторам великой Хайбории.

В забытом всеми богами городишке северянин встречает неистовую
царицу амазонок и вместе с ней отправляется в далекое и опасное
путешествие. Киммерийца вновь ожидают погони, схватки, единоборство
с безумными колдунами. Неустрашимый варвар спускается в чертоги
подземелья проклятого города, становится предводителем отряда
бунтовщиков, снова и снова испытывая судьбу, балансируя на грани
жизни и смерти.

Джон Маддокс Робертс СТЕПЕННАЯ ЦАРИЦА

РОМАН

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0074-5

Глава 1

Город носил имя Лонх. Он раскинулся среди высоких холмов восточной Бритунии, недалеко от границ Коринфии и Немедии, как раз на пересечении двух древних торговых дорог, ведущих через горные перевалы. В давние времена здешние места были весьма оживленными, и Лонх процветал. Но минули столетия, торговые пути оказались забыты, путешественники проложили новые тропы. И вот уже многие годы некогда великий город лежал в руинах. Лишь случайный караван теперь останавливался в Лонхе, укрываясь за стенами от беспрестанно дующего меж холмов ветра. Пастухи пасли коров и овец там, где когда-то цвели пышные сады богатых торговцев Лонха.

Однако в последнее время город начал потихоньку оживать. Через перевалы по одному, по двое, небольшими группами, а иногда и большими отрядами со всех четырех сторон к городу сходились люди. Многие были верхом: одни — на конях, другие — на верблюдах. Но шли и пешком, и среди этих людей некоторые были скованы за ошейники в вереницы. Большинство из вновь прибывающих были мужчины, но встречались также и женщины.

Уже близился вечер, когда на вершине последнего холма остановился одинокий путник и начал оглядывать извилистую пыльную дорогу, ведущую к городу. Красное солнце отбрасывало длинные тени и окрашивало западные стены более высоких строений в ядовито-красный цвет. Стены Лонха были

низкими, выложенными из грубо обтесанного камня. Много камней осыпалось, и в стенах зияли дыры. Массивные ворота давно сгнили, и город был открыт всякому, кто желал войти.

Большинство сохранившихся строений — приземистые, но местами возвышались башни в четыре или в пять этажей высотой, являвшиеся когда-то роскошными обиталищами богачей. Кое-где из прохудившихся крыш к ясному небу устремлялся дымок. Пока подошедший разглядывал город, в ворота вошли несколько запоздалых путников.

Человек, глядевший с холма, был огромный, с крепкими руками и с обнаженным, покрытым шрамами торсом, который обдувал сейчас резкий ветер. Одет он был в сапоги, отороченные мехом, и набедренную повязку из волчьей шкуры. На широченные плечи наброшена, как единственная уступка погоде, короткая мохнатая накидка из козьей шкуры. Запястья и предплечья обмотаны крепкими ремнями с бронзовыми заклепками, а на поясе висели длинный меч и прямой кинжал с широким клинком.

Ветер ворошил копну спутанных черных волос, длинные пряди прилипли ко лбу и щекам, но путник, казалось, этого не замечал.

Он неподвижно застыл. Полыхающие голубым льдом глаза жадно осматривали город. Видимо, довольный осмотром, гигант решительно двинулся к Лонху.

В сотне шагов от города черноволосый великан северянин присоединился к небольшой группе людей, подходивших с востока. Крепкие, увешанные оружием мужики имели вид отчаянных головорезов. Однако на северянина дернуться они не посмели.

— Приветствую тебя, незнакомец, — сказал их предводитель, одетый в рубаху и штаны из стеганого шелка. И одежда, и сам человек уже повидали свои лучшие дни, но тем не менее предводитель

вел себя с гордым достоинством. — Вижу, еще один искатель приключений надеется найти утешение в веселой компании Лонха!

Говоривший имел отвислые усы, и в чертах виднелось что-то восточное, но волосы были каштановые, а глаза светло-зеленые.

— Я слышал, что здесь можно переночевать, не рискуя наутро оказаться в подземелье или на виселице, — ответил путник с черной гривой. — Насколько я вижу, кроме этого, город мало что может предложить. — Он пошел рядом с предводителем. — На востоке стало так же, как и на севере?

— Похоже, что да. Я Ки-Де из северо-восточной Гиркании, из клана Черепяхи. Новый каган издал указ, запрещающий разбой, и разбил мой клан, который никогда не пятнал себя презренным трудом на полях и в мастерских. Мы слышали об этом месте за горами, где человек может быть спокоен, несмотря на свое прошлое. Я не люблю городов, но скоро настанет зима, и даже разбойнику надо иметь кров.

— Я Конан из Киммерии, — сказал человек с черной копной волос. — Я наемник, в последнее время служил в одном приграничном бритунийском княжестве. Князь поднял восстание против союзников и проиграл.

Он протянул руку, и гирканиец пожал ее.

— Да! За это могут невзлюбить человека. — Ки-Де передернул плечами, поправив лямку, на которой висел колчан. Сабля, висящая у пояса, была короткой и кривой.

— Так и произошло, — подтвердил его слова киммериец. — За оставшимися в живых товарищами гонялись по холмам, как за оленями. В горной деревушке я услышал об этом месте. Как ты и говоришь, приближается зима, а в горах нельзя оставаться при северном ветре, если нет стен, крыши и очага.

У городской стены они заметили грубо сделанные из палок и веток загон для животных. В загонах находились овцы, козы, коровы и свиньи. В другом месте простолоудины в рубахах из шкур охраняли плетеные клетки, набитые курами, утками и гусями.

— Местные жители быстро почуяли выгоду, — произнес Конан. — Люди, видевшие в жизни лишь несколько медяков, за этих животных запросят серебро и золото.

— Крестьяне всегда сбегаются на запах наживы, — ответил Ки-Де. Он смачно плюнул на землю. — Тебе стоит посмотреть, как они выползают из своих лачуг после битвы, чтобы раздеть и ограбить мертвых.

— Я видел это много раз, — мрачно сказал Конан. — Только они не всегда терпеливо ждут, когда человек умрет. Они убивают раненых. А зачастую, если у человека не осталось сил сопротивляться, они могут, даже не убив его, просто отрубить у живого пальцы, чтобы снять кольца, или руку, чтобы забрать браслет.

— Это двуногие свиньи! — произнес один из гирканийцев.

Конан пожал плечами:

— У них столько же причин не любить солдат, как и у нас. — Он оглядел своих новых знакомых, многие из которых хромали, будто ноги у них были стерты. — Я редко видел, чтобы представители вашего народа ходили пешком.

Гирканийцы были кочевниками, всю жизнь проводившими в седле, их охватывал ужас при мысли о пешем переходе.

Ки-Де смущенно улыбнулся:

— Несколько дней назад, когда мы спали, на нас напали люди кагана. Они забрали всех наших лошадей, однако мы сумели ускользнуть в темноте. Преследовать нас не стали, так как решили, что без лошадей мы и сами скоро погибнем.

— Несколько дней назад я тоже ехал верхом, — сказал Конан. — Грабитель пытался издать убитый звук. Он оказался плохим стрелком и промахнулся, но стрела попала в мою лошадь. Я прикончил его. Затем припрятал седло, но не думаю, что когда-нибудь вернусь, чтобы забрать.

Они прошли через то, что раньше было воротами, и очутились в самом Лонхе. Низкие, землистого цвета стены домов казались уныло однообразными, а сброд, болтающийся на улицах, наверное, притащился в город со всей Великой Хайбории. Тут были жители пустынь в длинных полосатых халатах, в шелковых немедийских балахонах, встретились даже несколько человек в обтягивающей разукрашенной одежде аквилонских модников. Конан увидел суровых путешествующих купцов и людей, которые явно были дезертирами из армий соседних земель. Попадались женщины в одежде заморанских блудниц и другие, менее счастливые, обреченные заниматься тем же ремеслом, но носящие рабские цепи.

— Необычное место, — подумал вслух Конан. — Призрак города, вновь обретший жизнь.

— Мой друг! — произнес Ки-Де, обращаясь к хорошо вооруженному торговцу, охраняющему палатку, где он продавал бальзамы и целебные мази для людей и лошадей. — Где усталый путник может найти стол и кров подальше от этого проклятого ветра?

— Я думаю, что таких, как вы, лучше всего обслуживают в «Красном орле», — ответил торговец, указывая на один из похожих на башню домов. На одной стене краской был нарисован расправивший крылья орел с загнутым клювом.

— Почему «таких, как мы»? — спросил Конан.

Торговец злодейски ухмыльнулся:

— Потому что это любимый притон разбойников и бандитов. Сказать правду, других людей в городе

почти и нет, но самые отпетые злодеи идут в «Красный орел». Там ночует даже сама Акила.

— Акила! — удивленно воскликнул Конан. — Да это ведь глупые байки бродячих артистов! Нет такой женщины на свете.

— О, самая настоящая, — заверил его Ки-Де. — Я и сам ее видел один раз издали. Говорят, что она очень красива и очень жестока.

— Это я должен проверить сам, — сказал Конан. — Идем в «Красный орел».

По пути киммериец вспоминал слышанные им разрозненные рассказы о легендарной Акиле. Говорили, что далеко в степях на северо-востоке живет дикое племя женщин-воинов, не терпящих у себя ни мужчин, ни детей мужского пола. Изредка они берут в плен мужчин, с которыми совокупляются в течение месяца, а затем убивают их во время чудовищного ритуала. Детей мужского пола, родившихся от этого союза, они отдают проходящим мимо караванам или, как утверждают некоторые, убивают. Девочек же воспитывают как воинов.

Однажды, как рассказывают, царицей у этих свирепых воительниц была женщина по имени Акила. Она являлась грозой всех окрестных земель, но ее собственный народ обратился против нее, и она была свергнута соперницей. Почему это произошло, осталось тайной, но она ускакала прочь с несколькими подругами и сделалась разбойницей, совершающей налеты на караваны, деревни и даже города далеко за пределами степи. Многие годы Конан считал, что рассказы об Акиле — всего лишь легенды, какие можно услышать всюду: всегда существовал некий таинственный свирепый герой, которого никто в действительности не видел, хотя каждый утверждал, что встречал того, кто на самом деле видел его. Или в данном случае — ее.

По мере того как они все ближе подходили к высокому зданию и темнота все более сгущалась, во

множестве маленьких окошек зажигались огоньки. Но было еще достаточно светло, и можно было разглядеть импровизированную соломенную крышу. Перед зданием находился колодец и несколько желобов, у которых стояли лошади, мулы, ослы и верблюды; животные пили, жевали жвачку или просто от скуки терлись друг о друга.

Конан и его новые товарищи пригнулись и прошли в низкую дверь. Они спустились на четыре ступеньки и оказались в главном зале гостиницы. Тяжелые брусья, держащие потолок, находились так низко, что киммериец касался их своей черной гривой. Небольшие факелы и лампы давали достаточно света, чтобы какой-нибудь споткнувшийся пьянчужка не грохнулся на пол. Мебель была самой разнообразной. Несколько длинных столов со скамьями, круглые или квадратные столы поменьше, окруженные стульями, и низкие, похожие на барабаны столы для тех, кто предпочитал сидеть на устланном соломой полу.

В одном конце зала находилась стойка из тяжелых каменных плит, положенных на массивные блоки. За стойкой стоял человек не менее массивный, с конечностями, подобными стволам деревьев, и животом, до предела натянувшим кожаный фартук. Бритая голова была татуирована яркими изображениями цветов, а загнутые кверху усы обрамляли сломанный нос, в который были вставлены украшения. За его спиной на полках среди бутылок, глиняных кружек и сшитых из кожи чаш были расставлены бочонки, бурдюки и глиняные кувшины.

Зал был полон, за каждым столом сидели люди. В чашках гремели игральные кости, и фишки полудюжины азартных игр переходили из рук в руки вместе со ставками. В одном углу кидали кинжалы в грубую деревянную мишень. Люди, сидящие прямо под мишенью, спокойно пили, не обращая внимания на свистящее над головой оружие.

Почти все находившиеся в зале приостановили свои занятия, чтобы рассмотреть вошедших, но затем, удовлетворившись, продолжали свои дела. Однако по крайней мере один почувствовал себя оскорбленным при виде одежды Конана, которая была грубой даже по стандартам «Красного орла». Когда они проходили мимо длинного стола, этот человек нагнулся вперед и сделал вид, будто пристально разглядывает незатейливую одежду киммерийца.

— К нам зашел дикарь, только что вылезший из лесу! — произнес этот человек громко. — Эй, хозяин, кого ты еще сюдапустишь? Козлов или ослов?

Он презрительно скривился, отчего его уродливое лицо сделалось еще более уродливым. Жидкая борода не могла скрыть воровского клейма, выжженного на щеке заморийским палачом.

— Если у него есть деньги, так, по мне, он может войти сюда хоть голым, — отозвался человек в кожаном переднике.

Конан задержался и склонился над человеком с клеймом.

— Если тебе не нравится мой вид, — произнес он тихо и зловеще, — можешь попытаться его изменить. — Он пригнулся так, что лицо его было в дюйме от носа клейменого. — На твоём лице я вижу клеймо вора. Когда заморийцы поймали тебя, они обошлись с тобой не как с убийцей.

Голубые глаза полыхали льдом.

Человек с клеймом побледнел. До этого он видел только варварскую одежду. Теперь он разглядел, что за человек ее носит.

— Я... я не оскверню своего клинка кровью дикаря, — заявил он хвастливо.

— Можешь воспользоваться моим, — услужливо предложил ему Ки-Де. Он начал отстегивать от пояса ножны.

— Хватит, Арпад! — рявкнул хозяин гостиницы. — Тебе следует соображать, к кому лезешь. Засунь свой нос обратно в кружку, где он и должен быть, и не трогай моих посетителей.

Гигант в фартуке взял массивную дубинку и ударил ее окованным концом по стойке в подтверждение своих слов.

Пытаясь храбриться, клейменный снова скривился:

— Это полуживотное для меня ничто, Индулио. Если тебе не нравится, я не буду проливать его кровь.

Он снова переключился на эль, но лицо его было красным от стыда. Киммериец, улыбаясь, постоял некоторое время рядом с ним, затем продолжил свой путь к стойке.

— Нам нужна еда, питье и отдых, — сказал гирканиец. — Я вижу, что у тебя есть питье. Есть ли у тебя также пища и место, где мы могли бы отдохнуть?

— Зависит от обстоятельств, — ответил хозяин. — У вас есть деньги?

Киммериец и его новые товарищи порывились в кошельках, и скоро на стойке лежала кучка меди и серебра. Человек, названный Индулио, просиял:

— На эти деньги вы можете есть, пить и спать здесь трое суток. — Он сгреб ладонью монеты со стойки и поймал их в другую ладонь. Затем бросил горсть их сквозь прорезь в окованный сундук, стоящий у его ног. — Потом вам нужно будет заплатить еще.

— Где мы будем спать? — спросил Конан.

Толстый палец хозяина ткнул вверх:

— На верхнем этаже еще никого нет. Осторожнее обращайтесь со свечами и лампами. Прямо над вами солома. Пищу уже готовят и скоро подадут. Что будете пить?

— Эль, — ответил Конан. Гирканийцы, узнав, что здесь не подают кумыса, тоже решили пить эль.

Индулио поставил перед ними пенящиеся кружки.

— О том, что надо быть осторожнее с огнем, я вам уже сказал. Также не должно быть никаких драк в моей таверне, и держите руки подальше от моих работников. В остальном делайте что хотите.

— Обещаю соблюдать эти правила, — заверил его Конан. — Но ваш человек был очень дерзок со мной. Будь я моложе, я бы расколол его череп, не дав произнести ему и трех слов. Но теперь я более терпелив и разборчив.

— Я не против того, чтобы люди убивали друг друга, — сказал хозяин. — Но они должны делать это на улице.

Конан, Ки-Де и другие нашли угол посвободнее и сели на солому, держа кружки в руках. Раб принес стол из задней комнаты и поставил перед сидящими. Вскоре женщина с железным ошейником поставила на стол блюда с дымящимися говяжьими ребрами. Другая принесла сыр, фрукты и стопку жестких лепешек. По всему залу изголодавшиеся люди прервали свои игры и хвастливые рассказы для того, чтобы приняться за еду.

Во время еды Конан заметил, что человек, названный Арпадом, бросает в его сторону мрачные взгляды. Было ясно, что его товарищи с такой же злодейской внешностью, как и у самого Арпада, дразнят его за то, что он трусливо увильнул от драки, на которую сам же напросился. Киммериец не отвел глаз. Он решил, что придется убить клейменого еще то того, как окончится ночь. Рано или поздно Арпад напьется так, что снова бросит ему вызов. Эта перспектива Конана не беспокоила.

Когда кружки снова наполнили, Индулио оставил за стойкой одну из работниц, а сам присоединился к своим новым гостям.

— Вы, похоже, пришли издалека, — сказал он, грузно усаживаясь на солому.

— Да, издалека, — ответил Конан.

Он и его товарищи вкратце поведали истории своих несчастий.

— Как случилось, что город вдруг сделался таким популярным? — спросил киммериец, когда все закончили говорить.

Хозяин, довольный, провел рукой по усам.

— Вы не единственные, для кого настали тяжелые времена. Первый раз, возможно, за пятьдесят лет Немедия, Офир, Коф, Коринфия и Замора находятся в мире друг с другом. Цари пользуются этой возможностью для того, чтобы очистить свои страны от разбойников. Более того, они все сотрудничают в этом, так что преступник не может просто перейти границу и быть в безопасности. Полгода назад я понял, какие возможности это открывает, и вспомнил об этом городе, в который меня занесло, когда я бежал из Заморы в Бритунию. Даже царю Бритунии нет дела до этих приграничных холмов, так что я пустил слух, что здесь есть безопасное укрытие, город, полностью выстроенный, но почти необитаемый, в котором можно переждать до тех пор, пока все не вернется к старому. Затем я нагрузил товаром караван и занял лучшее здание под гостиницу. После чего надо было лишь сделать крышу у этого дома и ждать. В течение нескольких дней прибыли четыре десятка человек. За месяц подошли еще сто. Теперь город почти полностью заселен.

Хозяин сиял от удовольствия.

— Что люди делают, когда они больше не могут платить за проживание? — спросил Конан.

— Они перебираются в пустующие дома, многие из которых всего лишь нужно подвести под крышу. За небольшую плату крестьяне привезут вам необходимый материал. Крестьян, между прочим, нужно оставлять в покое. Укради у них хотя бы одну козу, и они угонят весь скот, так что нам придется голодать.

— Хорошее правило, — произнес Конан. — Я, например, никогда... — Он умолк на полуслове,

потому что дверь отворилась и в таверне появилась необычная компания.

Первым вошел крепкий карлик, несший на плечах свежеебитую антилопу. На его руках и ногах вздымались могучие мускулы, а торс походил на массивную пивную бочку. Голова его была больше, чем у обычных людей, черты лица — правильные и приятные, но вид немного портило вдетое в нос кольцо. Следом вошли три вооруженные женщины с луками в руках. Из поясных сумок торчали лапы зайцев и фазанов. У каждой на уровне глаз, будто маска, проведена черная полоса. Женщины были одеты в короткие рубахи без рукавов, ноги защищали обмотки из оленьей шкуры. Волосы у воительниц явно давно не мыты и не чесаны. Женщины больше походили на хищных животных, чем на обычных людей.

Но та, что вошла следом за ними, заставила Конана позабыть обо всем на свете.

На ней была роскошная накидка, отороченная мехом, с воротником из ярких перьев. Копна золотых волос обрамляла красивое суровое лицо, выражение которого смягчали огромные светло-серые глаза и полные ярко-красные губы. От ветра и солнца лицо потемнело, белыми оставались только некоторые старые шрамы. Один шрам шел наискосок от носа через высокую скулу к нижней челюсти. Вертикальный шрам поменьше шел по краю подбородка.

Когда она стала под одним из брусьев, Конан понял, как она высока. Он посмотрел вниз, чтобы убедиться, не обута ли она в сапоги на толстой подошве, и с удивлением заметил, что ниже обмоток из серого меха, покрывавших голень, ноги были босыми. Она была лишь на дюйм или на два ниже его. Когда она шла по залу, киммерийца охватил восторг. Такой царственной осанкой обладали даже не все правящие царицы.

— Индулио! — крикнула женщина, когда карлик положил антилопу на стойку.

— Одно мгновение, Акила! — сказал хозяин гостиницы, легко вскочив на ноги, несмотря на свой огромный вес. — Они сами добывают себе пищу, — объяснил он Конану, — а мои работники готовят ее для них. В качестве вознаграждения я оставляю себе шкуры и перья.

Выкрикивая работникам приказания, он отошел от стола.

Акила стянула ярко вышитые перчатки, и киммериец увидел большие ладони и пальцы с толстыми костяшками. Конан знал, что такие руки бывают у того, кто с детства много упражняется с мечом. С полки за стойкой Индулио взял отделанный серебром бычий рог и наполнил его элем. С большим почтением хозяин подал его Акиле. Она взяла, наполовину осушила и пошла к очагу, чтобы присоединиться к своим товарищам. Мужчины, сидевшие там, спешно освободили скамью, уступая место ей и ее свите. Сев на скамью, Акила в первый раз окинула взором зал. Взгляд ее лишь на мгновение задержался на Конане. Киммериец почувствовал, как во всем теле закипела кровь, и он захотел эту женщину так, как мало чего хотел за всю свою жизнь.

— Что вы за мужчины? — прокричал нетвердый голос.

Конан понял, что Арпад снова расхрабрился. Человек с клеймом стоял и издевался над высокой женщиной и ее товарищами.

— Какие мужчины уступают место бесстыдной девке, а? Вы думаете, что эта потаскуха на самом деле царица воительниц, за какую себя выдает? — Он пронзительно заржал. — Да это просто шлюха с севера, выдающая себя за некогда существовавшую разбойницу.

Конан видел, что Арпад напился так, что стал опасен. Киммериец с интересом наблюдал за

реакцией женщины. Карлик и остальные спутники потянулись за своим оружием, но Акила остановила их жестом. Она допила рог и бросила его карлику, который ловко поймал его. Затем она выпрямилась во весь свой могучий рост.

— Что ты от меня хочешь? — спросила она. Голос ее был низким, вибрирующим контральто. Конан даже это посчитал восхитительным.

— Что я хочу? — Арпад снова рассмеялся. — Я хочу того же, что и все мужчины здесь, девка! Пользоваться твоим огромным телом! Какова твоя цена? — Он порылся у себя в кошельке и вынул три медяка. Он бросил их к ногам женщины. — Ты, конечно, не можешь запросить больше!

Какое-то мгновение женщина глядела на монеты. Затем она посмотрела на Арпада.

— Наш хозяин не любит, когда в таверне проливают кровь. — Акила ударила кулаком в потолок над головой. — Потолок здесь все равно не позволяет размахнуться мечом. Выйди, чтобы умереть, на улицу.

С этими словами она пошла к двери, друзья ее тут же последовали за ней.

Зал моментально начал пустеть, так как посетители, желая стать свидетелями редкого зрелища, хлынули наружу. Друзья Арпада похлопывали его по плечу и подталкивали вперед. Арпад самодовольно вышагивал, надменно улыбаясь. Вздохнув, Конан встал, прихватив с соломы свой меч.

— Наверное, мне следует пойти вперед и убить этого придурка, — сказал он. — Это все произошло из-за меня, а не из-за нее.

Индулио положил ему на плечо руку:

— Нет, друг. Она убьет тебя раньше, чем ты успеешь вступить за нее. Пусть будет что будет.

Хозяин вместе с киммерийцем и гирканийцами вышел на улицу.

Во дворе перед «Красным орлом» зрители образовали из факелов круг для битвы. Из боковых улиц

во двор спешили еще люди, по мере того как по небольшому городку с огромной скоростью распространялся слух о необычной драке. Конан протолкался к самому краю круга, откуда хорошо было видно все происходящее.

Арпад вступил в круг, ухмыляясь и изображая отвагу:

— Сейчас узнаешь, девка, кто твой хозяин.

Он нервно теребил пальцами рукоять меча, длинного, с прямым узким клинком.

Из-под накидки Акила достала меч в ножнах. Она вынула клинок, а ножны отдала карлику. Одна из женщин взяла ее накидку, и Акила вошла в круг. При виде царицы у Конана захватило дух. Он встречал женщин-воинов, и некоторые из них были искусными бойцами. Но никогда не встречал он такой женщины.

От могучей, подобной колонне шеи тяжелые мускулы шли к широким плечам с мощными дельтовидными мышцами, которые красиво переходили к толстым рукам. На предплечьях играли сухожилия, когда царица вертела, поигрывая, меч. Худые запястья были плотно перетянуты черными кожаными ремнями, и Конану показалось, что эти запястья были ее единственным слабым местом. Живот Акилы лучше всего было сравнить с мощной бульжником улицей, и он явно был таким же твердым, как камень. Тяжелые мускулистые бедра переходили в изящные колени.

И все же, несмотря на ее невероятно развитую мускулатуру, на взгляд Конана, она ни в коей мере не была мужеподобной. На фоне квадратных грудных мышц ее груди были полными и женственными, такими же, как ее бедра и округлые ягодицы. На бедрах лежал пояс из клепаной кожи, и к нему была прикреплена спереди и сзади лисья шкура, пропущенная между ног. Эта шкура вместе с ремнями на запястьях и меховыми обмотками на ногах

составляли все одеяние царицы. Хотя она явно принадлежала к светлокожей расе, все ее тело было таким же загорелым, как и лицо, отчего светлые глаза и золотые волосы еще более выделялись. Женщина, казалось, не замечала резкого ветра.

Сердце Конана заколотилось в груди. Акила была будто великолепная львица — могучая, гордая и грозная. Первым побуждением Конана было разрубить этого Арпада за то, что он посмел угрожать такой красоте, но он понимал, что если вмешается, то этим нанесет воительнице смертельную обиду. Конан сдержал себя и решил смотреть.

Самонадеянная ухмылка Арпада исчезла. Было ясно, что он не видел воительницу без накидки и слишком поздно сообразил, что она не жалкая самозванка, а хищница, готовая пролить его кровь. Это вовсе не то, что он ожидал, но отступить было поздно.

Конан оглядел обоих. Арпад был напряжен, взведен. Он протрезвел от потрясения. Стиснутые зубы и глаза навывкате говорили о том, что он готов сорваться. Сжимая рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев, Арпад выставил острие клинка на уровне живота женщины, а свободную руку отвел назад для равновесия.

Акила, напротив, стояла почти расслабившись, перенесла вес на одну ногу так, что меч почти болтался вниз. Лишь ее голова, слегка склоненная, выдавала то, что кажущееся спокойствие было обманчиво, что это притворное безразличие замершей перед броском змеи.

Некоторое время противники разглядывали друг друга вне пределов досягаемости меча. Зрители затаились так, что слышался лишь звук ветра, задувающего пламя факелов. Напряжение для слабых нервов Арпада оказалось слишком большим. Он ринулся вперед, вкладывая все в единственный удар, и ткнул мечом, целясь в шею женщины, туда, где даже неглубокая рана вызовет мгновенную смерть.

Удар был быстрым и точным, но Акила подняла свой меч и отвела атаку. Она тут же сделала шаг вперед и нанесла широкий горизонтальный удар. Ее клинок, более широкий, чем у Арпада, был также на пядь короче. С возгласом удивления мужчина отскочил назад, и острое лезвие меча прошло на расстоянии толщины пальца от его живота. Арпад попытался ткнуть острием меча в глаза, но Акила отошла на шаг, мягко оттолкнувшись выставленной ногой и изящно перенесла вес на другую ногу, сохраняя равновесие во время всего движения.

Теперь оба ходили кругами, присев, не сводя друг с друга глаз, преисполненные лишь желанием сократить дистанцию, ударить и убить. Арпад держал свое оружие выставленным далеко вперед, прижав свободную руку к груди, пытаясь как можно лучше заслонить локтем живот и часть грудной клетки. Конан понял, что Арпад предпочитал пользоваться верхним, острым концом лезвия. Это быстрее и требует меньше усилий, чем рубящие удары. Поэтому его стойка больше напоминала положение дерущегося с кинжалом, чем с мечом.

Акила же держала свой меч справа, нацелив оружие для удара по широкой дуге. Левую руку она чуть отставила в сторону, разведя пальцы. Эту руку она намеревалась использовать и при нападении, а не только при защите. Присев так, расставив руки, она, казалось, будто преподносила в подарок свои пышные груди и крепкий живот, обнажая их перед острой сталью всего в нескольких дюймах от меча противника. Это очень рискованная тактика, поскольку, как Конан знал, даже самый крепкий мускул так же уязвим для острой стали, как и самая нежная плоть.

Не в характере Конана было нервничать, но он чувствовал, что женщина делает глупости. Такая тактика вполне может заманить осторожного фехтовальщика, но Арпад был человеком отчаянным и

доказавшим уже, что может действовать быстро. Даже умелому фехтовальщику может быть трудно защититься от дурака. Если Арпад решится на бросок, он может пропороть Акилу насквозь, хотя она и снесет ему в это время голову. Хладнокровный боец считает смерть обоих противников приемлемым исходом поединка.

Арпад, казалось, уже был готов именно к такому действию, но здравый смысл в его затуманенных мозгах все-таки возобладал над безрассудством. Арпад принялся наносить клинком короткие удары то справа, то слева, быстро меняя направление, отыскивая слабые места в защите противницы. Сталь звенела о сталь, когда Акила отводила удары. Неожиданно она сделала выпад, описывая клинком двойную восьмерку, выполняя с удивительной скоростью серию из четырех ударов: справа-слева, справа-слева. Арпад спасся лишь благодаря своей скорости, как у ящерицы, вовремя подставляя свой клинок, но все же получил две легкие царапины на голове. После последнего блока противники оказались на опасном расстоянии друг от друга, и Арпад взмахнул мечом горизонтально изнутри наружу. Движение это оказалось слишком отчаянным, чтобы быть смертельным, но лезвие с громким шлепком, плашмя ударило воительницу по челюсти.

Противники отскочили друг от друга и снова начали ходить кругами. Оба обливались потом и тяжело дышали. Они дрались совсем недолго, но напряжение изматывало. Зрители вокруг перешептывались, с нетерпением ожидая развязки.

Акила снова встала в открытую стойку. На этот раз Арпад был готов воспользоваться ее положением. Силы его быстро истощались от нервного перенапряжения. Если не будет сил, он лишится и скорости, и тогда — смерть. Он выбросил руку вперед, нанося прямой удар клинком и одновременно делая выпад.

На этот раз закричала Акила — яростный боевой клич, — совершая мечом горизонтальный взмах справа налево, стремясь расцечь пополам нападающего и одновременно уклоняясь в левую сторону, чтобы избежать клинка противника.

Но у Арпада осталась еще одна уловка. Он резко поставил правую ногу на землю, не закончив выпада, задержав на мгновение свое движение вперед и пропустив мимо меч Акилы, и затем сделал еще один короткий выпад, направляя конец своего оружия к незащищенной шее женщины.

Когда клинок Арпада пронесся мимо шеи, Акила подняла левую руку и схватила врага за запястье, остановив смертоносную сталь на расстоянии трех пальцев от пульсирующей вены за левым ухом. Противники прижались друг к другу, и каждый из всех сил пытался высвободить свое оружие. Арпад теперь держал левой рукой правое предплечье Акилы повыше запястья.

В совершенной тишине они стонали и тужились, рука Арпада дрожала, когда он пытался дотянуться своим оружием до шеи женщины, мускулы на плечах и на спине Акилы вздыбились от попыток освободить меч.

Очень медленно правая рука Акилы начала подниматься. Вначале между двух тел появилась рукоять ее меча, затем показался клинок. Казалось, будто она мучительно медленно вынимает меч из ножен. Только клинок был темным от крови. Глаза Арпада выкатились, и он задышал со свистом. Изо рта хлынула кровь, и он выронил свой меч. Акила отпустила противника, и он отшатнулся от нее. Теперь зрители видели огромную рану, идущую наискосок от правого бедра по животу к грудной кости. Из отвратительного разреза вывалились серые внутренности. Истекая кровью, Арпад повалился.

— Сука!

Конан не видел, кто из двоих товарищей Арпада прокричал это слово, но оба они ринулись на Акилу, выхватив короткие мечи. С быстротой, которая удивила бы любого, кто смотрел в его сторону, Конан выхватил свой меч и ударил по шее одному из друзей Арпада. Одна из спутниц царицы взмахнула рукой, и короткий топор пролетел через круг и рассек пополам лицо другого нападавшего. Ни один из них не сделал и двух шагов за линию факелов.

Несколько секунд стояла тишина. Затем заговорил Индулио.

— Все закончено. Заходите назад и промочите пересохшее горло!

Толпа распалась, все возбужденно обсуждали превосходный поединок с неожиданной развязкой. Многие выкрикивали похвалы Акиле, но она, казалось, их не замечала.

Конан стоял и смотрел, как за победительницей ухаживают ее женщины. Весь живот был в крови, и одна из женщин быстро удаляла кровь влажной тряпкой. Другая стирала пот с широкой груди, которая вздымалась, будто кузнечные меха. Когда кровь стерли, Конан заметил тонкую красную линию, идущую от левого бедра вверх по животу, как отражение разреза, убившего Арпада. Царица плотно прижала клинок к противнику, но не смогла избежать раны от другой стороны клинка. Конан одобрительно кивнул. Это было храброе и искусное действие. Большинство бойцов попытались бы расцепиться и продолжить бой, даже рискуя получить серьезное ранение.

Подруги осторожно стерли с Акилы кровь и пот и набросили ей на плечи накидку, похлопывая царицу и шепча на ухо ласковые слова. Карлик стоял рядом, опираясь на узловатую дубинку, и лукаво улыбался. Более или менее приведя себя в порядок, Акила направилась к Конану. Зоркий глаз киммерийца отметил признаки усталости в ее царственной походке.

— Похоже, я должна тебя поблагодарить, незнакомец, — сказала она.

— Во имя Крома! Не буду же я стоять и смотреть, как прекрасного бойца убивают трусы!

— Кром? — произнесла она. — Я слышала, это имя произносят жители Эсира, только они поносят его, а не клянутся им. Ты киммериец?

— Да. Меня зовут Конан.

В светло-серых глазах сверкнула искорка любопытства.

— Конан из Киммерии? Кажется, я слышала это имя. Ты, по-моему, наемник и искатель приключений?

Он кивнул:

— Да, и имя Акила также не безызвестно мне, хотя всего несколько минут назад я думал, что ты легенда.

— В таком случае приятно познакомиться, воин. Это Паина, Ломби и Экун. — Три дикие женщины злобно посмотрели на Конана и ничем другим не выказали своего почтения. — А это Джеба. — Карлик улыбнулся и небрежно отдал честь. Акила вновь посмотрела на Конана. — Когда-то я была царицей. Теперь они мое царство и моя армия.

— У тебя дела идут лучше, чем у меня, — ответил Конан. — У меня нет ни одного последователя, и кошелек мой пуст.

Она впервые улыбнулась, не широко, но вполне заметно.

— Садись к нам, киммериец. Мне по крайней мере следует заставить Индулио дать тебе своего лучшего эля.

Изящным жестом, которому он научился в Немедии, Конан дал понять, что она должна идти первой. Рассмеявшись, она вошла внутрь, и следом за ней вошел Конан. За их спинами женщина по имени Экун встала ногой на лицо убитого ею человека и выдернула свой топор. Карлик Джеба принялся

умело шарить по одежде и рыться в кошельках троих мертвых.

Войдя внутрь, Акила снова села на свое прежнее место, а Конан нашел табурет и сел напротив нее, так, что лица их были на одном уровне. Пока одна из женщин пошла распорядиться, чтобы снова наполнили рог, Акила вытянула ноги, чтобы погреть их у огня. Ступни ее, как Конан заметил, были маленькими, с крутым подъемом и красивой формы.

Женщина по имени Ломби вернулась с полным рогом, и Акила жадно прильнула к нему. Затем церемониальным жестом она передала рог Конану. Он взял его обеими руками, слегка склонился над ним и только теперь понял, что этот сосуд очень древний и что на серебре выполнены странные узоры. Старинное наследство, догадался киммериец, все, что осталось ей после потери родины и трона. Либо она его украла. Он запрокинул рог и выпил содержимое. Этот эль был лучше, и серебряный обод еще сохранял тепло губ царицы.

Работницы установили между Конаном и Акилой стол и завалили его едой. Когда Акила начала есть, вернулся карлик и высыпал на стол небольшую кучку монет, колец и других украшений. Широкой ладонью Акила отделила примерно треть и подвинула ее Конану.

— Твоя доля, — произнесла она с набитым хлебом ртом. — Ты убил одного из них.

Он оттолкнул от себя деньги и украшения:

— Это должна была быть моя драка, а не твоя. Арпад пытался разозлить меня, и я унизил его перед товарищами. Честь его была задета, и он искал способ восстановить ее. Он решил, что с тобой будет проще расправиться.

— Я дерусь только в своих драках, и он оскорбил меня. — Она снова пододвинула деньги и украшения к киммерийцу. — Бери — или обидишь меня.

На этот раз Конан сгреб кучу металла и ссыпал ее в кошелёк у пояса. Начали подавать жаренные блюда.

— Раздели с нами обед, — сказала Акила, и это прозвучало как приказ.

Конан плотно поел не далее как час назад, но человек всегда может найти место еще для нескольких кусочков, а искателю приключений никогда не известно, доведется ли ему поесть в следующий раз. Следовательно, не стоит упускать возможности пообедать.

Во время еды говорили мало. Царица воительниц и ее небольшая свита ели жадно, поскольку во время охоты им много пришлось пройти пешком по неровной местности. Кости они кидали собакам, которые ходили по таверне, ожидая подачки. Когда блюда были пусты, они сели прямо, чтобы пить эль и говорить. После того как все по очереди выпили из рога, Акила крикнула, чтобы подали кружку Конану. В ней тоже оказался превосходный эль.

— Ты, кажется, в затруднительном положении, киммериец, — сказала Акила. — С тобой произошло то же самое, что и со всеми остальными здесь?

— Да. Мало работы для наемника, и нет ничего, кроме петли и плахи для разбойника. Перспективы мрачные, и в противоположность остальным я не считаю, что это место может быть надежным убежищем надолго.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, шевеля отогревшимися у огня пальцами ног. — Лонх мне кажется надежным местом, в котором можно отдохнуть и переждать плохие времена.

— Да, отдохнуть несколько дней, может быть даже месяц. Но до конца зимы здесь все изменится к худшему. Я уже видел это в других подобных местах: постепенно собираются подонки, и вскоре весь город полон людей, которые умеют только убивать и красть. Закон здесь беспокоить их не будет, но цены высоки, и почти все они скоро промотаются.

Тогда эти люди начнут резать друг друга, и каждый обратится против каждого. Наиболее отчаянные начнут грабить местных крестьян, которые исчезнут, и мы будем голодать, а идти по-прежнему будет некуда.

Она мрачно кивнула.

— А может случиться и еще хуже, — продолжал Конан. — Когда город будет набит полностью, кому-нибудь из соседних царей придет в голову осадить и захватить его. А если цари возьмутся за это вместе, то они смогут избавиться от разбоя на многие годы. Этот город не выдержит осады регулярной армии. Стены низкие и разрушенные, мало у кого из подонков хватит храбрости для настоящего боя, и запасов продовольствия нет.

Конан сделал большой глоток и грустно уставился на огонь.

— Нет, не буду этого дожидаться. Останусь здесь на несколько дней, но не больше чем на месяц. Если ничего хорошего до этого времени не подвернется, отправлюсь в более обещающее место, даже если мне придется долго идти по враждебной территории.

— Мне всегда говорили, что вы, киммерийцы, пессимисты, и, кажется, это правда. Однако я чувствую, что ты прав. Это не то место, где можно оставаться долго. Ладно, может быть, что-нибудь вскоре подвернется. А пока отдохнем.

Конан кивнул, но мысли свои оставил при себе: он не покинет Лонха без этой женщины.

Глава 2

На следующий день Конан сопровождал Акилу и ее спутников на охоте. Он взял у гирканийцев на время лук, пообещав поделиться добычей, если что-нибудь подстрелит. Сделав несколько пробных вы-

стрелов по соломенной мишени, он решил, что вполне чувствует это оружие, и присоединился к группе Акилы у конюшни, где женщины и карлик занимались своими лошадьми.

— Что же, теперь посмотрим, стреляешь ли ты так же хорошо, как обращаешься с мечом, киммериец, — сказала Акила, нежно поглаживая лоснящийся бок гнедого мерина.

— Я умею обращаться со всеми видами оружия, — заявил Конан, ухмыльнувшись.

— Чему ты улыбаешься, бандит? — спросила она.

— Арпад оставил на тебе метки, — сказал он, касаясь ее щеки.

Огромный синяк расплзся от нижней челюсти почти до правой скулы, там, куда плашмя ударил клинок Арпада. Дикие женщины вспыхнули от фамиллярности киммерийца, но их царица лишь скорбно улыбнулась:

— Я получала и более тяжелые раны, и я бы не поменяла синяк на ту рану, что нанесла ему. Пойдем охотиться.

На равнине они охотились бы верхом, но на сильно пересеченной местности среди холмов это было невозможным. Для киммерийца идти по крутым каменистым склонам было привычно, поскольку всю свою юность он провел среди подобных холмов у себя на родине. Он с удивлением заметил, что Акила и ее женщины чувствуют себя в такой местности почти так же уверенно, как и он сам. Паина, Ломби и Экун бежали по склонам, перепрыгивая с одного обломка камня на другой так ловко и так беззвучно, будто олени, чуть пригнувшись для скорости, подняв головы и зорко следя за любыми приметами появления добычи или врага.

Царица их была такой же быстрой и неутомимой, явно наслаждаясь ролью хищницы. Она, не

морщась, босиком пробегала по самым неровным каменистым местам. Карлику Джебе приходилось трудиться, усердно работая короткими конечностями, чтобы поспевать за своими длинноногими подругами, но он, казалось, был сделан из железа и не отставал и не жаловался.

Все утро они выслеживали зверя и видели много примет добычи, но животные были осторожны. Около полудня охотники остановились передохнуть у ледяного ручья. Три женщины и карлик опустились на четвереньки и стали лакать, как звери, в то время как Акила пила спокойно из серебряной чаши. Конан, сев напротив, наблюдал за ней с откровенным восхищением.

— Ты удивляешь меня, — признался он. — Я все время слышал, что твой народ — народ наездников, как гирканийцы, чей дом — седло. Каждый такой кочевник с ужасом смотрит на пешие прогулки. Однако ты и твои женщины передвигаетесь здесь так, будто у вас раздвоенные копыта, как у горных коз. Как это вам удается?

— Гирканийцы! — Акила фыркнула. — Они изнеженные люди, совершенно беспомощные без своих лошадей.

Конан слышал разные отзывы о гирканийцах, но никто еще не называл их изнеженными.

— Мой народ не такой, как гирканийцы, — продолжала она. — Мы не держим стада коров и овец, чтобы питаться их мясом и молоком. Мы добываем пищу охотой, и в наших землях много зверей, которых невозможно добыть верхом. Мы любим наших лошадей, но если лошадь погибнет, мы не окажемся беспомощными.

Взгляд ее был сосредоточен на горизонте в северо-восточной стороне, будто бы она глядела через огромное пространство и годы.

— Ежегодно всех девочек, которым пошел пятнадцатый год, отправляют в северные холмы. Это

огромное необитаемое пространство, поросшее вереском, с множеством скал, где много густых зарослей кустарника. Там много дичи, но там много и хищников. Девочек оставляют одних. У каждой праща и нож. На следующий год оставшихся в живых забирают и оставляют новую партию. Нет, нам не нужны лошади, чтобы выжить.

— И сколько остается в живых? — спросил Конан.

— Обычно около половины. Иногда меньше. — Если судить по ее тону, то она вполне могла говорить о погоде.

— Вы суровый народ, — заметил киммериец.

— Все остальные народы — естественная добыча, — сказала Акила.

Киммериец не думал раньше, что в мире существует такой же яростный и выносливый народ, как его собственный, но это племя женщин, вероятно, очень близко к тому, чтобы быть таким народом.

— А ты? — спросил он у Джебы, который теперь сидел у ручья на корточках и вытирал рукой рот. Карлик улыбнулся:

— Я из Пограничного королевства. Ребенком я угодил в рабы к гиперборейцам и вкалывал в каменоломнях кайлом и кувалдой. Работа была не из приятных, но она сделала меня сильным. — Он сжал кулак, и на короткой руке выступили мощные мускулы. — Однажды я ударил надсмотрщика кувалдой по голове, и сотня нас бежала. Три года мы жили разбоем, совершая набеги на поместья гиперборейских землевладельцев, и с каждым годом нас становилось все меньше.

Он вздохнул и улыбнулся своим воспоминаниям.

— Жизнь была хорошая, но ей настал конец такой, какой и должен был настать. Меня схватили с оставшимися друзьями и отвели в ближайший город, чтобы казнить. Нас вывели на городскую площадь, заполненную радостной толпой. По одному из

моих товарищей выводили на середину площади и привязывали за щиколотки и запястья к четырем волам. Затем животных хлестали, они шли в четыре стороны, и люди разрывались. Толпа ликовала от такого зрелища. Затем настала моя очередь. Они положили меня на спину среди крови моих друзей и привязали по волю к каждому запястью и к каждой щиколотке. Но как бы сильно они ни били животных, я не разрывался. Я даже ничуть не вырос. Тогда они привязали по два кола к каждой конечности и уже приготовились испытать это. Но в этот момент моя царица и ее последовательницы напали на город. Горожане в ужасе бежали, и я остался с восемью волами и разорванными останками моих товарищей.

— Мы зарезали быков и съели, — объяснила Акила. Она улыбнулась и ласково провела рукой по густым волосам карлика. — Мои женщины уже были готовы зарезать и его, но я их остановила. Я подумала, что человек, выдержавший тягу четырех волов, может стать забавным товарищем.

— Милосердие всегда было твоей слабостью, моя царица, — сказала Паина.

Впервые Конан слышал, чтобы одна из женщин произнесла целую фразу.

— Хватит! — оборвала ее Акила.

— Прости меня, моя царица! — Женщина бросилась на землю перед Акилой и прижала лицо к ее босым ногам.

— Ладно, встань, — сказала Акила, погладив женщину по голове и спине, будто это была домашняя коцка. — Ты права, что ругаешь меня время от времени, но я лишь дважды сохранила жизнь людям мужского пола. Ты не должна упрекать меня из-за этого в мягкости.

— Ваш народ действительно убивает всех мужчин, которые к вам попадают? — спросил Конан.

— Да, убивает, — сказала она сурово, — и кстати, — она указала на склон за ручьем, где росли

кусты, — кажется, я вижу кончики рогов оленя. Идем туда.

Весь остаток дня они крались за оленем, который был очень осторожен и держался от них вдали. Когда солнце зашло, олень встал на вершине холма в двухстах шагах от них, будто издеваясь над охотниками.

— Слишком далеко, — сказала Акила, — и скоро стемнеет. Надо возвращаться в Лонх. Ляжем спать на голодный желудок, а завтра утром вернемся сюда. За ночь он никуда не денется.

— Ты слишком быстро сдаешься, — проговорил Конан, накладывая стрелу.

— Никто еще не обвинял меня в этом, — сказала она весело. — Посмотрим, на что ты способен.

Киммериец поднял левую руку, держащую лук так, что конец стрелы был направлен высоко вверх. Он натянул тетиву к уху. Затем отпустил ее. Тетива щелкнула, и послышался постепенно затихающий свист стрелы. На расстоянии ста шагов она шла вверх, все более уменьшаясь, затем начала снижаться и наконец совсем исчезла из виду. Несколько секунд спустя олень высоко подскочил, сделал три прыжка и упал.

— Ты не солгал, — сказала Акила. — Ты умеешь стрелять.

Умело действуя, свита Акилы выпустила кровь из оленя, выпотрошила и вычистила тушу. Три женщины и карлик принялись есть сырую печень оленя, запивая ее свежей кровью. Даже выпотрошенный, олень был тяжелой ношей, так что Конан и карлик по очереди несли его на плечах по дороге в Лонх.

Карлик понес оленя в «Красный орел», а царица и ее подруги отправились в конюшню к лошадям. Конан пошел с женщинами. Ему хотелось есть и пить, но он не желал расставаться с Акилой.

— Новые постояльцы, — сказала она, указывая на необычных животных в стойле. — Интересно, кто приехал верхом на таких чудюшах.

Животные, о которых она говорила, были парой необычно высоких верблюдов бледно-кремового цвета. Они принадлежали косматой двугорбой породе и совсем не походили на короткошерстных одногорбых верблюдов южных земель.

— Это прекрасные животные, — сказал Конан, смывая с себя кровь оленя. — Если ты, конечно, вообще любишь верблюдов.

— Не люблю, — ответила она. — Но допускаю, что они полезны. А также достаточно вкусны.

Войдя в таверну, они пошли к стойке, чтобы взять свой эль. Индулио похвалил их за хорошего оленя, затем наполнил рог Акилы и кружку Конана. Киммериец сдул пену и стал пить.

— Кто приехал на светлых верблюдах? — спросил он, ставя кружку на стойку.

— Те двое, — ответил Индулио, кивнув в сторону очага, где сидели и грелись две закутанные фигуры, чьи лица скрывали капюшоны. Перед ними стоял карлик, размахивая руками и споря.

— Джеба рассержен на них за то, что они заняли наше место, — сказала Акила. Она направилась к очагу, и Конан пошел следом.

— Успокойся, Джеба. Я не могу отказать усталым путникам в такую холодную ночь в месте у огня. Мир вам, путники. Откуда вы прибыли?

Конану было смешно смотреть, как царица разбойников изображает из себя милостивую госпожу. Он решил, что это из-за того, что одежда этих двоих была столь же превосходна, как и их верблюды. Киммериец заметил, что их длинные одеяния сотканы из шерсти той же породы верблюдов, что стояли в конюшне.

Ткань была очень теплая, легкая, как туман, и крайне дорогая. Путники подняли руки, чтобы скинуть капюшоны.

— Мы благодарим тебя, госпожа, — сказал тот, у которого была борода. — Твой шут очень злился на нас, но мы думали, что он преувеличивает твои достоинства и титул. Теперь мы видим, что он говорил правду. Просим прощения за то, что заняли твое место.

Путники хотели встать, но Акила жестом остановила их:

— Оставайтесь здесь и грейтесь. — Она скрестила ступни и села на камень у очага, сделав даже это с царским достоинством. — Но Джеба не шут. Его дубина не украшение.

Конан с огромным удивлением оглядывал новых гостей. Они были так похожи: гладкие темные волосы, тонкие черты лица, бледная кожа, черные глаза — близкие родственники, скорее всего, близнецы. Но один — мужчина, а другая — женщина. Остальная одежда, насколько Конан видел, была такой же хорошей, как и верхняя, а кольца, браслеты и ожерелья были очень дорогими. Киммерийца заинтересовало то, как им удалось остаться чистыми, проделав путь по холмам. Вероятно, они прибыли в первой половине дня, где-то нашли баню и переоделись.

— Как вы оказались в Лонхе? — спросил Конан эту аристократическую пару. — Здесь собираются одни лишь отпетые злодеи. Я бы решил, что вы будете искать более достойное жилище, хотя вряд ли в этом городе имеется широкий выбор приличных домов.

— Простите Конана за дерзкие речи, — сказала Акила. — Киммерийцы очень грубый народ.

Конан был удивлен тем, как легко она присваивала право вести беседу, но решил с этим смириться.

— Киммериец?! — произнесла черноглазая женщина. Голос ее был приятным и чистым. — Вначале изгнанная царица амазонок, теперь киммерийский

воин. Похоже, в этом караван-сараяе собираются все легендарные личности.

Акила недоуменно посмотрела на них:

— Что значит это слово, «амазонки»?

— Так у нас называют ваш народ, — сказал бородатый мужчина. — Хотя до этого момента я считал, что амазонки — это миф.

— А если говорить о том, почему мы здесь, — продолжила женщина, — то, прибыв в Лонх, мы спросили, где можно найти самых крепких людей. Мы не ожидали, что самым крепким человеком окажется женщина.

— Если вы искали воровской притон, то вы нашли его, — сказал Конан. — Я могу только удивляться тому, что вы еще живы и не распрощались со своими вещами. Нашему хозяину удастся сохранить мир в гостинице, но вы станете верной добычей, когда выйдете на улицу.

— Уверяю тебя, что мы не так уж беспомощны, — ответил мужчина.

Конан не видел у них оружия, кроме двух одинаковых, украшенных драгоценностями кинжалов, заткнутых за пояс.

— Для чего вы ищете крепких людей? — спросила Акила.

Женщина по имени Ломби начала массировать плечи царицы, глядя с явным презрением на новых гостей. Акила покрутила головой, разминая шею.

— Позвольте нам представиться, — сказала женщина. — Мы Монанд и Йоланта, — она показала рукой, дав понять, что первое имя относится к мужчине, второе — к ней, — из Икарии, что в Рабирийских горах.

— Вы забрели далеко от дома, — заметил Конан.

Эти двое не походили на зингарцев ни лицом, ни одеждой, но это мало что значило. Часто встречались изолированные сообщества, которые резко отличались по внешнему виду от соседей, живущих

всего в нескольких милях от них, да и путешественники часто одевались в то, что приобретали себе по пути.

— Мы далеко от Зингары, если это то, что ты имеешь в виду, — сказал Монанд. — Но это лишь небольшая часть проделанного нами пути.

— Те верблюды, — произнес киммериец, — они не местной породы. Судя по виду, они с востока.

— Так и есть, — ответила Йоланта. — Мы жили некоторое время в Самарре и Туране. До этого же мы провели некоторое время в Вендии.

— Вы такие молодые и уже так много путешествовали, — заметила Акила.

Каждому из вновь прибывших на вид было не больше двадцати лет.

— Мы непоседы, — сказал Монанд. — Мы все время хотим видеть новые предметы, новые народы, новые места. Мы не остаемся надолго в одном месте.

— Все это ради удовольствия? — спросила Акила. — Или вы что-то ищете?

Вновь прибывшие одновременно улыбнулись.

— И то и другое, — сказала Йоланта.

— А сейчас, — продолжил Монанд, — мы должны пойти к себе и отдохнуть. — Они встали и поклонились. — Большой честью для нас было познакомиться с тобой, госпожа. — Они повернулись и поклонились Конану, но не так низко. — Воин, доброй ночи. Возможно, завтра мы поговорим еще, если тебе будет это угодно.

— С нетерпением буду ждать, — сказал Конан.

Двое гостей повернулись и зашагали прочь. Когда они проходили мимо, люди за столами замолкали и не поднимали глаз от кружек или игральные карты. Теперь Конан понимал, как этим двоим удалось остаться невредимыми. Что-то в них заставляло даже этих людей чувствовать себя неуютно. Хотя они были одеты богато, никто не решался напасть

на них. Это странно, поскольку вид у этих двух путешественников был совсем не грозным. Но Конан хорошо знал, что опасность бывает различной, и понял, что Монанд не солгал, заявив, что они не так уж беспомощны.

— Что ты думаешь о них? — спросил Конан, когда путешественники ушли и шум в таверне возобновился.

— Они действительно странные, — ответила Акила. — Так похожи, что, должно быть, они близнецы. И то, как они говорят: вначале один, потом другой, будто разговариваешь с одним человеком с двумя голосами.

— Мне они не нравятся, — сказал Конан. — Что-то в них не так.

— Что именно? — спросила царица. — Я тоже это почувствовала, но я хочу удостовериться, заметил ли ты то же самое, что и я.

— Они проделали долгий путь по пустынным местам, однако вид у них такой чистый и свежий, будто они не покидали дома. Столь длинное путешествие оставило бы след даже на таких молодых людях, однако я не вижу, чтобы на них подействовали жара и ветер, труд и лишения. Внешность у них, как у детей аристократа или богатого горожанина, которые никогда не знали трудностей в жизни и за которыми всегда ходили слуги.

Акила кивнула:

— То же самое заметила и я. Лица их молодые, руки гладкие и без морщин. Но у них глаза взрослых людей с большим опытом. Не знаю, как тебе это описать, поскольку глаза их такие же ясные, как и у молодых, и вокруг нет морщин, но они мне кажутся очень старыми.

Конан кивнул:

— Да, понимаю, что ты имеешь в виду. И они так до сих пор и не сказали, для чего ищут самых крепких людей.

— Я чувствую, — сказала она, — что мы это очень скоро узнаем. Могу поспорить с тобой, что скоро они нам что-то предложат.

— Не буду вступать в такой безнадежный спор, — ответил Конан. — Всем ясно, что близнецы заинтересовались нами. Они ни с кем не говорили, если только это не произошло до нашего возвращения. — Он помахал Индулио, и хозяин подошел к ним. — Те два странных путешественника... говорили ли они с кем-нибудь до нашего возвращения?

Индулио помотал головой:

— Нет, они прибыли примерно за час до вас. Они распорядились, чтобы позаботились об их животных, и пошли к огню, и люди, сидевшие там, без слов уступили им место. Очень вежливая и воспитанная пара, не из тех, что обычно останавливаются у меня, но в них что-то есть такое, что заставляет людей уступать им дорогу.

— Не упоминали ли они, что ищут кого-то? — спросила Акила.

— Ничего конкретно, — ответил Индулио. — Один из них, не помню кто, спросил: «Это здесь можно найти самых крепких людей?» — я сказал, что самые буйные люди из соседних пяти стран собираются у меня. Они, казалось, были удовлетворены ответом. Затем взяли по кружке вина и пошли к очагу. О чем они говорили с вами?

Глаза его блестели от любопытства.

— Они большей частью рассказывали о путешествии, — сказал Конан. — О том, что недавно были в Туране, а до этого в Вендии, но нам трудно поверить, что такие молодые люди так далеко бывали.

— Не думаю, что они солгали, — сказал Индулио. Он засунул руку в свой кошелёк и вынул небольшую квадратную золотую монету, на которой было отчеканено красивое золотое изображение слона. — Этим близнецы заплатили за пищу, проживание и уход за верблюдами. Эта монета из Вендии.

В наших краях такие встречаются редко, так что я не стал опускать ее в ларец с остальными.

— Странная пара, — проговорил Конан. — Они мне не дают покоя.

— Деньги настоящие, — сказал Индулио. — На остальное мне плевать.

Глава 3

На следующий день они не пошли на охоту. В олени было много мяса, даже после того, как отдали долю гирканийцам, а за его прекрасную шкуру и рога они получили дополнительную порцию эля от Индулио. Акила и ее свита дрессировали своих лошадей, а Конан сидел во дворе конюшни и занимался своим снаряжением. Окружающие стены защищали от холодного ветра, и солнце пригревало.

Вначале киммериец осмотрел свой меч. Ножны были из тонкого дерева, обложенного изнутри коротко стриженной овечьей шкурой и обтянутого сверху промасленной кожей. Клинок был прямым и обоюдоострым, с глубокой канавкой для стока крови посередине. Короткая гарда и треугольное навершие рукояти сделаны из простой бронзы без каких-либо украшений. Рукоять вырезана из дерева, обмотанного бронзовой проволокой. Это оружие воина, предназначенное для тяжелой службы, и ни для чего больше. Конан осмотрел каждый дюйм своего оружия, проверив заточку, посмотрев, нет ли на блестящей поверхности следов ржавчины, ощупав сильными руками гарду и навершие на прочность.

Довольный тем, что его меч в превосходном состоянии, киммериец вынул кинжал. Его широкое лезвие имело тринадцать дюймов в длину, острое по одной кромке. Другая кромка была толстой, доста-

точно прочной для того, чтобы кинжал не сломался даже под очень сильным ударом. Острие было крепким, таким, что им можно запросто проткнуть кольчугу. Рукоять сделана из оленьего рога, навершие представляло собой простое бронзовое утолщение. Конан каждый день пользовался кинжалом, так что он подправил лезвие бруском.

Вложив оружие в ножны, он сел и принялся наблюдать, как Акила и ее женщины скачут на лошадях: они были такими умелыми наездниками, что казались слитыми с лошадьми в одно целое. Вместо седел амазонки пользовались лишь легкими подушками, закрепленными широкой плетеной подпругой. Управляли животными они при помощи веревочной узды, не применяя железные удила. Женщины не использовали стремян, а просто сжимали бока лошади своими сильными ногами.

Лонх киммерийцу уже надоел. Мысль о том, что здесь придется провести зиму, была невыносима. Если бы ему заплатили после удачной военной операции, он бы мог играть и пить в холодные месяцы, но его положение было совершенно иным. Если все занятия сведутся к тому, чтобы охотиться и есть, то он предпочитает жить в пещере. Лишь одно удерживало его здесь. Когда Акила соскочила с коня, он подошел к ней.

— Я передумал оставаться в этом городе, — сказал Конан. — Хочу отправиться туда, где есть что-нибудь еще, кроме подонков, весь день кидающих игральные кости.

Она улыбнулась, отчего шрам на щеке сделался глубже.

— Человек дела, да? Ладно, я понимаю, как ты себя чувствуешь. Я бы тоже ушла отсюда. Вопрос только — куда?

Киммериец вытянул руку, указывая на юг:

— Туда. В теплые земли. И лучше уходить поскорее, пока снег не закрыл перевалы.

— Как много ты пройдешь? — спросила она. — В той стороне лежат Замора и Коринфия. Патрули стоят на каждом приграничном перекрестке. А между перекрестками разъезжают конные патрули. Сколько ты сможешь пройти?

— Я не буду никого грабить, — возразил киммериец.

Акила расхохоталась:

— Это ничего не значит. — Она оглядела его так же откровенно, как он до этого оглядывал ее. — Каждый дюйм в тебе выдает злодея, а дюймов в тебе много. Тебя запрут в подземелье за один только внешний вид. Никто не примет тебя за путешествующего торговца или святого пилигрима. В беспокойные времена искатели приключений бродят, как им вздумается. В дни мира любой, у кого нет хозяина или начальника, подозрителен.

— Ты права, — признался киммериец. — Но я не высижу целую зиму среди этой груды камней.

— Потерпи, — посоветовала Акила. — У меня есть предчувствие, что скоро нам что-нибудь подвернется.

В этот вечер, когда они сидели напротив очага и макали куски грубого хлеба в густой бульон, снова появились таинственные близнецы. Весь день их никто не видел, и они вошли в общий зал точно в таком же виде, как и прошлым днем.

— Разделите с нами обед, — пригласила их Акила, указывая рукой на стол перед собой.

Они поклонились.

— Благодарим тебя, но мы уже подкрепились в наших комнатах, — сказала Йоланта. — Однако мы с вашего позволения с удовольствием сядем к вам.

Они сели на скамью, и Индулио подал им чаши с подогретым вином. Они взяли металлические чаши и стали греть о них руки.

Конан присел на камень у очага.

— Прошлым вечером, — сказал он, отставляя пустую плошку, — вы говорили о том, что ищите людей, обладающих изрядными физическими способностями. Для чего вам нужны такие люди?

— Я и моя сестра, — Монанд в первый раз упомянул о том, кем они являются друг другу, — всю жизнь искали одно место, не зная, где оно. Теперь нам это известно, но путь туда долог и труден и, кроме того, сопряжен с опасностями.

— Если вы уже столько путешествовали, — сказал Конан, — вас не должны пугать опасности.

— Действительно, — ответила Йоланта, и во взгляде ее сквозила насмешка, — но у нас есть средства избегать насилия. Однако в этом случае все иначе. Если мы хотим добраться до того места, которое мы ищем, нам не избежать на пути битвы. Мы не можем взять с собой много людей, поэтому те, что пойдут с нами, должны превосходить остальных в доблести.

Минуту все молчали. Затем заговорила Акила:

— Мне ясно, вы хотите нам что-то предложить. Мы готовы слушать.

— Слышали ли вы когда-нибудь о затерянном Джанагаре, городе Опаловых ворот? — спросил Монанд.

— Название ничего мне не говорит, — сказала Акила.

— Никогда не слышал о нем, — ответил Конан.

— В течение многих лет, — продолжала Йоланта, — город существовал для нас лишь как имя в некоторых очень древних текстах. Говорят, что Джанагар стоял еще до того, как океан поглотил Атлантиду, и что он был заселен в течение пяти тысяч лет и с каждым столетием становился все более великолепным.

— Но вдруг, — сказал Монанд, подхватив нить повествования, — на вершине славы прекрасный Джанагар был оставлен жителями. В одну странную

ночь все жители ушли из города, и никто из них не вернулся. Рассказы, которые они распространили, заставили других избегать весь тот район; и земля, когда-то дававшая богатые урожаи, превратилась в пустыню. Со временем люди позабыли даже место, где раньше был город.

— Я слышал много подобных рассказов, — сказал Конан. — Во время своих путешествий я часто встречал развалины великих когда-то городов. И что вас привлекает именно в этом городе?

— Джанагар был невообразимо богат, — сказала Йоланта, и глаза ее заблестели.

— Руины, о которых я говорил, — возразил Конан, — тоже когда-то были полны богатств. Но теперь они лишь груда камней, не богаче захудалой деревушки, и живут там лишь лисы и совы.

— Большинство городов приходит в упадок в течение долгого времени, — заметил Монанд. — Обычно они ослабевают, их берет штурмом и грабит враг. Когда люди уходят добровольно, они все ценное забирают с собой. Но все рассказы о Джанагаре сходятся в одном: когда люди бежали, они почти ничего не взяли с собой. После того как город был оставлен, никто туда больше не ходил, и город был потерян для мира людей на многие века.

— И вы считаете, что богатства Джанагара не тронуты? — спросила Акила. Она сделала большой глоток из рога.

— Считаю, — ответила Йоланта. — И теперь мы знаем, где этот город. Что вы знаете о землях южнее Хаурана?

— Я никогда не бывала южнее центральной Заморы, — призналась Акила.

— Я бывал и дальше на юге, — сказал Конан. — Какую область вы имеете в виду?

Заговорил Монанд:

— Что вы знаете о местности между Хорайей и городами Замбула и Кутхемес, севернее реки Стикс?

Конан нахмурился:

— Пустыня, самая дикая и безводная, какую я только видел. По ее краям рыскают хищные племена, но в глубь пустыни отправляются лишь караваны, берущие с собой достаточно пищи для людей и корма для верблюдов.

— И там лежит затерянный город Джанагар, — сказала Йоланта. — Туда мы и направляемся. Поедете с нами?

— Далеко и до самого Хаурана, — проговорил Конан. — Это там начинаются по-настоящему дикие места. Почему бы вам не подождать, пока не доберетесь до Хаурана и там не подыщите себе телохранителей, если вы привыкли путешествовать одни?

— Изучая тексты, содержащие указания на местоположение города, — сказал им Монанд, — мы узнали, что туда стремятся и другие. Они, возможно, знают о нас, как и мы о них. Соперники могут напасть на нас в любой части пути. Нам необходимо иметь защиту уже сейчас.

— Кто эти соперники? — спросил Конан. — И почему вы так уверены, что они опасны для вас?

— Мы не имеем понятия о том, кто они, — сказала Йоланта, — но рисковать не следует.

— Что вы нам предлагаете? — снова задал вопрос Конан.

— Долю сокровищ, как только найдем город. Пищу для людей и животных во время всего пути, — ответил ему Монанд.

— Предложение не очень надежное, — проворчал Конан.

Йоланта улыбнулась:

— Ваше положение здесь более привлекательно?

— Правильно, во имя Вечного неба! — выругалась Акила. — Там по крайней мере тепло. Да, я еду с вами.

Конан не доверял этим близнецам, и предложение ему не нравилось, но он не хотел упускать Акилу.

— У меня нет лошади, — сказал он.

— Мы дадим тебе ее, — сказал Монанд. — Здесь есть еще достойные люди?

Согласившись, Конан попытался выкинуть из головы недобрые предчувствия. Он кивнул в сторону соседнего стола, где сидел Ки-Де с пятью товарищами:

— Те гирканийцы кажутся мне людьми, знающими дело. Они прекрасные наездники и лучники по праву рождения, и разбой — их наследственный промысел. Все остальные здесь просто подонки.

— Гирканийцев я не знаю, — произнесла Акила, — но подтверждаю, что остальные подонки.

— Им тоже понадобятся лошади, — сказал Конан. — Вы сможете им дать их?

— Сможем, — ответила Йоланта. — Ты поговоришь с ними?

— Поговорю, — ответил Конан.

— Ты им можешь сказать, что это опасное путешествие на юг за сокровищами, — предупредил его Монанд. — Больше ничего не говори. Не хочу, чтобы кругом обсуждали наше предприятие.

Близнецы поднялись.

— Завтра утром, — объявила Йоланта, — мы купим лошадей. Отъезжаем до полудня.

После этих слов брат с сестрой развернулись и покинули зал. Конан взял одну из чаш с вином, к которому близнецы так и не притронулись, и осушил ее.

— Ладно, взялись, — сказал киммериец. — Эти двое — сумасшедшие.

— Ну и что? — ответила Акила, улыбаясь. — Разве ты сам сейчас не сказал, что хочешь отправиться на юг? С такими воспитанными, явно знатного происхождения людьми нас не примут за бан-

дитов, а посчитают наемными охранниками, занятыми вполне законной работой. По крайней мере, так мы пройдем по Заморе, а дальше разбоем можно заниматься без помех.

— Возможно, — проговорил Конан. Он подал царице другую чашу и пошел говорить с гирканийцами.

На следующее утро они выехали из Лонха, киммериец и гирканийцы скакали на новых лошадях.

Когда они подъехали к границе Заморы, Конан скакал впереди. Предполагаемая граница с Бритунией лежала вдоль самого северного отрога Карпашских гор, но единственным свидетельством этому был каменный обелиск, который установил там один заморийский царь много веков назад, прославляя себя, своих предков и свои деяния и заявляя, что вся земля к югу принадлежит Заморе. В этой высокогорной пустыне ни одно государство не устанавливало постов и пограничных патрулей.

Настоящая граница лежала на много миль дальше к югу, там, где дорога, переходя через перевал, вела в плодородную низину. К этой границе и приближался Конан на пятое утро их путешествия. В полумиле позади скакала Акила со свитой, затем двигались близнецы на своих высоких верблюдах, и в самом конце ехали гирканийцы. Вновь очутившись в седлах, степняки были счастливы и довольны, их не волновала сомнительность предприятия, они радовались, что свободны от нового неразумного кагана.

Съехав со склона, Конан увидел грубо выстроенный форт со стенами из сырого кирпича. На единственной куцей башне трепыхался от ленивого ветра заморийский флаг. Насколько киммериец мог видеть, его еще не заметили. Когда он грустно размышлял о том, что его ждет впереди, он услышал за спиной стук копыт лошади Акилы.

— Что ты здесь стоишь? — спросила Акила, подъезжая к нему.

— Просто пытаюсь вспомнить, не хотят ли в этих краях меня повесить, — ответил Конан. — Я уже давно здесь не был.

Она нахмурилась:

— Я никогда не разбойничала в этих областях. Я обычно переходила Кезанкийские горы далеко к юго-востоку отсюда и беспокоила центральную часть страны. Хотя, полагаю, мое имя и описание внешности были переданы во все части страны.

— Можем надеяться только на то, что те, кто нас нанял, сумеют уговорить охрану, — сказал ким-мериец. — Если на нас нападут — а их там слишком много для нас, — поскачем назад в горы и пойдем на запад. Попытаемся перейти по другому перевалу в Коринфию.

— План кажется хорошим, — проговорила Акила.

Через несколько минут подошли верблюды. Лошади зафыркали и начали пританцовывать: им не нравился запах этих благородных животных. Монанд и Йоланта сидели в небольших шатрах между горбами верблюдов, и сейчас, когда животные остановились, они выглянули и осмотрели открывшийся им вид.

— Граница? — спросил Монанд. — Хорошо. Подождите, пока не подойдут другие, и тронемся все вместе.

До них издали донесся звук. Это затрубил горн.

— Нас заметили, — сказал Конан.

Подъехали гирканийцы и принялись с интересом наблюдать за происходящим.

— Сейчас мы поедем туда, — сказала Йоланта. — Вы поскачете следом, и все разговоры предоставьте нам. Едем.

Верблюды зашагали вперед, и все остальные поскакали следом.

Когда они спускались по последнему склону, из ворот форта выехала колонна всадников, блестя шлемами, броней и наконечниками копий. Один всадник нес знамя. В середине скакали двое офицеров в кирасах из блестящей стали и в позолоченных шлемах с цветным плюмажем. Приблизившись к путешественникам, всадники перестроились из колонны в шеренгу и перегородили дорогу, после чего они остановились и офицеры подняли руки, давая понять, что небольшой караван тоже должен прекратить движение.

— Откуда вы и за чем направляетесь? — спросил офицер постарше, в то время как другой полез в сумку, привязанную к седлу, и вынул свисток и письменные принадлежности.

— Я Монанд, а это моя сестра Йоланта. Мы ученые из Зингары, держим путь через вашу страну в южные земли.

— Есть ли у вас товары, подлежащие таможенному обложению? — спросил тот же офицер.

— Мы не торговцы, — сказала ему Йоланта. — Как вы видите, у нас нет вьючных животных, кроме тех, что везут наши вещи.

— Мы должны посмотреть, нет ли кого из ваших охранников в списке «Задержать при встрече», — сказал офицер. — Пусть они...

— Подожди, — прервал его другой офицер, косясь на Конана. Он положил свиток в сумку и вынул другой, поменьше. — Не думаю, что нам нужен список «Задержать при встрече». Видишь того подлеца с черной гривой, сидящего на гнедой лошади? Мне кажется, что он в списке «Убить на месте». И эта большая светловолосая потаскуха рядом с ним тоже в том же списке.

Он развернул меньший свиток и просмотрел его.

Конан напрягся и приготовился прищипорить лошадь, но Монанд обернулся и с любопытством посмотрел на него, едва заметно улыбаясь. Затем он снова обратился к всадникам.

— Я не вижу описываемых вами людей, — заявил он.

— Вероятно, восходящее солнце светило в глаза, — сказала Йоланта.

Более старший офицер раздраженно посмотрел на подчиненного.

— Что с тобой, Маний? Я не вижу никого с черными волосами и никакой женщины, здесь только группа грязных гирканийцев, каких часто нанимают охранять караваны.

Другой офицер покосился на путников:

— Но... Я бы мог поклясться... — Он отвернулся и потряс головой.

— Слишком яркое солнце, — произнес его начальник. Он передал Монанду лист пергамента: — Это пограничный пропуск. Отдадите его, когда будете покидать Замору. Теперь ступайте.

Офицер развернулся и поскакал прочь, его всадники последовали за ним.

Караван двинулся и вскоре миновал форт.

— Как ты это сделал? — спросила Акила.

Монанд холодно улыбнулся:

— Как я уже говорил, мы не так уж беспомощны.

Конан еще не совсем успокоился.

— Он даже не взял с нас пограничной и дорожной пошлины.

— Действительно не взял, — сказала Йоланта. — И как он мог позабыть? Вероятно, здесь что-то есть в воздухе.

Она задернула занавеску на своем паланкине, и Монанд сделал то же самое.

Конан, как обычно, поскакал впереди. На этот раз Акила поехала рядом с ним.

— Что ты об этом думаешь? — спросила она киммерийца.

— Меня это не удивляет, — сказал он ей. — Я уже говорил, что они мне не нравятся, а теперь они

мне нравятся еще меньше. Они занимаются колдовством, а я этого не люблю.

Акила пожала плечами:

— Не всякий, у кого есть несколько полезных заклятий, является злым колдуном. Близнецы избавили нас от многих беспокойств.

— Да, я бы не хотел, чтобы тот отряд гнался за мной, во всяком случае, если у меня заранее не будет большого отрыва. Но мне не нравится то, как эти двое все сделали. Они не воспользовались ни магическими словами, ни порошками, ни зельем. Кажется, что они подчинили себе людей одной лишь силой сознания.

— Раньше я такого не видела, — призналась Акила. — Все походило на то, как кобра заволаживает свою жертву силой взгляда. Но даже если так, мне нет до этого дела. Лишь бы не испытывали своих фокусов на мне, а с заморийцами пусть делают что хотят.

Этим вечером они прибыли в первый заморийский городок, состоявший из расползшихся во все стороны низеньких домишек и небольших храмов, где на тонких башенках в любое время били в гонги. С алтарей богов поднимался ароматный дым, а на рынке шла обычная бойкая торговля. Городок был не больше Лонха, но намного привлекательнее.

Сразу за городом стояли развалины когда-то огромного храма. Явно эта область раньше была несравненно богаче и более плотно заселена. Руины храма занимали два или три акра земли; и их окружала невысокая каменная стена. Башня храма поднималась на сотню футов и заканчивалась обломанным пеньком, но раньше явно была намного выше. Перед тем, что раньше было внушительным входом в храм, стояли угловатые статуи божеств-хранителей или демонов. По мере того как приближалась ночь, к гнездам на башне слетались аисты.

— Разобьем лагерь здесь, — сказал Монанд, указывая на поросший травой участок прямо за стеной храма, туда, где из гротескной каменной головы в длинный желоб лилась вода.

— Почему бы не остановиться в городе? — спросил Конан.

— Мы предпочитаем, когда это возможно, держаться от людей подальше, — объяснила ему Йоланта. — Здесь много воды и травы. Расположитесь здесь, а потом, если захотите, можете отправиться в город.

Все слезли с коней, кроме двух гирканийцев, которым поручили набрать дров. Конан, Акила и ее свита, напоив лошадей, отошли немного, чтобы привязать животных. Сочная трава доходила до колен.

— Здесь действительно хорошая трава, — проговорил Конан, глядя на город. — И я бы хотел знать почему. Посмотри туда. — Он указал на холмы за городом, где на склонах горело множество огоньков. — Это пастухи, охраняющие свои стада. Почему они не здесь, где есть вода и такая хорошая трава? Траву, похоже, не щипали много лет.

Акила пожала плечами:

— Возможно, этими пастбищами много пользовались, и теперь земля отдыхает. Какое тебе дело до пастухов? Они всего лишь добыча для людей, сильных духом.

— До них мне нет дела. Просто... — Он помолчал, не в состоянии выразить свое предчувствие. — ...Просто это часть того, что мне не нравится в этом путешествии.

За спиной вдруг послышался шелест крыльев, и Конан резко развернулся, выхватив наполовину меч, и чуть не выругался. Над храмом черной тучей поднялась стая летучих мышей.

Акила рассмеялась:

— Сегодня ты очень пуглив, киммериец! Это всего лишь мышки с крыльями полетели искать себе обед. Кстати, я тоже не отказалась бы от него.

Несколько смущенный тем, что проявил свое беспокойство, Конан с силой отправил меч обратно в ножны, отчего гарда громко звякнула о железный ободок. Он пошел следом за амазонкой, как всегда восхищаясь ее упругой походкой, которая никогда не теряла для него своей соблазнительности.

Они оставили одного гирканийца охранять животных, а сами направились в город, чтобы скрасить монотонность путешествия. Монанд и Йоланта предпочли остаться в своих паланкинах, безразличные к удовольствиям, какие мог предложить городок.

Путешественники нашли постоялый двор, который обслуживал караванщиков, и позабыли обо всем. Хотя до центров цивилизации было далеко, пища и вино, подававшиеся здесь, были намного лучше того, что можно было достать в горах, а также намного дешевле. Местные жители с удивлением глядели на путешественников, но никаких неприятностей не произошло.

Когда они возвращались, над разрушенной башней всходила луна, заливая серебряным светом лишайники и лианы, которыми поросли развалины. Камни руин храма мягко блестели, и углубившиеся тени ясно выделяли резьбу. Нежный ветерок наполнял воздух шуршанием травы. У палатки на коленях отдыхали верблюды, а за ними стояли, понутив головы, лошади. Картина была мирной, но Конану она не понравилась.

— Что-то не так, — шепнул он своим товарищам.

— У тебя всегда что-то не так, — сказала Акила.

— Все прекрасно, — заявил Ки-Де, покачиваясь оттого, что выпил намного больше киммерийца. — Травы много, грозы нет, солдаты за нами не гонятся, — что еще может произойти?

Остальные гирканийцы рассмеялись, придерживаясь того же мнения. Все они несли с собой бурдюки вина и каждые несколько шагов пили из них.

— Точно не знаю, — проворчал Конан, — но скоро выясню.

Все остальные пошли ложиться спать. В такой тихий вечер это означало, что люди просто ложились на мягкую упругую траву и заворачивались в одеяло.

Киммерийцу, однако, было беспокойно. Предчувствуя что-то, он посидел у костра, подождав, пока остальные уснут, затем встал. Поправив на поясе оружие, он зашагал прочь от костра.

Что-то — Конан и сам не знал что — тянуло его к развалинам храма. Посередине осыпавшейся стены чернела островерхая арка, которую уже не закрывали давно сгнившие деревянные двери. Киммериец раздвинул лианы, заслонявшие вход, и шагнул внутрь.

Когда он вошел во двор, от него метнулась пугливая лиса. Во мраке заушала сова. В остальном все было тихо и спокойно. Беззвучно, будто привидение, киммериец пересек двор, бесшумно ступая сапогами по цветным плиткам. Когда-то они образовывали яркие узоры и картины, но солнце за столетия стерло их славу, и теперь при свете луны они сохраняли лишь намек на свою былую красоту.

В дальнем конце двора темнел сам храм, и рядом с ним стояла разрушенная башня. Сквозь зияющую дверь храма и длинные узкие окна киммериец увидел неясное мерцание. Окна удивительным образом еще сохранили кусочки красного стекла, и это делало сцену еще более жуткой. Медленно и очень осторожно, сжимая рукоять меча и готовый ко всему, Конан подошел к храму.

К двери храма вела лестница. Он взобрал по ней, едва касаясь камней подошвами сапог. Конан задержался на вершине лестницы и прислушался. Он услышал, как в двадцати шагах от него в траве ползет

змея, но он не слышал звуков внутри храма. Укрываясь в падающей от стены тени, Конан прокрался сквозь дверь.

Стены храма в основном сохранились, но крыша обрушилась, и над головой было небо. Из-под пола пробивалась трава, а на стенах росли лианы, кусты и даже небольшие деревья. Но в дальнем конце храма находилась темная ниша, в которой стоял алтарь. На алтаре горели несколько свечей, а перед ним стояли две фигуры.

Монанд и Йоланта сняли свои широкие плащи с капюшонами и теперь стояли в белой одежде без рукавов. Одежда мужчины, казалось, была из толстого шелка. Одежда же Йоланты — из такой тонкой ткани, что пламя свечи просвечивало насквозь и было видно стройное тело. Эти двое в абсолютной тишине совершали какой-то ритуал. Они шагали перед алтарем, выполняли точные повороты, таинственным образом то поднимали, то опускали руки, описывая пальцами символы с невероятной быстротой.

Держась тени у стены, киммериец пробрался ближе к загадочной паре. Когда он приближался, то заметил, что близнецы шевелят губами, будто они говорят или, судя по ритмичности движений, что-то произносят нараспев. И все это без единого звука. Глаза их были широко раскрыты, но, казалось, не видели или, скорее, — подумал киммериец, — они видели вокруг себя что-то другое, а не разрушенный храм.

Подойдя еще ближе, Конан отделился от стены и перебрался в тень, падающую от стоявшего с одной стороны от ниши пьедестала высотой в рост человека. Когда-то пьедестал поддерживал статую в два раза выше человека, от которой остались только ступни и щиколотки. Остальная ее часть была теперь кучей обломков, лежащих на полу. На другой стороне ниши стоял такой же пьедестал, и статуя на нем была цела, не хватало лишь головы.

При лунном свете Конан разглядел, что скульптура изображала человека или антропоморфного бога в изящной одежде.

Сейчас близнецы развернулись лицом к алтарю и подняли руки прямо перед собой, так что локти были вровень с плечом, предплечья направлены вертикально вверх, а раскрытые ладони развернуты к небу. Губы синхронно двигались, но звука по-прежнему не было. Вдруг Конан заметил, что в нише есть еще один человек. Киммериец потряс головой, удивляясь, как он не разглядел этого человека раньше.

Он сидел, скрестив ноги на алтаре, укутанный в белые одежды. Лицо его было величественно, и его обрамляла серебряная веерообразная борода, доходящая до груди. Голову покрывал белый платок, вышитый серебряной ниткой. В глазах виднелись только белки, как у слепого.

Близнецы опустили руки, но по-прежнему, казалось, говорили. Человек на алтаре будто бы отвечал им, поскольку его губы и борода шевелились, но звука не было. Все трое вели себя так беззвучно, что, если бы киммериец не слышал ночных шорохов из-за стены храма, он мог бы подумать, что оглох.

Те трое продолжали свой странный разговор, но Конан никак не мог найти объяснения тому, что происходило у него перед глазами. Настоящий ли это человек? Демон? Бог? Кто бы это ни был, но у Конана по спине бегали мурашки, однако он не чувствовал отвращения, которое всегда охватывало его в присутствии черной магии.

Чувствуя, что здесь он больше ничего не узнает, Конан прокрался назад и выбрался из храма. Луна высоко взошла, и вдаль он видел пастушеские костры. Конан задержался у их собственного костра, взял бурдюк, оставленный кем-то из гирканийцев. Перекинув бурдюк через плечо, он пошел к ближайшему пастушескому костру. Проходя по полю, Конан

услышал, что кто-то крадется параллельно его пути, и легкий ветерок донес до его ноздрей запах волка. Это ничуть не взволновало киммерийца. Ни один волк не станет нападать на человека, когда вокруг столько овец и телят.

Когда на него упал свет костра, пастухи вскрикнули и похватали копья, вскакивая на ноги.

— Кто ты? — спросил седобородый пастух, одетый в грубые шкуры.

Вместе с ним были молодой человек и мальчик лет двенадцати. Копье в руках у мальчишки слегка дрожало, но мужчины держали свое оружие твердо, лица их были суровы. Конан в юности тоже был пастухом и знал, что эта работа не для трусливых, тем более там, где водится множество волков, медведей и львов.

— Друг, — ответил Конан, подняв бурдюк. — Я остановился с товарищами у старого храма.

— Значит, ты один из тех дураков, — сказал молодой человек.

Убедившись в том, что Конан один, пастухи опустили оружие.

— Дураков? Почему?

Пастух постарше взял предложенный бурдюк:

— Садись к нашему костру. Он сказал так, потому что вы разбили лагерь в проклятом месте.

Вокруг обложенного камнями костра лежали бревна, и трое пастухов сели на одном из них, в то время как Конан сел напротив.

— Я тоже так подумал. Там высокая трава и много воды. Такое редко встретишь на пастбищах...

— Да, — сказал молодой человек. — Место приятельное. Но мы не ходим туда.

Каждый по очереди выпил из бурдюка, и мальчик отдал его Конану. Он выпил вина и передал бурдюк бородатому пастуху.

— Каким образом вы не даете скоту забредать в ту траву? Я не видел забора.

— Нам не нужно удерживать их, — сказал седобородый мужчина, — поскольку животных даже не загнать туда.

— Это правда, — подтвердил молодой человек. — Коровы и овцы съедают траву в пятистах шагах от проклятого храма, но даже не ущипнут травинки дальше этой черты. Посмотри на это место при дневном свете, незнакомец. Высокая трава образует правильный квадрат с прямыми сторонами, будто их наметил строитель, протянув веревку между двух колышков.

— Как это получилось? — спросил киммериец.

— Говорят, — начал рассказывать седобородый пастух, — что Ардубал Девятый, великий царь, правивший на Заморе много-много лет назад, оскорбил богов стремлением к колдовскому знанию. В этом храме он совершал чудовищные ритуалы. В одну ночь на вершине своей славы Ардубал принес в жертву на алтарь этого храма тысячу человек, немедийских пленников. Боги, разгневанные такой мерзостью, разрушили храм, погубили царя и прокляли это место. Замора пала перед Немедией, и целое поколение выросло под немедийским игом.

— Да, так говорят, — сказал молодой человек. Мальчик, от которого Конан еще не слышал ни слова, кивнул.

Рассказ не удовлетворил киммерийца, но он был уверен, что пастухи большего рассказать ему не смогут. Когда бурдюк опустел, Конан возвратился в лагерь и лег, завернувшись в одеяло, чтобы спать. Какой бы она ни была проклятой, но на этой мягкой упругой траве спать очень удобно.

На следующее утро, когда они свернули лагерь и приготовились двинуться в путь, Конан подошел к близнецам и обратил их внимание на необычный квадрат, образованный травой.

— Действительно странно, — высказал свое мнение Монанд. — Но ведь мир полон подобных маленьких тайн.

— Прошлой ночью я слышал легенду об этом месте, — сказал Конан и пересказал брату с сестрой то, что узнал от пастухов, не упомянув, что следил за ними перед тем, как пойти к местным жителям.

Близнецы рассмеялись, и затем Йоланта заговорила:

— У селян всегда есть истории, объясняющие загадочные явления в их местности. Обычно в историях фигурирует какой-нибудь знаменитый персонаж. В этих краях им всегда являлся Ардубал Девятый, который был великим царем, но в конце концов отдал Замору немедийцам.

— Он действительно занимался колдовством?

— Кто знает? — сказал Монанд, пожимая плечами. — Но он не имеет никакого отношения к этому храму. Для селян все, что произошло до времен их прадедов, — далекая древность, и в их легендах деятели и события, разделенные веками, стоят рядом. На самом деле Ардубал Девятый царствовал всего триста лет назад. Однако любой, кто хоть сколько-нибудь путешествовал и видел различные руины, скажет, что этот храм, — он обвел рукой унылые развалины, — лежит разрушенным более тысячи лет.

Конан вновь оглядел храм.

— Да, — признал киммериец, — он прочно построен. Нужно больше трехсот лет, чтобы повалились эти глыбы, а на стенах выросли деревья. — Конан ненадолго задумался, затем спросил: — Тогда что, по-вашему, здесь произошло?

— Почему ты так интересуешься? — спросила Йоланта.

— Потому что ни одно местное животное не ест этой травы, — ответил Конан. — Но наши животные с удовольствием щиплют траву и пьют воду. Как это так?

Монанд нахмурился:

— И вреда им это не приносит. Мы наняли тебя охранять нас, потому что ты знаешь южные земли, киммериец. Тебе не надо беспокоиться о таких пустяках. А сейчас, я думаю, тебе лучше заняться собственной лошадьё. Мы скоро отправляемся.

— Как хотите, — ответил Конан.

Ему было интересно знать, что же задумали эти двое, но он понимал, что сейчас он ничего не выведает. Когда киммериец уходил, близнецы глядели ему вслед с таинственным выражением на лицах.

Глава 4

Путешествие на юг привело отряд в низины с более теплым климатом. Много было возделанной земли, но также было много и свободной земли, изобилующей дичью. Поскольку Конан, гирканийцы и товарищи Акилы являлись превосходными охотниками, им редко приходилось покупать провизию, и таким образом они избегали больших городов, где им могли задавать вопросы. Небольшой караван прошел между городами Шадизар и Арэнджун, и через несколько дней они подошли к границе страны Коф.

После происшествий у разрушенного храма больше не было сверхъестественных проявлений, но Конан по-прежнему с подозрением глядел на нанявших его. Остальных его товарищей явно не мучили никакие опасения, и они радовались теплоте климату, регулярной и обильной пище и отсутствию преследователей.

Если бы не его инстинктивное отвращение к колдовским действиям, Конан и сам бы радовался тому, что ему так повезло. Но те странные явления, ко-

торые он видел, заставляли его не терять бдительности, и миссия этих скрытных близнецов его тоже беспокоила. Их охота за сокровищами казалась ему пустой затеей.

И другое задевало самолюбие Конана. Его попытки достичь большей близости с Акилой неизменно встречали отпор. В отличие от большинства других женщин, на нее явно не производили впечатления его физические данные. Если она и признавала его воинские качества, то очень хорошо это скрывала. И что еще хуже, три женщины и карлик ни на минуту не оставляли ее. Каждый раз, когда киммериец подходил к Акиле, они тоже оказывались рядом, сжимая оружие. Они были готовы зарубить его при первом признаке угрозы, и Конан подозревал, что эти три дикие кошки посчитают любой, самый невинный жест достаточным поводом для убийства.

Они вышли к границе между Заморой и Кофом у самой восточной части последнего: район засушливых, поросших травой равнин, отданных огромным стадам крупного рогатого скота с косматой шерстью. Наблюдатели у границы не побеспокоили путников, поскольку теперь они были в землях, где ни цари, ни местные вожди почти не обращают внимания на то, как грабят путешественников или оседлых жителей.

— С этого момента мы будем держать луки наготове, — сказал Конан, когда они вошли в Коф. — А ночью удвоим посты. Здесь множество разбойников и бандитов всех сортов, но они не решатся приблизиться к вооруженной группе, сохраняющей бдительность, тем более ясно, что у нас нет большого богатства.

— Кто тебя назначил нашим начальником, киммериец? — проворчал Джеба.

— Да! — произнесли все три женщины, как всегда ревниво оберегая авторитет своей царицы.

— Хи-хи-хи! — рассмеялся тоненьким смехом Ки-Де. — Бунт женщин и карликов! Прямо как в старой басне!

Женщины и карлик потянулись к оружию.

— Прекратить! — приказала Акила. Тут же ее последователи замерли. — Он слишком много на себя берет, но в его совете нет ничего плохого. Теперь, когда опасность увеличилась, мы не должны ссориться между собой.

— Кром! — рассердился Конан. — Кто же в таком случае здесь главный? Когда среди ночи нападут разбойники, у нас не будет времени делить авторитет!

Близнецы, скрытые в своих шатрах на спинах верблюдов, казалось, не замечали спора, но после слов киммерийца они высунули головы из-за занавесок, как всегда, с поразительной одновременностью.

— Мы отдадим все необходимые распоряжения, — сказал Монанд. — Не забывайте, что мы вас наняли.

— Да, но вы не воины, — возразил Конан. — Один из нас должен быть начальником охраны.

— В таком случае, — сказала Йоланта, — мы назначаем Акилу. Она, в конце концов, королевской крови.

Если в этих словах и была ирония, видом своим Йоланта этого не показала.

— Очень хорошо, — проговорил Конан, все еще сердясь. — Если вы предпочитаете воинскому опыту происхождение, пусть так и будет.

И в этот миг на них напали разбойники. Из-за холма с боевым кличем выскочили всадники, размахивая оружием.

— Жду твоих приказаний, командир, — сказал Конан застигнутой врасплох Акиле.

Однако она очень скоро оправилась от замешательства и оглядела местность. Разбойники быстро приближались слева. Царица указала на неболь-

шую возвышенность справа, рядом с глубоким оврагом:

— Скачите к тому холму, им будет труднее атаковать снизу! Верблюдов в середину, а мы встанем вокруг, сзади нас прикроет овраг.

— Это ошибка, — сказал Конан, — но действуйте. Я их задержу.

— Нет! Оставайся с нами! — крикнула Акила, но Конан уже скакал навстречу напавшим. Ругаясь, она схватила за уздечку одного из верблюдов и знаком приказала карлику сделать то же самое с другим верблюдом. Они поскакали к возвышенности, в то время как гирканийцы образовали заслон между ними и разбойниками. Гирканийцы прищипывали коней, заставляя их бежать зигзагом, и постоянно стреляли из луков: они никогда не сражались стоя на месте.

Расстояние быстро сокращалось. Конан попытался скорым взглядом оценить силу нападавших. Их было, вероятно, десятка два, почти все одеты в одежду кофитов, но и среди них он различил характерные костюмы и головные уборы различных племен. Там были также хорайцы и хауранцы, и он видел по крайней мере одного в форме заморийской легкой кавалерии. Подонки, преступники и дезертиры, — заключил киммериец, — не племя воинов.

Ближайший разбойник направил острие копья в Конана и прищипорил лошадь. Легко держа древко под мышкой, он сильно отклонился вправо, высоко подняв металлический щит, чтобы защититься от контрудара. Лицо его искажала радость от предвкушения легкой победы, так как он видел, что у его противника нет копья.

Конан не стал прищипоривать своего коня, поскольку тот не являлся обученным боевым животным. Вместо этого он выхватил меч и, не опуская глаз, стал смотреть на приближающийся конец копья. Когда до наконечника оставалось несколько

футов, киммериец низко пригнулся. Как только острая сталь пронеслась над ним, он выпрямился, поднимая древко и отводя таким образом щит противника. Перехватив меч обеими руками, он нанес горизонтальный удар, рассекая на груди броню всадника, разрубая ребра и добираясь до внутренностей. Конан выдернул меч, открыв фонтан крови, и уже искал глазами следующую жертву.

Когда он оглядывал разбойников, то заметил, что двое из них свалились с коней, убитые стрелами гирканийцев. Разбойники явно этого не ожидали. Добыча оказалась не такой легкой, как они предполагали. Два ближайших всадника поскакали в разные стороны, однако Конан свернул следом за одним из них. Когда киммериец был на расстоянии вытянутой руки от разбойника, тот обернулся и с ужасом заметил, как опускается на него клинок Конана, чтобы разрубить позвоночник так же легко, как топор дровосека разрубает молодой побег. Бедняга свалился с седла, а киммериец уже обратил свое внимание на других. Они объезжали стороной черноволосого воина и скакали к возвышенности.

Там Конан увидел то, что и ожидал. Акила, близнецы и все остальные только что въехали на вершину невысокого холма и обнаружили, что они там не одни.

— Глупая надменная женщина! — выговорил Конан, разворачивая лошадь и направляя ее к холму.

На возвышенности на них напал другой отряд бандитов, которые укрывались до этого в овраге, проходящем у подножия холма. Шестнадцать человек на низких быстрых лошадях выскочили из оврага и бросились на путников. Опустив копыта, они ринулись прямо на двух верблюдов.

Акила и ее свита плотно окружили высоких животных. Три дикие женщины стреляли из луков, в то время как Акила и карлик занимались теми, кто подходил слишком близко. Меч царицы мелькал и каждым ударом рассекал плоть. Джеба размахивал

дубиной, круша кости, раскалывая черепа и разбрызгивая мозги. Гирканийцы, не любившие рукопашной битвы, рассеялись и осыпали врага стрелами.

На холм, размахивая мечом, влетел Конан. Один бандит, ловко увернувшись от клинка Акилы, ринулся к верблюдам. Но в тот миг, когда он схватился рукой за занавеску Йоланты, киммериец отсек ему кисть. Разбойник с криком обернулся, и в этот момент меч Конана разрубил его череп.

Разбойники получили достаточно. С криками отчаяния оставшиеся в живых развернулись и бежали, преследуемые ликующими гирканийцами, выпускающими стрелы в открытые спины.

— Назад, сюда! — кричала Акила.

Гирканийцы либо не слышали, либо не обращали внимания на ее приказы.

— У нас есть потери? — спросил Конан, вытирая клинок.

Акила посмотрела на своих женщин и карлика, которые тоже вытирали свое окровавленное оружие:

— У меня потерь нет, и ты, кажется, тоже цел. Не стану говорить за гирканийцев, подождем, пока они вернутся, непослушные собаки.

— У гирканийцев есть поговорка, — произнес с улыбкой Конан, — «Нет более приятного зрелища под Вечным небом, чем спина врага на расстоянии выстрела».

Йоланта отодвинула занавеску, не обращая внимания на отрубленную руку, которая все еще висела на уровне ее лица.

— Все в порядке? — Она казалась невозмутимой, голос, как всегда, был спокойным.

— Мы же обещали защищать вас, — ответила Акила, лицо которой все еще пылало яростью.

— Однако, — прибавил Монанд, — перед самым нападением вы немного поспорили. Конан, не сказал ли ты Акиле, что направляться к холму будет ошибкой?

— Сказал, — согласился Конан.

— И почему ты это говорил? — мило спросила Йоланта.

— Нас двенадцать вооруженных охранников, — ответил Конан. — Все мы видели, что на нас скачет не более двух десятков. Таким подонкам нужен обычно численный перевес в три раза. Если они нападают на тебя без такого перевеса на открытой местности, когда рядом есть возвышенность или что-нибудь другое, обещающее укрытие, то можно быть уверенным, что тебя загоняют в засаду.

Глаза Акилы вспыхнули недобрым огнем.

— Ты такой знающий и опытный командир? Я тоже занималась разбоем, киммериец!

— Да, но ты привыкла быть разбойницей, а не охранником. Я же был командиром в десятке армий и охранял два десятка караванов. Я также был грабителем и пиратом и знаю повадки таких людей.

— Тогда объясни нам, Конан, — сказал Джеба, — почему эти подонки вообще на нас напали. Ты сам говорил, что они будут избегать бдительной и хорошо вооруженной партии, явно не имеющей при себе богатства. Они понимали, что потеряют много, а получают мало, и тем не менее напали на нас. Почему так произошло?

— Да! — произнесла Акила, заметно обрадованная тем, что внимание было отвлечено от ее тактической ошибки. — Они бросились прямо к верблюдам! Хотя на них нет корзин, которые могли бы содержать драгоценный груз.

Вопрос этот тоже смущал Конана, но он слишком был рассержен на женщину, для того чтобы взять ее сторону.

— Разве это не очевидно? — спросил Монанд.

— Совсем нет, — ответила Акила, хмуря брови.

— Разве это не прекрасные животные? — произнесла Йоланта, глядя шею своего верблюда. — И разве это не удивительные занавески? — Она не-

брежно отцепила от занавески отрубленную руку и погладила тонкий шелк. — У кого могут быть такие верблюды и такие палатки, как не у богатых людей? Они, без сомнения, приняли нас за знатных персон — за членов семьи местного вождя или за принадлежащих к сословию жрецов. Разве разбойники не похищают таких людей и не требуют потом выкупа?

Конан кивнул, тряхнув черной гривой:

— Да, они так и делают.

— В таком случае все объяснено, — сказала Йоланта. — Продолжим путь. — Она взглянула на Акилу: — Я по-прежнему считаю тебя достойной быть во главе нашей охраны. Ты, несомненно, впредь будешь более осторожной.

Брат и сестра снова спрятались в своих паланкинах, задернув занавески.

Акила сидела на своей жесткой подушке, заменявшей ей седло, вся красная и тряслась от гнева. Конан видел, что ее воинская честь была глубоко задета. Мягкие слова Йоланты были для нее как плетка.

В это мгновение вернулись гирканийцы, радостно вскрикивая, размахивая скальпами убитых бандитов, с которых еще капала кровь.

— Ай-й-й! — прокричал Ки-Де, осадив лошадей. — Это приятнее, чем скакать за зайцами!

— Почему вы не вернулись тогда, когда я приказала? — заорала Акила. — Обе атаки могли оказаться ложными, устроенными для того, чтобы мы отошли от тех, кого должны охранять!

Конан скрыл улыбку при виде такой откровенной попытки спасти свой престиж. Но Ки-Де ничуть не испугался.

— Ты звала нас назад? Мы не слышали. Когда мы увидели спины врагов, мы обо всем позабыли. Это был дар Вечного неба, и большая ошибка пренебрегать дарами богов. У нас, гирканийцев, есть поговорка: «Нет более приятного зрелища под Вечным небом, чем...»

— Я уже слышала ее! — крикнула Акила. Она развернула лошадь и поехала прочь, сопровождаемая женщинами и карликом.

— Ай-й-й! — сказал Ки-Де и щелкнул языком. — Кто-то засунул репейник между седлом и задницей воительницы.

— Лучше оставь ее на время в покое, — посоветовал Конан. — Рано или поздно нам подвернется другая битва, и у нее будет возможность себя оправдать. Она убьет нескольких подонков, и настроение ее улучшится.

Оставив убитых бандитов валяться в пыли, путешественники двинулись дальше на юг. Грифы и волки уже собирались на пир.

Область, по которой ехали путешественники, не была богата городами. Те немногие деревушки, что им встречались, представляли собой всего лишь рынки скота, где продавали и покупали животных, которых тут же уводили или увозили на телегах в виде мяса, шкур и сала. Вонь в этих местах вполне хватало для того, чтобы путники их избегали. Конан и остальные охотники не были брезгливы, но близнецы посчитали запах и тучи мух невыносимыми.

С другой стороны, продвигались они по этой территории быстрее, так как не нужно было охотиться. Поскольку столько скота убивали ради шкур, то всего лишь за несколько медяков можно было купить целую бычью тушу, и путешественники каждый вечер обедали свежей говядиной.

— Лучше разжиреть, пока можем, — сказал Конан одним вечером, когда все сидели у костра и терзали зубами сочное мясо, кидая обглоданные кости в огонь. — Южнее, в пустыне, у нас не будет такой обильной пищи.

— Вы, киммерийцы, действительно мрачный народ, — произнесла Акила. Она все еще чувство-

вала себя униженной в присутствии Конана. — К чему беспокоиться о том, что будет завтра? Мы можем не пережить и этой ночи.

— Да, — заявил Ки-Де. — Жизнь — это предмет изменчивый и непостоянный.

— Когда-то и я был таким же безумным, как и ты, — сказал Конан, — но когда я сделался командиром и стал руководить людьми, я был вынужден думать о последствиях и тщательно готовиться. Это богатая, щедрая земля, несмотря на обилие разбойников. В пустыне будет совсем не так. Когда мы дойдем до границы или, возможно, в Хаурани, мне нужно будет расспросить о положении на юге.

— Что ты имеешь в виду? — спросила с подозрением Акила, которой не нравилось то, как киммериец снова берет руководство на себя.

— Пустыня кажется неизменной, но это не так, — продолжал Конан. — За одну ночь пересыхают колодцы по никому не известной причине. В районы, бывшие столетия необитаемыми, приходят новые племена. Часто даже просто выжить в пустыне оказывается трудно. Любая неожиданность может оказаться роковой. Обстоятельства могут нас вынудить предпринять неприятные для нас шаги.

— Это какие? — спросил Ки-Де, кусая дымящееся мясо.

— Если предыдущие годы были особенно сухими, нам, может быть, придется продать лошадей и поехать на верблюдах.

— Никогда! — воскликнула Акила, вскочив на ноги. Ее свита автоматически сделала то же самое, потянувшись руками к оружию. — Я не поеду на мерзком, вонючем верблюде!

Чувствуя отвращение от одной только этой мысли, она швырнула недоеденное ребро в окружающую их темноту. Тут же дикие звери принялись драться из-за него.

— Нам ведь не придется сделать так на самом деле, Конан! — произнес Ки-Де, больше пораженный, чем разгневанный. — Верблюды служат торговцам и презренным селянам, это совершенно неподходящие животные для достойных людей, которые свободно скачут под Вечным небом!

— У нас может не оказаться выбора, — заявил Конан. — Лошади не могут жить там, где источники воды слишком далеко друг от друга, и мы не можем везти с собой столько воды, чтобы хватило и лошадям. Может случиться так, что воды едва хватит и нам самим. Верблюд может много дней обходиться без воды. Он ест такой корм, от которого лошадь умрет с голоду. Если нам надо будет пересечь глубокие пески, то копыта лошади увязнут, и она будет спотыкаться. У верблюда же лапа широкая, и он не вязнет. И племена пустыни не жалуются на своих животных. Они ездят и дерутся верхом на верблюдах.

Акила фыркнула, усаживаясь на место:

— Как можно драться, сидя на таком неуклюжем животном?

— Ты знаешь только двугорбых северных и горных верблюдов своей родины, — возразил Конан. — Одногорбые верблюды южных пустынь меньше и намного быстрее, хотя могу заверить, они не намного красивее. И человек верхом на верблюде сидит на ярд выше всадника на лошади. В ближнем бою это может быть преимуществом.

— Верблюды, — выговорила с отвращением Акила, — надеюсь, я никогда не паду так низко!

По крайней мере, заметил Конан, она с ним больше не спорит.

— Если придется выбирать между тем, ехать ли на верблюде или идти пешком, поедешь.

Ки-Де ковырял жареное мясо кривым кинжалом.

— Кстати, о нанявших нас. — Он кивнул в сторону палатки. — Я отнес им мяса, но они, как всегда, отказались, заявив, что поедят из своих запасов. Я

спрашиваю вас, какой нормальный человек откажется от хорошего свежего мяса, предпочтя сушеные продукты?

— В мире полно странных сект, — произнес Конан, пожав плечами. — Некоторые требуют, чтобы их члены ели одну определенную пищу, считая все остальное запретным. Другие не едят мяса, третьи, напротив, не едят ничего другого, кроме мяса. Я встречал святых людей, которые питаются одними насекомыми и медом. Некоторые же едят животных, только если они были убиты определенным образом. Я все это считаю большой глупостью, но я никогда не брался говорить другим, каким богам им следует молиться и каким заповедям следовать.

— Так и надо поступать, — сказал Ки-Де. — Кого не можешь убить, оставь в покое.

После того как все завернулись в одеяла, Конан остался караулить. Он уныло посидел перед костром, глядя на то, как пламя образует фигуры, похожие на демонов. Несмотря на сказанные им слова, Конан все же был обеспокоен. Нанявшие его близнецы обладали многими загадочными качествами. Среди этих качеств было и то, что киммериец не видел, чтобы брат с сестрой ели или пили.

Более странным казалось происшествие с разбойниками. Версия близнецов, сводящаяся к тому, что их хотели похитить и потребовать выкуп, была правдоподобна, но Конана она не убеждала. Те люди проявили целеустремленность и храбрость, необычную для простых разбойников. Они хорошо подготовили нападение и напирали даже тогда, когда уже понесли тяжелые потери. В обычном случае им бы следовало бежать после того, как были убиты один или двое. Они действовали так, будто ожидали большое вознаграждение.

Близнецы говорили о том, что возможно нападение со стороны тех, кто также ищет сказочный

Джанагар. Однако брат с сестрой не хотят приписывать это нападение своим соперникам, но почему? Киммериец не любил, когда во время в основном рутинного предприятия возникали странные вопросы.

Одно было ясно: ему надо еще внимательнее следить за загадочной парой.

Наконец они пришли в город значительных размеров. Назывался он Зардас и находился у пересечения двух дорог к северу от границы между Кофом и Хаураном, на небольшой речке. Он тоже был большим рынком скота, но город разместил загоны и бойни в двух милях ниже по течению. Таким образом, здесь было не более грязно, чем в обычном людском поселении.

Перед самыми стенами находились стойла для животных путешественников, и здесь уже остановились несколько небольших караванов. Служащий, заведующий стоянкой караванов, поговорил с близнецами и выделил им стойла для лошадей и двух верблюдов. Он взял плату за стойла, пастбище и водопой и направил путешественников в лучшую гостиницу города.

Несколько караванщиков подошли полюбоваться двумя светлыми верблюдами. Многие из них никогда не видели косматых двугорбых верблюдов с севера, и никто не видел таких прекрасных животных. Монанд отверг несколько щедрых предложений продать этих животных, утверждая, что они с сестрой будут тосковать без своих любимцев. Когда все было улажено, путники вошли сквозь ворота в сам город.

Город оказался красочным местом: большинство домов было из кирпича или местного камня, выкрашенные яркими красками и с полосатыми занавесками. На улицах стояли лавки мелких торговцев, местных и приезжих.

— Мы с сестрой направляемся в гостиницу, — заявил Монанд. — Кто пойдет с нами?

Конан взглянул на солнце.

— Часа два еще будет светло, — сказал он. — Думаю побродить вокруг. В этом городе я никогда не был. Вечером снова буду с вами.

Другие охранники, перед тем как лечь спать в гостинице, решили испробовать удовольствия, предлагаемые городом, так что близнецы пошли одни.

— Разумно ли это? — спросил Ки-Де, когда близнецы удалились. — Мы взялись охранять их, а здесь на них могут напасть так же, как и на открытом месте.

Акила пожала своими могучими плечами:

— Мы обещали охранять их в дороге. Про города ничего не было сказано.

— Да, — сказал Конан. — И после случая на северной границе я не уверен, что им вообще нужна защита.

Таким образом, они отправились бесцельно блуждать по узким улочкам. Конан и гирканийцы мало привлекали к себе внимание в городе, где различные искатели приключений были обычным зрелищем. Но Акила и ее спутники были совершенно иным делом. В этих краях ничего подобного еще не видели. Люди глядели, разинув рот, на диких разрисованных женщин, на их красивую, гигантского роста царицу и крепкого карлика с ироничной улыбкой. В результате любопытные постоянно вступали с ними в разговор, в то время как киммериец шел все вперед.

Через некоторое время гирканийцы нашли палатку, где играли в азартную игру, очень похожую на ту, что довольно популярна у них на родине и которую они страстно любили. Конан оставил их там и пошел дальше один. Он вышел на небольшой базар, где были выставлены для продажи оружие и броня. Как всегда, инструменты его профессии

вызвали у Конана интерес. Путешественники уже входили в ту часть света, где любимой защитой были кольчуга, легкие шлемы и круглые щиты. Палящее солнце южных земель делало неудобными более тяжелые доспехи севера. Следовательно, оружие тоже было легче: изящно изогнутые сабли, тонкие копья и грозного вида топорики на тонкой рукояти из упругого рога носорога.

У лавки, где торговал слепой шемит, киммериец нашел любопытное оружие. Сделано оно было целиком из стали. Это был тонкий стержень, заканчивающийся утолщением, выполненным в виде кулака, в котором был зажат кинжал. Клинок кинжала был немного изогнут и являлся скорее толстым клювом, а не собственно лезвием. Оружие явно предназначалось для того, чтобы пронзать кольчугу.

— Интересное оружие, правда? — произнес человек в одежде туранца — в куртке из серого шелка, украшенной золотой тесьмой. Черные шелковые штаны были заправлены в красные мягкие сапоги.

— Слишком узкого применения. Им можно проткнуть кольчугу, но если оно пройдет сквозь шлем или пластину брони, клюв, скорее всего, застрянет.

Незнакомец погладил бородку:

— Мало у кого хватит силы пробить этим оружием броню.

— У меня хватит, — сказал Конан, бросив эту булаву с клювом обратно на стол. — Я предпочитаю оружие, дающее более широкие возможности.

— Такое, как у тебя, северного образца? — спросил незнакомец, разглядывая меч Конана.

— Да. Оно достаточно тяжелое, чтобы пробивать броню, и острое, чтобы рубить плоть. Расположение центра тяжести и острый конец позволяют колоть им, а рукоятью можно крошить черепа в ближнем бою.

Незнакомец улыбнулся, показав хищные заостренные зубы:

— Ты говоришь как человек, знающий толк в оружии. Я не видел тебя здесь раньше. Ты приехал недавно?

— Час назад, — ответил Конан.

— Один?

— Почему ты спрашиваешь? — Киммериец тут же сделался подозрительным. Задавший вопрос был вооружен саблей и кинжалом, но в этих краях каждый взрослый мужчина вооружен. Человек этот имел вид воина, но Конан не боялся людей; его насторожил интерес незнакомца.

— Под моим началом находится небольшой торговый караван, и я подыскиваю охранников. — Он приложил руку к груди и слегка поклонился. — Я Владиг из Акита в Туране.

— Я Конан из Киммерии, и так случилось, что я уже нанят охранять путешественников, идущих в южную пустыню.

— Как жаль. Ты бы мне очень подошел. Ты сказал — в южную пустыню? Могу я узнать, в какую ее часть?

— Севернее от большого изгиба Стикса, между Замбулой и Кутхемесом, южнее Хаурана.

— Это же Путь Мертвых! Это страшные места, друг. Я бы советовал тебе пойти другой дорогой, куда бы ты ни направлялся.

Конан уже собирался сказать, что это не дорога, а цель их путешествия, но решил, что скажет незнакомцу слишком много. Вместо этого он пожал плечами:

— Это не мое решение. Меня лишь наняли охранять.

— С капризами хозяев приходится соглашаться, — сочувственно произнес Владиг. — Не выпьешь ли со мной вина? Я недавно проходил по границе того района и мог бы рассказать о том, какие опасности могут поджидать там.

Конан согласился. Он всегда был готов выпить за чужой счет, если только наливает не враг, к

тому же он очень хотел узнать о положении на юге.

Через несколько минут они уже сидели в небольшой таверне за столиком у окна, через которое сквозь полосатые занавески светило заходящее солнце. По просьбе Владига им подали кувшин и две кружки. Кувшин и кружки были из глины, покрытой синей глазурью, характерной для этой области.

Конан и Владиг пожелали друг другу здоровья. Вино оказалось терпким, приправленным местными пряностями и имело золотистый цвет.

— Твой караван идет на юг покупать, продавать или за тем и другим?

— Как решат хозяева, — ответил Конан, — мы идем налегке.

— А, — сказал Владиг, кивая. — Если караван идет без товара, значит, он идет за рабами. Несколько десятков ярдов цепи и кандалы прекрасно размещаются в седельных сумках. Да, Путь Мертвых — это кратчайшая дорога отсюда в земли черных, в Зембабве и Пунт. Но назад, конечно, вы должны пойти другим путем. Ни один пленник не перенесет пешего перехода.

— Вода в колодцах стоит низко? — спросил Конан.

— Хочешь спросить, не стоит ли она ниже обычного? Да, оазис Амун, в прошлом открытый для всех, уменьшился так, что племя Омри взяло его в собственное пользование, выгоняет оттуда все другие племена и берет большую пошлину. Из двух десятков водопоев в Великой пустыне на пути между Тураном и Стигией осталось лишь двенадцать.

— А как на Малом переходе из Замбулы к изгибу Стикса? — спросил киммериец.

— С водой там лучше, но хищные племена жадны, как никогда. Всюду одно и то же: чтобы уберечься от разбойников, необходимо иметь сильную охрану. Но из-за этого караванам нужно больше

воды и корма. В результате дорога в обход пустыни безопаснее. Переход в два раза длиннее, и ты заплатишь пошлины многим местным вождям, но вероятность, что останешься жив, больше.

— Возможно, ты прав, — произнес Конан, оставив мысли при себе. — Я поговорю об этом с наившими меня.

— Это будет разумно, — сказал Владиг.

Они допили кувшин вина, рассуждая о том, как трудно жить в пустыне. Затем они расстались. Конан удивлялся услужливости этого человека. Путешественники довольно часто обменивались сведениями, но Владиг мало интересовался тем, откуда Конан происходит, где он путешествовал, какие земли посетил по пути в Зардас, и это было странно.

Уже начало темнеть, и Владиг пробирался по узким улочкам Зардаса. Наконец он подошел к высокому забору, вынул из-за пояса ключ и открыл тяжелую дверь. Владиг вошел во двор, где на отшлифованных каменных плитах стояли кадки с благоухающими кустами. На другой стороне двора стоял дом с побеленными стенами. Владиг поднялся по наружной лестнице, ведущей на плоскую крышу. На манер лучших домов в городе на крыше был разбит сад, в центре которого находилась небольшая надстройка. Владиг прошел мимо увитой зеленью беседки и постучал в дверь надстройки.

— Войди. — Голос был глубоким и мягким.

Владиг отворил дверь и вошел. Он склонился, прижав к груди растопыренные пальцы.

— Я сделал, как ты велел, учитель.

Человек, к которому обратился так, сидел за столом, где лежали толстые тома и странные инструменты. Перед человеком лежала кучка кристалликов, округлых, продолговатых, похожих на иглы. Это был высокий мужчина, худой, с суровыми чертами

лица, с острой бородкой и длинными усами. Одет он был в темно-пурпурный халат и плотно повязанный тюрбан того же цвета.

— Тогда докладывай, — сказал человек в пурпурном халате, показав небольшие заостренные зубы. Руки его лежали на столе, и пальцы казались неестественно длинными. Время от времени пальцы будто сами по себе двигались и описывали кончиками замысловатые фигуры.

— Я говорил с одним из их охранников, огромным неуклюжим северянином с черными волосами. Я также взглянул до этого на всю группу. Это самое странное сборище, какое я когда-либо видел: гирканийские лучники, карлик, этот северянин, даже вооруженные женщины.

— Женщины? — спросил сидящий за столом.

— Да, четыре. Три диких полуживотных во главе с огромной светловолосой великаншей, страшнее бандитов, каких я когда-либо встречал.

Человек в пурпурном халате мрачно смотрел на кучку кристаллов, которые начали светиться фиолетовым светом.

— Близнецы любят диковины.

Пальцы начали выделывать еще более замысловатые фигуры, и кристаллы зашевелились.

Владиг не любил смотреть на руки учителя. В спокойном состоянии пальцы имели нормальное количество суставов, но в движении они походили скорее на бескостные щупальца. А также, когда они двигались, казалось, что их больше десяти, хотя шевелились они так быстро, что сосчитать было невозможно.

— Охранник подтвердил твое подозрение: они действительно направляются в глубь пустыни. Он утверждает, что не знает, зачем они туда идут, но я не верю ему. Он утверждает также, что он простой охранник, но у него манеры предводителя. Простота его притворная. Так что я не решился напирать с вопросами.

— Ты ввел его в заблуждение?

— В этом не было нужды. Правды было достаточно. Как любой опытный путешественник, отправляющийся в пустыню, он хотел знать о воде, о траве и воинственных племенах. Я немного преувеличил опасность разбоя на Малом переходе, но их караван так мал, что опасность эта и без того велика. На самом деле у них почти нет выбора. Если они собираются пойти туда, куда ты предполагаешь, им надо держаться самой прямой дороги. Смерть их может поджидать, скорее всего, на последнем участке пути.

— Не все существа умирают легко, — сказал человек в пурпурном халате. — Передай мне ваш разговор подробнее.

Когда Владиг докладывал, его учитель, которого звали Арсаций, угрюмо глядел на кристаллы. Они двигались в соответствии с его жестами, собираясь в одном месте, цепочкой перетекая в другое, светясь все ярче. Через некоторое время они образовали подобие фигурки человека, и фиолетовый цвет начал пульсировать, будто забилося кристаллическое сердце.

— Этот северянин, — произнес Арсаций, когда Владиг закончил рассказ. — Что он за дикарь?

— Он сказал, что он из Киммерии, хотя я никогда не встречал людей оттуда. Эта земля, кажется, где-то к северу от Аквилонии.

— Да, она там. Этот народ считается одним из самых яростных в мире, хотя мало кто из тех людей покидает свою родину.

— Как почти все северяне, он явно дерется мечом, и на поясе у него висит такое оружие. У него осанка воина и взгляд орла.

— Страшный человек. Хотя мир полон крепких воинов, ловко обращающихся с мечом и громко хвастающих. Но все это тщетно и глупо. Лишь великая колдовская наука имеет непреходящую ценность.

— Истинные слова, учитель, — произнес Владиг.

— Ладно. Тем, что ты рассказал, я доволен. Со-
общаю тебе, когда они будут готовы покинуть город,
и мы пойдем следом.

— Прости мою дерзость, учитель, но почему нам
не пойти впереди них? Они пойдут отсюда по южной
дороге. Мы можем найти удобное место для засады
и подождать их там. Охрана их ничтожна, и они
упадут к нам в руки, как зрелые фрукты.

Арсаций гневно посмотрел из-под низко навис-
ших бровей на своего ученика.

— Я сказал, что мы пойдем следом. Когда сле-
дует нападать, решу я, а тебе не следует полагать,
что защита их ничтожна. Я лишь сказал тебе, что
мечи воинов — суэта.

Владиг рассердился, но поклонился снова:

— Как пожелает учитель.

Он еще раз поклонился и вышел из комнаты.

Оставшись один, Арсаций продолжил манипуля-
ции с кристаллическим гомункулом, заставляя его
ходить по столу, копировать движения дерущегося
воина, танцующей женщины. Когда это ему наску-
чило, колдун последний раз взмахнул пальцами, и
кристаллы рассыпались в беспорядочную кучу. Фи-
олетовое свечение потускнело и погасло.

Колдун угрюмо сидел, небрежно перебирая кри-
сталлы. Наконец он сгреб их со стола и спрятал в
украшенный слоновой костью деревянный ларец с
бронзовой крышкой.

Киммериец отыскал гостиницу, вошел в нее и
присоединился к остальным. Когда ели баранину,
хлеб и местные фрукты, Конан пересказал това-
рищам свою беседу с человеком, назвавшим себя
Владигом.

— Ты думаешь, этому можно верить? — спро-
сила Йоланта.

Близнецы сидели вместе со всеми, но, как обыч-
но, ничего не ели, и кружки, стоящие перед ними,
были нетронуты.

— Нет ничего неправдоподобного в том, что
он сказал, — ответил Конан. — Но я побеседую с
другими караванщиками. Странно лишь то, что он
мало меня расспрашивал. Обычно, если пьешь за
счет другого, то отвечаешь на его вопросы, а не
наоборот.

— Да, мне это не нравится, — сказала Акила.

— Мне кажется, — произнес Ки-Де, — что, если
бы этот человек задумал что-то недоброе, он бы
пытался вытянуть сведения из Конана. Вероятно,
он святой человек, давший обет помогать незнако-
мым людям.

— Нет, — ответил Конан, — он воин, я в этом
уверен.

— Из-за пустяков столько беспокойства, — ска-
зал Ки-Де. Он завернул кусок баранины в хлеб,
обмакнул в чашку с соусом и направил все это в
рот. С полным ртом он проговорил: — Опиши мне
этого человека, и я пойду и убью его. И тогда не
нужно будет больше беспокоиться.

— Нет, — усмехнулся Монанд, — наши труднос-
ти так просто не решаются. Конан, не показалось
ли тебе, что этот человек говорит не за себя?

— Над этим же вопросом я думал тогда, когда
мы говорили. Владиг казался откровенным, но что-
то в его манере говорило о том, что он чья-то собака.
Поскольку он дал нам полезные сведения о пути, я
подозреваю, что у него приказ завести нас туда, куда
хочет его хозяин.

— Умно, — сказала Йоланта, но осталось неяс-
ным, имела ли она в виду хитрость Владига или
мнение Конана.

— Значит, нам не надо идти туда, куда он
хочет, — заявила Акила.

Конан покачал головой:

— У нас почти нет выбора. В пустыне всего лишь несколько дорог. Даже направляясь по ним, выжить трудно. Без них же возможности остаться в живых нет совсем.

— Не люблю, когда меня так ограничивают, — проворчала Акила.

— Однако мы идем в пустыню, — мягко заметил Монанд, — а не в степь или на холмы, которые ты так хорошо знаешь. В пустыне мы должны подчиняться ее законам. Но это не обязательно произойдет нам в ущерб, поскольку то же самое должны будут делать и другие.

— Какие другие? — спросил Ки-Де.

— Всегда есть те, кто хочет схватить незащищенную жертву, — ответила ему Йоланта. — Они узнают, кто куда направляется, и расставляют ловушки.

— Тогда все в порядке, — заявил Ки-Де, поднимая кружку с вином. — Наши стрелы и мечи товарищей защитят вас.

Ки-Де и его товарищи не имели склонности к рассуждению. Пока еды и вина было вдоволь, они мало думали о завтрашнем дне и считали любые опасения недостойными мужчин. Опасность — это постоянная жизненная реальность.

Глава 5

Хауран остался позади. Через это небольшое царство они прошли почти незамеченными. По мере того как путники шли все дальше на юг, земля делалась суше. Облачных дней становилось меньше, и дожди шли недолго и редко. Теперь путешественники находились в земле, на которую не претендовало ни одно из царств, поскольку скудная трава и еще более скудные водопой не могли обеспечить армию, а ни один царь не заявит, что обладает зем-

лей, если не может ее оккупировать и разместить на ней гарнизоны.

Пейзаж состоял теперь из холмов — таких низких и пологих, что их вообще трудно было назвать холмами, — часто изрезанных глубокими руслами, дно которых, однако, было сухим большую часть года. Животные здесь были меньше и не собирались в такие крупные стада, как на севере. Больше всего попадалось изящных газелей и антилоп, быстрых созданий, которым нужно было мало корма и воды и которые умели избегать охотящейся ночью большешероухой пустынной кошки.

Путники уже сбросили с себя тяжелые накидки, шкуры и стеганую одежду, во всяком случае, во время продвижения днем. По указанию Конана они купили легкие свободные халаты жителей южных сухих земель. Эта одежда защищала от лучей солнца и обеспечивала хорошую вентиляцию.

— Когда мы зайдем в глубь пустыни, нам понадобятся наши теплые накидки, — предупредил Конан, — так что не выбрасывайте их.

— Я думала, что чем дальше на юг, тем теплее, — заметила Акила.

— Так и есть, — ответил Конан. — Печет солнце, и камни и песок отражают этот жар прямо в лицо, будто огромное зеркало, отчего делается вдвойне жарко. Но почему-то камень и песок не задерживают дневное тепло так, как это делают почва, трава и деревья. Как только солнце заходит за линию горизонта, земля остывает. К полуночи уже так холодно, что замерзает вода.

— Этого не может быть, — возразил карлик. — В жаркой земле должно быть жарко днем и ночью. Конан ухмыльнулся.

— Тогда выброси свою накидку, но только морозной ночью в песках не выпрашивай моей.

Время от времени киммериец отделялся от основной колонны и скакал далеко назад по следу. С

какой-нибудь возвышенности он оглядывал местность, проверяя, нет ли преследователей. Иногда он видел другие караваны и дважды заметил воинов местных племен, ехавших на жилистых пустынных пони, но в этом не было ничего необычного, и это не представляло опасности для его небольшого, но умелого и хорошо вооруженного отряда. Киммериец по-прежнему тревожил расспрашивавший его человек. Подозрительность Конана была разбужена, да и скрытные близнецы со своими странными поисками чего-то ничуть не улучшали положения.

На третий день их продвижения по пустыне путники увидели огромную тучу грифов и других птиц, питающихся падалью, которые парили кругами над точкой в миле впереди.

— Там что-то мертвое, — заметил Ки-Де.

— Что-то больше человека или верблюда, — сказала Акила, — раз собралось столько птиц.

— Скажите осторожно, — посоветовал Конан, — хотя не думаю, что с нами что-нибудь случится. Если бы там были живые люди, птицы бы не кружили так низко. Смотрите, некоторые даже садятся.

Они поехали дальше, внимательно поглядывая по сторонам, и вскоре ветер донес до них ужасную вонь. Затем они увидели на земле бесформенные кучи, и среди этих куч рыскали шакалы и полосатые гиены. Постоянное рычание зверей и крики птиц создавали невыносимый гул.

Лошади шарахнулись от вида, звука и запаха. На высоких верблюдах же это не произвело никакого действия. Путники заставили своих лошадей подойти ближе и увидели, что звери терзают останки людей и верблюдов. Тела были так изуродованы, что подсчитать хотя бы приблизительно количество человеческих жертв не представлялось возможным. Более крупные трупы верблюдов оставались еще почти нетронутыми, и это из-за них дрались гиены, в то время как шакалы пытались вырвать друг у друга из глотки

куски человеческого мяса. Гротескные грифы садились, размахивая крыльями, и отрывали от трупа то, что могли, или же громко оскорбленно кричали, когда их отгоняли другие животные.

— Что за бойня здесь произошла? — произнесла Акила, прикрывая нос складкой халата.

— Караван? — спросила Йоланта, высунув голову из-за занавески. Ею двигало, казалось, любопытство; ужасное зрелище ничуть ее не отпугивало.

Конан слез с коня и походил между тел и оторванных конечностей. Груз, который везли верблюды, был растерзан и разбросан. Его киммериец осмотрел тоже.

— Не думаю так, — сообщил он наконец. Затем указал на несколько обрывков окровавленной ткани и на разъемные шесты. — Они путешествовали с большими шатрами. Караванчики берут лишь небольшие палатки, чтобы оставить место для груза. По-моему, это племя кочевников. Видите, среди них были женщины и дети.

Он указал рукой на некоторые разбросанные останки, однако лишь опытный глаз мог различить признаки пола и возраста — так изуродованы были тела.

— Я не видела следов такой большой группы людей, когда мы ехали сюда, — сказала Акила. Хотя запах и был ей отвратителен, зрелище не произвело на нее впечатления.

— Думаю, что, когда на них напали, они двигались с юга, — произнес Конан. — По моим подсчетам, здесь погибла сотня человек всех возрастов.

— Можно собрать головы и подсчитать, — предложил Ки-Де, которому все это уже надоело. Мертвые его не интересовали, тем более когда кто-то уже забрал у них все ценное.

— Не надо, — ответил Монанд. — Кто, по твоему мнению, это сделал, киммериец?

— Стрел я не вижу, — проговорил Конан. — Иногда племя можно узнать по оперению стрелы. В

действительности... — Он наклонился над трупом, который еще сохранил голову и руки. — ...Я не вижу ран, кроме тех, что нанесли животные, подьедающие падаль. Но это мало что значит. Трупы так повреждены, что ран может быть просто не видно.

Киммерийца это объяснение совершенно не удовлетворяло, но для других, решил он, сойдет и такое.

— Здесь нечего больше делать, — сказала Акила, скривив от отвращения лицо. — Поехали отсюда.

— Вы поезжайте, — ответил Конан. — Я хочу осмотреть землю вокруг: может быть, узнаю, кто убил этих людей и в какую сторону сделавшие это ушли отсюда. Если они впереди нас, лучше знать об этом заранее.

— Ладно, — согласилась Йоланта, — но обязательно присоединяйся к нам до наступления темноты.

Киммериец лишь пробормотал, что так и сделает, и кивнул, не отрывая глаз от растерзанных останков, разбросанных по песку. Остальная группа направилась на юг. Некоторое время киммериец ходил между трупами, не обращая внимания на рычание гиен. У этих тварей хватит сил, чтобы повалить взрослого быка, но совершенно нет бойцовского духа. Их привлекала добыча вялая, беспомощная или уже неживая.

Заклучив, что у мертвых он больше ничего не узнает, киммериец сел на лошадь и стал объезжать вокруг место бойни, отыскивая следы убийц. Пользуясь старинным охотничьим приемом, он заставлял лошадь идти по расширяющейся спирали. Через какое-то время Конан остановился и соскочил с седла. Земля вокруг была твердой, но здесь он увидел следы, показавшиеся ему странными. Киммериец присел и принялся их разглядывать.

Следы отпечатались нечетко, просто остались параллельные линии на пыли. Царапин было две группы, будто животное с когтями сидело здесь и затем

бросилось на жертву, оставив за собой царапины. Нахмурившись, киммериец поискал рядом, но не нашел таких же следов. Каким бы ни было это животное, но выпрыгнуло оно, оттолкнувшись лишь двумя когтистыми лапами. Конан смел пыль с одной из отметин, и волосы у него на голове зашевелились. Следы, хотя и слабые, были процарапаны на камне под пылью. Конан знал, что ни один зверь в природе не имеет таких твердых когтей.

Низко пригибаясь, киммериец обследовал местность и обнаружил еще два десятка таких же следов. Когда он отыскал все следы, то заметил, что они образуют неровную линию. По тому, в какую сторону был направлен утончающийся конец царапины, Конан заключил, что существа перед броском смотрели на юг. В течение уже многих дней ветер дул с юга. Эти существа выбрали место для засады так, чтобы ветер относил их запах от приближающихся кочевников.

Вся сцена, когда Конан мысленно воссоздал ее, заставила его сильно беспокоиться. Он знал, что волки, а иногда и кошки часто охотятся стаями либо небольшими охотничьими группами, но они не делают заранее продуманной засады. Что это за существа?

Их жертвы не были новичками в пустыне, они даже не толстозадые караванщики. Это — кочевники, всю жизнь проводящие среди песков, камней и палящего солнца. И тем не менее их застали совершенно врасплох. Вероятно, эти таинственные существа были неизвестны кочевникам.

Перед тем как покинуть это место, Конан прошел вдоль линии следов. Он нашел один, который был четче остальных. След находился в небольшом углублении, затененном большим камнем и кустом. Этот след был защищен от ветра и прямых солнечных лучей. Конан лег на живот и понюхал. Он отчетливо почувствовал едкий, неприятный запах. Запах был резким, как у уксуса, но этот запах Конан никак не

мог соотнести с живым существом. Это напоминало ему о мастерских, где ремесленники вытравливают кислотой узоры на клинках мечей и кинжалов. Конан не знал ни одного животного, имеющего такой запах.

Сев на лошадь, он поехал к югу, зорко следя, не покажутся ли те существа, что уничтожили целое племя. Зачем они это сделали? Ради пищи? Другие животные уже так долго занимались телами, что это было трудно определить. И почему существа забрали вещи? Трупы могли ограбить и люди, но если так, то они очень хорошо замаскировали все следы своего присутствия. Конан очень хотел верить, что так оно и было. Он считал себя неплохим следопытом, но он бывал среди таких людей, которые на своей территории могли прятать следы прямо со сверхъестественным искусством.

Киммериец не поскакал прямо к своим товарищам. Он поехал зигзагом, покрывая таким образом большую площадь. Делал он это для того, чтобы увидеть другие следы мародеров либо еще какую-либо опасность для их группы. В пустыне следов больше не было.

На закате Конан добрался до своего каравана. Еще до того, как он его увидел, южный ветер донес до него запах жарящегося мяса. Когда киммериец прибыл, то узнал, что гирканийцы подстрелили прекрасную газель. В животе урчало, так как Конан ничего не ел, кроме нескольких сухарей, да и то было это рано утром. Тревога, вызванная видом уничтоженного племени, прогоняла все мысли о еде, но сейчас он чувствовал голод.

Конан подъехал к костру и соскочил с лошади, выхватив кинжал еще до того, как сапоги его коснулись земли. Он подбежал к углям, где готовилась разделанная туша животного.

— Что-нибудь нашел? — спросил Ки-Де у киммерийца, который отрезал куски от хорошо прожаренной части.

— Мало понятного. Но сейчас у меня есть чем занять рот и кроме разговора.

Когда Конан удовлетворил свой голод сочным мясом и горстью вяленых фиников и запил это все водой из бурдюка, он рассказал о странных следах и еще более странном сопутствующем им запахе.

— Ты говоришь, что похоже на кислоту? — переспросил Монанд, и лицо его сделалось мрачнее обычного.

— Да. Я встречал такой запах в мастерских, где вытравливают на мечях узоры и где проверяют золото на чистоту. Но никогда не встречал в природе существ с таким запахом.

— А у сверхъестественных животных? — спросил один из гирканийцев, взволнованно перебирая пальцами свои длинные черные косы.

— С ними я не хочу иметь никакого дела, — твердо заявил Конан.

— Ученые, изучающие природу, — сказала Йоланта, — утверждают, что мелкие животные устроены иначе, чем крупные. Четыре столетия назад Ухнас Кордавский написал монументальный трактат о шестиногих существах, в котором он заявляет, что многие из них используют кислоту как оружие или пользуются ею для приготовления материала для своих гнезд либо для того, чтобы размягчить пищу. Даже обыкновенные муравьи содержат в теле кислоту.

— Муравьи не вырастают до таких размеров, — возразил Конан. — И на двух ногах они не ходят.

— Хотя я и уважаю ученые разговоры, — проворчала Акила, — мне кажется, что ты слишком большое значение придаешь царापинам на земле и каким-то запахам. На племя, скорее всего, напали враги, а затем стерли за собой следы. А то, что осталось, затоптали гиены и другие поедатели падали. Здесь нет никакой тайны. Надо остерегаться этих врагов, и все.

Ее упрямый тон говорил о том, что она пытается убедить прежде всего себя.

— Так и сделаем, — заключил Монанд.

По мере того как они продвигались дальше на юг, каменистая выветренная земля, сухие кусты и кактусы начали уступать место более песчаной местности, и наконец вокруг до самого горизонта были одни барханы, уходящие вдаль, как волны в море. Лошади повесили головы и погрузились, недовольные такой переменой.

— При первой возможности, — объявил Конан, — мы должны поменять лошадей на верблюдов. Здесь недалеко есть оазис, где сходятся несколько караванных троп. Там мы найдем караванщиков, желающих поменять своих верблюдов на лошадей для путешествия на север.

— Мне эта мысль не нравится, — заявила Акила. — И верблюды мне не нравятся! Они отвратительные, вонючие, неуклюжие твари!

— Хочешь сказать, что они не подходят для царицы? — спросил Ки-Де, хихикнув. — Они мне тоже не нравятся, но боюсь, что северянин прав. Лошади долго не протянут, но даже верблюд лучше, чем идти пешком.

Остальные гирканийцы с жаром согласились.

— Так мы и сделаем, — заявил Монанд. — Цель нашего путешествия лежит далеко в пустыне, и нам необходимы верховые животные.

— Верблюды! — сказал карлик, плюнув в костер.

На следующий день они перешли гряду низких холмов и увидели несколько участков, покрытых скудной травой, лежащих в небольшой долине, защищенной от ветров. Для того чтобы добраться до оазиса, им нужно было пройти между двух холмов, но там на верблюдах сидели полдюжины человек и держали наготове свои короткие луки.

Худые, со злобными лицами, они носили островерхие шлемы, обмотанные черными тюрбанами. С тюрбанов свисали полосатые платки, доходящие до стремян.

— Мы можем легко их убрать, — сказал Ки-Де, небрежно подергивая тетиву своего большого лука. — Наше оружие стреляет в два раза дальше.

— Да, — согласилась с ним Акила. — Мне хочется пострелять в цель. Уже много дней я стреляла только в зайцев и в газелей.

— Нет, — возразил Конан. — Судя по одежде, это воины племени Омри, и если здесь только шестеро, то в оазисе их еще сотня. Человек, с которым я говорил в городе, сказал, что Омри взяли себе этот оазис и берут дань с проезжающих. Нужно будет заплатить.

— Мы поговорим с ними, — сказал Монанд.

Путешественники поехали вперед, держа оружие поблизости, но не проявляя враждебности. Пока Монанд вел переговоры с предводителем отряда, киммериец и товарищи разглядывали кочевников, так же как и те разглядывали их. Жители пустыни проявляли глубокое презрение, какое чувствует любой кочевник к чужим людям. В этом им помогала и высота верблюдов, на которых они сидели. Воины были так укутаны в свои полосатые платки, что виднелись только руки и черные глаза. Кочевники носили сапоги из мягкой синей кожи, а сабли их имели прямые длинные клинки.

— Платить за воду! — угрюмо произнесла Акила. — То же самое, что в городе.

— Нет, — сказал Конан, — эти люди берут деньги лишь за доступ к воде и траве. Горожане обложили бы налогом весь провозимый товар и захотели бы взять процент с нашей торговли.

— Горожане! — фыркнул карлик. — Неудивительно, что они естественная добыча для настоящих людей.

— Но эти не горожане, — предупредил Конан. — Они такие же хищники, как и мы. Не надо их провоцировать. Я хочу спросить их о положении на юге и о том, что они знают об уничтоженном племени.

Монанд уплатил требуемую дань, и путешественники спустились в долину, с трудом сдерживая лошадей, обезумевших от запаха свежей воды. Верблюды же гордо вышагивали, сохраняя достоинство.

Когда лошади достаточно попили, путники оттащили их от воды, поскольку те могли упасть. Конан распорядился, чтобы животных почистили. Он хотел придать им товарный вид. Затем киммериец пошел искать вождя Омри. Краткий осмотр сказал Конану, что в оазисе стояли три каравана. В одном было несколько лишних верблюдов, и киммериец решил поговорить с начальником этого каравана еще до наступления ночи.

Племя Омри стояло лагерем ближе всех к бьющему из-под земли ключу, позволяя остальным поить животных, но тень палм оставляя себе. Конан заключил, что здесь находятся около восьмидесяти воинов, не считая женщин и детей. С отрядами по полдюжины человек, охраняющими каждый из подступов, это делало первоначальную догадку о сотне воинов приблизительно верной. Киммериец знал, что при таких скудных ресурсах содержать более крупные отряды невыгодно; небольшие армии собирались лишь время от времени для нападения на города у границы пустыни.

Он нашел вождя сидящим под пологом, вытканном из козьей шерсти. Вождь Омри отдыхал на грубом ложе, сделанном из верблюжьих седел и ковров. Время от времени вождь вдыхал дым ароматических трав, горящих в маленькой бронзовой жаровне. Когда киммериец подошел, вождь кочевников обратил внимание на его крепкое сложение и гордую походку.

— Прошу тебя к воде и траве моего племени, незнакомец, — произнес вождь. Он указал рукой на большое кованое бронзовое блюдо, лежащее перед ним. На нем лежали кусочки хлеба, посыпанные грубой солью. — Поешь со мной.

Конан сел, скрестив ноги, на землю и взял один из кусочков.

— Ты щедрый вождь, — сказал он, прежде чем взять сухой кусочек в рот.

В пустыне поедание хлеба с солью было символическим актом, ставящим человека под защиту вождя, согласно древним правилам гостеприимства. Теперь любой, предавший гостя, будет наказан богами.

Некоторое время оба говорили на малозначительные темы: о состоянии пустыни на юге, о возможности выгодно обменять лошадей на верблюдов. Затем Конан завел разговор о том, что действительно его беспокоило: найденное им уничтоженное племя. Вождь насторожился, когда Конан описывал увиденное зрелище.

— Сэт и Иблис! — воскликнул вождь, делая рукой жест, оберегающий от зла. — Что-нибудь осталось из одежды или других вещей этих людей?

— Я нашел несколько лоскутков черной материи с вышитыми на ней тонкими белыми зигзагами.

Вождь немного успокоился.

— Значит, это был народ Бени-Нуэр. Это жалкие люди, побирающиеся на границе пустыни и не решающиеся заходить далеко в пески, так что это невелика потеря, но мне не нравятся приметы и следы, которые ты нашел!

— Что они означают? — спросил Конан.

— Ты ел мой хлеб и соль, так что я обязан предупредить тебя: Бени-Нуэр были убиты хадизза, демонами бури! Это нечистые твари из глубины пустыни, но в течение последней луны я слышал уже о трех таких нападениях.

— Что их сюда влечет? — спросил Конан.

Вождь пожал плечами.

— Это существа подземного мира духов, так что кто может знать?

— Ты не знаешь, какой у них вид и как они убивают?

— Они никого не оставляют в живых, кто мог бы описать их, но их жертвы — и люди, и звери — все растерзаны. Сердца несчастных выедены, а часто и мозг, остальное просто изорвано в клочья.

Было ясно, что вождь мало знает об этих существах, кроме старых легенд, но было полезно узнать, что произошло уже три таких нападения и что случилось они в течение последнего лунного месяца. Конан решил попытаться узнать еще и о другом.

— Не знаешь ли ты о древнем городе Джанагар, затерянном, как говорят, в глубине пустыни?

Вождь рассмеялся:

— Мой друг, в пустыне полно затерянных городов. Я сам видел их полсотни. Некоторые еще тянут свои разрушенные башни к звездам, другие так занесены песком, что колоссальные изваяния их великих людей лишь выглядывают из песка, который скрывает их до носа. Людей заставляет строить города легкомыслие. Боги пустыни всегда возвращают себе свое. Мудрость заключается в том, чтобы знать законы пустыни. Если хочешь, можешь спросить Асока-сказителя. Он знает много древних легенд и, возможно, слышал о Джанагаре.

Конан вежливо поблагодарил вождя и отправился искать сказителя. Киммериец был доволен тем, что группа его находилась теперь в безопасности, поскольку законы гостеприимства пустыни сильнее любых правил цивилизованных народов. Это, однако, не означало, что теперь вождь был его другом на всю жизнь. Защита распространялась лишь на то время, пока путешественники находятся в оази-

се. Покинув его, они снова становятся законной добычей.

После расспросов киммериец направился к небольшому загону, выложенному из камня, где за верблюдами Омри наблюдал всего один человек. Он был пожилым по меркам кочевников, среди которых мало кто доживал до преклонных лет. Глаза его казались еще яркими, хотя и окружало их множество морщин. Его освободили от тяжелой патрульной и охранной службы, которую несли более молодые воины, но на боку его висела прекрасная сабля, и он был так же готов воспользоваться ею, как и любой другой.

Конан приветствовал старика и протянул ему припрятанную до этого бутылку финикового вина.

— Твой вождь сказал мне, что ты источник знаний и тебе хорошо известны легенды пустынь.

Рот старика был скрыт платком, но морщины у глаз еще более углубились от улыбки.

— Да, так оно и есть, незнакомец. — Он взял бутылку, затем, сохраняя приличие, отвернулся, когда поднял платок для того, чтобы пить. Немного выпив, он опустил платок и вернул бутылку Конану. — Благодарю тебя. Какую легенду ты хочешь услышать, незнакомец? Я знаю все песни о Рустуме Великолепном. Я знаю легенды о царях и подлецах и о любви и людей, и богов. Я могу рассказать о битве и смерти, и о сватовстве к принцессе, и о проклятиях могучих колдунов. Что ты хочешь услышать?

Голос старика был глубоким и чистым — голос прирожденного рассказчика.

Конан выпил вина и снова подал бутылку старику.

— Я хотел бы послушать о городе, затерянном в глубине пустыни.

Старик выпил так же, как и до этого, и вернул бутылку.

— А их много! Бронзовый город показывается смертным каждые сто лет, и из тех, кто входит в

него, чтобы прочесть волшебные письма, выведенные золотом на мраморных стенах, каждый третий погибает, один из трех сходит с ума, оставшемуся же будет выпадать удача до конца его дней. Илхар, город Жемчужных башен, лежит в развалинах, ибо люди сильно согрешили и боги лили на него огонь в течение многих дней и ночей, не пощадив ни людей, ни скота. А колдуны Аманопета подняли свой город на небо — дворцы, дома, храмы и стены, — и никто его больше не видел. О каком затерянном городе ты хочешь услышать, незнакомец? — Он протянул руку к бутылке, и Конан дал ее старику.

— Ты знаешь о Джанагаре, городе Опаловых ворот?

Старик сощурился и порывлся в своей памяти.

— Иблис, незнакомец, ты просишь рассказать самую старую и самую загадочную легенду!

— Значит, ты слышал ее?

— Слышал, но так давно и из такого редкого источника, что я вполне могу быть последним сказителем, знающем о Джанагаре. Еще в ранней юности я разыскивал стариков, коротающих ночи в пустыне и исполняющих древние легенды и песни. Когда я был мальчиком, клан моего отца стоял лагерем перед стенами Замбулы, куда мы приходили каждый год на верблюжью ярмарку. Мы стояли у источника рядом с крохотным племенем, называвшимся Уадим. Когда-то это был могучий народ, но завистливые племена собрались вместе и отняли у них колодцы и тайные пастбища, и за пять поколений от народа осталась лишь горстка людей, которых мы видели у стен Замбулы. Это был грустный народ, ибо они получили прозвище проклятого племени, и, следовательно, молодые люди не могли достать себе жен, и они были обречены на вымирание.

Старик вздохнул и отхлебнул вина.

— Продолжай, пожалуйста, — сказал Конан, не пытаясь забрать бутылку.

— Следующей луной по дороге в Кассали в Пунте мы узнали, что народ Уадим был уничтожен стигийцами, которые собирались построить форт в том месте, где оставался последний колодец этого несчастного племени. После этого все их легенды были потеряны, кроме тех, что я слышал у Замбулы.

— И одна из этих легенд была о Джанагаре?

— Да. Дай мне вспомнить, незнакомец, ибо это было много-много лет назад.

Старик хлебнул вина и на несколько минут уставил взгляд в пространство. Затем он продолжил:

— Сейчас припоминаю. Очень-очень давно тот народ, что сейчас является племенами пустыни, был всего лишь крестьянами, которые ковырялись в земле... — Он слегка отвернулся, приподняв платок, и плюнул на землю, выразив этим свое презрение к оседлым жителям, даже если они его собственные предки. — Злой Джанагар сиял, подобно драгоценному камню среди плодородной земли, которая теперь и есть самое сердце пустыни.

Могуч был Джанагар, город высоких башен и огромных храмов, из которых поднимался ароматный дым благовоний, сжигаемых перед алтарями богов. Невообразимо богат был Джанагар, город, где дворцы князей сверкали золотом и серебром, где люди носили шелк и бархат и даже блудницы украшали себя такими драгоценностями, которым теперь позавидовала бы любая царица.

Жесты старика были столь же красноречивыми, как и его речь, его руки и длинные тонкие пальцы изображали в воздухе башни и людей давно уже мертвого города.

— Но зло охватило Джанагар, последние цари города и их изнеженные придворные обратились к мерзкому колдовству. Богатства и власти им было мало. Нет, они желали бессмертия, и, чтобы достичь этого, они занялись самым черным

колдовством, обратились к самым чудовищным обрядам. По ступеням храмов текла кровь жертв, убитых во время церемоний столь мерзких, что смотревшие сходили с ума.

Это разгневало богов. Не кровопролитие, ибо боги любят кровь. Нет, их разгневало дерзкое стремление злых колдунов Джанагара. Они стремились превзойти богов. — Старик нагнулся вперед и заговорил шепотом, будто боясь привлечь внимание высших сил. — Ибо знай, незнакомец, что даже боги не бессмертны, но все со временем умирают. И за это они проклинали Джанагар. В одну ужасную ночь жители бежали из города и больше туда не возвращались.

Но были и такие, кто не бежал. Те колдуны и их приспешники остались, до последнего пытались отвести от себя гнев богов. В ту ночь они совершали свои самые мерзкие ритуалы, произносили заклятия такой силы, на какие не решался до этого даже самый безумный маг. Сама земля вокруг Джанагара иссохла от зла, скопившегося во время битвы людей и богов, и в ту ночь получила свое начало пустыня, и она все расширяется, а в самом сердце ее лежит Джанагар.

Пока Конану эта легенда не казалась отличной от других, ей подобных. О мертвых городах часто рассказывали, что их жители разгневали богов, рассказывали о зле, о поныне действующем проклятии. Неужели Джанагар ничем не отличается?

— Ты не знаешь, — спросил киммериец, — легенды, связывающей Джанагар с хадизза, демонами бури?

Старик задумался.

— Нет, эта древняя легенда о них не упоминает. Хотя хадизза встречаются во многих рассказах, и вполне может быть, что они возникли во время бесславного падения Джанагара. Поскольку сама пустыня родилась тогда, не могли ли демоны пустыни явиться тогда же?

— Да, вполне может быть, — согласился Конан. Он поднялся и поблагодарил старика, который пытался задержать его, чтобы заставить еще послушать легенды, но у киммерийца были другие дела.

Как он и ожидал, здесь были начальники караванов, желающие поменять верблюдов на хороших лошадей, и большую часть дня Конан провел, разглядывая этих гордых животных пустыни. Торговцы, которые надеялись обмануть невежественного северянина, были сильно разочарованы, поскольку Конан одинаково хорошо разбирался и в верблюдах, и в торговцах. В конце концов мена состоялась. Гирканийцы и Акила были в ужасе от того, что им придется ехать на верблюдах.

— Это самые мерзкие твари, каких я только видела! — воскликнула Акила.

— Сэт! Вонь их еще хуже, чем их вид! — заявил карлик.

— В верблюдах не ищут красоты, — сказал Конан, начиная раздражаться. — В них ценят силу, выносливость и доброту. Это животное никогда не вдохновит поэта, но оно крепкое и здоровое. Они довезут нас туда, куда нам надо, и более того, они доставят нас назад.

— У них такие милые глаза, — сказала Йоланта, — большие, карие и влажные. У них такие длинные, изящно изогнутые ресницы.

Один из верблюдов заворчал и смачно плюнул, едва не попав в Акилу.

— Они невоспитанны, — заявила бывшая царица.

— Я покажу вам, как их седлать, — сказал Конан, — а затем поучитесь управлять ими.

Ворча и жалуясь, путники выбрали себе верблюдов и кое-как оседлали их, во время чего гордые животные взирали на них с едва прикрытым презрением. Киммериец научил товарищей, как

заставить верблюдов опускаться на колени, чтобы сесть на него. Это редкое зрелище собрало караванщиков и воинов Омри. Все они скоро катались от смеха.

— Не пинайте их пятками! — кричал Конан. — Это не лошади, и они не понимают, когда вы их прищипориваете! Пользуйтесь прутом!

Каждое седло было снабжено прутом — тонкой розгой примерно в ярд длиной.

После часа попыток Конан был удовлетворен тем, что его товарищи усвоили основы управления верблюдами. Чтобы сравниться с наездниками из пустыни, им, конечно, потребуется еще некоторое время, но, по крайней мере, они продержатся в седле оставшуюся часть пути. Гирканийцев даже начало радовать то, что с такой высоты они могут стрелять дальше.

— Ладно, — сурово сказал Конан, когда солнце коснулось горизонта на западе. — Теперь, я думаю, вы не свернете себе шеи. Завтра отправляемся на юг.

— Мне уже надоела пустыня, — проворчала Акила.

Конан рассмеялся.

— Ты так думаешь? Тебе еще предстоит удивиться, женщина.

— Что ты хочешь этим сказать, подлец? — гневно спросила она.

— Я хочу сказать, что то, по чему мы до этого ехали, не было пустыней. Это была просто засушливая земля.

В этот момент даже самоуверенность надменной царицы пошатнулась.

— Правда? Если это еще не пустыня, то что же она тогда?

— Ты ее узнаешь, когда увидишь, — пообещал ей киммериец. — Там как в аду, когда огонь догорел.

Глава 6

— Сэт и Иблис! — воскликнул карлик Джеба. — Где мы?

Группа путников стояла на вершине бархана, а перед ними простиралась волна песчаного моря. Над головой висело залитое солнцем небо, будто огромный купол, на котором не было ни единого облачка. Жар солнца опалял их, будто гнев жестокого бога.

— Это пустыня, — объяснил Конан.

— Как мы теперь найдем дорогу? — спросила Акила. — Там нет ни деревьев, ни холмов, нет даже высоких камней, на которые можно было бы равняться.

— Тот, кто знает законы пустыни, может найти дорогу, — сказал киммериец. — Вопрос лишь в том, знаем ли мы, куда идти? — Он обернулся в сторону близнецов, которые сейчас просто сидели на верблюдах, без паланкинов. — Только вы знаете, где это таинственное место. Вы можете его найти?

— Конечно, — ответил Монанд. — Мы поведем вас прямо к цели нашего пути.

— Этого недостаточно, — сказал Конан. — Я никогда не путешествовал в этой части пустыни. Южнее этого места я не знаю, где находятся колодцы. Если там и есть оазисы, кочевники держат их в тайне. Верблюды могут много дней идти без воды, но даже им в конце концов надо пить. У нас в бурдюках есть запас, которого хватит дней на десять, не больше.

Йоланта улыбнулась.

— Не бойся. наших запасов будет более чем достаточно. Сейчас мы остановимся и отдохнем. А когда солнце опустится, продолжим путь.

— Так будет лучше всего, — согласился Конан. — Ночь — лучшее время для перехода по пустыне, хотя я мало верю в это ваше предприятие. Я

нанялся для того, чтобы защитить вас от мародеров, а не для того, чтобы умереть среди песка.

— Да, это и к нам относится, — сказала Акила, охватив жестом трех женщин и карлика.

— Если за пять дней не найдем вашего города, — продолжал Конан, — мы должны будем повернуть назад. Но нас очень будет мучить жажда даже тогда, когда мы доберемся до оазиса, и, возможно, мы недосчитаемся нескольких верблюдов.

— Этого времени нам хватит, — заявил Монанд.

Конан показал товарищам, как усадить верблюдов, вырыть рядом углубления и как установить свои одеяла, закрепив на седле и подперев с другого конца прутom так, чтобы укрыться от солнца в жаркую часть дня. Несколько часов они пролежали, тяжело дыша, под этими навесами, до тех пор пока солнце не подошло к линии горизонта и воздух не стал немного прохладнее. Когда жара спала, путники поднялись и продолжили путешествие.

Солнце зашло за линию горизонта, и на несколько минут небо залило яркое алое свечение. Затем быстро наступила темнота. Через минуту показались несколько ярких звезд. Еще через несколько минут их было уже сотни. Спустя еще некоторое время небо украсили сотни тысяч звезд во всем своем великолепии. Через два часа после заката взошла неполная луна, и пустыня осветилась почти так же, как и днем, недоставало лишь цвета, придаваемого солнечными лучами.

Под звездным пологом путники двигались в полной тишине, поскольку лапы верблюдов не создают столько шума, как копыта лошадей. По обычаю пустыни все металлические детали упряжки обмотали так, чтобы металл не звенел, и единственным звуком были тихие стоны и ворчание верблюдов.

Как всегда, Конан ехал далеко впереди остальной группы, напрягая все органы чувств так, чтобы не

пропустить возможной опасности. Его мучила тяжелая мысль о том, что главная опасность может исходить от врага не в образе человека. Что это за демоны бури? Можно ли с ними справиться? Одолеет ли сталь существ, чьи когти могут оцарапать камень? В то время как он размышлял над этими вопросами, к нему подъехала Акила.

— Откуда ты знаешь, куда нам ехать? — спросила она. Говорила она тихо, поскольку ночью в пустыне шепот слышен на расстоянии десятка шагов.

Конан указал рукой на юго-запад.

— Монанд сказал, чтобы я равнялся на Малого Дракона.

Это созвездие из девяти звезд мерцало прямо над горизонтом. В середине, будто рубин, горела звезда Демон.

— В моей стране мы называем это созвездие Крылатый Демон, — произнесла она с легким трепетом. — Та красная звезда, что больше всех остальных, сулит несчастья.

Конану впервые показалось, что она говорит так, будто боится чего-то.

— Это подходящий ориентир, — сказал Конан, — так как я думаю, что она не ведет нас ни к чему хорошему.

— Как так?

Конан рассказал ей о том, что слышал от сказителя племени Омри.

— И что это значит? Старик слышал рассказ о Джанагаре еще в молодости. Сумасшедшие близнецы вычитали о городе в старых книгах. Значит ли это вообще что-нибудь? Наверняка этот город, если он действительно существует, так стар, что все зло уже исчезло. А что касается сокровищ, которые они надеются отыскать, так я в них не верю. Они найдут только пыль и обломки камней.

— Если это самое худшее, то я не огорчусь, — ответил Конан.

— А когда мы выполним свою задачу, что ты будешь делать?

— На севере почти все войны закончились. Но на юге еще много земель. Для храброго воина там всегда что-нибудь найдется. Если ты умеешь обращаться с оружием, ты всегда найдешь спрос на свое искусство.

— Что там за земли? — спросила она.

Киммериец был удивлен, услышав, что она говорит без прежней враждебности.

Он снова указал рукой на юго-запад.

— Если мы пойдем туда и дальше и не умрем по дороге от жажды, мы выйдем к Стиксу, к реке, которую некоторые называют Нилом. Это самая большая в мире река, и за ней лежит Стигия. Та земля мне не нравится, потому что, хотя она и богатая, там больше всего колдовства и правят там тираны, издающие, на мой взгляд, слишком много законов.

Теперь он показал рукой на юг.

— В том направлении лежат Пунт, Кешан и Зембабве. Там горы, джунгли и саванна. Местную дичь не описать, ее надо видеть — стада так огромны, что не охватить взглядом. Там водятся гигантские слоны и жирафы, крошечные антилопы и еще множество самых разных животных. Зебры, похожие на лошадь с черными и белыми полосами, пасутся рядом с бизонами, у которых между концами рогов два шага, а рядом носороги, будто бронированные осадные машины, а рог их длиной с человеческую руку. И на всех этих животных охотятся большие кошки — львы, леопарды и быстрые, как падающий ястреб, гепарды.

Акила была заворожена рассказом киммерийца.

— Я хочу все это увидеть! Я думала, что за степью лежат земли оседлых жителей, не годных ни на что, кроме как быть добычей. Народы в тех землях свирепые и воинственные?

— Да, воинственные. Они все чернокожие, но различаются по виду и языку. Я видел пигмеев, ростом не более трех футов, и я видел племена, где самый низкий человек выше семи футов.

— Как они дерутся? — спросила Акила, желая удовлетворить профессиональный интерес.

— В тех землях любимое оружие — копье. Некоторые используют луки и отравленные стрелы. В Кешане многие дерутся верхом, но южнее всадников мало. В джунглях множество болезней, которые могут погубить лошадь.

— И есть земли даже за теми, что ты назвал?

— Да, и никто из шедших на юг еще не дошел до конца земли. Черные Королевства обширны.

Акила показала на запад.

— А что там?

— Стикс делает большой изгиб и течет на запад, к морю. К югу от него лежит Стигия. К северу первая страна после пустыни — Шем, а к северу от Шема лежит Коф. Это земли скотоводов, где люди разводят огромные стада коров и овец. Люди эти также хорошие лучники. К западу от Кофа лежит Аргос, а затем Зингара. Все эти земли выходят на Море Запада.

— Ты был в этих странах? Я не знала, что мир так велик.

— Я почти во всех из них провел некоторое время, — ответил Конан. — Да, мир бесконечен. Там, сзади, — он указал через плечо большим пальцем, — лежит Иранистан, Вендия и Кхитай. Говорят, что Кхитай такой же большой, как все западные земли, вместе взятые, но откуда это знают, мне непонятно.

— У себя дома, в степях, — задумчиво проговорила Акила, — я разговаривала с караванщиками, которые были в Кхитае. Они говорили, что он действительно огромен, но по их рассказам мне показалось, что он слишком упорядочен и скучен.

Конан рассмеялся.

— Не сомневаюсь. Но для таких, как мы, полно беспорядочных мест. Я еще даже не рассказал об Офире, Аквилонии и Немедии, это все богатые, цивилизованные и воинственные страны, не рассказывал и о Пустошах Пиктов, таких же диких, как и Черные Королевства. К северу от них находятся Асгард, Ванахейм, Гиперборея и моя родина Киммерия. Земли эти небогаты, но они производят на свет ни с кем не сравнимых воинов. А за Морем Запада, я не сомневаюсь, есть другие земли, народы и королевства, воюющие друг с другом. Прежде чем умру, я, вероятно, еще посмотрю на них.

— У тебя сердце истинного искателя приключений, — сказала Акила, и Конану послышались в ее голосе нотки восхищения.

— Я думаю, что ты такая же, как я, — произнес он. — Ничего не боишься, верная слову и друзьям, любишь опасность и всегда готова ехать к следующему холму, чтобы посмотреть, что за ним.

— Конечно, — сказала она. — Ведь я царица.

— Лишь тот, чье слово твердо, как железо, останется еще с этими сумасшедшими близнецами. Но я взял их плату и доведу дело до конца. Хотя признаюсь, что редко занимаюсь такой глупостью.

На этот раз рассмеялась Акила.

— Сомневаюсь, Конан. Мне кажется, что ты берешься за многие глупости просто ради удовольствия. Я делаю то же самое, еду за несуществующим сокровищем, стремлюсь отомстить тогда, когда любой разумный человек уже сдался бы, когда перевес сил явно не в мою пользу. Но разве иначе стоит жить? Такая жизнь может оказаться короткой, но она полна огня.

— Да. По-другому я бы и не стал жить.

Некоторое время они ехали молча. Киммериец чувствовал, что между ними образовалась связь. Он уже собрался опереться на нее, возможно, предло-

жить вступить в еще большую близость, хотя и не так прямо, как обычно, как вдруг Акила выпрямилась и устремила взгляд вперед. Конан сделал то же самое, выругавшись про себя. Как не вовремя!

— Кто-то приближается, — сказала она тихо; меч ее чуть слышно прошуршал, освобождаясь от ножен.

Меч Конана был уже в руке, не издав ни малейшего шума, когда киммериец выхватил его из ножен. Конан пошевелил ноздрями.

— Ветер оттуда, но я не чувствую запаха демонов.

— Слава богам, — прошептала она. — И с людьми много возни без демонов. Сколько их там, как ты думаешь?

Он напряг свой слух, но услышал лишь шарканье, сопровождаемое монотонным мычанием.

— Если я не ошибаюсь, там один человек, ведущий себя не очень осторожно. Это может быть уловкой, чтобы притупить нашу бдительность, в то время как его сообщники нападут на нас.

— Я не какая-нибудь селянка! — гневно ответила она. — Я это прекрасно понимаю.

Он пожал плечами. Такая вот близость. Теперь киммериец видел — кто-то бредет в их сторону, отчаянно шаркая и спотыкаясь. Когда человек подошел ближе, стало ясно, что мычание было грустной песней. Незнакомец явно был несчастен. Он, казалось, не замечал путников, пока не оказался в двух десятках шагов от них. Вдруг он поднял глаза и вскрикнул:

— А-а-а! Вы... смилуйтесь, это лишь я, Амрам, самый несчастный из людей. Я не сделал вам ничего плохого.

Акила усмехнулась.

— Действительно, не ты нас так встревожил. Ты один?

— Да, конечно! А вы?

Конан не обратил внимания на встречный вопрос.

— В таком случае ты должен быть большим дураком, поскольку лишь дурак пойдет один по этим пескам, тем более что эту пустыню называют Губительницей дураков.

— Но я это не сам придумал, — ответил Амрам, повесив голову. — История моя печальна.

— Не сомневаюсь, — сказала Акила, — такая ехидная собака, как ты, другую и не расскажет.

— Последи за ним здесь, — сказал Конан, — я проеду вперед и посмотрю, нет ли засады. Если услышишь шум боя, убей его и скачи к остальным.

— Хорошо, — ответила она. — Ты знаешь пустыню лучше меня.

Конан проехал полмили, осматривая все подозрительные места. Ему были известны случаи, когда кочевники лежали под соломенными циновками, засыпав себя песком, и часами ждали, пока не приблизится добыча. Когда жертва была прямо над ними, они выскакивали из песка, будто демоны из преисподней, кричали и размахивали саблями, пока караванчики не лежали в кровавом месиве, а добыча не была их. Но были приметы, по которым можно найти таких разбойников, и такие приметы сейчас отсутствовали.

Убедившись, что засады нет, Конан поехал туда, где его ждала Акила. Незнакомец, волнуясь, стоял рядом с верблюдом. Это был низкий мужчина шуплого телосложения. Из-под капюшона было видно худое лицо с горбатым носом, которое расплылось в подобострастной улыбке, когда Акила, увидев, что Конан возвращается, спрятала меч в ножны.

Конан и Акила снова поехали.

— Шагай рядом, — приказал Конан. Незнакомец повиновался. — Ну, расскажи нам свою историю.

— Знайте же, что я торговец из Барубы в Кешане...

— Судя по акценту, ты из Кофа, — сказал Конан.

— А, именно так. Мой отец был знаменитым купцом, чье прекрасное имение лежало среди идиллических холмов Рамата, рядом с...

— Ты говоришь не просто как кофит, — перебил его Конан, — но как житель Хоршемиша!

— Как я и собирался сказать, знаменитое торговое представительство моего отца находилось в роскошном храмовом районе этого города...

— Твоя речь не просто речь жителя Хоршемиша, — неумолимо продолжал Конан, — а обитателя Болота, района трущоб и притонов.

Амрам скрипнул зубами, но без смущения продолжал:

— Я вижу, что ты много путешествовал. Ладно, отец мой не был знаменитым купцом. Он был мениялой, но его заведение считалось самым приличным в том несчастном районе...

Он прервался и вскрикнул, так как Конан нагнулся, сидя в седле, и схватил его рукой за шею. Киммериец не стал, однако, душить, но лишь нащупал пальцами необычно огрубевшую кожу повыше ключицы.

— Если ты сын уважаемого ростовщика, — сказал киммериец, — почему у тебя на шее шрам от стигийского рабского ошейника?

— Мы еще не сделали и ста шагов, — произнесла с удивлением Акила, — а этот незнакомец уже опустился в ранге от сына знаменитого купца до раба. Насколько он еще может опуститься?

Конан сжал пальцы на шее.

— Еще ниже раба находится труп. Хочешь испытать эту роль, Амрам?

— Смилуйся, господин! — вскричал Амрам. — Ты меня не понял! Очень давно я служил в армии Кофа, когда мы воевали со Стигией. Меня взяли в плен, и я некоторое время жил в той земле, оказавшись в рабстве, но это лишь судьба, достаемая иногда солдатам. Вы ведь не можете посчитать это бесчестьем.

— И как ты оказался один в пустыне, ты, подлец с языком змей? — спросила Акила.

— Я как раз к этому подхожу! Не надо быть такой нетерпеливой! Прелесть рассказа в том, как неторопливо он разворачивается, а не в том, чтобы сведения хлынули, как вода из акведука.

— Странно, — вслух подумал Конан, — каких только людей не встретишь среди ночи в пустыне.

— Несколько лет назад я бежал из стигийского плена и направился в Кешан. Там мои торговые дела процветали, и со временем я стал владельцем собственного каравана. У меня были лучшие верблюды, и я каждый год ходил из Барубы в Пунт, оттуда в Кутхемес и Замбулу и оттуда назад.

— И чем ты торговал? — поинтересовался Конан.

— Обычные товары: слоновая кость, перья, меха, жемчуг, который приходит с западного берега через Куш и Дарфар, рабы и прочее. На обратном пути я часто вез специи, восточный шелк, который лучше стигийского шелка, драгоценности, рабов другого цвета кожи, и их я обычно менял в Стигии на местные товары и прекрасное шемитское стекло перед тем как вернуться в Барубу, где у меня несколько жен и около дюжины детей.

— На товары, которые ты назвал, в Стигии назначается высокая пошлина, особенно на шелк, — заметил Конан. — Ты обходил таможеню?

Амрам пожал плечами.

— Не считаю нужным причинять властям лишнее беспокойство. Я умею ее обходить.

— Так ты контрабандист! — сказала Акила.

— А какой уважающий себя караванщик не занимается контрабандой? — спросил Амрам с истинным удивлением в голосе.

Конан рассмеялся.

— Да, это правда! Ладно, ты поведал нам радостную часть своей истории, и я думаю, что она

правдива меньше чем наполовину. Расскажи нам теперь грустную часть.

Амрам драматично вздохнул.

— Для караванной торговли настали трудные времена. На юге много верблюдов умерли от какой-то неизвестной болезни. К северу старые колодцы пересохли, и в результате кочевники сделались еще более хищными. Я не мог ни набрать достаточно товара для приличного каравана, ни нанять опытных погонщиков, чтобы вести хотя бы тех животных, что у меня остались. Итак, увы, я совершил глупость.

Он сделал поистине скорбный вздох.

— Что за глупость? — спросил Конан, из опыта зная, что надо задать вопрос рассказчику. Таков обычай рассказывать в южных землях.

— Я принял заказ у незнакомца, не знавшего пустыни, у сумасшедшего, занятого дурацким поиском.

Конан почувствовал, как по затылку у него забегали мурашки, посмотрел на Акилу и увидел, что она тоже на него смотрит.

— Что это был за поиск?

— Я находился тогда в Кутхемесе, у меня оставалось восемь верблюдов, к тому же здоровье одного из них вызывало тревогу. Работники мои бежали в надежде найти более обещающее занятие. Тогда он мне и подвернулся. Он сказал, что зовут его Фираги и что он хочет нанять караван, который доставил бы его в глубь пустыни. Все остальные караванщики, к которым он обращался, отказывались его слушать, но я не мог выбирать. Я был в отчаянии.

— Опиши его, — сказал Конан.

— Высокий, худой человек, очень хорошо одетый. По внешности я не мог определить, из какой он страны, и акцент его был необычен. Я думаю, что он откуда-то из Иранистана. Он немного походил на ученого, но я не хочу сказать, что он книжный червь, представления не имеющий о реальном

мире. Он был гордым и воинственным, как некоторые стигийские жрецы.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — заверил его Конан. — Продолжай.

— Он сказал, что заплатит за наем работников и покупку провизии. Я согласился. Но чтобы идти в такое ненадежное путешествие, я мог нанять только самых подонков, а вы знаете, что это за люди.

— Знаю, — сказал Конан.

— Что вы искали в глубине пустыни? — спросила Акила.

— Вначале он ничего не говорил об этом. Но после бесконечных дней пути, когда мы не нашли ничего, кроме голых бескрайних песков, люди мои воспротивились. Тогда он рассказал нам об удивительном городе, давно затерянном в самом центре пустыни, городе, полном сокровищ. — Амрам пожал плечами. — А почему бы и нет? Я видел много странного во время своих путешествий. Самое главное, что это пробудило у моих погонщиков жадность и заставило их идти дальше, хотя продолжать путь было опасно. Затем один из них исчез.

— Сбежал? — спросил Конан.

Амрам покачал головой.

— Нет. Однажды утром мы проснулись, и погонщика не было. Какой дурак покинет в центре пустыни караван, не прихватив верблюда, либо пищи, либо, по крайней мере, бурдюк воды? Но все было на месте. Ночь тогда выдалась ветреной, и следов мы не нашли. Мы решили, что он сошел с ума и удалился один в пустыню, чтобы покончить с собой. Иногда такое случается.

Мы пошли дальше. На следующее утро исчез другой человек. Обстоятельства были те же. Теперь оставшиеся погонщики встревожились. «На нас лежит проклятие», — сказал один из них. «Демон песков заманивает людей в пустыню», — сказал другой. Говорят, что демоны принимают облик красивой жен-

щины и заманивают людей туда, где они гибнут. Некоторые поют прекрасную песню, которую слышит лишь избранная ими жертва. Человек хочет найти то место, откуда звучит эта песня, и забывает обо всем остальном.

— И потом? — сказал Конан.

— Не будь столь нетерпелив, Конан, — упрекнула его Акила. — Ночь долгая, и человек этот забавный. Позволь ему вести свой рассказ так, как он хочет.

— Тебе повезло, Амрам, — произнес Конан, — эта женщина очень терпима к людским странностям.

Она рассмеялась, и Амрам нервно улыбнулся, явно чувствуя облегчение оттого, что у его пленительей хорошее настроение.

— Госпожа воистину и красива, и умна. Я продолжаю: мои люди были объаты страхом, и они обвинили нанявшего нас в сговоре с демонами, в том, что он заманивает нас в пустыню, чтобы они нас там съели. Он сказал, что это всего лишь совпадение, что оба погонщика просто сошли с ума один за другим. Он снова начал рассказывать о великом городе, который уже должен был быть близко. Он уверял, что нам надо пройти еще всего один день. Я выступал за то, чтобы вернуться, но остальные были людьми недалекими, и они согласились идти дальше.

— И на следующее утро пропал еще один человек, — произнес Конан, пытаясь угадать.

— Нет. На следующее утро мы проснулись и обнаружили, что наши бурдюки распороты. От всего содержимого остался лишь мокрый песок. Пережив первый приступ ужаса, мы обратили свой гнев на Фираги. Но он лишь стоял и ухмылялся. Он сказал, что нам теперь нужно обязательно найти город, так как там находятся неиссякаемые источники, и только он, Фираги, может отвести нас туда.

— Я бы убила его за такую наглость и пошла бы назад с водой или без воды, — заявила Акила.

— А, это только потому, что ты новичок в пустыне, прекрасная и грозная госпожа. Мы, опытные люди, знаем, что возвращаться без воды означало верную смерть. Никто из нас не был раньше так глубоко в пустыне. На самом деле мы даже не встречали никого, кто бы осмелился проникнуть в эту область. Тот дурацкий город вполне мог быть плодом его поврежденного ума, но он был нашей единственной надеждой. Не имея выбора, мы пошли за Фираги еще глубже в пески.

Конан слушал рассказ Амрама, но не позволял себе отвлекаться от главной задачи — охранять караван от нападения врагов, в образе человека или в каком-либо другом образе. Слабый ветерок не доносил никаких звуков, кроме шуршания их собственной упряжи и дыхания верблюдов. А также единственным запахом, который чувствовал киммериец, был запах верблюдов, на которых ехали он и Акила, поскольку вокруг не было ни колючих кустов, ни кактусов, которые могли бы придать свой аромат иссушенному воздуху.

— После трех дней чудовищного пути, — продолжал Амрам, — мы уже почти сходили с ума от жажды. Так что мы убили одного верблюда, чтобы утолить жажду кровью. Используя дерево седла как топливо, мы изжарили мясо и немного окрепли. Это нас ободрило, но тут остальные верблюды стали глядеть на нас с подозрением.

Скоро даже верблюды начали спотыкаться, но Фираги шел дальше, будто не замечая ни жары, ни жажды, ни бесконечных миль. В нем была убежденность фанатика. Я бы с удовольствием убил его, но тогда бы мы все погибли, так что я подавил в себе желание совершить убийство и пошел дальше.

Один за другим люди и верблюды падали, и мы, кто оставался в живых, собрав последние силы, шли дальше, подкрепляя себя верблюжьей кровью и мясом. Но позвольте сказать вам, друзья, что,

хоть кровь поддерживает жизнь, она не унимает жажды, так как она такая же соленая, как и морская вода.

Наконец остались лишь Фираги и я, и все верблюды погибли. Настал час, когда я понял, что дальше идти не могу. Плетясь за Фираги, я решил убить его, прежде чем умру сам, чтобы отомстить за себя и товарищей, поскольку, хоть они и были подонками, они все же были моими товарищами в этом путешествии. Я уже выбрал место на спине Фираги и вынул кинжал.

В этот момент Амрам вынул из-за пояса кривое, как клык кабана, лезвие и драматически взмахнул им.

— Было бы больше пользы, если бы ты сделал с ним это раньше, — сказал Конан.

— Тихо, киммериец! — обрвала его Акила, явно завороженная рассказом.

— Но не успел мой клинок коснуться его спины, как Фираги вскрикнул, — продолжал Амрам. — Он стоял на вершине бархана и раскачивался от слабости. Я не видел, что произвело на него такое впечатление, так что я снова вложил кинжал в ножны, чтобы посмотреть, что там, но решив убить его у следующего бархана. Я подошел к Фираги, чтобы узнать, отчего он воскликнул, надеясь увидеть родник. Я бы радовался самому маленькому роднику и оазису больше, чем целому городу с сокровищами.

Он остановился, снова выдерживая драматическую паузу.

— Рассказывай! — не выдержала Акила.

— Это был не родник. Это действительно был город.

— Значит, это правда? — спросил Конан, не доверяя словам щуплого караванщика.

— Да, это правда. По крайней мере, это был город. Но ничего не могу сказать о сокровищах, и вы скоро узнаете почему. И это была не куча развалин, подобно многим древним городам в пустыне,

башни которых повалились, а статуи стоят по шее в песке. Нет, в этом городе все сохранилось целым до последней черепицы, такой же город, как Хоршемиш, где я родился, или Луксур в Сигии, где я был рабом.

Вот что я увидел: за массивными стенами на сотни футов к голубому небу вздымались башни, некоторые из белого, как соль, алебаstra, некоторые из пурпурного или зеленого мрамора, увенчанные бронзовыми куполами, и на вершине каждого стоял шпиль, заканчивающийся позолоченным и блестящим на солнце шаром, звездой или полумесяцем. Башни были такими тонкими и высокими, что они бы рухнули во время великой бури, которая случается один или два раза за жизнь поколения и которая уничтожает постройки и из сырого, и из обожженного кирпича, оставляя лишь строения из прочного камня. Однако песок даже не стер полировку мрамора! Не чудо ли это?

— Если это правда, то это действительно чудо, — проговорил Конан.

— Продолжай! — просила Акила.

— Ниже башен виднелись дворцы, каждый с бронзовым куполом; некоторые купола широкие и низкие, как крона пальмы, другие высокие, как тюрбан султана, и также богато украшены драгоценностями. Там были плоские террасы, которые вполне могли оказаться висячими садами, такие, как в больших городах Сигии, но я не видел на них ни следа зелени, так же как и нигде вокруг города.

Вдруг мое желание убить Фираги немного уменьшилось, поскольку вел он меня верно, хотя и за большую цену. Он крикнул хриплым, как у верблюда, голосом оттого, что горло давно пересохло: «Вот он! Вот Джанагар, город Опаловых ворот!» Только тогда он впервые произнес имя этого города, имя, неизвестное мне до того мгновения, а я считаю, что слышал много преданий пустыни.

Конан и Акила переглянулись.

— Ты немного поднялся в наших глазах, — сказал киммериец с меньшим сомнением в голосе, чем раньше. — Говори дальше.

Амрам улыбнулся и кивнул:

— Вы можете ценить хорошую историю. Но никогда не рассказывал я более странной истории, которая одновременно и правдива. Ладно. Мы поковыляли к городу, и тут, опасаясь, не мерещится ли мне это все, я увидел много странного вокруг того места. Город стоял в середине огромного углубления в песке, края которого были гладкие, как у блюда. Углубление было не очень глубоким, но достаточным, чтобы скрыть город от наблюдателя, пока тот не взойдет на вершину последнего бархана. И ни одна птица не парила над головой, как часто бывает даже в глубине пустыни, так как большие птицы специально прилетают издалека в поисках падали. Но небо над Джанагаром было таким же безжизненным, как и сам город.

Ибо он действительно лишен жизни. Через стены не доносился запах дыма, и не вился дымок от крыш домов и храмов. Самым странным казалось то, что от города не доносилось ни звука. Даже в часы самого глубокого сна в обычном городе бывает хоть какой-то звук, хотя бы храп часового или шаги пьяницы. За пределами города всегда можно чувствовать запах и слышать звук скота, но рядом с Джанагаром этого не было.

И вдруг, когда я уже начал верить, что это сон или мираж, я услышал звук! И это был самый милый звук, какой можно себе вообразить!

— Человеческие голоса? — спросила Акила.

— Нет, вода! Я услышал плеск воды! Это дало крылья моим стертым ногам, и я почти пролетел последние десятки шагов до городской стены. Там, прямо перед огромными воротами, находился аккуратный

желоб, какой устраивают у себя многие города, для того чтобы поить только что подошедших верблюдов. Он имел десять шагов в длину и два шага в ширину и был полон чистой прозрачной воды! У одного конца желоба стоял пьедестал, на котором была вырезана голова фантастического животного, и вода щедро лилась из его клюва с клыками. Я опустился на колени, погрузил голову в воду и вынул ее оттуда только тогда, когда должен был сделать вдох.

Вдруг я заметил, что Фираги, глупец, прошел мимо воды, будто не видит ее. Он стоял и глядел на прекрасные ворота, в резьбу которых действительно были вправлены опалы. «Иди попей! — крикнул я. — Иначе умрешь!» Но Фираги не услышал меня или не обратил на меня внимания. Он скрестил руки на груди... — Здесь Амрам скопировал этот жест, немного опустив голову. — ... И произнес слова. Меня охватил ужас, когда ворота перед ним начали скрипеть и стонать!

Створки ворот, высотой в целых десять шагов, были сделаны из плотной древесины и стянуты бронзовыми полосами. И металл, и дерево покрывал замысловатый узор, но в тот момент мне было не до их красоты, поскольку перед моими глазами они начали двигаться! Медленно и величественно массивные ворота отворились так, что в них мог войти один человек! Без дальнейших слов Фираги вошел.

Я застыл, но лишь на мгновение. Затем поднялся на ноги и пошел к таинственному городу, который был нашей целью и причиной наших страданий. Но когда я подходил, ворота начали закрываться. Я побежал к ним, но проход был уже слишком узок. Тогда я схватился за края створок, но усилия мои оказались тщетны, поскольку створки просто выскользнули у меня из рук и захлопнулись тише, чем дверь в обычном доме. Я звал Фираги, но он не слышал, или, как я думаю, ему не было до меня дела.

Весь тот день я искал вход в этот город. Я обошел стены вокруг и нашел несколько других ворот, поменьше, но все они оказались крепко заперты. Стены были слишком гладкими, так что на них не так просто залезть, тем более что я не имел ни веревки, ни кошки.

Амрам опять глубоко вздохнул:

— Наконец я пошел прочь. Я понял, что внутри мне не войти и не было смысла умирать от голода, хотя воды у меня было вдоволь. Я уже думал, что погибну в пустыне, но тут мне посчастливилось встретить вас, моих спасителей.

— Ты пришел туда с юга, — сказал Конан. — Почему же ты направился на север?

— Я прекрасно понимал, что не смогу снова проделать тот же путь. Я знал, что к северу пустыня не так сурова, и решил, что там у меня будет хоть какая-то возможность выжить.

— Ты мне кажешься человеком, который тут же хватается за открывшуюся возможность, — произнесла Акила. — У тебя есть те опалы?

Амрам улыбнулся:

— Если бы я мог, я бы набил ими свой кошелек. Но узор из них начинался в пяти или шести шагах над землей. Строители того замечательного города были не так глупы, чтобы вставлять драгоценные камни там, где до них можно было дотянуться.

— Ты много прошел, — сказал Конан. — Но не похоже, что тебя мучает жажда. Ты даже не попросил у нас напиться.

Амрам засунул руку под халат и вынул небольшой бурдюк. Он был уже почти плоским, но когда Амрам встряхнул его, там еще булькала вода.

— Я распорядился тогда починить распоротые бурдюки, и мы взяли часть из них с собой, — объяснил Амрам. — Так как я знал, что, если мы найдем воду, нам нужно будет запастись ею, если мы хотим остаться в живых. Я взял у Джанагара столько воды,

сколько мог унести. Когда я вас встретил, у меня уже заканчивался последний запас. Вот почему я пел грустную песню, так как знал, что завтра или послезавтра я, вероятно, погибну.

— Значит, этот город отсюда недалеко? — спросила Акила.

— В трех днях пути на верблюдах. И раз уж мы заговорили об этих полезных животных, не найдется ли у вас лишнего верблюда, чтобы и я с вами поехал? Я так долго шел пешком.

— Мы часть небольшого каравана, — сказал Конан. — И хотя не мы им руководим, я думаю, что наши хозяева выделяют одного верблюда, если им понравится твой рассказ. Но не могу этого обещать. Это ты должен определить сам.

— А они, конечно, должны пожалеть бедного путника, все потерявшего и брошенного среди песков!

— Они очень странная пара, — сказал Конан. — Иди по нашим следам и там найдешь остальных. Отыщи двоих, едущих на очень высоких неместных верблюдах, и расскажи им то же, что и нам. Они не обрадуются, услышав об этом Фираги, но не думаю, что за него будут держать на тебя обиду.

Амрам низко поклонился:

— Да сохранят вас боги пустыни и уберегут от несчастий.

С этими словами он повернулся и зашагал прочь. Когда он ушел, Конан проговорил:

— Ни одному богу в этих местах нет дела до человека.

— Что ты думаешь об Амраме и его истории? — спросила Акила.

— Я думаю, что это очень странно, что мы наткнулись на него в темноте среди бескрайних песков.

— Да, и ты заметил, что он ни разу не спросил ни о том, зачем мы здесь, ни о том, что мы ищем в пустыне? Конечно, это можно объяснить тем, что он наполовину сумасшедший.

— Можно, — согласился Конан. — И я подозреваю, что нам придется в этом путешествии столкнуться еще не с одной странностью.

Глава 7

Близнецы чуть ли не ликовали. История Амрама им очень понравилась, и теперь этот щуплый человек ехал на верблюде впереди всех и вел их к удивительному городу. За ним ехали Акила со свитой, Конан, Ки-Де и гирканийцы. Их же, напротив, охватывала смесь возбуждения и тяжелого предчувствия. По крайней мере, они не носились бесцельно по пустыне, но уже сама странность рассказа Амрама настораживала.

— Не пойму, чему близнецы так рады? — проворчал карлик Джеба. — Они явно чувствуют облегчение. Хотя они сказали, что знают, где этот город. Зачем им проводник?

Короткой рукой он вытер со лба пот. С проводником близнецы решили идти днем.

— Может быть, — сказал Конан, — они знали только примерное местоположение, а не точную дорогу.

— К тому же, — добавила Акила, — они узнали о Джанагаре лишь из старинных текстов и легенд. Рассказ этого человека подтвердил, что город действительно существует. Как они и предполагали, туда уже давным-давно никто не забирался.

Конан похлопал верблюда по шее, и животное недовольно проворчало.

— Верблюды ослабевают, им скоро будет нужна вода, но они еще продержатся день или два. Если только в истории этого человека есть хоть доля правды.

— А если нет? — спросила Акила.

— Тогда, как и он, мы узнаем, сколько можно протянуть на верблюжьей крови. А потом мы наверняка погибнем, поскольку уже столько гонялись за этой мечтой, что вряд ли сможем вернуться назад или пойти дальше, к другому краю пустыни. По словам Амрама, на юге пустыня еще более сурова.

Акила с отвращением плюнула.

— Никогда не думала, что земля может быть такой пустой и безжизненной, что на нее даже не хочется смотреть.

— Да, — отозвался Ки-Де. — Мы ничего не видели, во что можно пострелять, кроме ящериц. Что хорошего в земле, где нет мишеней?

Конана беспокоили более серьезные мысли, чем отсутствие дичи. Свежее мясо иметь неплохо, но можно долго жить и без него. Он повернулся к Акиле.

— Поедем к тому бархану, — сказал он, указывая рукой на высокую кучу песка в четверти мили слева от них. — Оттуда видно все вокруг.

Они въехали на бархан, с вершины которого со всех сторон для обозрения открылся плоский монотонный пейзаж.

— Ты не часто просишь, чтобы я сопровождала тебя в разведке.

— Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Я так и думала. Что тебя беспокоит?

— Вначале Джанагар искали близнецы. Теперь мы знаем об этом Фираги, и мне все это не нравится.

— Когда они нанимали нас, то сказали, что и другие ищут этот город и что с их стороны нам может грозить опасность.

— Да, но не кажется ли странным то, что люди, идущие за сокровищем, так мало беспокоятся о том, чтобы забрать его с собой? Искать город, полный сокровищ, но ничего не взять с собой, кроме тех верблюдов, на которых едешь сам и везешь воду и корм для обратного пути?

Она задумчиво нахмурилась, но возразила:

— Но разве они не сказали, что цель их путешествия — удостовериться в существовании города и сокровищ и установить его точное местонахождение? После этого они, конечно, соберут караван из сотен верблюдов и заберут сокровища.

— Так говорят они. Но если верить Амраму, Фираги не готовился к обратному пути. Его явно не беспокоило то, что все его люди и все верблюды погибли по дороге к городу. Он не мог надеяться вернуться через пустыню один, однако он даже не обратил внимания на воду, а вошел в город и запер за собой ворота.

— Да, но он, скорее всего, сумасшедший, как и близнецы, — ответила Акила, явно раздраженная таким рассуждением. — Ты слишком много беспокоишься, киммериец. Я бы не подумала, что ты будешь ныть при виде опасности.

— Я не дурак! — сказал он, разозлившись. — И не хочу, чтобы меня им выставляли!

— Тогда как ты сам все это объясняешь, Конан? — поинтересовалась она. — Путешествие было бессмысленным и тогда, когда мы брались за него, и во время всего пути я не искала смысла. Я смотрю, тебе не так легко угодить.

— Нелегко, — ответил он. — А говоря о том, как я это объясняю, скажу вот что: что бы ни искали эти сумасшедшие в Джанагаре, это не сокровище из камней и драгоценных металлов. Это что-то, для чего не нужно верблюдов, чтобы увезти, и я очень сильно подозреваю, что мы не сможем взять долю того, что они ищут.

Акила снова нахмурилась, нервно теребя рукоять меча.

— Да, вероятно, ты прав, — выдавила она из себя наконец. — Но что мы теперь можем сделать?

— Почти ничего, — признал Конан. — Мы можем лишь идти дальше. Но когда дойдем до этого

сказочного города, я ожидаю получить некоторые ответы от наших таинственных близнецов. И если они откроют ворота, я не буду лакать воду в желобе, а войду следом!

К его удивлению, Акила рассмеялась:

— Брагам тебя не застать с головой, сунутой в воду. Но я никак не пойму, отчего у тебя плохое настроение. Мы взялись за это предприятие для того, чтобы выбраться из Лонха, разве не так?

— Да, — мрачно согласился Конан.

— И разве мы не выбрались из Лонха? — Она обвела рукой вокруг, указав на бескрайние пески.

— Выбрались, — согласился он, не в силах подавить улыбку. — Но сейчас Лонх мне не кажется таким уж плохим... — Он вдруг прервался.

— Что там? — Она резко обернулась, желая узнать, что привлекло внимание Конана. Далеко на северо-востоке что-то поблескивало.

— Нас преследуют всадники, — сказал он.

— Да, там наши следы, — согласилась Акила. — Ты уверен, что это всадники? В этом песке много кристаллов и блестящих камней.

— Они блестят иначе. Сталь сверкает ярче. И ты видишь, что вспышки движутся?

Воительница пристально всмотрелась:

— Да, вижу движение. И там не одна вспышка. Думаешь, что это броня?

— Скорее, наконечники копий. Нужно быть стойким воином, чтобы носить броню в такую жару. Но эти к тому же мало беспокоятся о том, что их обнаружат, иначе они бы обернули наконечники тряпками.

— Кто это может быть? — подумала вслух Акила.

— Не знаю, но я начинаю думать о том человеке, что так интересовался нами в последнем городе.

— Ты думаешь, что это он?

— Собираюсь узнать это сегодня ночью.

В тот вечер, когда они разбили лагерь, Конан сообщил об увиденном близнецам.

— Что же, мы знаем, что и другие идут туда же, — философски заявил Монанд.

— Я хочу проследить за ними, — сказал Конан. — Когда совсем стемнеет, я вернусь по нашему следу и посмотрю, кто там и сколько их. Если смогу подобраться близко, попытаюсь подслушать, о чем они говорят.

— Я пойду с тобой, — сказала Акила.

Конан предпочел бы отправиться один, но решил, что сейчас не время спорить с ней.

— Ладно.

— И мы! — произнесли три женщины одновременно. Глаза их на фоне черных волос сверкали, как у волчиц.

— Нет, — ответила Акила раньше, чем Конан сам успел возразить. — Это разведка, а не налет. Хватит и двух пар глаз и ушей. В другой раз нам, возможно, понадобятся кинжалы и веревки, но не сейчас.

Женщины недовольно подчинились и тут же принялись очень тщательно готовить свою царицу к ее ночному походу. Они вынули горшочки с краской и сняли с Акилы широкую одежду. И когда она сидела почти голая на коврике, они раскрашивали ее тело так, чтобы оно сливалось с залитой лунным светом пустыней, покрывая свою царицу коричневой краской и рисуя черные линии, пятна и точки.

Конан готовился проще. Он тоже разделся и затем вывалился в песке и пыли так, чтобы его не выдал блеск кожи. После этого он измазал себя сажей, смешанной с жиром, которую они купили, перед тем как войти в пустыню, — ею жители пустыни закрашивают кожу вокруг глаз, чтобы солнце не так слепило.

При свете луны обоих их было не отличить от поверхности пустыни. Оружие они обмотали

тряпками для того, чтобы шум не выдал их, и одновременно для того, чтобы замаскировать резкие очертания. Луна была почти полной и висела на полпути к зениту, когда Конан и Акила отправились в разведку, передвигаясь легкой трусцой, в темпе, который они смогут выдержать до тех пор, пока приблизятся к своей цели.

Они вполне бы могли пройти по следам, оставленным ими раньше, но Конан не хотел, чтобы их преследователи на следующий день увидели следы его и Акилы. Узнав, что за ними наблюдали, преследователи могут встревожиться. Так что Конан и Акила направились по песку в полумиле к востоку от своих следов, надеясь, что преследователи не установили дозор в стороне от их пути.

Конан всеми органами чувств пытался уловить малейшее движение. И это ему удавалось. Даже в глубине пустыни есть жизнь. Днем палящие лучи заставляют все живое прятаться, но ночью насекомые, ящерицы и мелкие млекопитающие выходят из укрытия в поисках пропитания. Змеи и другие хищники тоже выходят и охотятся на них. Киммериец заметил ящерицу, бегущую за жуком, и змею, ползущую боком по бархану. Один раз он заметил даже крохотную лису с огромными ушами, которая выискивала мышей. Иногда попадались летучие мыши, и бесшумно пролетали совы.

Не прошло и часа, как вдруг впереди разведчики заметили мерцание костра; они остановились, чтобы посоветоваться.

— У них много вьючных животных, раз они привезли с собой дрова, — заметила Акила.

— Полагаю, что они просто серьезно подошли к своему предприятию, — сказал Конан, — хотя признаю, что это необычно, когда так глубоко в пустыню берут с собой дрова. Как правило, люди пытаются пройти эту часть пути как можно скорее и обходятся без такой роскоши, как костер. Варить

почти нечего, а от ночного холода спасет и теплая одежда. Посмотрим поближе.

Конан и Акила снова остановились, когда от преследователей их отделял лишь один бархан.

— Дыма не чувствую, — прошептал Конан.

— Нет ветра, — ответила ему Акила.

— В такую ночь дым должен стелиться. Мы бы его чувствовали.

— Говорить нечего. Давай смотреть.

Они проползли по-пластунски еще несколько шагов. Затем приподняли головы. То, что они увидели, казалось вполне обычным: два десятка человек, половина из них сидит вокруг костра, четверо стоят на карауле в ста шагах в каждую сторону, остальные занимаются с четырьмя десятками верблюдов, распаковывают запасы или занимаются другими вполне земными делами. Но все же что-то, казалось, было не так, и через некоторое время Конан понял, что это было.

— Костер! — прошептал он так тихо, что мышь, бежавшая по бархану в десяти шагах, не слышала его. Акила ничего не ответила, но киммериец заметил, что глаза ее расширились, когда она увидела то же, что и он.

Пламя мерцало, как у обыкновенного костра, но цвет был другим. Обычные тона красного, желтого и оранжевого присутствовали, но под ними лежал оттенок пурпурного, и не было дыма. Не слышно было потрескивания дров. Пламя поднималось от чего-то, похожего на горку блестящих камней. То, что они давали тепло, было очевидно, поскольку над огнем висел небольшой чайник, какой кочевники используют, чтобы заваривать травяной чай. Рядом с огнем разогревались плоские лепешки.

— Что это значит? — спросила Акила.

Когда она говорила, на мышь, бежавшую рядом, кинулась сова. Сова летела беззвучно, но мышь, перед тем как ее шейка была сломана клювом птицы,

издала пронзительный писк. Люди у костра обернулись, и Конан с Акилой сделали еще более неподвижными. Сова взлетела с добычей в клюве, и сидевшие у костра снова занялись своими делами.

— Видишь того, в красных сапогах, ближе всех к костру? — прошептал Конан.

— Твой друг из Зардаса?

— Да, это он. А тот человек в тюрбане рядом с ним... он, кажется, главный.

Акила оглядела того человека, о котором говорил Конан. Одежда его была пурпурной, слишком роскошный цвет для того, кто путешествует по пустыне в компании товарищей такого злодейского вида.

— Похоже, — согласилась она.

— Надо подобраться поближе, если хотим что-нибудь услышать, — сказал киммериец. — Сделаем петлю на север и подползем с той стороны.

— Это будет стоить нам времени, — возразила она. — Можно обползти этот бархан и незаметно подобраться к тому камню.

— Можно, — сказал Конан, — но утром они найдут наши следы. Они шли по нашему следу с севера, так что маловероятно, что они пойдут утром назад. Если кто-нибудь и вернется, то наши следы будут так перемешаны с другими, что разберется в них только пиктский охотник.

— Да, так будет лучше всего. Если надо быть осторожным, то будем осторожными во всем.

Они отползли и пригнувшись, побежали на север, придерживая руками оружие.

— Что ты думаешь о том костре? — спросила Акила, когда они свернули на запад.

— Колдовство, — ответил он грустным голосом. — Нас преследует колдун.

— Это очень полезное в пустыне колдовство, — сказала она. — Огонь без топлива. Если колдун так же может добывать и воду, то у них легкое путешествие.

— Хорошего колдовства не бывает, — твердо заявил Конан.

— Тебя волнует, что кто-то занимается колдовством, используя странные силы? — спросила Акила, ухмыляясь. — Я не люблю, когда оно используется против меня, но если колдовство действует в мою пользу, оно так же хорошо, как и любое другое преимущество.

— Если ты пользуешься колдовством, — уверенно произнес Конан, — плата всегда окажется больше, чем цена преимущества.

— Пусть будет по-твоему, — сказала она, пожав плечами, отчего могучие мускулы красиво заиграли в лунном свете. — Мне все равно. Вот мы и пришли.

Они видели перед собой множество следов, оставленных их собственными верблюдами и верблюдами преследователей. По этим следам они пошли на юг. Увидев привязанных верблюдов, они остановились. Между постоянно топчущихся ног верблюдов им был виден свет этого странного костра. Примерно половина животных лежали, поджав под себя ноги.

— Лучше всего пробраться между верблюдами, — сказал Конан. — Здесь мало других укрытий.

— А они не зашумят и не выдадут нас? — Акила по-прежнему чувствовала себя неуютно рядом с этими животными. Среди лошадей она прошла бы спокойно.

— Сейчас мы уже и сами пахнем, как верблюды, — успокоил ее киммериец. — К тому же верблюды шумят всю ночь. Если будем осторожны, животные не встревожатся. Караульный на этой стороне расхаживает на сто шагов туда и обратно. Я проберусь тогда, когда он отойдет подальше. После того как он пройдет мимо, присоединяйся ко мне.

— А если нас обнаружат?

— Их слишком много, чтобы мы смогли их одолеть. Запомни направление и беги в пустыню. Встретимся в нашем лагере.

— Ладно, — сказала Акила. — Иди.

Осторожно, будто крадущийся в траве кот, киммериец подобрался к часовому. Когда Конан подошел ближе, то увидел, что этот человек родился не в пустыне. Он носил длинные штаны и стеганую куртку, а не халат кочевника и в руках держал арбалет. Оружие в этих краях почти неизвестное. Расхаживая, он бубнил что-то и изредка окидывал взглядом пустыню. Такое поведение часового тоже говорило о том, что он пришел сюда из других краев. Это привычка солдата, стоящего на карауле в крепости. Кочевник меньше ходит и больше слушает. Ночью в пустыне уши намного нужнее глаз.

Регулярный маршрут также говорил о неопытности. На стене крепости это не важно, но на ровном месте это просто подарок врагу: желающий пробраться точно знает, когда часовой обращен к нему спиной. Конан подождал, пока караульный окажется в десяти шагах от того места, где он обычно разворачивался, прополз на животе и очутился среди верблюдов. Несколько животных оглянулись, но все с тем же выражением утомленного безразличия.

Киммериец замер. Через некоторое время к нему подползла Акила. Сейчас они не стали обмениваться словами, а начали медленно пробираться к костру. Конан нашел верблюда, сидящего напротив огня, прокрался к нему, прижался к боку животного и затем подвинулся так, чтобы выглянуть из-под длинной шеи. Он знал, что где-то рядом Акила делает то же самое. Конан понял, что время, проведенное воительницей по обычаю их племени в одиночестве среди холмов, не прошло даром: она хорошо умела красться в ночи.

Киммериец приказал себе на время позабыть о женщине и сосредоточиться на мужчинах перед ним, которые уже поели и теперь просто сидели на коврах, разостланных на песке. Откинувшись на вер-

блюжки седла, они пили пряный травяной чай. Конан увидел, что примерно половина из этих людей были кочевниками, вероятно нанятыми, поскольку они знали пустыню и умели управлять верблюдами. На кочевниках были отличительные знаки по крайней мере трех различных племен. Остальные, как и караульный, имели вид солдат. Некоторые из них чистили броню или ухаживали за оружием, и киммериец заметил еще три арбалета. Форма у солдат была самая разная, так что Конан решил, что это наемники. Арбалеты — мощное и меткое оружие, но их слишком долго перезаряжать, вдвойне долго делать это верхом. Кочевники предпочитали короткие луки.

У остальных были кривые сабли, длинные тонкие копья и небольшие круглые щиты. Пока киммериец смотрел, один наемник, убедившись, что его броня достаточно начищена, завернул ее в ткань и спрятал в мешок у седла. Как Конан и предполагал, в пустыне эти люди не несли на себе брони. Каждая военная деталь была важна. Теперь он принялся наблюдать за Владигом и за человеком в пурпурном тюбане. Лишь железное самообладание киммерийца позволило ему не вскочить, когда вдруг человек в пурпурном одеянии три раза хлопнул в ладоши. Пламя погасло, и в том месте, где оно было, осталось лишь слабое сияние. Конан увидел, что сияние исходит от чего-то, похожего на горку кристаллов, положенных на плоский камень.

— Нам уже не нужно тепло, — произнес человек в тюбане. — Ни к чему использовать без надобности магическую эссенцию.

— Истинные слова, господин Арсаций, — сказал Владиг, но не так подобострастно, как Амрам. Однако даже в этом случае острый слух Конана уловил в голосе этого человека явные нотки подчинения.

— Сколько еще? — спросил один из кочевников. — Колдовское искусство хорошо нам

послужило, господин Арсаций. Я не знал никого, кто так глубоко проникал в эти Пустые земли, но сейчас наши запасы на исходе. Если мы хотим вернуться, не потеряв ни людей, ни верблюдов, скоро надо поворачивать назад.

— Зачем, друг мой Дауда? — мягко проговорил Арсаций. — Не снабжал ли я вас огнем, для которого не нужны дрова? — Он показал рукой на мерцающие кристаллы. — Не находил ли я вам источники, когда даже опытные кочевники считали, что воды нет?

— Ты делал все это, мой господин, и мы благодарны тебе, но опасно дразнить богов пустыни. Если они посмотрят в нашу сторону и увидят, что мы нарушили их пределы, они обратят на нас свою страшную месть.

— Ты преувеличиваешь свою значимость в кругу бытия, Дауда, — сказал Арсаций, и в его голосе слышалась насмешка. — Боги не замечают деяний простых смертных. Только воистину великие колдуны способны потревожить самые глубокие мысли высших существ.

— Учение наших предков говорит иначе, волшебник, — возразил Дауда с чуть меньшим почтением в голосе. — Нас учат уважать законы богов и стараться не гневить их, чтобы не пострадал не только сам человек, но и все племя.

— Набожность, достойная похвалы, — произнес Арсаций. — Особенно когда находишь ее у разбойников, воров и висельников!

Но Дауду эта клевета не смутила.

— Какое нам дело до законов жалких людейшек, этих торговцев и горожан? Я говорю о законах богов пустыни, и мне кажется, что мы рискуем их нарушить.

— Какая разница, — сказал Владиг, вставив свой голос для того, чтобы разрядить обстановку, которая начала накаляться. — Через день или через

два мы придем, куда нам надо, ведь правда, мой господин?

Арсаций гневно посмотрел на Дауду, затем сказал:

— Да, правда. Не больше двух дней.

Владиг повернулся к кочевнику:

— Видишь? Всего два дня. У верблюдов горбы еще полны жира, да и нас совсем не мучает жажда. Еще два дня, а там повернем назад. Договорились?

Рука Дауды, подобравшаяся уже к рукояти сабли, медленно опустилась.

— Два дня еще сможем выжить. Но не больше.

— Хватит этого... — Арсаций прервался, когда кристаллы перед ним вдруг замерцали сильнее. Казалось, будто они начали вспыхивать искорками и зашевелились. — Что это? — подумал он вслух.

— Что это, мой господин? — спросил Владиг.

Колдун принялся тихо бормотать, и кристаллы задвигались быстрее. У Конана зашевелились волосы на голове, когда кристаллы поднялись и образовали фигуру, напоминающую человека, который, пригнувшись, начал пристально глядеть вокруг, пытаясь увидеть что-то, скрытое в темноте. Вдруг он замер и вытянул кристаллическую «руку» в сторону верблюдов. Почти все кочевники затеребили амулеты и забормотали заговоры против зла, однако Дауда посмотрел на верблюдов.

— Хазим, — сказал он, — посмотри, нет ли там чего среди верблюдов.

— Разведчик? — спросил Владиг.

— Тогда верблюды шумели бы сильнее, — ответил Дауда, — но посмотреть надо.

Человек, названный Хазимом, вынув саблю, пошел к верблюдам. К нему присоединились еще двое или трое вооруженных людей. Один из них зашагал к тому верблюду, за которым лежал Конан. Киммериец знал, что в темноте люди в первую очередь видят движение, потом форму и цветов вообще не различают. Когда Конан хотел

быть неподвижным, рядом с ним можно было скорее камень принять за живое существо. Если надо, он мог не моргая позволить мухе ползать по главному яблоку.

Человек прошел совсем рядом с киммерийцем, не видя ни движения, ни человеческой формы, не обращая внимания на бесформенную массу рядом с верблюдом. Человек оглянулся по сторонам.

— Здесь ничего не видно, там что-нибудь есть, Вакир?

— Только мой паршивый верблюд. Этот нечистый гомункул просто... а-а-а! — Говоривший с криком отскочил. — Демон песка! Я на него наступил!

Что-то вырвалось из песка у него под ногами, и Вакир отшатнулся назад, схватившись руками за лицо, по которому он только что получил удар тяжелой рукоятью меча. Остальные люди на мгновение замерли.

— Это не демон! — прокричал Арсаций. — Это человек! Взять живым!

Владиг бросился туда, где начался шум, и Конан выругался про себя, когда верблюд, за которым он притаился, поднялся на ноги. Теперь все верблюды топтались на ногах и громко ворчали, напуганные неожиданной активностью среди мирной ночи.

Конан тоже поднялся на ноги, стараясь стоять так, чтобы верблюды скрывали его от преследователей. Киммериец не хотел вынимать меча, чтобы блеск не выдал его, но он держал рукоять в руке, готовый тут же выхватить оружие.

— Вот он! — крикнул кто-то.

Конан услышал хруст и возглас. Затем послышался звон стали. Киммериец мог бы легко бежать, но нужно было отвлечь внимание преследователей, чтобы помочь Акиле. Люди вокруг кристаллического костра уже все были на ногах, и почти все из них выхватили оружие. Конан побежал прямо на них,

выхватив меч и во все горло крича киммерийский боевой клич.

Люди, разинув рты, глядели на призрака, явившегося из глубины ночи. Но они были законченными негодяями, и перед Конаном уже стоял один, подняв щит и нацелив копье. Клинок киммерийца проломил легкий щит, будто он сделан из пергамента, и явно послышался хруст ломающейся руки. Другой человек подскочил справа, и Конан свалил его, нанеся удар изнутри наружу плоской стороной клинка по челюсти.

Арсаций стоял и кричал что-то на незнакомом Конану языке. Человек в пурпурном тюрбане не пытался схватить оружие, но руки его были подняты, пальцы согнуты, будто когти, и он как бы царапал ими воздух, в то время как слова его приобретали зловещий ритм. На кончиках пальцев засветились огоньки. Люди бежали от верблюдов сюда, чтобы встретить эту новую опасность.

— Это он! — кричал Владиг. — Киммериец!

С саблей в руках Владиг бросился вперед.

Люди бежали со всех сторон. Решив, что Акила, если она еще жива, воспользовалась общей сумятицей и удрала, Конан подумал: «Пора уходить.» Сбив двух человек ударом меча и кулака, он бросился прочь. Через несколько секунд киммериец уже вырвался из круга преследователей. За спиной он услышал звон тетивы арбалета, затем свист стрелы, пролетевшей у него над плечом. Вот чего стоила вся их тщательная подготовка. От лагеря доносились слоги зловещего речитатива Арсация. Конан хотел знать, где же Акила.

Сзади некоторое время слышался звук шагов людей, пытавшихся настичь киммерийца. Затем раздался голос, принадлежащий человеку по имени Дауда:

— Назад! Он бежит, как антилопа, и вам его не догнать! Часовые! Вы что, спали?

— А где другой? — раздался голос, казавшийся тихим из-за большого расстояния.

— Тоже сбежал.

— Говорю я вам, это демон!

— Демоны не дерутся сталью, дурак! — заявил Дауда.

— Тот, что бросился на нас, был человеком, с которым я говорил в Зардасе, — сказал Владиг. — Могу поспорить, что с ним была та вооруженная женщина.

— Женщина не могла со мной этого сделать, — послышались слова человека, которого, судя по голосу, мучила сильная боль.

Конан усмехнулся и пошел шагом. Если им и не удалось ничего другого, то хотя бы они посеяли смущение и панику среди преследователей. Он знал, что Акила вырвалась, но его беспокоило то, что она может быть ранена. Никто из тех людей не утверждал, что ударил ее, но в ночной неразберихе что угодно может произойти.

Киммериец отбросил волнение. Нечего беспокоиться о том, что все равно не исправить. Звуки за спиной затихли. Все, кроме одного. Он остановился и прислушался, думая о том, что это может быть. Это был унылый пронзительный вой, не похожий ни на что, слышанное им раньше, и от этого звука у Конана по спине бегали мурашки. Вдруг он понял, что это такое: речитатив колдуна Арсакия, достигший поистине сверхъестественной громкости.

Киммерийцу вдруг показалось, что лучше всего как можно скорее вернуться в лагерь. Конан засеменил трусцой. Затем побежал. Он понимал, что бежать ночью по незнакомой местности очень неразумно. Даже такой физически развитый человек, как он, может упасть, если под ногу подвернется камень. Можно также попасть ногой в ямку и сломать щиколотку. Можно наступить на ядовитую змею и заплатить за то, что она была побеспокоена. Но самое

страшное то, что можно забежать в зыбучие пески, которые могут поглотить даже всадника на верблюде. Несясь с такой скоростью, он может опомниться лишь тогда, когда окажется уже по колено в песке и когда уже не будет возможности выбраться на твердую поверхность.

Но сейчас Конан был готов подвергнуться меньшей опасности, чтобы избежать большей. Поскольку он понимал, что колдун задумал что-то страшное, и задумал это против него. Но если колдун не знает, где киммериец, ему будет трудно точно направить свое заклятие. По крайней мере, Конан утешал себя этой мыслью. У него не было выбора. Он не боялся врага, выходившего против него с оружием, но с колдовством все было иначе.

Когда он бежал, залитый лунным светом, пейзаж начал тускнеть. Это было странно. Киммериец взглянул на луну, и кровь его похолодела, так как серебристый диск сделался кроваво-красным. И когда он глядел, звезды начали гаснуть, вначале мелкие, затем более яркие. Конан снизил скорость и побежал трусцой, тогда вся пустыня сделалась мутной, и он пошел шагом. Если бежать по пустыне при луне неразумно, то в сплошной темноте делать это просто глупо.

Наступала настоящая темнота, сомнений в этом не было. Что это за колдун, у которого есть силы погасить луну и звезды? Ведь такое могут сделать лишь самые великие из богов! Но как только он это подумал, то почувствовал, что на него сыплется что-то мелкое, Конан провел рукой по телу там, где это вещество прилипло к обмазанной жиром коже. Киммериец потер между пальцами жесткий порошок. Это был песок.

Теперь он все понял, в некоторой степени: колдун поднял песчаную бурю, но это была буря без ветра. Что это может означать? Он понимал одно: в пустыне песок может нести смерть так же, как и любая

другая из множества таящихся в ней опасностей, и не только зыбучие пески. Киммериец продолжал идти в сторону лагеря и на ходу отмотал часть тряпок от меча и повязал себе нос и рот, так как песок уже начал попадать в легкие.

Вскоре он уже шел медленно, осторожно переставляя ноги, почти зажмурив глаза, но даже и это не помогало, и ему постоянно приходилось моргать, чтобы очистить глаза от мелкой песчаной пыли. Но что было еще хуже, Конан уже не был уверен, в правильном ли направлении он идет. Он имел почти сверхъестественное чувство направления, более развитое, чем у цивилизованного человека, отточенное многими годами пребывания в диких местностях от ледяных полей Асгарда до душных джунглей, но всему есть пределы.

Без света, без ориентиров, без ветра ему не на что было равняться, кроме как на внутреннее чувство, которое тоже уже казалось ненадежным. Хотя киммериец и знал, что колдун не сможет долго поддерживать свою сверхъестественную «песчаную бурю», не в его характере было сидеть и ждать без дела. Ему всегда хотелось бороться и идти вперед, встречаясь с опасностью лицом к лицу. Этим, однако, сегодняшней ночью ничего не добиться. Может даже случиться так, что он сделает круг и снова наткнется на лагерь колдуна.

Конан решил остановиться, пока он хотя бы наполовину был уверен в том, что идет в верном направлении. Проверив надежность песка под ногами, киммериец сел, скрестив ноги, лицом туда, куда он собирался идти, когда снова сможет видеть. Другой тряпкой он завязал себе глаза. Если все равно ничего не видно, нет надобности портить глаза.

Конан начал медленно дышать, чтобы не набрать в легкие еще больше пыли. Было очень уныло сидеть так, когда песок сыпался на него, и киммериец пожалел, что при нем нет халата с капюшоном, что

оказалось бы сейчас очень кстати. Но такой ход событий предвидеть было невозможно, так что он мог лишь ждать, стойчески перенося это мучение.

Вдруг, когда Конан уже начал думать, что настроил себя на то, чтобы перенести самое худшее, он что-то услышал. Киммериец напряг слух, стараясь расслышать сквозь шорох постоянно падающего песка. Он снова услышал: странный шелест, будто крылья летучих мышей. Но летучие мыши не полетят в песчаную бурю. Затем звук приблизился, и он был громче, чем звук, какой могут издать обычные летучие мыши.

Конан осторожно приподнял пальцем повязку на глазах. Ничего не видно. Звук приближался справа. Затем киммериец опять услышал его, но слева. Что бы это ни было, оно было не одно. Медленно, не производя ни звука, Конан вынул меч. Еще более медленно он поднялся, не помогая себе руками, а просто разгибая ноги. Встав, он начал поводить головой из стороны в сторону, пытаясь уловить малейший шум.

Вдруг киммериец почувствовал нечто, от чего сердце его бешено заколотилось. Но не звук, а запах: резкий, сильный, едкий запах мастерской. Те существа, что уничтожили племя кочевников, искали сейчас его. Конан скрипнул зубами и приготовился к смертельному бою. Он слышал звук только двух существ. В песчаной буре они явно тоже не могли видеть, поскольку не бросились на него сразу. Но они определено на что-то ориентируются, и если не на звук, то, вероятно, на тепло, идущее от тела.

Одно из существ издало звук немного ближе.

Конан не любил драться в темноте даже с людьми. Может произойти слишком много случайностей. Варвар при помощи инстинктов чувствовал в темноте, где находился враг, но при этом можно пасть жертвой меча, которым неуклюже размахивает и неумелый фехтовальщик. Но сейчас киммериец

столкнулся с чем-то, чего он не видит, не видел раньше и чью слабость, если такая имеется, он не знает. Конан не имел представления ни о размерах существа, ни о том, при помощи чего оно дерется — клыками, когтями или цепкими руками. Он лишь знал, что у демонов этих было оружие. Убивали они чудовищно и без содрогания.

Однако у киммерийца были преимущества перед племенем кочевников. Его не смущало предубеждение о непобедимости демонов пустыни. Внимание его не отвлекало присутствие женщин и детей. Но прежде всего у него были сила, скорость, боевая сообразительность и киммерийское сердце. Он будет бесстрашно биться до последнего вздоха.

Держа меч обеими руками, Конан ждал. Шорох слева усилился. Существо обнаружило человека. Послышался громкий шелест, и киммериец почувствовал давление рассекаемого воздуха. Он быстро развернулся, присев, вкладывая всю силу рук и спины в круговой горизонтальный удар мечом. Меч столкнулся с чем-то, и Конан, тут же отдернув его, отклонился в сторону, сделал кувырок и встал на ноги.

Раздался дикий крик, и Конан обрадовался. Им можно причинить вред! Он ранил одно существо, а то, что можно ранить, можно и убить. Снова послышался шум, и киммериец ударил вновь, но на этот раз ни во что не попал. Существо прошло над клинком, но Конан не стал тратить времени на проклятия. Изменив направление движения меча, отчего чуть не вывернул себе кисть, он ударил сверху как раз в тот момент, когда что-то толкнуло его в живот. Падая, Конан почувствовал, что меч его вошел во что-то и что-то вцепилось ему в спину и обожгло сильнее огня.

Он уцепился рукой за шкуру, которую, похоже, украшала и шерсть, и чешуя, и потянул на себя, одновременно нанося удар рукоятью туда, где должна быть голова существа. Что-то с хрустом проло-

милось, и его обрызгала горячая мерзкая жидкость. Он удвоил силу удара, когда почувствовал, что злобонная жидкость жжет кожу сильнее огня.

Конан подтянул руку к себе и изо всех сил нанес колющий удар, его длинный клинок прошел сквозь что-то похожее на кость и погрузился во внутренности. Снова раздался жуткий вой, и существо выпустило его. Конан перекувырнулся назад несколько раз, стараясь соскрести со спины жгучую жидкость. К счастью, песок хорошо ее впитывал, и она не приставала к жиру, которым было обмазано его тело.

Конан поднялся на ноги и стал ждать, сжимая рукоять меча обеими руками. Он слышал звуки, издаваемые обоими существами, они были разозлены, но они также были и ранены. Крик одного существа вдруг затих и оборвался последним хрипом. Конан мрачно улыбнулся. Одно из них наверняка сдохло. Другое рыскало вокруг, шелестя и завывая, но явно слышалось также, что передвигалось оно неровно, одна из конечностей была повреждена. Через некоторое время воцарилась тишина.

Конан стоял неподвижно, почти задыхаясь от кислой вони. Затем он медленно присел и несколько раз погрузил свой меч в песок, очищая клинок от мерзкой жидкости. Затем он снова принялся ждать.

Через час Конан заметил сквозь повязку слабый свет. Он снова приподнял пальцем тряпку. Сейчас можно было видеть на несколько шагов вокруг. Свет рассеивался, но киммериец понял, что источник его находится слева, так что он стоит лицом к югу. Через несколько минут песок осел, и Конан снял повязки с глаз, носа и рта. На востоке над барханами вставало солнце, и вокруг не было и следа ни человека, ни животного. Песок толстым слоем засыпал все.

Перед тем как отыскивать ориентиры, киммериец порылся в песке, продвигаясь по расширяющейся

спирали. Он заметил, что его грудь и плечи усеяны красными пятнами, в середине которых уже появились волдыри. Конан осмотрел ткань, которую использовал в качестве повязок, и обнаружил на ней множество дырочек. Киммериец понял, как легко он мог остаться без зрения. У этих существ кислота в крови или в слюне.

Конан нащупал в песке какую-то массу и потыкал в нее мечом. Он заметил, что когда-то блестящая сталь сейчас была вся в черных, коричневых и синих полосах. Киммериец поднес клинок ближе к глазам и увидел, что на нем было множество крошечных каверн. Снова действие кислоты. Хорошо, что он очистил тогда клинок, иначе сталь была бы совсем испорчена.

Из песка Конан откопал странные фрагменты. Больше всего они походили на разбитую скорлупу краба. Но эта скорлупа была пузырчатая, и ее покрывала дряблая жесткая кожа. Местами кожа поросла жирными волосами. Конан обнаружил соединение костей, напоминающее руку, и понял, что этим ему и вцепились тогда в спину. На отходящей от когтей длинной кости висела жесткая пленка, похожая на мембрану атрофированного крыла летучей мыши.

На единственном пальце ноги был кривой коготь из чего-то белого, полупрозрачного, похожего на алебастр. На вид он казался хрупким, но когда Конан провел им по изъеденному мечу, осталась царапина. Такие когти и оставили царапины на камне в месте засады.

Конан еще раз копнул мечом и достал череп твари.

— Кром! — прохрипел киммериец.

По форме и пропорциям череп напоминал человеческий. Но вместо человеческих челюстей были два вертикальных ряда членистых отростков, как у насекомых. И вместо глубоких глазниц было два небольших углубления, занимавших в два раза

больше места, чем глаза человека. Ноздри отсутствовали совсем. Череп с одной стороны был проломлен в том месте, где рукоять меча ударила по хитиновой оболочке.

Существо это явно сочетало в себе черты различных животных: летучей мыши, насекомого, даже рептилии. Под обломками хитина Конан обнаружил стеклообразную массу, часть которой пристала к кусочкам кости и скорлупы. Результат действия кислоты на песок? Или это разлагающиеся внутренности существа? Существо разлагалось действительно неестественно быстро.

В прошлом Конану приходилось сталкиваться с различными странными созданиями, и он знал, что существа, явившиеся из другого мира, часто не могли поддерживать в этом мире свое структурное единство, когда магическая сила, вызвавшая их, прекращала действие либо когда неземная жизнь покидала тела, оставляя их в чуждом им мире.

Киммериец снова вложил меч в ножны и отвернулся от отвратительных останков. Пора было искать своих друзей.

Глава 8

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, когда киммериец остановился и начал ругаться. Сначала ругался он шепотом, затем вполголоса. Скоро он ругался уже в полный голос, и наконец он орал от ярости и отчаяния. Малочисленность киммерийского пантеона не давала широкой возможности для богохульства, так что Конан быстро переключился на богов Асгарда и Ванахейма, на суровых и простых нравом богов. Он проделал путь по запутанному пантеону Немедии и добрался до упаднических и развратных богов Заморы. Конан был не просто зол, он был смущен — редкое для него чувство.

Поскольку случилось то, что редко происходило с ним в жизни: Конан-киммериец заблудился.

Куда бы он ни посмотрел, он видел лишь бескрайние барханы. Все утро Конан шел на юг, уверенный, что направляется прямо к своим товарищам, но через час он понял, что каким-то образом прошел мимо. Тогда он пошел на юг зигзагом, как корабль, лавирующий против ветра, надеясь наткнуться на их след. Опять ничего. Не имея выбора, киммериец продолжал идти на юг. Они шли в этом направлении, значит, только там их и можно найти. Ему даже в голову не пришло повернуть на север и попытаться вернуться. Выбраться из пустыни живым он мог, но не в его характере было бросать друзей в трудном положении.

По пути Конан думал об Акиле. Не могла ли и она потеряться? Он боялся, что так и произошло. Если это так, то женщине грозит еще большая опасность, чем ему, поскольку солнце поднималось, а здесь главным врагом было именно солнце. Так как она почти голая, за день солнечные лучи успеют убить ее. Конан так же был открыт стихии, как и Акила, но он много лет провел в жарких странах, в то время как для нее это первое путешествие на юг. Поскольку Акила привычна к суровому северному климату, то ей и в голову не придет, как она уязвима.

Из всех тряпок, какие у него были, киммериец сделал повязку на голову. Это лучше, чем вообще никакой защиты от горячих, оупляющих мозг лучей. Остальное тело, конечно, обгорит, но он постарается пережить это. Здесь нет ни дерева, ни кустика, нет ткани или шкуры для палатки, нет даже скального навеса, где можно укрыться. В этой выжженной солнцем пустыне единственной тенью была собственная тень киммерийца.

Перед ним колыбался нагретый песком воздух. В более низких местах пустыни мираж образовывал

серебряные озера. Он знал, что по мере того, как жажда будет усиливаться, будет возрастать и кажущаяся реальность этой «воды». Даже опытные путешественники заканчивали тем, что гонялись за миражом тогда, когда были действительно измучены недостатком воды.

Конан неумоимо шел вперед, не обращая внимания ни на солнце, ни на жару, ни на усиливающуюся жажду. О голоде он даже и не думал. Человек умирает от жажды намного раньше, чем его начинает мучить голод. Когда жар, отражающийся от песка, начал резать глаза, несмотря на черную краску, Конан снова сделал повязку на глаза из куска ткани. От воздействия кислоты тряпка сделалась похожей на кружево, и он мог достаточно хорошо видеть сквозь нее, а лучи не так слепили.

Солнце стояло низко над горизонтом, и свет его отбрасывал длинную тень, когда киммериец вдруг нашел следы. Они шли с северо-востока, и он присел, чтобы изучить их. Следы были велики для женщины, но он узнал в них отпечатки ног Акилы. Эта женщина никогда не носила обуви, и к тому же киммериец уже достаточно видел ее следы и сразу мог узнать их.

Вид их восстановил силы киммерийца, и он поспешил по ним, не делая больше зигзагов. Остальные друзья пока подождут, сейчас он в первую очередь интересовался царицей амазонок.

На протяжении нескольких миль следы говорили о том, что Акила шла обычным своим широким шагом, затем следы начали немного меняться. Вначале за пятками появились длинные канавки, будто с каждым шагом Акила все больше волочила ноги. Затем эти канавки соединились вместе. Женщина уже не отрывала ног от песка. Она быстро слабела.

Вскоре он нашел следы, говорящие о том, что женщина упала: углубления от колен и отпечатки рук там, где она оперлась на них, поднимаясь.

Немного дальше Акила начала падать во весь рост, подниматься и, шатаясь, продвигаться вперед. Прямая линия ее следов сделалась извилистой. Один раз Акила прошла даже несколько шагов назад, на север, но, должно быть, увидела собственные следы, так как потом снова повернула на юг. Увидев, что она уже ползет на четвереньках, Конан понял, что Акила где-то рядом. Когда нижний край солнца касался линии горизонта, он нашел ее.

Царица амазонок, свернувшись, лежала на боку в небольшом углублении в песке. Даже киммериец поморщился, увидев, как обгорела Акила. Ее загорелая кожа сейчас была красная, как кирпич. По крайней мере, женщина дышала. Конан бросился к ней, сел рядом, осторожно перекатил на спину.

— Оставь меня, — едва слышно прохрипела Акила. Она поглядела вверх, но, казалось, не увидела Конана. — Не хочу, чтобы мужчины видели меня такой. Уходи. Нет, вначале забросай меня песком и дай умереть. Не хочу, чтобы меня видели такой даже мертвой.

Конан грустно улыбнулся. У нее еще хватает духа сопротивляться ему.

— Ты слишком быстро сдаешься, женщина. Выживем.

— Киммериец? Нет, я не выживу, да и не хочу. Я ослепла. Если бы у меня были силы, я бы положила всему этому конец моим кинжалом.

Конан помахал перед ее лицом рукой и не увидел никакой реакции.

— Когда ты потеряла зрение?

— Как раз перед тем, как упасть в последний раз. Может быть, час назад. С полудня я видела все хуже и хуже. Солнце в этих краях ослепило меня. Это не моя земля, и она не хочет, чтобы я была здесь. Солнце — единственный господин в этом богами забытом месте.

— Час назад? Тогда радуйся, это ненадолго. Это временная слепота. Разве с тобой такого не случилось на ярком снегу?

— Случалось, но тогда не было так больно.

— Все равно это то же самое. К утру ты снова будешь видеть, а сейчас мы сделаем тебе маску для глаз, такую же как у меня.

— Правда? — прохрипела она, и в голосе появилась нота надежды.

— Я тебе обещаю. Солнце почти село. Когда совсем стемнеет, пойдем дальше. Сейчас отдыхай.

— Я должна найти своих женщин и Джебу, — проговорила Акила. — Я их царица, и я не могу оставить их в этом аду.

— Держись этой мысли, — похвалил ее Конан. — Ты не похожа на обычных женщин и не должна умирать, как они.

Она ничего не сказала, а просто повалилась без сознания ему на руки. Наконец солнце зашло за горизонт, дав отдохнуть от своих ужасных лучей. При быстро гаснущем свете Конан осмотрел Акилу. Насколько он видел, у женщины отсутствовали какие-либо раны, кроме ожогов от солнца. Ноги не стерты, подошвы ее были грубые, как кожа, которой обтягивают щит. Это уже хорошо.

Он дал ей поспать часа три, а сам тем временем восстанавливал собственные силы. Затем он растолкал Акилу. Женщина вздрогнула и схватилась за оружие. Она широко раскрыла глаза и оглянулась. Затем плечи ее опустились.

— Я все еще здесь, — уныло сказала она. — И я все еще слепа.

— К утру будешь видеть, — заверил Конан ее еще раз, поднимаясь на ноги. Он взял Акилу за руки. — Вставай. Надо идти.

Она распрямилась во весь рост. Лицо Акилы сделалось неподвижной маской, когда она изо всех сил пыталась не вскрикнуть. Конан понимал, что

ей должно казаться, что с нее содрали всю кожу. Он и сам не в лучшем состоянии.

— Понимаю, — сказал Конан. — Чувствуешь себя так, будто тебя опустили в кипящее масло. Но это тебя не убьет, как бы ты сама того ни хотела.

— Как я могу идти вслепую? — спросила она. Голос ее сделался сильнее и менее грубым.

— Положи руку мне на плечо и иди следом. Я буду предупреждать об опасности на пути.

И так они пошли, а наверху светила луна и сияли миллионы звезд. Конан шагал уверенно, хотя необходимость вести за собой женщину немного замедляла его продвижение. Акила была слишком гордой, чтобы ступать неуверенно.

— Видишь лунный свет хоть немного? — спросил Конан.

— Ничего не вижу, — ответила она, тряхнув головой так, что концы ее волос пощекотали Конана по спине. — Как ты все это переносишь? Ты ведь тоже северянин?

— Но я киммериец, — ответил он так, будто это объясняло все.

Акила презрительно фыркнула.

Сил у нее хватило почти на всю ночь. Без солнца идти было намного легче. Когда на западе луна заходила, Акила остановилась и указала рукой в том направлении:

— Это луна?

— Да. Ты ее видишь?

— Только свет, — ответила она неуверенно.

— Но это значит, что к тебе возвращается зрение. Разве я не говорил, что ты будешь видеть.

— Говорил, — неохотно признала она. — Но видеть свет — это еще не орлиное зрение. Хотя это только начало.

Они двинулись дальше. Когда луна зашла, оставался лишь свет звезд, но в пустыне киммерийцу

даже этого было достаточно. После того как солнце окрасило восток, Конан завязал Акиле глаза.

— Я вижу зарю, — сказала она. — Но меньше всего я хочу видеть солнце!

Она скрипнула зубами и пошла дальше. Теперь киммериец положил ей руку на плечо, чтобы направлять ее. Он шел слева от Акилы, пытаясь, насколько это возможно, заслонить ее от солнца. Скоро уверенность ее шагов сказала киммерийцу о том, что Акила уже достаточно хорошо видит сквозь изъеденную кислотой повязку. От также отметил, усмехнувшись, что она не потребовала, чтобы он убрал свою руку.

— Та песчаная буря, — сказала Акила, — это природное явление?

— Нет, колдовство. Даже в пустыне без ветра песок подняться в воздух не может. На тебя не напали в темноте демоны пустыни?

— Демоны пустыни?

Тогда он должен был рассказать ей о своей отчаянной слепой схватке с мерзкими тварями. Акила не поверила.

— Два существа из тех, что уничтожили караван? И ты убил одно и прогнал другое, даже не видя их?

— Я не вышел из этого боя совершенно невредимым. Когда у тебя улучшится зрение, я покажу тебе отметины.

Задолго до полудня Акила начала покачиваться. Лишь сила духа заставляла ее идти, и сила эта начала сдавать. Когда солнце было прямо над головой, ноги Акилы подкосились, и она, вскрикнув, села на песок.

— Бесполезно, — с трудом выговорила она распухшим языком и потрескавшимися губами. — Ты еще можешь поднять меч. Убей меня и иди дальше.

— Что, захотелось пить? — спросил он, присев рядом с ней.

— Не издевайся. Где твой клинок?

— Если ты этого хочешь, то пусть так и будет.

Он вынул кинжал, а она ждала, гордо подняв голову.

Конан снял с ее глаз повязку, и Акила посмотрела на него: зрение к ней вернулось полностью. Конан вытянул перед лицом женщины руку с кинжалом и вскрыл себе вену на предплечье:

— Вот. Пей.

— Я что, вампир? — В глазах ее было отвращение и что-то похожее на удивление.

— Это киммерийская кровь, женщина, самая сильная в мире. Не расходуй ее зря.

Он взял Акилу за затылок и прижал ее рот к своей руке. Некоторое время женщина вяло сопротивлялась, затем сдалась и начала пить. Когда Конан отпустил женщину, она легла на песок. Маленькая рана уже начала заживать, кровь на ней моментально свернулась.

— Ты необычный мужчина, Конан, — сказала Акила, силы уже начали возвращаться к ней.

— И ты не похожа на других женщин. Это я делаю не для каждого.

Она посмотрела на него и вдруг рассмеялась.

— Что здесь смешного? — спросил он недоумевая.

— Вид у тебя как у пятнистого кота! — ответила она, показывая на его грудь, на которой было множество ожогов от кислоты.

— Это случается, когда в темноте дерешься с демонами. Теперь веришь мне?

— Ладно. На этот раз поверю. Идем дальше? Я чувствую себя лучше.

— Можем и пойти. Солнце все равно сжигает тебя, идешь ты или сидишь.

Они встали и пошли. Когда приблизился вечер, силы, подпитанные кровью, иссякли, и женщина снова повалилась и не могла даже говорить от изнеможения. Конану тоже было не до разговоров. Без слов он нагнулся, взял ее на руки и перекинул

через плечо. Вес Акила имела немалый, но силы киммерийца были огромны, и, неся на спине женщину, он шел ничуть не медленнее. Каждый час он перекладывал ее с одного плеча на другое в течение всего остатка дня и всю ночь.

Он шел как автомат, равномерно переставляя ноги, не обращая внимания на боль ожогов и усталость в плечах, думая лишь о том, что он должен выжить и доставить Акилу туда, где есть вода и тень, и сделать это нужно скорее. Она не перенесет еще одного дня под солнцем пустыни. Усилия настолько оупляли сознание, что, когда наступил рассвет, Конан не сразу заметил всадников.

Киммериец вздрогнул, услышав крики и увидев, что на него несутся четыре верблюда. Солнце еще только показалось над горизонтом, и он осторожно положил женщину на песок и вынул меч. Затем он услышал радостные возгласы и увидел, как три ди-карки и карлик спрыгнули с верблюдов и бросились к своей царице. К его удивлению, у них были толстые бурдюки с водой.

Женщины приподняли голову своей царицы, расцеловали лицо, расточительно полили тело водой и поднесли один из бурдюков к ее губам. Акила жадно принялась пить, закашлялась, ее вырвало, затем она снова начала пить. На лицах женщин слезы прочертили черные полосы.

— Полегче, — выговорил Конан, еле ворочая распухшим языком. — Она умрет, если сразу столько выпьет.

Женщины не обратили на него никакого внимания. Они накрыли Акилу халатами и понесли к одному из верблюдов.

Карлик подошел к Конану и подал ему бурдюк:

— Сколько ты ее нес?

Киммериец набрал в рот воды, прополоскал рот, после чего заставил себя выплюнуть воду на песок.

Затем он отхлебнул немного и проглотил. Облегчение ни с чем нельзя было сравнить.

— Всю ночь и большую часть дня до этого. Она некоторое время была слепа.

Конан сделал еще один осторожный глоток.

К его удивлению, карлик обнял короткими руками его за пояс и крепко сжал:

— Ты спас нашу царицу! Мы твои рабы до смерти!

— Где ты это взял? — спросил Конан, поднимая бурдюк с водой.

— Увидишь. Это недалеко. Идем.

Женщины погрузили Акилу на верблюда, и Ломби придерживала ее. Конан сел на другое животное, а за спиной устроился карлик. Когда они поехали, Конан продолжал отхлебывать из бурдюка. Он чувствовал, как благословенная жидкость пробирается из желудка в его утомленные члены.

— Где остальные? — спросил Конан.

— Ждут нас, — ответил карлик. — Во всяком случае, некоторые, — поправился он. — Теперь расскажи, что произошло, после того как ты ушел из лагеря.

Конану пришлось потратить некоторое время на то, чтобы рассказать о своем походе в разведку, о драке и о бегстве из лагеря, о песчаной буре и о своей необычной битве вслепую с демонами пустыни.

Через два часа бурдюк Конана был почти пуст, и киммериец чувствовал себя намного лучше. К нему начало возвращаться чувство голода. Затем они въехали на бархан, и он увидел город.

Джанагар лежал в безупречно круглом углублении, в точности как и описывал Арам. Он не был огромным, но, казалось, почти полностью состоял из замысловатых строений, так что за стенами мало оставалось свободной земли. Перед сверкающими воротами Конан увидел желоб с водой, о котором рассказывал Арам, и рядом с

ним привязанных верблюдов. Тут же были разбиты палатки.

Когда путники спустились с бархана, киммериец заметил, что недостает белых верблюдов.

— Где близнецы?

— Мы думаем, что они внутри, — сказал карлик. — Ты скоро услышишь об этом.

К ним, улыбаясь, подскочили гирканийцы.

— Рады снова тебя видеть, Конан! — воскликнул Ки-Де.

Киммериец, преодолевая боль от ожогов, слез с верблюда.

— Вижу, вы нас не искали, — произнес он сурово.

Ки-Де снова улыбнулся и пожал плечами:

— Нам казалось, что тебя наказали местные боги. Как можно вмешиваться в их решение?

— Сохрани меня Кром от религиозных фанатиков, — произнес Конан, направляясь к желобу.

Он увидел, что в желоб непрерывно текла вода с одного конца и сливалась с другого. Как ни хотелось киммерийцу обследовать местность вокруг и узнать, что же случилось, вода тянула его сильнее. Сбросив кожаный пояс, он сел на корточки под тем краем желоба, где стекала вода, и сидел там, пока вода промывала его волосы, удаляла с тела остатки песка и жира. Боль была невыносимой, но когда он встал, вымывшись первый раз за много дней, то чувствовал себя совершенно другим человеком.

Женщины поднесли Акилу к желобу и осторожно опустили в воду. Акила широко раскрыла глаза и вскрикнула, когда женщины плеснули воду ей на голову.

— Осторожнее! — крикнул Конан. — Она сильно обгорела.

— Сами знаем! — огрызнулась Пайна. Затем ее яростный оскал вдруг сменился выражением стыда. Женщина бросилась на землю и коснулась лбом ног

киммерийца. — Прости меня, господин! Ты спас нашу царицу, и мы поклоняемся тебе!

Карлик ухмыльнулся и посмотрел на Конана:

— Им нелегко быть вежливыми с женщиной.

— Этих женщин бросает в крайности, — сказал Конан.

Он помог амазонкам соорудить над желобом навес для Акилы, чтобы она спокойно полежала в воде некоторое время. Затем он пошел в палатку и принялся есть из бывших в запасе продуктов, каждый кусочек обильно запивая водой. Карлик присоединился к нему, и, когда Конан поел, Джеба рассказал ему о том, что произошло.

— После того как вы ушли в разведку, мы стали ждать. Гирканийцы легли спать, а близнецы говорили с Амрамом...

— Кстати, где Амрам? — спросил Конан.

— Услышишь. Мы ждали возвращения Акилы, когда вдруг туча песка заслонила луну. Не успели мы опомниться, как туча нашла на нас. Но перед тем как нас окутала тьма, я увидел, как Амрам и близнецы сели на верблюдов и поехали на юг.

Во время этой странной бури мы очень волновались и постоянно выкрикивали имя нашей царицы, надеясь, что она услышит и выйдет на нас, но она не появлялась. Утром песок осел, и мы по-прежнему были одни. Женщины хотели немедленно приступить к поискам, но я настоял на том, чтобы вначале найти воду.

Конан кивнул:

— Это разумно.

— Да. Я чувствовал, что наша царица могла в темноте пройти мимо нас, так что мы с одинаковым успехом могли искать ее и южнее. Если близнецы и Амрам оставили нас, это должно было значить, что город и вода рядом. Через полдня мы нашли след близнецов и Амрама и через несколько часов нашли и это место. Мы дали верблюдам напиться и

немного отдохнуть, наполнили бурдюки и начали обыскивать пустыню к северу.

— И вы не видели ни близнецов, ни Амрама?

— Мы прошли по их следам прямо до этих ворот, — сказал Джеба, указывая на огромные створки.

— Очень невежливо с их стороны покидать нас, не простившись, — проговорил Конан. — Когда Акила отдохнет и немного поправится, мы войдем внутрь и упрекнем их в этом.

После этих слов киммериец зевнул, растянулся на одеяле и крепко уснул.

Он проспал оставшуюся часть дня, всю ночь и проснулся утром. Первые лучи уже окрасили восток, когда он вышел из палатки, прошел мимо спящих верблюдов и обмакнул голову в желоб. Киммериец выпрямился, фыркнул и потряс головой, разбрызгивая капли воды со своих длинных волос.

Он подошел к палатке Акилы и заглянул внутрь. Три дикие женщины спали, сидя прямо и выставив ноги перед собой. Акила, поскольку ей было больно лежать на одеяле, лежала на их бедрах, положив голову на колени Паины. Пятки находились на животе Джебы, который вовсю храпел. Они смазали лицо и тело царицы маслом, отчего вся она мягко блестела в утреннем свете. Киммериец отошел от палатки, довольный тем, что Акила дышит ровно и спокойно. Он знал, что теперь она поправится быстро, она самая сильная женщина из всех, каких он когда-либо встречал.

Гирканийцы лежали на своих одеялах и спали спокойно, как собаки, ни о чем не думая и не беспокоясь. Рядом с желобом росла трава. Ее хватит верблюдам на несколько дней, хотя здесь и нет ни деревца, ни даже кустика. Пора поглядеть вокруг.

Вначале он обследовал местность. Что-то в этом совершенной формы углублении беспокоило Конана. Оно не походило ни на какое естественное

образование пустыни, поскольку барханы надвигались неумолимо, песок сдувался с их вершин и накапливался на подветренной стороне. И таким образом барханы передвигались, будто бесконечно медленные волны желто-коричневого моря. Обычно они не образуют совершенных по форме кратеров. Здесь же, вокруг мертвого города, будто был возведен кольцевой барьер.

Вдруг Конан вспомнил, что это ему напоминает: границу травы вокруг разрушенного храма, где близнецы молча общались с бородатым стариком. Там невидимый барьер имел форму огромного прямоугольника, здесь это был круг, но киммериец ощущал сходство.

Он подошел к воротам и осмотрел их. Рассказы об опалах оказались правдой. Они сверкали среди вычурного геометрического узора, и края узора были четкими и чистыми, будто он выполнен несколько дней назад и не был подвержен выветриванию в течение веков. Но еще более странными казались створки, поскольку даже самое крепкое дерево в этом климате уже давно должно было погибнуть. Киммериец чувствовал, что это не самое таинственное из того, что он встретит в Джанагаре.

Он медленно обошел стены вокруг, осматривая каждый камень, отыскивая трещины, свисающие лианы, что угодно, что может облегчить доступ в город. Но стены находились в безупречном состоянии, и он не видел на них никаких следов растений. Стены были не настолько высоки, чтобы он не смог забросить на них петлю, но парапет был гладким, без каких-либо выступов. Ни Конану, ни кому другому и в голову не пришло взять с собой кошки, и не имели они также и кузнечных инструментов, чтобы сделать кошки из имеющегося у них металла.

Город казался грандиозным призраком среди безлюдной пустыни, но он был меньше многих городов,

какие видел Конан во время своих путешествий. Когда он обошел стены кругом, полдень еще не настал. Гирканийцы и карлик завтракали. Ки-Де улыбнулся, увидев приближающегося киммерийца:

— Нашел для нас черный ход?

— Нет. И помощи от вас, подлецов, валяющихся все утро в постели, я не дождался. Мог бы подкрасться враг и перерезать вам глотки.

— Кто-то рожден для того, чтобы вставать рано и работать. Остальные из нас знают, как хорошо пожить. Что ты нашел?

Конан описал то, что увидел, и гирканиец кивнул:

— Про вас, киммерийцев, говорят, что вы ближайшие родственники горных козлов. Ты пытался влезть на стену?

— В десятке мест. Камни слишком тщательно подогнаны друг к другу, и они совершенно не выветрены. Если бы я мог зацепиться хоть пальцем, я бы влез — стены не так высоки, но даже этого не сделал. Это ненормально, когда древние камни остаются такими гладкими.

— Заколдованное место, — произнес карлик, нахмурившись. — Здесь мы не найдем ничего хорошего.

— Посмотрим, — сказал Конан. — Я не уйду, пока не получу некоторые ответы. — Он обратился к Джебе: — Как себя чувствует твоя царица?

— Она отдыхает. Утром она ненадолго проснулась, и мы дали ей воды. Сейчас она снова спит.

— Это хорошо, что она спит. Тело ее заживет быстрее. — Киммериец поднялся. — Пойдем, Жеба, вместе посмотрим на ворота.

Они подошли к воротам, и карлик пнул тяжелое дерево, будто проверяя, нет ли там термитов.

— Может быть, попробовать поджечь? — предложил он.

— Такое плотное дерево тяжело загорается. Чтобы прожечь его насквозь, потребуется много дней. Но я отозвал тебя в сторону не для этого.

— Для чего же?

Конан пристально посмотрел на карлика:

— Как она потеряла свое царство, Джеба? Как случилось, что она сделалась скиталицей без племени?

Карлик нахмурился и отвел взгляд в сторону:

— Не знаю. Об этом она не говорит даже мне, а я верно иду за ней несколько лет.

— А женщины, они ничего не говорили?

Джеба неловко потоптался.

— И что за слова? — не отставал Конан.

— Ладно... — Джеба оглянулся по сторонам, будто убеждаясь, что никто не подслушивает. — ...Расскажу тебе, поскольку ты доказал свою преданность царице.

— Понятно, — нетерпеливо произнес Конан. — Давай рассказывай!

— Ладно, однажды, несколько лет назад, Ломби напилась в пивной деревни, которую мы грабили. Она рассказала мне, что, когда Акила не процарствовала и двух лет, она так сильно согрешила против своего народа, что почти все обратились против нее, возглавляемые младшей сестрой царицы. С царицей остались лишь ее «степные сестры». Те женщины, которые в юности вместе с ней провели время, оставленные одни среди холмов. Такие женщины сохраняют свой союз в течение всей жизни. Их изгнали из племени, а младшая сестра сделалась царицей. Когда Акила взяла меня к себе, оставалось еще два десятка степных сестер. Теперь их у нее только три.

— И больше Ломби ничего не рассказала?

Карлик покачал своей большой головой:

— У нее не было возможности. Вошла Паина и услышала несколько слов. Она до полусмерти избила Ломби и обещала обойтись со мной еще хуже, если я повторю когда-нибудь то, что слышал. Вот, киммериец, моя жизнь в твоих руках, поскольку Паина сделает то, что обещала.

— Тебе нечего бояться, — успокоил его Конан. — В любом случае сейчас меня беспокоит другое.

— То, как проникнуть в город? — спросил карлик.

— И это в том числе. Потом у нас есть преследователи, которые шли сразу за нами. Где они сейчас? Шли они сюда, но здесь не показались. Они должны были пройти мимо, когда я шел пешком, но они не прошли. В какую игру эти люди играют?

— Вероятно, они задохнулись в песчаной буре, — предположил Джеба. — Митра знает, мы сами едва остались живы!

— Сомневаюсь, — мрачно проговорил Конан. — Стал бы колдун вызывать бурю, которая их всех погубит? Нет, из его слов я понял, что он тот человек, что ждет и наблюдает, пока другие рискуют, а потом добычу забирает себе. Думаю, что он рядом, за барханами, и наблюдает.

Весь тот день они отдыхали, чинили поврежденное снаряжение и ухаживали за верблюдами. Вечером появилась Акила, вся в ожогах, но на ногах.

— Завтра идем в город, — объявила она.

Глава 9

Конан не мог сдержать улыбки, когда следующим утром увидел Акилу, появившуюся из палатки.

— Ты уверена, что сможешь?

Она сурово взглянула на киммерийца:

— Небольшой ожог от солнца и жажда не могут остановить такую, как я, киммерийская собака.

Он тут же расхохотался. Шла она еще более неуклюже, чем человек, полностью закованный в броню, а кожа лезла с нее так, будто царица, как змея, линяла. Новая кожа была розовой, как у

ребенка. Акила попыталась сохранить суровость, но улыбнулась и слабо засмеялась:

— Хорошо, вид у меня как у умирающей ящерицы. Но я воин и готова грабить этот город.

Она показала рукой на Джанагар.

Конан поглядел на ворота.

— Мы не обязаны это делать, — сказал он. — Мы согласились сопровождать близнецов сюда и охранять их в пути. Это мы сделали. Теперь можно набрать воды и ехать назад. Мы с честью выполнили свою задачу.

— Да, — сказала она, нахмурясь. — Можем уехать. Но это меня не удовлетворит. Было обещано вознаграждение. Нам сказали, что у нас будет доля сокровищ. Я бы хотела поискать ее, даже если это всего лишь блик луны в их больном воображении. Но больше всего мне не нравится то, как они с нами обошлись — бросили во время бури, будто мы просто собаки. Я не позволяю обращаться со мной непочтительно.

— Я тоже.

— Тогда найдем их.

— Идем со мной, — сказал Конан, — я тут кое-что придумал.

Они подошли к воротам, где уже стоял Джеба с мотком веревки. Ки-Де держал верблюда, жадно глядя на украшенную драгоценными камнями верхнюю перемычку ворот. Остальные гирканийцы находились рядом, с интересом наблюдая за происходящим. Женщины Акилы пошли следом за своей царицей.

— Ну и что? — спросила Акила.

— Джеба утверждает, что он очень сильный, — сказал Конан. — Сейчас посмотрим, насколько сильный. Джеба, влезь на верблюда и встань ему на спину. Поставь ноги на позвоночник с двух сторон горба.

— Как скажешь.

Карлик забрался на верблюда и встал у него на спине. Животному не понравилось незнакомое ощущение, и оно дернулось, но Ки-Де удержал его.

— Будешь пытаться выставить себя тем, кем я тебя считаю? — Сквозь маску боли на лице Акилы проступило веселье.

— Смотри, — сказал Конан. Как горный козел, с которым его сравнил Ки-Де, он легко вскочил на верблюда немного выше шеи, затем перешел на спину. — Теперь держись, — сказал он карлику, забираясь на его мускулистые плечи. Джеба сморщился, но взялся за щиколотки Конана и сохранил равновесие.

Стоя на карлике, Конан потянулся вверх. С большим трудом можно было дотянуться кончиками пальцев до массивной верхней перемычки ворот.

— Отпускай! — сказал он карлику.

Когда щиколотки были свободны, Конан подтянулся, держась лишь кончиками пальцев. Скрипя зубами, он медленно подтягивался до тех пор, пока лицо его не было прижато к резному камню. Затем он отпустил одну руку, вытянул ее полностью, зацепился и начал подтягиваться только силой этой руки. Весь торс его покраснел от напряжения, огромные мышцы плеч и спины выделились еще более рельефно, чем резной орнамент на камне, по которому киммериец карабкался.

Те, что оставались внизу, с восхищением взирали на проявление такой силы. Перебирая руками, киммериец пробрался вверх по резной поверхности так, что мог поставить в углубление в камне уже и большие пальцы ног. После этого передвигаться стало несравнимо легче, и он пополз, как муха по стене. Как только пальцы его уцепились за парапет, он подтянулся и влез на вершину стены.

Конан огляделся, не обращая внимания на аплодисменты товарищей. Он увидел множество зданий и маленькую площадь прямо за воротами.

Везде было совершенно безлюдно. Убедившись, что засады нет, он перегнулся через парапет:

— Кидайте веревку.

Карлик исполнил эту команду, и Конан закрепил один конец веревки за каменный выступ, который был, вероятно, когда-то постаментом для катапульти. Другой конец он спустил со стены.

— Поднимайтесь! — крикнул киммериец.

— Нам оставить несколько человек присматривать за верблюдами? — спросил Ки-Де.

— Нет. Они не уйдут от воды. Они будут стоять здесь всю свою жизнь, если только хватит травы.

— А как насчет тех, что нас преследуют? — спросила Акила.

— Если они явятся, нескольких человек не хватит, чтобы защитить верблюдов. Возьмите с собой провизию. Мы можем задержаться там на пару дней.

Первой поднялась Паина, затем Ломби и Экун. Ловкие женщины подтягивались руками по веревке, а ногами перебирали по стене. Акила настояла на том, чтобы ей позволили сделать то же самое, хотя поправились она еще далеко не полностью. Женщины с беспокойством наблюдали за тем, как она медленно поднимается по стене. Когда она уже была готова сорваться, Конан протянул вниз руку и схватил женщину за кисть. Сильным рывком руки он перетащил царицу через парапет и поставил на ноги.

Акила улыбнулась, когда окинула взглядом открывшийся ей вид, и глаза ее загорелись от возбуждения.

— Наконец-то! Город с сокровищами!

— Город, по крайней мере, — сказал Конан. — Эй вы, любители конины!

— Мы что, обезьяны, чтобы лазать по веревкам? — ответил Ки-Де, боязливо оглядывая веревку и стену.

— Нечего бояться. — Конан начал раздражаться. — Завяжите на конце петлю, становитесь в нее, и мы вас вытянем.

— Есть ли что-либо более бесполезное, чем гирканийцы без коня? — с отвращением произнесла Экун.

— Я это слышал! — крикнул Ки-Де.

Наконец все гирканийцы стояли на стене. Последним поднялся Джеба, после того как привязал к веревке бурдюки с водой и запасы пищи.

— Проклятье! — выругался Ки-Де. — Я хотел по пути наверх отковырять опалы.

— Как бы ты это сделал? — спросила Ломби, плюнув со стены на площадь. — Ты обеими руками вцепился в веревку и зажмурил глаза.

— Идем, — сказал Конан. — Каждый пусть возьмет запас продовольствия. Нужно найти кое-кого.

— И прихватить сокровища, — добавила Акила.

— И это тоже, — согласился Конан.

Когда все взяли запас пищи и были готовы отправиться, Конан в последний раз окинул взглядом край кратера. Это было необычное для пустыни зрелище: совершенно ровный песок, поверхность гладкая, будто выдолбленная в камне.

— Странно, — подумал вслух киммериец.

— Что именно? — спросила Акила.

— Где следы? По этому склону прошло за последние дни много людей и верблюдов, и ветра почти не было, однако кратер гладкий, будто глазурированная чаша.

Акила оглядела горизонт и поежилась.

— Мы ведь знаем, что это необычное место. Оно восстанавливается, как заживающая рана.

— Я полагаю... — Конан заметил на границе кратера крохотную вспышку. Он указал на нее рукой. — Ты там ничего не видишь?

Акила прищурилась:

— На этот раз это не сталь, и оно прямо на песке. Оно красное, или как фиолетовое стекло, или... — она нахмурилась, — ...как те кристаллы колдуна.

Все с тревогой посмотрели на ту точку.

Конан кивнул, глаза его были зорче, и он мог разглядеть крохотную фигурку.

— Это гомункул. — Он попробовал, легко ли вынимается меч. — Но не важно. Если бы у колдуна хватило духа, он был бы сейчас здесь сам, а не прятался бы в пустыне и не посылал бы этого человечка следить за нами. Идем, у нас есть чем заняться.

В нескольких ярдах от ворот они нашли лестницу, ведущую вниз на площадь. Минуту спустя все уже стояли на маленькой площади, и киммериец заметил, что это место не походило на виденные им раньше покинутые города. На каменных плитах не было ни листьев, ни скопления грязи или песка, ни следа животных, не было даже пера, которое могла уронить пролетающая птица. Казалось, будто все обитатели спрятались от дневной жары, только населенный город никогда не бывает таким чистым.

— Существуют ли более странные места? — проговорила Акила, держа руку на рукояти меча.

— Или более тихие? — сказала Ломби.

— Или более неинтересные? — произнес Киде. — Что мы стоим здесь, как деревенские олухи, которые не то что никогда не грабили и не сжигали, а и вообще не видели город? Пойдем отыщем дводец и чем-нибудь поживимся!

Следуя этому разумному совету, они покинули площадь и отправились обследовать город. Дорога, вымощенная гладким белым камнем, вела от ворот к невысокой лестнице, которая выходила на небольшой открытый двор, окруженный высокими домами с обилием балконов. В центре находился фонтан: в круглый бассейн стекала вода с крыльев поднимающегося феникса.

— Так не бывает, — проговорил карлик, оглядывая небо над головой. — В центре такой пустыни вода должна привлекать всех пролетающих птиц. Но, похоже, ни одна птица сюда никогда не садилась.

— Думаю, ты скоро убедишься, что так и есть на самом деле, — сказал Конан.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Объясню позже. Идем.

Они прошли мимо множества прекрасных строений, совершенно неповрежденных. Не было, казалось, ни одной прямой улицы, пересекающей город. Вместо этого обилие коротких улиц и лестниц, проложенных без всякой системы и выводящих на площади и дворы. Иногда улицы заканчивались тупиком, и Конану с друзьями приходилось пробираться на другую улицу сквозь здания. А иногда встречались туннели, проложенные сквозь большие группы построек, и что-то, похожее на рыночные площадки, перекрытые крышей из полупрозрачного алебастра.

Внутри зданий они видели множество картин, фресок и мозаик, а также много скульптуры, но мало ценностей, какие можно было бы унести. Произведения искусства представляли грандиозные сцены похоти и еще более грандиозные сцены кровопролития, но почти все эти сцены имели ритуальный характер, будто религия народа, жившего в Джанагаре, была посвящена исключительно богам крови и плодородия.

— Что это был за народ? — подумала вслух Акила, разглядывая огромную фреску, на которой обнаженные тела, человеческие и демонические, были переплетены в таких сложных комбинациях, что глаз уставал проследживать все сочетания.

Конан пожал плечами:

— Во время своих путешествий я видел много храмов и священных мест различных народов — от дубовых рощ Асгарда до святилищ в джунглях у чернокожих племен, и между ними огромные алтари

в цивилизованных землях. Почти все народы пытаются купить расположение своих богов ритуалами, жертвами и молитвами, надеясь добиться от богов милости и избежать их гнева. Желания людей в основном просты — хороший урожай, здоровые дети, победа в битве.

Но есть и другие — старые богатые нации, позабывшие голод, лишения и страдания и знавшие в течение многих поколений лишь роскошь. Они хотят быть подобными самим богам, и ритуалы их рассчитаны на то, чтобы дать власть и даже бессмертие. В Джанагаре, вероятно, жил такой народ.

— Наверное, поэтому их и уничтожили, — сказала Акила.

— Но уничтожили ли их? — спросил карлик, с сомнением оглядывая здания вокруг, на которых была цела каждая мелочь.

— Скорее всего. Этот город не тронут и совершенно безжизнен. Как близнецы и говорили, жители бежали в одну ночь и больше не вернулись.

Что-то в ее словах показалось Конану неверным, но он не мог определить, что именно.

— Этот город как лабиринт, — произнес он. — Давайте поднимемся на одну из этих башен и сориентируемся.

Они подошли к широкому зданию, от каждого угла которого поднималась высокая стройная башня, увенчанная звездой, и вошли внутрь. Друзья оказались в просторном зале, перекрытом низким куполом. Зал был полон статуй, в которых сочетание камня, металла, стекла и керамики делали их невероятно жизнеподобными. Здесь снова изображались ритуалы, включающие в себя самые развратные любовные акты наряду с отвратительнейшей жестокостью.

— Наконец-то! — воскликнул Ки-Де, указывая на скульптурную группу, изображающую жреца в жуткой маске и его жертву. Жертвой была красивая

связанная женщина, из перерезанного горла которой била кровь в виде рубинов, гранатов и аметистов. Увидев настоящее сокровище один из гирканийцев подошел к скульптуре и, развязав свою сумку, потянулся к драгоценностям.

У Конана тоже пробудилась жадность, но что-то в отвратительном характере этих прекрасных статуй беспокоило его.

— Подожди, — сказал он. — Лучше не...

Но гирканиец его не послушал, в глазах его горела алчность. Он ухватился за каскад драгоценных камней — и тут же тело его замерло, а голова резко откинулась назад, слышно было, как хрустнула шея. Язык вывалился, и человек захрипел, выпучив глаза. От руки, сжимавшей камни, начал подниматься дымок, затем черный жирный дым густым столбом вырвался из разинутого рта.

Перед их полными ужаса глазами человеческое мясо зашипело, запузырилось и начало отваливаться от костей, когда тело пожирало невидимое пламя. Через несколько минут там осталась лишь кучка обгорелых костей, лежащая в луже дымящегося, булькающего жира. Вся плоть и кровь сгорели.

— Хотя эти люди давно мертвы, — проговорила Акила охрипшим голосом, таким, каким он был в конце ее пути по пустыне, — но заклятие их еще сильно. Ничего не трогать, пока мы не убедимся, что это безопасно.

— Обряд исполним тогда, когда вернемся на родину, — объявил Ки-Де своим оставшимся в живых соплеменникам. — Если, конечно, кто-нибудь из вас не хочет забрать его кости сейчас?

Гирканийцы замотали головами.

— Идем, — сказал Конан. Страх его перед этим городом теперь удвоился.

Они пошли в угол зала и нашли там вход в башню. За дверью находилась винтовая лестница, и они начали подниматься. Лестница загибалась

налево, и это показалось киммерийцу странным. Все винтовые лестницы, какие он встречал, при подъеме закручивались в правую сторону: башни замков были выстроены так, чтобы правой руке нападающего мешал центральный столб, в то время как отступающий при защите мог свободно размахивать мечом.

Ступени, широкие в начале, по мере подъема делались все уже. Башня кверху слегка сужалась — прием строителей, который уменьшает вес конструкции, позволяет сэкономить материал и создает у смотрящих снизу иллюзию того, что башня выше, чем есть на самом деле. Когда проход сузился так, что плечи Конана едва проходили, друзья вышли на широкую платформу, огибавшую башню. Платформа была снабжена ограждением высотой по пояс, из мраморных кружев, выполненных в виде переплетающихся лиан. Друзья осторожно вышли на площадку, опасаясь, не обрушится ли столь хрупкая на вид конструкция, которой столько времени не пользовались.

— Вначале, — сказал Конан, — посмотрим, не поджидают ли нас там преследователи. — Он посмотрел за городскую стену. — Кром!

Все воскликнули, не веря своим глазам. Руки потянулись к амулетам, а губы забормотали заклинания.

Вид открывался на много миль вокруг, и за городской стеной не было пустыни — вместо нее там протянулись акры возделанной земли, разделенные низкими каменными стенами и аккуратно подстриженными кустами на упорядоченные поля. Пейзаж пересекали прямые каналы. Через определенные промежутки располагались устройства с противовесом, напоминающие журавля для подъема воды из каналов на поля. Вдалеке были видны дома, похожие на дворцы в богатых поместьях.

— Что это? — воскликнула Акила.

Конан оперся руками об ограждение и посмотрел вниз на город. Все остальные сделали то же самое. На улицах были люди, одетые в разноцветные наряды. На глазах друзей по улице проскакал отряд воинов, блестя золоченой броней и бронзовой сбруей.

Конан и товарищи медленно обошли башню. Они заметили, что с широких ступенчатых террас самых больших строений свисают огромные массы разросшихся цветущих лиан. В садах на террасах увидели они устремившиеся к небу высокие деревья — кедры и кипарисы. Ароматные кустарники и финиковые пальмы росли в изобилии. На алтарях храмов от жертвенных огней поднимались густые столбы дыма.

— Что тут происходит? — спросила Акила.

— Это место проклято! — воскликнула, не выдержав, Паина. — Уберемся отсюда скорее, моя царица!

Конану не понравились эти странные события, но он не испугался.

— Это всего-навсего иллюзия. Мы видим Джанагар таким, каким он был века назад. Прислушайтесь. Вы слышите звуки? Я не слышу. Все по-прежнему тихо.

— Мы очень высоко, — неуверенно возразил Ки-Де, никогда не бывавший раньше на вершине такой башни.

— Что-нибудь мы бы все равно слышали, — ответил Конан. Я бывал на башнях и намного выше этой, и вы бы слышали хотя бы стук копыт. Кто-нибудь чувствует дым? Я не чувствую, а ведь кругом вокруг нас огни.

— Предположим, что ты прав, — сказала Акила, — но куда мы должны будем идти отсюда?

— Туда. — Конан вытянул руку и указал на громадное здание, стоящее на холме в центре города. Оно казалось приземистым, но происходило это из-за его массивности. Наверху здания находился

купол, сделанный так, что казалось, будто он состоит из неисчислимых листов стекла. — Если близнецы в городе, то найдем мы их там.

— Смотрите! — сказал один из гирканийцев, указывая вниз.

Из-за основания башни вышел огромный слон, бока которого были расписаны цветными узорами, а загнутые бивни покрыты золотом. На спине у него стояла статуя бога или демона, многоглазого и отвратительного. За этим слоном шли другие и тоже несли на себе изображения чудовищных божеств. Вокруг животных толпились музыканты с дудками и барабанами, рожками и бубнами, а танцоры в мехах и перьях экстаично кружились, а поклоняющиеся кромсали себя ножами и кидали отрезанные части своих тел в идолов, и все это в абсолютной тишине.

— Кто они такие и чем они занимаются, я не знаю, — мрачно проговорил Конан, — но уже тысячи лет они всего лишь пыль, разносимая ветром. Лишь благодаря какой-то действующей еще колдовской силе, мы видим их такими, какими они были когда-то.

— Идем, — поторопила Акила, на которую подействовало мрачное настроение киммерийца. — Эти видения уже до смерти меня утомили. Я, кажется, не хочу уже этих сокровищ. Я лишь желаю получить некоторые ответы.

Они спустились с башни, и, пока не вышли из здания, никто не произнес ни слова. На улице все было по-прежнему. Воины и поклоняющиеся, лошади и слоны — все исчезло, будто их никогда и не было.

— Сюда, — сказал Конан скорее для того, чтобы нарушить жуткую тишину, а не из-за того, что его товарищи нуждались в указании.

Пока они шли по безжизненному городу, что-то, что до этого вызывало его недоумение, начало кристаллизовываться в его сознании.

— Некоторое время назад, — обратился он к Акиле, — ты сказала, что этот город в точно таком же виде, в каком оставили его жители, когда бежали.

— Да, говорила. Ну и что?

Он посмотрел на узорчатый балкон, мимо которого они проходили. Вдоль ограждения ровной линией стояли вазы, не хватало лишь цветов.

— Ты много видела городов?

— Несколько. — Она нахмурилась. — Таких красивых не видела. А что?

— Я видел много городов и могу заверить, что они никогда не бывают столь совершенны! Никто не выстраивает полностью город, прежде чем въехать в него. Города растут, как растут большие животные. Вначале они детеныши: деревня у ручья, или у бухты, или там, где пересекаются дороги или караванные пути. Из некоторых из них вырастают городки, а некоторые становятся большими городами, каким является этот... — Он сделал паузу и поправился: — Каким являлся этот. Но они всегда растут и обновляются. Старые здания сносятся и возводятся новые. Пожары уничтожают целые кварталы домов и мастерских.

Я видел города, в которых постоянно шло строительство храмов, так как представители каждого из дюжины культов хотели, чтобы храм был самым большим. Свежеокрашенный дом стоит рядом с домом, краска с которого давно слезла. Города не бывают законченными!

— Ты слишком много думаешь, Конан, — сказала Акила, сдвинув брови. — От тебя я этого не ожидала.

Он не обратил внимания на ее шутку.

— Мне почему-то кажется, что жители Джанагара, бегущие в панике, не стали бы задерживаться для того, чтобы прибрать город и достроить все незавершенные здания, прежде чем запереть за собой ворота.

— Женщина права, Конан, — упрекнул его Ки-Де. — Ты слишком много думаешь.

Для диких гирканийцев города так же были чужды, как звезды, так что он не замечал в этом городе ничего странного. Желания его были просты, а хотел он всего лишь взять побольше добычи, но так, чтобы его не пришибло на месте.

Им постоянно приходилось подниматься. Ближе к центру в городе было больше лестниц, чем улиц. Много раз товарищи терялись в этом лабиринте, заходили в дома, которые имели лишь одну дверь, либо им приходилось перелезать с одного балкона на другой или с крыши на крышу, но они все ближе подходили к тому огромному зданию. Им часто попадались ценные предметы, и друзей мучило искушение присвоить их, но судьба бедного гирканийца останавливала их жадные руки.

Наконец они прошли сквозь низкий туннель и оказались на огромной площади перед центральным зданием. Там они остановились и от удивления разинули рты. Издали здание казалось очень большим. Стоящих же рядом размеры его ошеломили. Фасад был так высок, что колоссальный купол не был виден совсем. На парапете наверху здания расположились в ряд статуи, подобные тем, что несли слоны в том явлении. С того места, где друзья стояли, статуи казались размером в человеческий рост, но Конан, прикинув на глаз высоту фасада, решил, что они, высотой по крайней мере, футов в тридцать. Здание было так огромно, что человеческий глаз не мог воспринять пропорции.

Каждый квадратный фут фасада был украшен невероятно подробной каменной резьбой. С того места, где Конан и его товарищи стояли, они не могли различить ни отдельных фигур, ни общего орнамента, первым их впечатлением была мысль о том, сколько здесь затрачено оупляющего ум труда. Все камни, какие они видели вокруг, были

мрамором — мрамором сотен оттенков и отполированным так, что казалось, будто здание сделано из стекла и подсвечивается изнутри.

— Ты когда-нибудь видел такое огромное строение? — смогла выговорить пораженная Акила.

— Несколько раз, — ответил Конан. — Это было в Стигии. Но даже там не видел я построек такой высоты. И это лишь фасад. Вспомни, что мы видели с башни. С куполом оно в два раза выше.

— Как смертные смогли такое построить? — спросила Акила.

— Они и не строили, — заявил Ки-Де. — Теперь мне ясно, что этот город построен богами или гигантами.

Конан был склонен поверить ему. Мысль о том, что обычные люди могут трудиться многие годы, возможно, целыми поколениями, чтобы воздвигнуть такое грандиозное здание, киммериец никак не мог принять. Строение было великолепным, но Конану казалось отвратительным, что люди могут тратить жизнь ради такой цели. Определенно, думал он, у этих людей должны были быть муравьиные души.

— Хватит таращиться, — заявил Конан, поправляя пояс с оружием.

Они прошли по широкой площади, вымощенной черными и белыми камнями, которые образовывали невероятные геометрические узоры. До огромного здания, казалось, никогда не дойти. Здание будто отступало, когда к нему подходили. Но через некоторое время они стояли прямо перед стеной фасада и, разинув рты, глядели на бесконечно замысловатую каменную резьбу, которая шла ряд за рядом длинными лентами, прерываемыми только окнами и огромным входом.

Каждая лента была заполнена человеческими фигурами в натуральную величину, и если действия людей, которые изображали скульптурные группы в храме, где погиб гирканиец, были весьма

непристойны, то здесь действия просто невообразимо похабны. Экун подошла к одной особенно спутанной группе фигур и пристально ее рассмотрела.

— Это невозможно, — заявила она наконец. — Нужно иметь три ноги.

— У некоторых из богов или демонов избыток конечностей, — сказал Ки-Де. — Может быть, некоторые люди в Джанагаре тоже имели лишние руки или ноги.

Конана не интересовали изображения. Он подошел к огромным воротам и осмотрел их. Двойные двери были почти столь же массивны, как и городские ворота. Они поднимались примерно на двадцать шагов вертикально, затем закруглялись аркой. Вокруг двери лентой шла резьба, которая на первый взгляд, казалось, изображала переплетенные лианы, часто встречающийся в этом городе орнамент. Но, приглядевшись, можно было увидеть, что это не лианы а скорее неисчислимые змеи, чьи глаза были сделаны из драгоценных камней. Изображение казалось таким реалистичным, что киммериец ожидал увидеть, как выбрасывается раздвоенный язык. Подошла Акила и встала рядом.

— Понадобится таран, чтобы их вышибить, — сказала она.

— Может быть, сможем забраться через крышу, — подумал вслух Конан. — Забраться, по крайней мере, будет нетрудно.

— Можешь лезть, — заявил Ки-Де. — Благоговяю тебя на этот подвиг. Но я на эту скалу не полез, как бы ни было удобно за нее держаться.

Остальные гирканийцы шумно согласились с его словами.

— Труссы! — презрительно бросила им Акила.

— Мужчины не лазают по камням, как ящерицы! — ответил оскорбленный Ки-Де.

Джеба подошел к огромной двери и потрогал плотное дерево. Он небрежно толкнул створку, и

дверь лишь немного скрипнув распахнулась внутрь так легко, словно петли были обильно смазаны.

— Может, это не так трудно, как мы думали, — сказала Акила.

— Не говори так, пока мы не посмотрели, что внутри, — посоветовал ей Конан.

Он вынул меч и шагнул в дверь. Не желая отставать, Акила выхватила свой меч и поспешила следом. Ее женщины и карлик шли сразу же за ее спиной, и последними вошли гирканийцы, держа луки наготове.

Волнуясь, осторожно, как коты, этот небольшой отряд прошел под высокой аркой, подобной туннелю, сквозь толстую стену здания. Как и снаружи, стены здесь имели украшение, но свет был слишком тускл для того, чтобы разобрать его характер. Когда они вошли в дверь, зной пустыни исчез. Воздух внутри казался немного затхлым, но дышать им было можно. Впереди туннель выходил в гигантское помещение, где было больше света.

Достигнув конца туннеля, они с удивлением оглядели огромный зал. Не успели друзья еще осознать увиденное, как вдруг рядом с ними из мрака возникло с криком что-то большое и косматое. Один гирканиец мгновенно развернулся и натянул лук, но Конан выбил оружие у него из рук. Стрела вылетела и ударилась вдали о невидимую стену.

— Это же верблюд, придурок!

Гирканиец, разозлившийся на Конана из-за его неожиданного действия, смущенно улыбнулся, когда понял свою ошибку.

— А я думал, что это демон, — сказал он, пожимая плечами.

Верблюд, чью жизнь киммериец спас, был одним из тех высоких белых. Второй верблюд стоял рядом с ним, вместе с местным верблюдом поменьше, на котором ехал Амрам. Животные мирно жевали

жвачку. Казалось, они были немного обижены из-за вторжения.

— Это первый знак, что эти трое здесь, — сказала Акила. — Ты был прав, Конан.

Они медленно вошли в огромный зал. Лучи, падающие на выложенный плиткой пол, были разноцветными и освещали мозаику четкими ромбами. Посмотрев вверх, вошедшие увидели, что громадный купол был собран полностью из стекла, вставленного в железную арматуру. Отдельные листы стекла на таком расстоянии казались крохотными, но Конан решил, что каждый такой лист должен покрывать площадь, занимаемую небольшим домом. Он никогда в жизни не видел таких больших листов стекла.

Они уже прошли половину зала и только тогда поняли, что темнеющая масса в дальнем конце не часть здания, а скорее невероятных размеров идол. Лучи падали так, что большей частью он оставался во мраке, поэтому Конан и его друзья и не распознали его сразу. По его местоположению Конан заключил, что идол полностью освещается только на закате.

— Это бог? — спросил Ки-Де.

— В лучшем случае богиня, — сухо произнесла Акила.

Фигура немного напоминала формой пирамиду: обнаженная человекоподобная фигура, сидящая скрестив под собой ноги, вытянув множество рук. Одни сжимали оружие, другие — какие-то инструменты, назначение которых сразу было не определить. Две руки расставлены строго в стороны, их пустые ладони развернуты вверх. На торсе дюжина грудей располагалась в три ряда между плечами и пупком. Лицо изваяния было красиво и умиротворенно, но в длинных узких глазах виделось выражение нечеловеческой злобы. На лбу, в глазах и в пупке мерцали огромные драгоценные камни. Друзья с благоговейным трепетом приблизились к этой скульптуре.

— Зачем вообще такую строить? — спросила Акила. — Здесь, наверное, сто шагов от одного колена до другого.

— Не знаю, — ответил Конан, — но все это мне уже надоело. — Он набрал в легкие воздуха и прокричал: — Монанд! Йоланта! Амрам! А ну выходите. Мы хотим с вами поговорить.

Эти слова долго отражались эхом от стен зала. Затем эхо затихло, и воцарилась тишина.

— И что теперь? — спросил карлик. Он осторожно постучал пальцем по гигантской голени богини. Большая часть идола казалась выполненной из бронзы, хотя ни заклепок, ни соединительных швов видно не было. Метод, каким соорудили идола, оставался загадкой, такой же, как и все остальное, увиденное ими.

— Ладно, — раздраженно произнесла Акила, — куда мы теперь... — Слова ее внезапно оборвались, когда идол издал продолжительный глубокий стон.

— Что это? — забеспокоился Джеба.

К стону прибавился скрип, будто внутри идола двигалось что-то массивное. Друзья попятились от огромного изваяния, глядя наверх, будто ожидая увидеть, что тяжелые руки оживут и потянутся к ним. Сверху донеслось резкое шипение, и они почти в панике принялись озираться вокруг.

На повернутых вверх ладонях вытянутых по сторонам рук вспыхнуло яркое пламя. Согнутые пальцы, казалось, сжимают огромные шары огня, и языки пламени отбросили на лицо богини пляшущие тени, придав ему еще более злобное выражение. К ужасу смотревших, узкие щелки глаз приоткрылись шире, и стала видна алая радужная оболочка и множество маленьких черных зрачков. Красные глаза горели внутренним огнем. Гирканийцы жалобно залепетали заклятия, чтобы оградить себя от зла, и приготовились бежать.

— Стоять! — крикнул Конан. — Это не богиня! Это большой автомат, приводимый в действие механизмами!

— Ну и что? — сказал Ки-Де. — Мне он все равно не нравится!

— Я не бегая от кукол, — заявила Акила, — если даже это самая большая кукла в мире!

Женщины встали вокруг нее плотнее, а Джеба, держа дубину, занял место впереди.

Конан стоял, ожидая, готовый драться или бежать в зависимости от того, что потребуют обстоятельства. Сотворили ли это чудо близнецы? Может быть, они внутри и управляют этим невообразимо древним механизмом, который все еще против всех правил разума работает?

Послышался топот ног и звон снаряжения, и из-за идола выбежали две колонны человеческих фигур. За пять секунд они окружили непрощенных гостей. Конан, прикинув, решил, что здесь по крайней мере сотня людей, но они все еще подходили. Наготу этих людей частично скрывали разрозненные части каких-то странных доспехов, но другой одежды они не носили. Среди них были как мужчины, так и женщины. У всех имелось оружие, а некоторые держали в руках сети и веревки. Все носили маски.

Гирканиец, который чуть было не убил верблюда, натянул тетиву и выстрелил. Выпущенная с силой стрела легко пробила черную кожу и серебристый металл, защищавший грудь, и одна женщина упала.

— Нет! — крикнул Конан. — Их слишком много!

Но гирканийцы не выдержали нервного напряжения и не слушали. При виде крови еще двое натянули тетиву, в то время как первый гирканиец потянулся за другой стрелой. Тут же их опутали наброшенные сети, а за сетями полетели копыя. Люди, когда в них били копыями, ревели, как разъяренные пантеры, пока не захлебнулись в собственной крови. Ки-Де

закричал и почти выхватил свою кривую саблю, но киммериец сбил его с ног ударом массивного кулака.

— Лежи спокойно, идиот! — прошипел он.

— Но они же убивают моих соотечественников! — кричал Ки-Де.

— Твои соотечественники были дураками и погибли как дураки, — без всякой жалости заявил Конан. — Если хочешь остаться живым, то хотя бы сейчас подчинись приказу.

Странные воины тесно стояли со всех сторон. Они были низкими, с хорошей мускулатурой и самой белой кожей, какую только Конан видел. Об их лицах он почти ничего не мог сказать, поскольку их скрывали гротескные маски. Маски, казалось, были сделаны из кованого металла, одни из них имели птичьи клювы, другие изображали звериные морды, некоторые — злобные лица обезьян. Доспехи состояли из кожи и начищенного металла. Никто не нес полных доспехов, только нагрудники, нагленники, наплечники и наручники, и все это было в шипах и богато украшено.

Конан сомневался, что его отряду удастся пробиться сквозь линию этих странных воинов: их истыкают копьями намного раньше, чем они доберутся до двери.

К ним подошел человек в особенно украшенных доспехах. В руках он держал алебарду, снабженную страшного вида шипами и крючьями, и это оружие он приставил к широкой груди Конана.

— Сложить оружие! — прокричал этот человек, так искажая слова, что киммериец едва понял. Человек повторил свои слова на этот раз еще более пронзительно.

— Что он хочет? — спросила Акила.

— Он хочет, чтобы мы разоружились, — объяснил ей Конан.

— Никогда! Если надо, я буду биться насмерть, но я не останусь безоружной среди врагов!

— Просто держи руки подальше от оружия, — сказал Конан. — Может быть, это будет достаточно.

Человек с алебардой прокричал что-то, в воздух взметнулась сеть, распустилась и окутала Акилу. Конан потянулся к мечу, но руку обвила веревка, а сверху набросили другую сеть. Он попытался сорвать ее с себя, но даже железные мускулы не могли справиться с прочным волокном. Киммериец услышал крики, обернулся и увидел, что остальных обездвигивают столь же удачно.

Этот маневр у воинов был хорошо отработан, поскольку они быстро справились со своими жертвами, пользуясь численным преимуществом, и крепко их связали. Чтобы справиться с киммерийцем, пришлось задействовать многих воинов, но людей у них было достаточно. Через несколько минут киммериец лежал на животе, руки его были крепко связаны сзади, ноги скованы двумя футами цепей. Когда всех таким же образом связали, их подняли на ноги и убрали сети.

— Так и слушайся твоих приказов, киммериец! — Ки-Де с отчаянием плюнул на пол. — Нам надо было драться!

— Ты бы погиб, — ответил Конан. — А так мы еще выберемся отсюда. Скорее всего, это произошло из-за твоих же людей. Какой народ не встречает непрощенных гостей с оружием? И не было никаких причин убивать ту женщину.

Хотя Конан старался говорить спокойно, внутри он кипел от гнева.

— Но ведь здесь никого не должно было быть! — возразил Ки-Де.

— Этот народ, по-видимому, считает иначе, — заметил Джеба.

Человек, который говорил с ними до этого, отступил в сторону, когда подошла женщина для того, чтобы внимательно оглядеть пленников. На ней была маска из вороненой стали в виде головы беркута, которую украшали пучки белых перьев. Плечи по-

крывала короткая накидка из черной и серебряной чешуи, а плотно облегающие наголенники защищали ноги. Предплечья имели тоже такую же изящную защиту. Ее стройные бедра опоясывал пояс из черных и серебряных пластин, на котором висел кинжал и короткий меч. Если не считать этих предметов, то женщина была обнаженной.

— Кто вы? — спросила она низким голосом, дошедшим сквозь прорезь в клюве. Она была хрупкой женщиной, но жилистого телосложения.

— Я Конан из Киммерии, а это царица амазонок Акила. Остальные люди следуют за нами. Мы ищем наших друзей, верблюды которых стоят вон там. — Он кивнул головой, указывая направление, в котором находились животные.

— И для этого вы убили одного из нас? — Она указала на мертвую женщину, которую несли к огромному идолу.

— Это была ошибка, — сказал Конан. — Мы не ожидали кого-либо встретить здесь, так что тот дурак испугался. Он простился за это с жизнью, и вместе с ним еще двое. Остальные же не пытались причинить вам вреда. — Конан не знал, сможет ли он этими словами воззвать к ее чувству справедливости, но считал, что стоит попытаться.

Женщина подошла ближе и встала почти вплотную к высокому киммерийцу. Указательным пальцем тонкой ручки она провела по массивным грудным мускулам.

— Ты не похож на кочевников, которые натыкаются иногда на Запретный город. Из какой ты земли?

— Киммерия лежит далеко-далеко на севере отсюда.

— Твои соотечественники все такие же большие и сильные, как и ты?

— Почти все.

Она так же близко подошла к Акиле и принялась подробно разглядывать царицу, слегка побив

в ее мощный брюшной пресс, пощупав рельефные мышцы на руках, ногах и корпусе, как будто царица была верблюдом на базаре. Обратной стороной ладони она провела по щеке Акилы.

— Я никогда не видела женщины, похожей на тебя. Твоя земля, должно быть, лежит еще дальше, чем его.

Голова женщины в маске едва доходила до плеча Акилы.

— В своей земле я царица, — проговорила Акила сквозь сжатые зубы. — Со мной не следует обращаться подобным образом.

Женщина в маске пронзительно рассмеялась, и смех ее подхватили другие.

— На тебе, раба, слишком много одежды! — сказала она, изо всех сил рванув накидку Акилы. Шнурок, который держал накидку на шее, порвался. Затем женщина в маске сорвала с нее пояс и лисью шкуру, оставив царицу в одних обмотках на ногах.

— Так лучше, — довольно проговорила женщина в маске. — Ты можешь быть красива своей варварской красотой, когда с тебя перестанет слезать кожа.

Не обратив внимания на остальных, она повернулась к странным воинам.

— Отвести вниз! — крикнула она. — Скоро посмотрим, из чего сделаны эти необычные существа.

Воины бросились вперед и принялись подталкивать пленных к огромному идолу. Под скрещенными щиколотками, скрипнув, открылась широкая бронзовая дверь, и их затолкали в нее.

Глава 10

Конан посмотрел вверх. Внутри идол освещался лишь несколькими факелами, которые давали возможность видеть внутреннюю арматуру из тяже-

лых деревянных брусьев и металлических балок, стянутых болтами толщиной с человеческую ногу. Там были огромные шестерни, десять шагов в поперечнике, а также рычаги, сдвинуть которые смогли бы по крайней мере десять здоровых мужиков. Откуда-то выходили и куда-то шли металлические трубы, и толстые цепи свисали петлями, верхние концы которых терялись в темноте. Киммериец почувствовал, как в спину его подтолкнули острым наконечником.

— Не зевай по сторонам! — приказала женщина в маске. — Великая богиня не любит, когда глаза невежды заглядывают в ее внутренности.

Он не понял, содержалась ли в словах женщины ирония, поскольку даже общий смысл понять было трудно — таким сильным был акцент. Неужели она действительно считает, что колоссальное извращение — это богиня, прекрасно зная, что внутри лишь рычаги, цепи и шестерни? Он оставил этот вопрос. Если это так, то религия этого народа будет самой неразумной из всех, какие он встречал.

В середине пространства под идолом вниз уходил спиральный пандус, такой широкий, что по нему могли в ряд идти человек десять. Их повели вниз. Женщины Акилы шли следом за своей царицей, чтобы защитить ее от унижительных тычков копьями в спину. Старания амазонок принесли им множество мелких ран на спине, ягодицах и бедрах. Карлик же с воинственным видом шел впереди царицы, будто бросая вызов любому, кто осмелится подойти слишком близко.

Спуск казался бесконечным. Пандус был из гладкого камня, поверхность которого отбрасывала мягкие блики от странных бездымных факелов, которые с приглушенным шипением горели вдоль стен через каждые несколько шагов. По мере того как они спускались все глубже, Конан стал замечать, что стражники немного расслабились. Мышцы на

спинах и шеях, бывшие напряженными, разгладились, походка сделалась более непринужденной. Будто наверху эти люди чувствовали себя крайне неуютно, и теперь они успокоились в безопасности и привычном окружении. Конан не имел никаких предположений, почему это может быть. Неужели этот странный народ все время проводит здесь внизу?

Спиральный пандус закончился, и начался широкий коридор, также освещенный бездымными факелами. Стены и потолок коридора были богато украшены резьбой, повторяющей те же мотивы, что они так часто встречали в городе наверху: переплетенные растения, сложные геометрические узоры и откровенное соитие людей и демонических фигур.

Они проходили мимо просветов, открывавшихся в широкие залы, где неясные фигуры совершали непонятные ритуалы или какие-то другие действия, но пленники так и не сумели хорошо все рассмотреть. Когда они шли дальше, киммериец заметил невысоких бледных мужчин и женщин. На них были одеты ошейники, а ноги и руки скованы тонкой, но прочной цепью; эти люди занимались, очевидно, осмотром факелов, следя за тем, чтобы они постоянно горели. Пленников провели мимо одного негорящего факела, который прочищал человек при помощи мелких инструментов. Когда они уже почти прошли мимо, человек закончил свою работу, повернул маленькую ручку и выбил камнем искру. Пламя тут же вспыхнуло, и раб отдернул голову.

— Что это за шум? — спросила Акила, которая вышла из состояния меланхолии, охватившего ее после пленения и последовавшего унижения.

Конан тоже обратил на него внимание. Это было доносившееся отовсюду шипение, подобное шуму ветра, дующего в пещере.

— Не знаю, — ответил он. — Похоже на движение воздуха.

— Молчать! — прикрикнула женщина в маске, небрежно ударив киммерийца по лицу. Удар он едва ли почувствовал, но поклялся себе, что однажды она за него заплатит.

Коридор выходил в огромные залы, где на полу вокруг столов сидели люди и что-то ели, затем открылись другие залы, где люди в балахонах, очевидно алхимики, сутились вокруг бутылок с бурлящей жидкостью, возились с пылающими горнами и трубками, по которым из одного места в другое переходили жидкости и пары. В помещении, явно представлявшем собой храм, мужчины и женщины исполняли крайне похотливый танец перед идолом, очень сильно напоминавший колосса наверху, но намного меньше. Примерно треть населения носила цепи рабов. Из свободного населения половина была в масках. Все они с любопытством смотрели на вновь прибывших, но никто не пытался задерживать процессию или задавать вопросы.

В одном месте пол коридора сделался мостом, нависшим над огромным помещением, полным скрипа деревянных балок и металлического скрежета. Наверху, внизу и по сторонам были огромные, вертикально расположенные колеса, непрерывно вращающиеся, приводимые в движение сотнями рабов, которые шли внутри них. Конан понял, что это источник энергии, от которого работает система вентиляции подземного города. В цивилизованных землях киммериец видел огромные, приводимые в действие рабами меха, которые нагнетали воздух в шахты, раза два он видел меха, которые двигали водяные колеса, но то, что он видел здесь, было намного сложнее.

— Мерзкое место, — высказала свое мнение Акила.

Конан не был настроен спорить с ней, но мужчина, который, видимо, разделял власть с женщиной в маске, ударил царицу, и дикие женщины, оскалив зубы, обратились к нему.

— Прекратить! — приказала Акила. — Вы погибнете бессмысленно.

— Большая женщина нуждается в порке, — сказал мужчина.

— Это решу я, — резко ответила женщина в маске, установив отношение их рангов.

Наконец они свернули из большого коридора и, поднявшись по широкой лестнице, вошли в просторный зал с высоким сводчатым потолком, с которого свисали конструкции, напоминавшие люстры. Множество медных трубок образовывало широкие корзины, и каждая трубка заканчивалась крохотным цветком, из которого вырывалось белое пламя, и вместе эти люстры заливали зал будто дневным светом.

Кроме главных женщины и мужчины, в зал вошли только десять воинов для того, чтобы следить за пленными. Остальные остались перед входом. Помещение не имело никакой обстановки, там было лишь несколько больших подушек, а со стен свисало несколько коротких цепей. Цепи заканчивались металлическими ошейниками.

С небольшой подставки женщина взяла гибкий, длинный, утончающийся к концу прут и надела на руку прикрепленную к нему петлю. Прутом она указала на трех женщин, карлика и Ки-Де:

— Этих рабов приковать здесь. Пятерым воинам охранять их. Этих двоих, — она указала на Конана и Акилу, — отвести в мой приемный покой.

Женщины заплакали от того, что их разлучают с их царицей, но сделать они ничего не могли. На их шеях закрепили безжалостные железные ошейники.

— Подождите немного здесь, — сказала им царица так уверенно, будто все происходило по ее желанию. — Скоро мы все будем свободны.

Гибкий прут хлестнул ее по плечам. Акила даже не поморщилась.

Подталкиваемые копьями, Конан и царица воительниц поднялись еще по одной лестнице и

оказались в небольшом помещении, освещенном так же, как и зал внизу, и устланном чем-то, по виду напоминающим шелковые подушки. Здесь стояли низенькие столики, уставленные красивой стеклянной посудой. Тут же находились, ожидая, четыре рабыни, приятные молодые женщины, стройные и бледные, как альбиносы, с белыми, коротко остриженными волосами, глаза их были опущены, а руки с цепями сжаты перед собой.

Охранники надели на Конана и Акилу ошейники и прикрепили их цепями к медным кольцам, вделанным в пол под подушками. Цепи оказались слишком короткими и не позволяли стоять, так что Конан и Акила были вынуждены сесть на подушки, в то время как рабыни принялись ухаживать за своей госпожой. Воины ушли, остался лишь человек с алебардой.

Рабыни сняли со своей госпожи доспехи и вместо них надели короткую накидку из серебристой ткани. Госпожа совершенно не стеснялась показывать свое обнаженное тело, но отвернулась, когда женщины сняли с нее украшенную перьями металлическую маску и заменили ее другой, сделанной из той же серебристой материи. Конана заинтересовало, откуда в этом невероятном подземном городе в центре пустыни берутся такие прекрасные перья. Откуда действительно взялись те огромные деревянные брусья?

Женщина повернулась к ним. Маска открывала лишь округлый подбородок, рот с полными губами и глаза с такой бледной радужной оболочкой, что она едва отличалась от окружавшего белка. Зрачки были маленькими и казались не черными, а скорее красными. Волосы ее, теперь распущенные, мягкими волнами падали по плечам. Рабыня подала хрустальный кубок, и госпожа отхлебнула из него, разглядывая пленников.

— К нам в Запретный город редко попадают интересные чужестранцы, — сказала она, подходя к ним с кубком в одной руке и прутком в другой. —

Обычно лишь кочевники наталкиваются на город, жалкие и умирающие от жажды, голода и проклятого солнца. Рукой с хлыстом она обвела в воздухе сложный знак, и тот же знак сделал мужчина в маске. Упоминание о солнце явно считалось чем-то скверным. — И вот прибыли совсем другие, необычные люди. Может, это и есть начало давно предсказанной судьбы? — Она приставила прут к подбородку Акилы и заставила ее приподнять голову. — Я никогда не думала, что может существовать женщина такая, как ты: огромное сильное животное, обладающее определенной красотой. — Она вдруг взглянула на мужчину в маске: — Ты так не считаешь, Аббад?

— Она уродлива, — сказал мужчина, но Конан расслышал ложь в его словах — под маской этот человек чуть ли не облизывал губы. — Скорее всего, это вообще не человеческие существа, а какой-то вид пустынных обезьян.

— Я так не думаю, — сказала женщина, усмехнувшись. — И даже не думай меня обманывать. Ты испытываешь к ней вождение, я в этом тебя не виню. Наша бледная порода не может предложить такого зрелого, полного жизни тела. — Она посмотрела на Конана. «Этот дикарь, наверное, силен как бык», — мелькнула у ней мысль. Затем она резко повернулась к мужчине в маске. — Но сейчас их не трогай! Они мои, и делать я с ними буду то, что захочу!

Мужчина поклонился с плохо скрытой враждебностью:

— Я никогда не буду противиться твоим желаниям, Омия.

— То-то же. Теперь ступай. Об этом поговорим позже.

Мужчина неохотно развернулся и вышел. Женщина проводила его взглядом, улыбаясь. Затем она села на подушки прямо перед пленниками. Если бы руки их не были связаны, они легко бы убили ее.

Конан подумал, понимает ли она, что он без особых усилий может убить ее ударом ноги. Конечно, он останется прикованным к полу. Она, без сомнения, учла это.

— Моим гостям нужно подкрепиться, — сказала Омия.

Через несколько секунд четыре рабыни присели перед Конаном и Акилой. Две держали чашки, а другие две по подносу с лакомствами. Акила отвернула голову, но Конан сказал ей:

— Ешь. Сила нужна.

Неохотно она отхлебнула из чашки, поданной рабыней, затем откусила кусочек пирожного, поднесенного ей ко рту другой рабыней. Конан сделал то же самое. Вино он нашел вполне сносным, хотя оно и имело горький привкус. Пища казалась пресной, почти безвкусной и по консистенции напоминала грибы.

— Так-то лучше, — произнесла их стражница. Она повернулась к Акиле: — И что искали здесь ваши друзья?

Акила пожала широкими плечами:

— Они сказали, что ищут сокровища, оставленные в этом городе тысячи лет назад. Теперь я в их словах не уверена.

Омия засмеялась и захлопала в ладоши:

— Сокровища! Действительно, сокровищ у нас более чем достаточно! У нас даже есть нечто лучше!

— Что это за место? — спросила Акила. — Как люди могут жить под землей, будто муравьи, никогда не видя солнца?

Лицо женщины в маске исказилось, и прут оставил на щеке царицы красную полосу.

— Здесь вопросы задаю я! — Глаза Омии глядели с почти безумной яростью. Затем вдруг в ней снова произошла быстрая перемена настроения, и она нежно погладила рукой кожу, на которой

оставила отметину. — Тебе в первую очередь следует понимать, какое зло несет солнце. — Она снова сделала загадочный жест. — Я вижу следы его воздействия на всем твоём теле. Давно, очень давно мы бежали от этого зла. Теперь ты должна оставаться с нами внизу. Вам самим будет лучше, если только окажетесь подходящими.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Акила, но тут же поморщилась, когда хлыст ударил по другой щеке.

— Ты плохо понимаешь? — Омия встала. — Твой товарищ знает, когда надо молчать. Может быть, внешность ваша и не обманывает, вы и есть на самом деле пара безмозглых зверей. — Она снова одарила их теплой улыбкой. — Но я не согласна с Аббадом. Я считаю, что вы оба очень красивы.

Она хлопнула в ладоши:

— Стража! — В помещение вошли вооруженные мужчины и женщины. — Отведите их в загон. Пусть их помогут и привяжут.

Цепи отсоединили от колец в полу, и Конан с Акилой вышли из помещения. Женщины вели их за цепь, будто собак на поводке. Сзади их подгоняли копытами.

По старой привычке Конан разглядывал оружие. Он хотел точно знать, что хватать, если представится возможность бежать. Кроме копий, у некоторых были мечи и кинжалы. Несколько человек имели при себе короткие топоры с легкими изогнутыми полумесяцем лезвиями. Топоры эти казались Конану необычно знакомыми. Затем вдруг его внимание привлек короткий меч, висевший на поясе у женщины, которая держала цепь киммерийца. Меч висел так, что рукоять торчала как раз над правым бедром, а клинок в ножнах, длиной дюймов двадцать, наклонно проходил поперек ягодиц. По характерной форме ручки киммериец определил, что это стигийское оружие. Еще одним доказательством

служило то, что ножны были украшены стигийскими иероглифами.

Пройдя немного по главному коридору, они подошли к тяжелым дверям, по обеим сторонам которых стояли стражники. Двери открыли, и за ними оказался туннель с низким потолком, пленников затолкали в него. Туннель не имел абсолютно никаких украшений, и грубые следы, оставленные инструментами, говорили, что вырублен он в твердой скале. Свет давали все те же медные трубки, которые горели лишь немного ярче свечей. Из зарешеченных отверстий у пола со свистом поступал свежий воздух.

Они прошли сквозь низкие двери, и там, куда они вышли, киммериец увидел людей обоего пола, прикованных цепями к стене. Почти у всех волосы были коротко острижены.

— Здесь наказывают непослушных рабов, — сказал Конан.

Их отвели в зал, где из стены лилась вода, которая наполняла широкий бассейн, переливалась через край и стекала в отверстие в полу. Воздух в зале имел тяжелый, влажный, густой запах.

— Туда! — крикнул стражник.

Это было первое слово, которое они услышали от странных воинов. Чьи-то руки сняли с пленников остатки одежды. Конан и Акила вошли в бассейн, и рабы с кувшинами и щетками знаками дали понять, что им надо опуститься в воду.

— Могу поклясться, что, судя по запаху, это речная вода, — произнес Конан, прежде чем погрузиться в бассейн.

— Встать, — сказал один из стражников, когда пленники вынырнули, чтобы глотнуть воздуха. Они подчинились. Вода доходила им до середины бедра. Рабы вошли в бассейн и полили головы и тела пленников душистым маслом, затем щетками взбили это масло так, что образовалась пена. Акила стиснула

зубы, пытаюсь перенести прикосновение щеток к своей чувствительной коже.

— Полегче там, — сказал Конан, — она обгорела.

Рабыня, которая терла Акилу, кивнула и взяла вместо щетки тряпочку. По крайней мере, заключил он, рабы понимают их, хотя и не хотят или не могут говорить.

Тщательно вымытые, они вылезли из бассейна, и их вытерли грубыми полотенцами, затем повели глубже в эту тюрьму. Они прошли помещение, где к стене были прикованы три женщины, карлик и Ки-Де. При виде своей царицы женщины и карлик бросились к ней настолько, насколько позволяли им их оковы, обрадованные тем, что она жива. Гирканиец остался мрачным.

Когда Акила говорила, подбадривая их, Конан не мог сдержать улыбки. Раздетые, отмытые от краски дикие воительницы оказались вполне симпатичными молодыми женщинами, хотя и не обладали мягкими очертаниями своих цивилизованных сестер.

Конана и Акилу отвели в несколько большее помещение, и там цепи их прикрепили к кольцам в противоположных стенах. Затем стражники развязали им руки и вышли. Потирая запястья, разминая пальцы, Конан и Акила огляделись вокруг. Свет падал только от пламени за дверью. При полностью натянутых цепях пленников отделяли друг от друга еще шага два.

Обследовав все, что можно, они сели на холодный каменный пол.

— Конан, неужели мы попали к сумасшедшим?

— Трудно сказать. Когда я первый раз в жизни оказался в городе, я подумал, что все люди там сумасшедшие, поскольку они очень сильно отличались от людей в деревне, в которой прошло мое детство. Конечно, жизнь в этом муравейнике любого делает безумцем.

Акила подергала свою цепь:

— Я никогда не была связанной! Я должна выйти отсюда. — Голос ее выдавал то напряжение, которое она так долго сдерживала.

— Меня много раз сковывали. И если нет инструментов, бороться с железными цепями бесполезно. Настройся ждать. Готовься ухватиться за любую возможность, любую ошибку стражника. Я много раз возвращал себе свободу. Те, кто поддается отчаянию, кто теряет разум от ярости, никогда не совершат побег.

— Правда? — Слова киммерийца, казалось, воодушевили ее. — Тогда буду делать так, как ты говоришь. Хотя это трудно. Быть царицей, даже в изгнании, и вдруг подвергнуться такому обращению. Это причиняет большую боль моей гордости, чем солнце — моей коже.

— Это уже лучше. — Конан чуть заметно улыбнулся. — Иногда полезно закалять свою гордость в холодной воде.

— Моя царица! — Конан узнал голос Паины. — Ты меня слышишь?

— Да! — откликнулась Акила.

Она описала Паине положение, в каком находится, и передала ей совет Конана. Женщины были довольны тем, что с царицей все в порядке.

— Для чего, по мнению той злобной женщины, должны мы оказаться подходящими?

— Не знаю, — ответил Конан. Ему было смешно слышать, как одна воинственная женщина называет другую злобной. — Но не сомневаюсь, что скоро мы это узнаем. Меня больше интересует та вода.

— У нее действительно запах речной воды, непохожий на запах воды из родника. Откуда здесь, в центре пустыни, речная вода?

— Только из одного места. Из-под земли. Это может дать нам шанс для побега. И еще одно: у стражницы, которая вела меня, был стигийский меч. Это означает, что эти люди имеют какой-то

контакт с внешним миром. Топорики, кажется, тоже стигийские.

— Может быть, оружие очень старое.

— Возможно, но ножны меча отнюдь не старые.

Они из кожи и украшены стигийским рисунчатый письмом.

Акила пожала плечами:

— Что это нам дает? Та женщина сказала, что сюда забредают изнемогшие от жары кочевники и умирают здесь. Может, с ними попал сюда и меч.

— Может быть, — согласился Конан. — Но помни то, что я тебе сказал, лови возможность. Любой обрывок знаний может помочь нам выбраться отсюда. Здесь где-то есть река, а через Стигию протекает самая большая река в мире.

— Если мы выберемся из этой проклятой тюрьмы, ты сможешь найти дорогу на поверхность?

— Да, — не колеблясь, ответил Конан. Я всегда помню, где я проходил.

Акила кивнула:

— Я тоже выросла на земле без столбов с указателями, где не очень-то много ориентиров и где, для того чтобы выжить, надо иметь чувство направления. Но я никогда не оказывалась в таких норах. Здесь нет ни солнца, ни луны, ни звезд. Нет даже ветра.

Киммериец видел, что катастрофические происшествия последних нескольких дней сломили ее железную самоуверенность.

— Я не зря провел много времени среди Пустошей Пиктов и в джунглях на юге. Город, даже подземный, — это такие же джунгли.

— А что ты думаешь о тех факелах, что горят без дыма? Это колдовство?

— Я таких никогда не видел, — признался он, — но почему-то мне не кажется, что они колдовские. Когда нас вели сюда, я заметил, как раб прочищал один факел, будто масляную лампу. Вероятно, там

горят невидимые пары. Я видел, как алхимики поджигали такие пары у себя в лаборатории, и все наблюдали, как горят пары, выходящие из печей утлежогов.

— Да, — сказала она неуверенно, — может быть, и так. Но все равно мне это не нравится. — Акила помолчала некоторое время, затем спросила: — Как давно мы встали? В этом подземелье я никак не могу определить время.

— Не могу сказать ничего определенного, — ответил киммериец, зевая, — но думаю, что сон нам обоим не помешает.

Они легли, и Акила сказала:

— Они так тщательно нас вымыли, и я уже думала, что нам предоставят хорошую постель.

Конан рассмеялся:

— По-моему, они мыли нас для своего удобства. Кажется, они очень чистоплотный народ. Наше благополучие их не интересует. — Он потянулся, положил руки за голову и уставил взгляд в потолок. — Кажется, отсутствие постели еще не самое плохое из того, что нас здесь ожидает.

Спал Конан долго и без сновидений. Проснувшись, он увидел, что Акила рассматривает свою кожу при свете этого странного факела. Она легко провела кончиками пальцев по рукам, по бедрам, затем по роскошным очертаниям своего торса.

— Все на месте? — спросил Конан.

Она вздрогнула:

— Я думала, что ты еще спишь. Да, все здесь, и в лучшем состоянии, чем я ожидала. Масло, которое они на нас потратили, должно быть, обладает целебными свойствами. Ожоги больше не болят, и почти вся отмершая кожа уже слезла. Даже на губах нет трещин.

— Это хорошо, — сказал он, садясь и протирая глаза. — Когда будешь вырываться отсюда, лучше не иметь никаких уязвимых мест. Как твои глаза?

— Вижу хорошо, как раньше, хотя не помешало бы побольше света.

— Да, вид у тебя нормальный, — сказал Конан, действительно имея это в виду. Ему ничто не мешало рассмотреть каждый дюйм ее совершенного тела. — Если бы только цепь была подлиннее.

Она надменно посмотрела на киммерийца:

— И хорошо, что она коротка, иначе мне пришлось бы свернуть твою упрямую киммерийскую шею.

— Вижу, к тебе возвращается гордость, — сказал он горько. Однако ему показалось, что в голосе ее звучали дразнящие нотки.

Раб принес одну миску жидкости, от которой шел пар, и кувшин воды, все это поставил между пленниками и вышел. Конан взял кувшин и стал пить, в то время как Акила поднесла миску к губам, но затем скривила лицо.

— Опять эти грибы, — сказала она, передавая миску Конану и забирая у него кувшин. — У них что, нет порядочного мяса?

Конан набрал полный рот пресного варева с плавающими в нем толстыми кусками жестких грибов.

— Это поддержит в нас жизнь. И даже люди, хорошо обеспеченные мясом, не тратят его на заключенных. Черствый заплесневелый хлеб и сухой сыр — твоя тюремная пайка. Это, по крайней мере, горячее.

Они съели эту безвкусную пищу, и некоторое время Акила переговаривалась с членами своей свиты. Им явно недоставало звука ее голоса.

— Больше никто из заключенных не говорит? — спросил Конан.

— Нам они не отвечают, — отозвался Джеба.

— Им все равно нечего сказать, — добавил Ки-Де. — Это жалкие людишки, рабы каких-то насекомых, живущих, как термиты в гнилом пне.

— Но все же они могли бы рассказать нам о нашем положении, — возразил Конан. Однако пока

он не слышал, чтобы рабы говорили даже между собой. Он решил найти ответ на этот вопрос.

Вскоре после того, как они поели, пришли стражники, чтобы снова отвести их в бассейн. Когда принесли еду в следующий раз, Конан схватил рабыню за плечи. Акила с удивлением посмотрела на киммерийца.

— Поговори со мной, женщина, — приказал он.

Она молчала и только глядела испуганными глазами. Он взял ее нижнюю челюсть большим и указательным пальцами и открыл женщине рот. Затем отпустил.

— У нее нет языка, — доложил он. — Вероятно, так обходятся со всеми рабами.

Акила с отвращением фыркнула:

— Цивилизованные люди зовут нас варварами, потому что мы похожи на диких зверей. Но это естественный и чистый способ жить. Их же способ уродливый и извращенный.

— С этим спорить не буду.

Через несколько часов прибыл отряд стражников. Пленникам связали руки и вывели из камеры. В помещении рядом с бассейном они нашли женщин Акилы, карлика и Ки-Де. Рабы надели на Конана его волчью набедренную повязку и кожаный с заклепками пояс, а на Акилу — ее лисью шкуру и обмотки. Халатов, в которых они шли по пустыне, нигде не было, но Конан усмехнулся, заметив, что возвращенная им одежда была тщательно вычищена.

Паина подошла к дарице и тихо спросила:

— Он не пытался приставать к тебе?

Акила улыбнулась:

— Пытался бы, но цепь была слишком короткой.

— Ха! — произнес Конан. — Она свою цепь растянула почти на фут, пытаясь подобраться ко мне.

— Молчать! — крикнула стражница.

Джеба боднул головой в ее незащищенный живот. Стражница крикнула, упала на спину, и копье покапало по полу.

— Выказывай должное почтение нашей царице, девка! — заорал карлик, но тут же к его горлу был приставлен десяток копий.

— Успокойся, Джеба, — сказал Конан. — Нет смысла погибать раньше времени.

Подталкиваемые копьями, они покинули тюрьму.

Глава 11

Процессия из пленников и конвоиров вошла в другую часть лабиринта. Пленники обнаружили, что не все находится в непосредственной близости от главного коридора, поскольку им попадалось множество развилок и пересечений. По крутой лестнице они поднялись туда, где запах реки был особенно сильным: здесь они проходили по огромным естественным полостям, в которых в изобилии росли грибы. Одни походили на поганки с широкой шляпкой, другие — на ветвистые кораллы, третьи свисали с потолка тонкими пластинами, пучками либо закрутившись, как бараний рог.

В одном месте факелы с парами отсутствовали. В них не было необходимости, потому что здесь грибы светились своим холодным светом: пурпурным, красным и ядовито-зеленым. В этом жутком освещении человеческие фигуры напоминали ходячие трупы.

— Ты следишь за тем, куда нас ведут, Конан? — спросила Акила, когда они прошли пещеры с грибами.

— Да, но я бы хотел найти путь покороче.

— Молчать там! — приказал стражник.

— Можешь сесть на свое копьё, собака! — отбил оскорбленный Конан. — Вашей царице, или

кто там она у вас еще, мы для чего-то нужны живыми, так что не угрожай попусту.

Джеба рассмеялся, услышав эти слова.

— Но она не говорила, что вас надо оставлять невредимыми, — сказала женщина, которую Джеба боднул. Она больно ткнула карлика копьем в зад, отчего Джеба вскрикнул. Теперь рассмеялись стражники.

— По крайней мере, у них есть чувство юмора, — проговорил Ки-Де.

Продвигаясь по боковому коридору, они приблизились ко входу, откуда доносился звук, которому, казалось, быть здесь не следовало, — звук пилы. Когда пленников проводили мимо портала, Конан заглянул туда. Длинными двуручными пилами группа рабов делала из темных тяжелых бревен брусья и доски. В воздухе висел приятный аромат древесного сока и опилок.

— Грибы они могут выращивать и без света, — произнесла Акила. — Но деревья? Как они... — Стражник ткнул ее в спину так, что выступила кровь.

— Хватит! — прорычал Конан.

С поразительной быстротой он подбил ноги стражника, киммерийцу ничуть не помешала сковывающая его цепь. Коротким пинком он парализовал поверженного воина и поставил ногу ему на горло. Когда хрящик уже начал поддаваться, Конан остановился. Командир охранников вынул меч и держал его под подбородком карлика.

— Если убьешь его, этот умрет, — сказал командир. — Царицу интересуют только большая женщина и ты. Еще одна выходка с твоей или с ее стороны — и я убью недоростка. Потом его. — Он кивнул в сторону Ки-Де. — После него трех женщин, одну за другой. Поняли?

— Да, — проговорил Конан, убирая ногу. Отпущенный стражник вздохнул, захрипел и скрючился,

перекатившись на бок. — Просто помни, что я терпеливый человек, но даже моему терпению приходит конец.

Больше они ничего не сказали, но то, как Акила улыбулась Конану, улучшило его настроение на всю оставшуюся часть пути. Путь же их закончился в огромной естественной каверне, почти круглой по форме. В полу было вырублено множество рядов сидений, которые окружали овальную площадку в углублении. Шелковые подушки богато устилали сиденья. Наверху висела самая огромная люстра из тех, что пленникам приходилось видеть, и лила свет из сотен рожков.

Пленников подвели к прямоугольной клетке прямо перед площадкой. В клетке из толстых железных прутьев стояла единственная скамейка. Пленников подтолкнули копытами в клетку, и командир стражников запер дверь.

— Что это, моя царица? — спросила Паина.

— Ты никогда не видела боевой арены? — поинтересовался Конан.

— Я видела, — сказала Акила, — в некоторых городах и деревнях и в местах ярмарок. Но те представляли просто участок утоптанной земли, огороженный грубыми досками. Какой народ будет строить такую большую и такую долговечную площадку?

— Народ, любящий кровь, — ответил ей Конан. — Народ, предпочитающий смотреть на то, как дерутся другие, вместо того чтобы драться самому.

Пленников оставили ждать в клетке.

— Дерево, кожа, ткань, — думал вслух Конан. — Все это должно поступать с поверхности, и могу поспорить, что их доставили не через пустыню. Деревья, которые пилили рабы, были свежесрубленными, полными сока.

— Тебе не на что спорить, — сказала Акила, — но я с тобой все равно согласна.

— Кожа может быть и человеческой, — заявил Ки-Де. — Наше племя делает военные барабаны из кожи врагов.

— Шелк изготавливают пауки, — сказал Джеба. — А пауки живут в темноте. Вероятно, здесь прядут нити из паучьего шелка.

— Но остаются деревья, — возразил Конан.

— Этот народ — могучие колдуны, — сказал Ки-Де. — Возможно, они производят бревна при помощи колдовства.

Конан не мог согласиться. Пока он не видел у этого народа ничего действительно колдовского. Напротив, народ этот был прозаичен, как муравьи. Действительно странным было лишь место, которое он избрал для жизни.

Разговор был прерван, когда в пещеру через множество входов начали стекаться люди. Они спускались по проходам, разделявшим ряды сидений на секторы, и усаживались на подушки. Конан заметил, что люди соблюдают строгий порядок: сидящие в каждом секторе имели определенную одежду, отличную от одежды сидящих в соседних секторах. Здесь он видел мужчин в тонких накидках и с бритыми головами, там — женщин в змеиных масках. Другой сектор занимали мужчины и женщины, все они носили маски, закрывающие лишь левую часть лица, а в руках держали длинные жезлы с кристальными шарами на конце. Означают ли эти знаки отличия — ранг, статус или род занятий, — Конан определить не мог.

Все встали, когда вошла Омия, сопровождаемая Аббадом, который все еще был в тех же доспехах и с тем же оружием, что и тогда, когда захватили в плен Конана и его друзей. За Аббадом стоял маленький лысый человечек в простой шелковой накидке до пола. Черты его казались странно знакомыми.

— Кто это за Аббадом? — спросила Акила. — Вид у него такой же, как и у остальных, но, кажется, я его знаю.

— Конечно знаешь, — сказал Конан. — Покрась немного его кожу, приклей бороду, укутай в халат — и получишь нашего старого друга Амрама.

— Амрам! — произнесла она. — Он один из них?

Конан покачал головой:

— Думаю, что нет. Его кофский акцент был очень убедителен, а также и большая часть его истории. Однако здесь он уже давно, достаточно долго для того, чтобы перенять их облик.

Действительно, человек, в котором они узнали Амрама, был бледен, как и остальные подземные жители. Но глаза его оставались карими, и щетина, выступившая на бритой голове, имела темный цвет. Киммериец догадался, что Амрам обрил себе череп для того, чтобы слиться с местным населением, поскольку волосы у аборигенов были белыми, как у альбиносов. Амрам умел выживать в жестоком мире, благодаря таланту хамелеона.

— Кто следующий? — подумала вслух Акила. — Может быть, близнецы?

Но похоже, загадочная пара не собиралась появляться. Прямо у арены, рядом с клеткой, находилась небольшая платформа. На ней Омия и Аббад заняли свои места в заваленных подушками креслах. Амрам встал за их спинами, и рабы, готовые прислуживать, встали рядом. Когда люди расселись по местам, группа рабов, стоящая за рядами сидений, начала исполнять музыку на деревянных, струнных и металлических инструментах. Это была резкая музыка с металлическим лязгом и пронзительным пискom. На арену вышла группа молодых красивых рабынь и стала исполнять замысловатый танец, который изобиловал атлетическими прыжками, вывертами и акробатическими упражнениями.

— Может быть, все будет не так уж плохо, — произнес Ки-Де, нервно улыбаясь.

— Поверю только тогда, когда все это будет кончено, — ответил Конан. Он взглянул на Омия. — Для чего мы здесь?

Глаза ее блеснули безумным светом.

— Я говорила тебе, чтобы ты не задавал вопросов.

Он кивнул головой в сторону арены:

— Судя по тому, что это за место, я мало теряю, задавая вопросы.

Аббад ухмыльнулся, а Омия явно была в ярости, но Амрам нагнулся и прошептал ей на ухо:

— Моя царица, этот невежда очень непочтителен, но разве его дерзость не была одной из причин, по которой он понадобился тебе здесь?

Омия откинулась на подушки:

— Да, это правда. Надеюсь, он нас не разочарует.

— Начнем с него? — спросил Аббад.

— Нет. Он и та крупная женщина — самые лучшие из всех. — Она злобным взглядом окинула пленников. — Эти двое, — Омия указала на Ки-Де и Джебу, — кажутся мне похуже. Пусть первыми выйдут они.

— Что? — закричал Конан. — Отряд останется вместе!

— Ты снова мне противишься! — громко взвизгнула Омия, и глаза ее запылали. — Вы не отряд! Вы все мои рабы, с которыми я могу делать что угодно! Стража, отделите его от остальных и свяжите!

Сквозь решетку просунулись копыта, и киммерийца отнесли в угол, прочно привязав к решетке его ошейник. Когда оружие убрали, Конан мог двигаться лишь на шаг в каждую сторону. Он в отчаянии сыпал проклятия, но безрезультатно.

Дверь клетки распахнулась.

— Двое на выход, — сказал командир стражников, указывая на карлика и гирканийца.

— Джеба, — произнесла Акила, сжимала плечо карлика, — я...

— Тебя тоже связать, моя прекрасная царица рабов? — спросила Омия.

Карлик похлопал свою царицу по руке:

— Я лучше пойду. Отомсти за меня, если сможешь, но прежде всего живой уберись из этого места. — Говорил Джеба тихо, так что его только товарищи в клетке слышали. Он кивнул в сторону киммерийца и сказал Акиле: — Держись по возможности рядом с ним. Если кто и сможет вытащить тебя отсюда, так это только он.

С этими словами карлик вышел из клетки.

Ки-Де не нужно было учить, как принимать жестокую судьбу.

— Ха! — дерзко крикнул он. — Я покажу этим презренным червям, что лучший из людей — это воин клана Черепахи! Мне нужно лишь оружие. А тогда давайте сюда своих воинов, зверей или своих демонов!

— Мы, конечно, дадим тебе оружие, — сказал Аббад. — Иначе ты вряд ли доставишь нам удовольствие.

Омия два раза хлопнула в ладоши, и музыка прекратилась. Танцоры прервали свое выступление и ушли с арены через те же ворота, что и вошли, — через большую арку напротив площадки Омии. Когда последняя рабыня ушла, железная решетка за ней опустилась.

По короткой лестнице рядом с клеткой Ки-Де и Джеба спустились к арене и встали перед дверью. Дверь отперли и обоих людей вытолкнули на арену. С ними вышел стражник, который снял с них оковы. Затем стражник покинул арену и дверь была заперта.

На арену вышла рабыня и принесла оружие, которое она раздала двоим пленникам. Джебе — его дубинку с металлическими шипами и короткий топор; Ки-Де — его саблю с острым кривым клинком длиной в руку. Гирканиец яростно покрутил клинком, описав в воздухе сверкающие круги.

— Это прекрасное оружие, — заявил он, — и я умею с ним обращаться. Но где мой лук?

— Ты думаешь, что мы дадим тебе оружие, которым ты можешь нас убить? — сказала, смеясь, Омия.

— Нет, — признался Ки-Де, — но попытаться стоит.

Карлик стоял молча, неподвижно, как пень, на своих коротких ногах, сжимая в правой руке дубину, а в левой — топор. Он был клубком мускулов, напоминая сжатую стальную пружину, готовый к любым действиям.

— Начинайте! — скомандовал Аббад.

Решетка на воротах, через которые входили танцоры, поднялась, Конан принялся разглядывать чetyрех появившихся воинов. Это были рабы, что можно было заключить по их коротко стриженным волосам, но они казались намного крупнее и более крепко сложенными, чем все остальные, которых Конан здесь видел. Он заключил, что это либо особые рабы, либо приговоренные граждане, обученные драться на забаву публике. Воины имели разные части доспехов на руках и ногах, но никто из них не был одет в броню одинаково, лишь шеи у всех защищали воротники из вороненой стали. Ни один из них не имел ни шлема, ни брони на груди. В левой руке у каждого был небольшой стальной щит диаметром в фут. В правой руке воины сжимали короткие прямые обоюдоострые мечи.

— Четверо против двоих! — воскликнула Акила. — Это не благородно!

— «Благородно»? — небрежно проговорил Аббад. — Мне незнакомо это слово.

— Не сомневаюсь, — сказал Конан. — Пусть, по крайней мере, дерутся вначале с одним противником, потом с другим.

— Зачем? — спросила Омия. — Этих двоих надо убить, а мы хотим получить удовольствие. Твои же и их желания значения не имеют.

Она встала и обернулась к толпе граждан, которые тоже поднялись.

— Народ священного Джанагара! — прокричала она. — В незапамятные времена наши боги спасли нас от солнца и научили жить, как живут настоящие люди! — По тому, что Омия произносила эти слова нараспев, Конан заключил, что она произносит старинную формулу. — Мы снова воздаем благодарность за наше спасение так, как требует того обычай предков, — кровью. На этот раз, — здесь она оставила сакральные, ритуальные фразы, — мы приносим кровь не наших соотечественников, а жителей мира под солнцем. Будь проклято солнце!

— Будь проклято солнце! — прокричала хором толпа зрителей.

— Несколько дней назад я бы поддержала их проклятие, — сказала Акила, — но сейчас я готова снова вся обгореть, лишь бы взглянуть на него.

Омия опустила в кресло, зрители тоже сели.

— Начинайте! — крикнула Омия.

Акила и ее женщины вцепились в прутья клетки, прижав лица к холодному железу и приковав взгляд к разворачивающейся драматической сцене. Конан, хотя и был привязан в углу, хорошо все видел. Лицо его оставалось неподвижным, словно камень, но сердце кипело от ненависти и гнева.

Четыре вооруженных раба распределились изогнутой линией и пытались подступиться к каждому из пленников спереди и сбоку. Карлик и гирканиец стояли плечом к плечу, но, по мере того как рабы расходились шире и шире, в глазах Ки-Де и Джебы все более усиливалась тревога.

— Спина к спине? — предложил Ки-Де.

— Да, это лучше всего, — ответил карлик. — Только оставь мне место.

Так они и встали, пригнувшись, на расстоянии шага друг от друга, в то время как враги их кружили, выискивая открытое место. Вдруг двое из них

бросились на Джебу, каждый со своей стороны. Тот, что был справа, попытался ткнуть мечом в лицо карлику, но Джеба пригнулся и нанес дубиной удар в колено. Раб сумел подставить щит, сталь зазвенела, как гонг, и щит промялся. Атаковавший, морщась, отскочил назад: левую руку свела судорога.

В то же время подскочил и раб слева, низко присев, чтобы попытаться проткнуть карлика. Думая, что Джеба полностью занят другим противником, раб не уделил должного внимания собственной защите. Снизу по прямой поднялось лезвие топора и раскрыло челюсть от подбородка до носа, в то время как оружие раба чиркнуло по плечу карлика и оставило неглубокую рану.

Акила и ее женщины одобрительно кивали, когда Ки-Де не позволял противникам подступиться своим более длинным оружием, угрожая поразительными кругами и восьмерками. Конан понимал, что такую тактику он не сможет использовать долго, так как рука его должна скоро устать. Киммериец знал, что гирканийцы превосходно дерутся верхом, но на ногах они намного уязвимее. Ки-Де явно умел обращаться с саблей лучше многих своих соотечественников.

— Ха! — крикнул гирканиец, делая выпад в сторону раба справа.

Раб слева бросился в открывшееся пространство, но выпад гирканийца был уловкой: Ки-Де отступил и ударил нападавшего. Раб поднял щит, но сумел лишь направить удар себе в лицо. Когда он с криком падал, в атаку бросился другой раб, подняв высоко щит и направляя меч Ки-Де в бок. Конец клинка скользнул по ребрам и прошел в сторону, однако рана оказалась серьезной и начала сильно кровоточить. Ки-Де двинул раба локтем в лицо и провел по шее саблей, перерезав сухожилия и артерии. Раб отшатнулся назад, разбрызгивая фонтаном кровь, которую перерезанное горло взбивало пеной.

В толпе зрителей пробежало низкое довольное рычание, когда произошел этот краткий обмен ударами и борьба перешла в следующую фазу. Акила и ее женщины криками подбадривали товарищей. Теперь силы оказались равными, и все четыре бойца, оставшиеся на ногах, были ранены.

Первым возобновил нападение противник карлика. Полученный им удар лишь замедлил работу руки, держащей щит, в то время как порез у Джебы был болезнен, сильно кровоточил и мышца плеча была повреждена.

Джеба отвел меч атакующего дубиной и размахнулся топором, целясь в шею, но рана замедлила его движение, так что противник сумел увернуться от удара. Однако карлик пошел вперед, пытаясь наносить короткие удары дубиной в незащищенную шлемом голову раба. Раб защищался щитом, но каждый удар все больше травмировал его левую руку, и он морщился от боли. Удар мечом снизу глубоко рассек грудь Джебе, но в тот же момент удар топора раздробил рабу череп. Оба противника упали, а толпа злобно завывала и зарычала.

Когда все это происходило с Джебой, Ки-Де атаковал. Он был ранен намного тяжелее карлика и понимал это. Ему нужно скорее закончить битву, пока он не ослаб. С гирканийским боевым кличем он бросился на противника, осыпая его ударами. Раб отступал, залитый кровью, бьющей из ран: у него уже отсутствовала половина уха, мясо со щеки было содрано, а нос рассечен.

Ки-Де нанес низкий горизонтальный удар. Вместо того чтобы остановить этот удар щитом, раб втянул живот, пропустив клинок сабли мимо себя, и сделал выпад вперед, воспользовавшись удобным моментом. Он ударил гирканийца щитом в лицо и замахнулся мечом. Свободной рукой Ки-Де сумел отвести меч от сердца, но тут же получил рану в грудь прямо под ключицу.

Гирканиец смог оттолкнуть от себя противника и стал мотать головой, чтобы прийти в себя после удара. Раб решил, что противник его готов, и кинулся на гирканийца, желая прикончить его, но Ки-Де рубанул саблей нападавшего по ноге. Раб упал, и следующий удар пришелся ему по шее.

Джеба, качаясь, встал на ноги, уперся ногой в челюсть своему последнему противнику и выдернул из черепа свой топор. Оба товарища стояли на ногах и радостно улыбались. Джеба поднял окровавленный топор, приветствуя свою царицу, а Ки-Де запел яростную гирканийскую победную песню. Оба бойца имели тяжелые раны и, вероятно, умирали, но сейчас они стояли победителями рядом с поверженными врагами и ничего не боялись.

— Эй вы, выродившиеся собаки! — крикнул Конан. — Видите, какие люди вырастают под солнцем!

— Да, — сказала Омия. — Этим я довольна.

— Дай им противника поинтереснее! — побуждал ее Аббад, в голосе его слышалась жажда крови.

— Нет, с этими двумя достаточно, — ответила Омия. — Убейте их.

Тотчас на арену выбежали вооруженные люди. Это уже были не рабы, а стражники в масках. Конан насчитал по крайней мере десятка два стражников, которые окружили двух окровавленных друзей, направив на них оружие. Затем они стали наступать. Джеба и Ки-Де дрались изо всех сил, но доблесть их была напрасной. Длина оружия нападавших не позволяла защищавшимся дотянуться, и числом враг сильно превосходил. Они погибли, проклиная своих врагов.

Акила мрачно глядела на арену, на то, как уносили тела и как рабы вытирали пол тряпками. Руки ее, сжимавшие прутья решетки, сделались мертвенно-белыми. Три женщины все одновременно обняли свою царицу.

— В конце концов, он был всего лишь мужчина, моя царица, — произнесла Паина, явно имея в виду карлика. Гирканиец для амазонок значил меньше пустого места.

— Я его спасала не для такой смерти, — сказала Акила. Она оторвала взгляд от арены и взглянула на Конана: — Киммериец, как ты можешь на это спокойно смотреть? Они были твоими товарищами.

— Они были великими воинами и погибли, стоя на ногах, как мужчины. У моего народа нет более высокой похвалы. Я приветствую их и за них отомщу.

Говорили они тихо, и их не слышали находившиеся на площадке. Омия и Аббад задумчиво оглядывали своих пленников.

— Кого следующим? Как ты думаешь? — спросила Омия.

— Три женщины поменьше могут неплохо нас развлечь, — ответил Аббад, — выстави против них обученных рабынь. Но после предыдущего представления, мне кажется, надо выставить больше рабов. Пусть каждая дерется с тремя.

— Заманчиво... — Омия погладила свой подбородок, будто размышляя, — ...но тогда на арене сразу будет двенадцать человек. Это слишком много, не будет видно подробностей каждой схватки. Конечно, можно выводить их по одной...

— Нет! — крикнула Акила. — Тебе интересна я, а не они! Выпусти меня и давай сюда своих рабов, если хочешь посмотреть на битву!

Омия улыбнулась:

— Действительно, меня интересует эта огромная женщина и тот, еще более огромный мужчина. Как ты считаешь, они доставят нам приятное зрелище?

Аббад кивнул:

— Да. А этих трех, — он поглядел на амазонок горящими сквозь маску глазами, — я могу использовать их иначе.

— Стража, — сказала Омия, — выведите ту женщину, — она указала на Акилу, — и того мужчину, — она перевела руку, указывая на Конана, — на арену. Только осторожно. Они еще не приручены.

На этот раз стражники действовали, соблюдая особую осторожность. Копьями они оттолкнули трех рыдающих протестующих женщин в угол клетки. Затем повели на арену Акилу. Она обернулась, будто желая сказать что-то своим женщинам, поколебалась какое-то мгновение и пошла дальше, гордо подняв голову.

Когда Акила уже стояла на арене, стражники вернулись за Конаном. Ошейник с него сняли и вытолкали копьями из угла клетки. Когда он проходил мимо трех женщин, Ломби прошипела ему:

— Киммериец! Не дай погибнуть нашей царице, иначе я убью тебя так страшно, как этим выродам и не снилось!

В трех парах глаз блеснула смесь страха, ярости и ненависти.

Конан сурово улыбнулся:

— Я еще никогда не дрожал при звуке женского голоса, но вы трое вполне можете меня напугать. Могу обещать следующее: если ваша царица не выйдет с арены живой, не выйду живым и я. Клянусь именем Крома, бога моего народа.

Три женщины мрачно кивнули, но гнев во взглядах все еще оставался. Киммериец прошел мимо них к лестнице и спустился к арене, сопровождаемый направленными на него наконечниками копий бдительных стражников. Дверь открыли, и он вышел на арену. Акила с усмешкой глядела на киммерийца, пока с нее снимали оковы, но когда стражники покинули арену, она тихо заговорила, так чтобы никто, кроме Конана, ее не услышал:

— Быстро не оборачивайся, но наверху, над сиденьями напротив площадки, я, кажется, что-то заметила. Посмотри и скажи, что ты видишь.

Заинтересованный киммериец сделал так, как она просила. Он потер кисти и повел руками, будто они у него затекли. На самом же деле он, как всегда, был готов к мгновенному действию, но никогда не мешало ввести врагов в заблуждение. Он покрутил, будто разминаясь, шеей и посмотрел в указанном Акилой направлении.

На стене над сиденьями имелось множество ниш, и в каждой нише стояла статуя, хотя Конан и не понял, изображены ли там люди, боги или демоны. Затем он наконец увидел на верхнем ряду, прямо напротив подиума, на котором сидели Омия и Аббад, что-то слабо мерцало пурпурным светом. Напрягая зрение, но стараясь делать это не слишком явно, Конан разглядел крошечную, похожую на человеческую фигурку, сидящую на корточках рядом с раскрашенной скульптурой, изображающей невероятно полную обнаженную женщину.

— Наш маленький друг из пустыни, — сказал киммериец. — Преследователи наши настойчивы.

— Хотела бы я знать, что это значит, — произнесла Акила.

— Сейчас у нас есть более важные вопросы. Такие, например: как нам выбраться с арены живыми и кого для этого надо убить?

На арену вышли две рабыни. Каждая несла пояс с мечом и кинжалом. Конан с удовольствием взял свое оружие и был рад почувствовать его привычный вес у себя на бедрах. Акила с не меньшей радостью застегнула на себе свой пояс, затем она подошла к краю арены и что-то подняла с поля — топор Джебы, упавший и забытый там. Она заткнула его короткую рукоять за пояс.

— Джеба мог бы легко убить ту женщину, — сказала она. — Эти люди, кажется, не понимают, что топор можно и кинуть. Но он не сделал этого, предоставив такую возможность мне.

— Он был хорошим человеком, — заверил ее Конан. — В те последние мгновения желание отомстить за себя должно было быть очень сильным.

— Если меня смертельно ранят, прежде чем умру, я раскрою ее надменную рожу.

— Так и сделай. А я проткну кинжалом ее соседа, Аббада. — Он коснулся рукояти своего кинжала. — Я метко кидаю его любой рукой.

— Хорошо. — Акила широко улыбнулась. — Значит, погибнем не зря.

Киммериец улыбнулся в ответ.

— Вы двое, кажется, очень довольны даже в таких обстоятельствах, — ехидно проговорила Омия. — Посмотрим, будете ли вы рады своему противнику.

— Давай его сюда, — сказал Конан, разминая пальцы. — Мне надоело ждать.

Омия два раза хлопнула в ладоши, и друзья напряженно замерли, когда перед ними начала подниматься решетка.

— Не сомневаюсь, что их будет много, если нашим товарищам давали четверых, — прошептал Конан. — Но все они должны проходить через эту дверь. Идти они могут только по двое. Как только появятся первые, нападаем. Я возьму тех, что слева, ты — тех, что справа. Если действовать будем быстро, то будем иметь с ними дело по одному.

— Хороший план, но зрители, думаю, будут разочарованы.

— Такой позор я могу пережить, — сказал Конан, сурово улыбнувшись. Вдруг из дверей донесся какой-то звук, и Конан с Акилой вынули мечи. Они стояли на носках, пригнув колени, готовые ко всему.

Но первым в двери показался не живой противник. Вместо этого налетела волна сырого речного воздуха. Затем через портал хлынула вода. Она отнюдь не походила на кристально чистую воду

источника, а имела зеленовато-коричневый цвет, и в ней кружились частички почвы, водорослей и остатки растений.

— Что это? — воскликнула Акила, когда холодная вода плеснула ей на щиколотки и начала пропитывать меховые обмотки. — Они хотят нас утопить?

— Они более изобретательны. Приготовься!

Конан и Акила не сводили глаз с дверей, а вода тем временем поднялась до колен, затем до пояса. Когда уровень воды достиг середины груди, поток остановился, но волны продолжали плескаться у краев арены. Конан и Акила не обращали внимания ни на кровавый рокот толпы, ни на подбадривающие крики и молитвы диких женщин.

— Что-то показалось! — сказала Акила.

— Отойди! — приказал Конан. — Пусть будет больше места.

Неловко, преодолевая сопротивление воды, они начали осторожно, шаг за шагом, отходить в сторону подиума. Они сумели сделать только пять шагов, когда из портала выплыло что-то гибкое. Его чешуйчатая спина с рядами темно-зеленых шипов рассекала поверхность воды, в то время как мощный хвост работал с невероятной для такого большого животного быстротой. Позади длинного рыла пара янтарных глаз с узкими зрачками горела древней злобой.

— Что это? — воскликнула Акила. — Дракон?

— Нет, — ответил Конан. — Стигийский крокодил. Берегись челюстей и хвоста! Бей в брюхо!

Но в это мгновение животное бросилось на них.

Чудовище было по крайней мере футов тридцать в длину, и по его неподвижному взгляду нельзя было определить, кого из двоих он выбрал для нападения, но товарищи стояли всего в нескольких шагах друг от друга, и Конан понимал, что животное стремится к одному из них. Крохотный мозг рептилии не позволяет делать комбинированные атаки. В

пяти шагах от них животное погрузило голову в воду и начало поворачиваться на бок и разевать пасть. Выбрало оно женщину.

Держа меч обеими руками, Конан ударил по шее твари, когда морда на мгновение показалась из воды. Он нанес глубокую рану, но толстая шкура и кость спасли чудовищу жизнь. Тем не менее неожиданный удар помешал крокодилу, и челюсти его сомкнулись, не прихватив ногу Акилы.

Царица амазонок изо всех сил ударила в единственно возможную для нее цель — спину животного. Отдача сотрясла Акилу, в то время как от удара появилась лишь небольшая царапина на толстой чешуйчатой шкуре. Крокодил вполне мог и не почувствовать этого удара. Он изогнулся всем своим гибким телом и сбил женщину с ног, пытаясь теперь направить свое чудовищное, данное ему природой оружие на киммерийца.

Акила вынырнула, отплевывая воду, и увидела, как Конан замахивается мечом. Тварь сделала поворот и теперь приближалась к киммерийцу, будто галера, идущая на таран. Не давая времени животному нырнуть и повернуться на бок, киммериец кинулся вперед и ударил клинком по открывшейся для него цели — между выпученными глазами. Крошечный мозг был где-то там, и Конан надеялся прорубить кость и добраться до него.

Клинок не сумел полностью пробить череп, однако удар на мгновение парализовал животное и не дал открыть пасть. Но все же тупое рыло ткнуло Конана в живот и прижало к стене арены под самым подиумом. Удар вышиб у киммерийца дух, и он упал, выронив меч. Покрытое чешуей рыло придавило Конана ко дну и водило из стороны в сторону. Конан отчаянно сжимал морду своими мощными руками, не давая животному раскрыть пасть.

Напрягшись, огромная рептилия изогнулась и приподняла Конана над поверхностью воды. Он

воспользовался этой возможностью и набрал полные легкие воздуха. Крокодил пытался дотянуться до него своими короткими лапами с когтями в шесть дюймов, которые вполне могут выпустить внутренности из киммерийца, если он это позволит. С отчаянной быстротой Конан обвил ногами чешуйчатое тело прямо за передними лапами так, что рептилия едва ли могла дотянуться ими до боков человека. Конан хотел знать, где Акила. Насколько он мог судить, она была без сознания и тонула.

Но на самом деле она изо всех сил пыталась найти уязвимое место бьющейся твари, уворачиваясь одновременно от ударов хвоста, от двадцати футов, покрытых острой, как пила, броней, мускулов, которые могут разрубить пополам человека так же легко, как человек давит муху. Акила уже прекрасно поняла бесполезность ударов по спине, но она видела, что киммериец в крайне опасном положении: он сжимал голову животного и не давал разинуть пасть.

Мышцы, закрывающие челюсти крокодила, невероятно сильны, но те, что ее открывают, намного слабее. Так что Конан обнаружил, что можно удерживать челюсти и одной рукой, а свободной рукой выхватить кинжал. Так он и сделал, попытавшись вогнать клинок в горящий глаз, но животное билось, поэтому рука Конана отклонилась, и острое ударило в кость прямо под глазом. Там оно так застряло, что киммерийцу пришлось приложить все усилия и попробовать выдернуть кинжал.

Крокодил снова ринулся под воду. Стараясь сбросить нежеланного наездника, чудовище начало вертеться и перекатываться, будто огромное бревно. Конан понял, что скоро всему придет конец. Ему больше не удавалось сделать достаточного вдоха, и, если крокодил коснется дна или потрется о стену, он сдерет с него кожу или расплющит.

Акила была крокодила, как только представлялась для этого возможность. Она помнила, что Конан го-

ворил о брюхе, и, когда чудовище начало перекатываться, женщина попыталась подобраться поближе, чтобы вонзить свой меч. Но движения твари были так быстры, что светлый живот показывался лишь на мгновение, не достаточное для удара. Затем животное, казалось, начало уставать и замедлять движения, так что Акила приготовилась нанести единственный точный удар, понимая, что повторить его возможности не будет. Сжимая рукоять обеими руками, она подняла меч над головой, будто гигантский кинжал.

Снова появилось светлое брюхо крокодила. Акила ринулась всем корпусом вслед за ударом. Клинок вонзился как раз позади ног Конана и вошел глубоко. По инерции чудовище сбilo женщину с ног, однако она не выпустила оружия. Она тоже обвила рептилию ногами и принялась передвигать острый клинок вдоль брюха твари, открывая рану. Ее начали душить кровь, внутренности и вода, которые неизбежно попадали в рот и в нос.

Наконец Конан выдернул свой кинжал. Киммериец почувствовал, что характер движения животного изменился, но причины этого он видеть не мог, да и времени посмотреть у него не было. В следующий раз, когда Конан появился над поверхностью, он широко замахнулся. Затем рука, держащая сталь, ринулась вниз со скоростью метеора. Твердый, как алмаз, наконечник прошел сквозь мягкий глаз, сквозь кость черепа и вонзился в примитивный дикий мозг.

Крокодил дернулся, встал на дыбы и шлепнулся в воду, сбив с себя непрошенных наездников. Конан тоже упал, вздымая фонтан брызг, и тут же нырнул за своим мечом. Акила удержала оружие в руках, и в следующее мгновение оба стояли плечом к плечу, сжимая мечи и наблюдая, как жизненная сила рептилии неохотно покидает массивное тело. Пасть разевалась, лапы бились, и корпус извивался все медленнее, из раны вываливались внутренности.

Наконец крокодил замер. Один лишь хвост медленно двигался из стороны в сторону.

Конан и Акила радостно улыбнулись друг другу. К удивлению киммерийца, Акила обняла его шею руками и крепко поцеловала в губы. Но тут же снова была готова встретить нападение.

— Это награда за подвиг, — сказала она ему.

— Именем Крома, женщина! Я рад, что внимание не всех женщин стоит так же дорого, как твое!

Она рассмеялась почти весело:

— Я не такая, как другие женщины. Что следующее, как ты думаешь?

— Надеюсь, что не те твари, которых я встретил в песчаной буре. — Удивительно, но у них были лишь царапины и порезы от когтей крокодила и острой чешуи на спине. — Однако я одно хорошо знаю: эта тварь сюда приползла не через пустыню. Здесь где-то рядом есть подземная река, и я собираюсь ее отыскать.

— Всеу свой черед, — напомнила Акила. — Мы все еще на арене.

Конан взглянул на подиум и, к своему удивлению, увидел, как Омия и Аббад дружественно беседуют. Насколько он мог понять по их лицам, скрытым масками, оба широко улыбались. Мужчины прервал беседу, подошел к клетке и принялся разглядывать женщин Акилы, будто собирался приобрести скот.

— Мы доставили вам удовольствие? — спросил Конан.

— О да! — ответила Омия. — Вы двое даже лучше, чем мы думали!

— В таком случае, с кем или с чем нам драться теперь? — спросил он. — Теперь я разогрелся и готов к настоящему бою.

Акила рассмеялась и гордо встряхнула волосами.

— О нет! — воскликнула Омия. — Мы не станем больше подвергать вас опасности. У нас лучшая

роль для таких особей, как вы. А также как эти трое.

Она указала рукой в сторону диких женщин. Аббад все еще разговаривал с ними, и в глазах их виделся ужас, который не был сродни страху перед смертью или боязни боли.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан. В этот момент снова раздался всплеск, и вода начала убывать. Мертвый крокодил подплывал к воротам вместе с течением воды.

— Все в свое время, — сказала Омия. — Стража! Когда арена осушится, разоружите их, свяжите и верните в камеры. Но сначала отведите их в бассейн. И того и другого надо помыть.

Она весело рассмеялась, встала и направилась к клетке, где тоже принялась разглядывать женщин.

Через несколько минут вода утекла с арены, и на арену вышли стражники. Они быстро окружили усталых воинов, приставив к ним копья. Не имея выбора, оба воина, киммериец и амазонка, бросили оружие на пол.

Глава 12

На этот раз в бассейне за ними наблюдал врач. Человек в длинном халате и безликой маске призрака умело руководил двумя рабами, обрабатывающими раны. Затем Конана и Акилу подвели к длинным столам, где им сделали массаж и натерли благовонным маслом. Но даже во время этого их запястья и щиколотки были прикованы к кольцам по краям столов.

Теперь они сидели в камере и ждали, что с ними будет дальше.

— В этот раз они особенно о нас позаботились, — сказала Акила, недоверчиво поглядывая на тонкие матрасы, которые прибавили к их удобствам.

— Почему-то мне не кажется, что все это из-за того, что они нас вдруг полюбили, — произнес киммериец, позвякивая своей цепью. — Но не могу пожаловаться на их целебную мазь. — Порезы от когтей на боках уже исчезли, а боль от них прошла совершенно. Он пошевелил плечами и руками и не почувствовал никакой боли в мышцах. — Эти люди — ни с кем не сравнимые целители.

— Может быть, поэтому такие выродки и выживают, — сказала Акила, скривив рот. Вблизи послышалось всхлипывание.

— Твои женщины обычно не так чувствительны, — заметил Конан. — Что их беспокоит?

— Паина! Экун! Ломби! — крикнула Акила. — В чем дело?

— Моя царица! — проскулила Паина. — Эти муравьи не рассказали тебе еще, что они собираются с нами сделать?

— Они собираются нас съесть? — спросил Конан. — Вполне могу понять их желание сменить рацион питания после всех этих грибов.

— Моя царица! — сказала Ломби, не обращая на слова киммерийца никакого внимания. — Они хотят при помощи нас размножаться. Тот мужчина, Аббад, заявил, что собирается лично сделать первую партию щенят! Это будет пыткой!

— И они хотят, чтобы ты была племенной кобылой, — добавила Экун. — А большого киммерийца делают осеменителем!

— Ну что же, в этом есть смысл, — невозмутимо проговорил Конан. — Мы все видели, как они выродились здесь под землей за столько поколений. Такой ценный племенной материал, как мы, не часто им попадается.

— Уж ты-то можешь быть спокоен! — крикнула Акила. — Ты этим и так наверняка занимаешься между войнами! Другое дело мы! Мы принадлежим народу женщин!

— Не говори глупостей. Ваше племя размножается так же, как и остальные, а не при помощи колдовства. Иначе вы давно бы вымерли.

— Да, но мы вступаем в связь лишь раз в году, соблюдая соответствующий обряд, и с мужчинами, избранными добровольно.

— По-моему, это очень скучно.

— Ах так, да ты полуживотное...

Им не дали продолжить спор появившиеся у дверей стражники. В низкую дверь камеры кто-то вошел.

— Приветствую вас, мой прекрасный племенной материал. — Это был Аббад, глаза у него горели под маской, когда он пожирал ими Акилу.

— Ты не получишь от меня ублюдков, насекомое! Я убью тебя одной рукой!

Он нежно погладил ее по щеке:

— Не давай поспешных обещаний. Ты знаешь, что мы очень умело обращаемся с цепями и кандалами. Я легко могу сделать тебя послушной и безопасной. — На лице царицы отразился ужас, и Конан уже прикидывал расстояние, чтобы ударить ногой, но Аббад добавил: — Но тебе надо подождать. Сейчас моя царица хочет поговорить с этим. — Он показал рукой на киммерийца.

— Тот день, когда ты тронешь меня, будет днем твоей смерти, — сказала Акила, не обратив внимания на то, что Аббад только что дотронулся до нее. То, что она имела в виду, было достаточно ясно.

Аббад лишь рассмеялся и позвал стражу.

— Отведите мужчину. Мне вам не надо напоминать о предосторожностях.

Отдав этот приказ, он снова нырнул в дверь.

Киммерийца вновь тщательно связали и повели. Акила молча поглядела на него, и он улыбнулся ей в ответ, но на душе у него было совсем невесело. Конану и самому не нравилось, что к нему относятся, как к племенному быку. Свободный воин сам выбирает себе удовольствия. Хотя нельзя отрицать,

что сейчас он не свободен. И его ли вина, что эта проклятая женщина так разборчива в мужчинах?

Стражники вели его путем, который местами был Конану уже знаком, а местами еще нет. Постепенно у него начал вырисовываться план этого странного подземного города. Теперь киммериец чувствовал, что сможет неплохо в нем ориентироваться. Ему надо было узнать лишь одно: где река?

Когда они вошли в покои Омии, его отвели в комнату с потолком, затянутым шелком и с шелковыми занавесками на стенах, богато украшенными вышитыми узорами, какие можно было всюду встретить в городе и наверху, и под землей. Пол устлали шелковые ковры и подушки.

Вошла Омия в маске и в шелковой накидке.

— Отпустите его, — приказала она стражникам. — Вначале развяжите.

— Но ваше величество... — начал было возражать командир стражников.

— Он не причинит мне вреда. Друзья его под замком, и он не знает города, а наверху его ждет лишь пустыня. Я думаю, он сам понимает, что глупостей делать не следует.

Стражники неохотно принялись развязывать пленника. Закончив, они поклонились и вышли.

— Ты сумасшедшая, — сказал Конан, потирая запястья. — Почему ты думаешь, что остальные так мне дороги, что я ценю их больше свободы?

— Я видела, как вы ведете себя вместе, — ответила она совершенно спокойно. — Три женщины поменьше явно привязаны к большой женщине, и на арене сегодня вы защищали друг друга так, как будто у вас одно сердце.

— Так поддерживают друг друга все воины.

— Нет, — сказала она, небрежно улыбнувшись. — Так сражались карлик и мужчина повыше. Но ты и женщина дрались иначе. — Она хлопнула в ладоши, и вошла рабыня, неся поднос. На нем

стояли два кубка, на которых осела роса. Омия взяла оба кубка, и рабыня ушла. — Выпей со мной.

Она протянула Конану кубок.

Он взял его и, не колеблясь, принялся пить. Конан рассматривал Омию, глядя через край кубка. Маска ее была сделана из тонкого материала и походила скорее на вуаль. Сквозь маску киммериец видел, что лицо Омии тонкое и красивое. Накидка, сделанная из похожего материала, мало что скрывала. Вино имело терпко-сладкий вкус, и Конан был уверен, что сделано оно не из грибов.

Омия подошла к большой подушке и, опустившись на нее, легла на бок, подперев голову локтем. Кивнув на другую подушку рядом с собой, она сказала:

— Приляг.

Конан сделал так, как было приказано, желая выведать у Омии информацию. В другое время его бы привлекло ее превосходное тело, но сейчас его интересовала только одна женщина.

— Тебя, конечно, удивляет знаменитый Джанагар, — сказала она, будто прочитав его мысли.

— Удивляет, — согласился он. — Нас привели сюда люди, знавшие об этом городе лишь из старых пыльных книг. Когда мы подходили ближе, мы слышали от сказителей древние предания. Легенды говорили о городе больших богатств и еще большего зла, на который обрушилось проклятие и который был покинут. Нанявшие нас надеялись найти этот город нетронутым, полным сокровищ.

В этом отношении, считал Конан, он может быть с ней вполне откровенен. Остатки верности близнецам исчезли вместе с самими близнецами в ночь песчаной бури.

— Как им удалось добыть таких... необычных воинов? — спросила Омия.

— Помог случай. Мы все встретились в жалком горном селении, где негодян из четырех стран

пережидали трудные времена. Близнецы рассказали, что существует такой город, и намекнули, что и мы можем получить большую долю богатств. Они сказали, что этот город ищут и другие и поэтому им нужна защита. И как ты сама убедилась, наняли они самых лучших.

При этих словах Омия рассмеялась:

— Скромностью ты не отличаешься.

Он пожал плечами:

— К чему здесь скромность?

— Конечно. Ладно, так ты, значит, оказался в пустыне. Как ты потерял нанявших тебя?

Он нахмурился:

— Это ты сама должна прекрасно знать. Они пришли в храм наверху раньше нас.

— Конечно, я знаю! — бросила она, но как-то слишком торопливо. — Я лишь хотела проверить, не будешь ли ты лгать, но ты, кажется, честный воин, а также большой и красивый. Что ты еще слышал о Джанагаре?

Тему она сменила неловко, выдавая свое беспокойство. Она уводила его от разговора о близнецах. Почему?

— Старик в пустыне рассказал мне древнюю легенду о грешном городе, разгневавшем богов и проклятом. Он говорил, что Джанагар находился среди плодородных земель, но зеленые холмы и долины были засыпаны песком возмущенными богами.

— Он не рассказал, чем именно разгневал богов Джанагар?

— Такие легенды, по-моему, приводят всегда одну причину: народ Джанагара пытался сравняться с богами, завладев секретом бессмертия, и боги приревновали.

При этих словах она улыбнулась.

— Значит, ты скептически относишься к старым легендам? Не знала, что ты обладаешь такой способностью судить.

— Я верю легендам своего народа и не вижу причин считать истинными чужие рассказы.

— Очень разумно. Ладно, чужестранец, вот правдивый рассказ о Джанагаре, и это не собрание неясных слухов, переданное неграмотными сказителями. Это истинная история, выбитая на камне людьми, пережившими те события, и дополненная их потомками, одним из которых являюсь я. История эта непрерывна от дней славы до сегодняшнего дня, так что можешь верить моим словам.

Он допил кубок и кивнул:

— Я слушаю.

Она хлопнула в ладоши, и снова вошла рабыня с двумя полными кубками. Рабыня забрала пустые кубки, поклонилась и вышла. Когда она ушла, Омия начала.

— Знай, о чужестранец, — сказала Омия, и Конан решил, что это ритуальное начало рассказа, — что Джанагар, город Опаловых ворот, в течение пяти тысяч лет был центром империи, от которой не сохранилось даже названия в легендах варварских народов нашего времени. Когда на купол великого храма Джанагара клалась последняя золотая черепица, Пифон был кучкой хижин из камней, крытых соломенными крышами, построенных первобытным народом, поклоняющимся змее, не знающим секретов письма и имеющим представление о колдовстве лишь по чудесам шаманов.

— Это было действительно давно.

— Так давно, что твой варварский мозг и представить себе не может, — заверила его Омия. — Но даже в дни славы Джанагар являлся уже таким древним, что о ранней его истории известны были лишь обрывки, ибо даже великая цивилизация начинается с первобытных деревушек, а письмена, выцарапанные на дереве, начертанные на коже, написанные на пергаменте, погибают от времени. Нам известно вот что: как все великие города-государства, вначале

власть Джанагара держалась на силе меча. Армии Джанагара поработали другие народы и забирали их богатства.

Военное могущество принесло сказочное богатство, и народ Джанагара узнал, что богатство — это власть, и власть более приятная, чем власть меча, поскольку при помощи богатства можно нанимать других сражаться мечом, а господам Джанагара дать возможность обратиться к более достойным занятиям.

Для киммерийца это означало первые признаки вырождения, но он благоразумно промолчал.

— Многие, многие века господа Джанагара наслаждались огромной властью в сочетании с несметными богатствами. Любая их прихоть исполнялась. Из самых дальних концов мира везли экзотические предметы роскоши для коллекций великих людей. Самые красивые дочери и сыновья всех народов приходили в Джанагар как рабы. Их покрывали шелками и драгоценностями, и они прислуживали за столами в Джанагаре, подавая самые изысканные кушанья во всем мире.

Конан хотел заметить, что, должно быть, трудно было после этого перейти на грибы, но попридержал язык.

— Но со временем, — продолжала Омия, — наскучило даже наслаждение несметным богатством. Ибо господа Джанагара решили, что это лишь сокровище материального мира, но за пределами этого мира могут находиться другие удовольствия — запредельные красоты и невероятный экстаз для тех, кто знает, как достичь их, и имеет храбрость взять все это.

Омия отхлебнула вина, глаза ее под маской приняли мечтательное выражение.

— Человечество тогда было молодо, — почти прошептала она. — Оно умело пользоваться только камнем и металлом. Даже господа Джанагара мало

знали вначале о мире духов. Но если человечество было молодо, о других сказать этого было нельзя.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан, у которого начали на затылке шевелиться волосы.

— Я имею в виду то, что в те времена человек был не единственным мыслящим существом. Были и другие существа, более древние, чьи знания по сравнению со знаниями человека можно сопоставить, как знания старика и ребенка. Существа эти тогда уже давно состарились, империи их развалились, но они все еще продолжали жить в заброшенных уголках света.

В последний великий век жрецов-царей вышел указ обыскать мир и найти остатки этих дочеловеческих рас, чтобы выведать их секреты. На одни эти экспедиции ушли века. Снаряжались караваны, уходили корабли, все с одной целью. Генералы вели армии в далекие походы. Торговцам предоставляли мешки сокровищ для подкупа. Отправлялись даже одинокие искатели приключений вроде тебя, лишь с мечом у пояса и надеждой получить вознаграждение.

И странные существа были найдены. Некоторые из них довольно сильно походили на людей, если бы только не мелкие, но досадные отличия. Многие напоминали человека лишь общей формой. В других не было ничего человеческого. И все могли многому научить.

— К такому знанию людям лучше не прикасаться, — сказал Конан.

— Великие Джанагара не были недочеловеками, — презрительно произнесла она. — Не пытайся судить о нас по своим первобытным варварским меркам. От тех странных существ мы получили знания, о каких не могли и мечтать. Колдунам Джанагара с их робкими экспериментами, с методом проб и ошибок потребовалось бы необозримое время для того, чтобы получить то знание, которое мы добыли от тех странных рас за несколько веков. Колдуны,

которые до этого могли перебрасывать свое сознание лишь на несколько лиг, могли теперь в трансе посещать далекие звезды. Начав общение с нечеловеческими существами этого мира, они вступили в разговор с разумом с других планет и из других миров.

— Умный человек путешествует пешком, — проворчал Конан, — или верхом на животных.

— Не будь таким скучным. Даже такой огромный торс и могучие мускулы могут утомить меня, если и дальше будешь мыслить так же узко. Ты хочешь, чтобы я рассказывала?

— Прости меня. Я слушаю. — Если она считает его тупым, то тем лучше.

— То-то же. Тогда знай, что в жизни любой цивилизации есть времена роста и есть времена застоя. Если время застоя длится слишком долго, появляется гниль, и цивилизация падает. С каждым новым, омолаживающим источником энергии культура растет, распространяется, испытывает свои пределы, прежде чем снова погрузиться в самодовольство. И так всегда было с Джанагаром. Как молодой варварский народ, нас опьяняла власть стали и бронзы и пролитая кровь врага. Затем мы выросли еще больше при помощи власти золота и других богатств, и нас одурманил дух потребления. Наконец мы завладели высшей властью колдовства и установили свою волю в мире людей, а также в магических мирах.

Но даже для нас есть пределы. Молодым народом мы испытали ограниченность военной силы. В среднем возрасте мы узнали, что существует и то, что не даст никакое сокровище. На последней ступени нашей истории мы поняли, что как люди мы не можем перейти определенной черты при овладении колдовскими силами.

— Ты сказала «как люди»?

— Да. Значит, ты все-таки слушаешь. Это было правдой. Мы знали, что делим мир с мыслящими существами, не являющимися людьми. В других

мирах есть расы бесконечно более древние и бесконечно более могущественные. Нашу гордость ущемляло то, что мы не можем с ними сравниться. Человеческий мозг не организован так, чтобы справляться с их силами. Человеческое тело живет недостаточно долго для того, чтобы в совершенстве овладеть искусством, обычным для других рас. Было решено, что хозяева Джанагара должны каким-то образом обратить в себя субстанцию нечеловеческих рас.

Похолодев от ужаса, Конан вспомнил художественный мотив, встречавшийся повсюду в городе, наверху и внизу, — переплетенные вереницы тел человеческих и демонических, совокупляющихся в самых отвратительных сочетаниях.

— И это было сделано, — продолжала она. — В Джанагаре мужчины и женщины стали совокупляться с существами, не созданными для того, чтобы мешать свою кровь с кровью простых смертных. Это сделалось ритуалом и основой нашей религии последнюю тысячу лет, но потомство, возникшее от этого сочетания, было невообразимо странным. Нечестивые помеси человека и нечеловека восседали на троне Джанагара, принимали такие решения, услышав которые сейчас, человек бы сошел с ума от ужаса.

— Вполне могу поверить, — сказал Конан.

— Цена оказалась чудовищной, но маги Джанагара готовы были платить любую цену, идти на любые жертвы ради великого знания. И великое знание им досталось. Глубочайшие тайны вещества и духа открылись им и могли быть использованы. Любое знание теперь могло принадлежать им, стоило лишь пожелать. Все существа этого мира сделались их рабами. Перед ними склонялись даже некоторые существа из других миров и сфер.

— Но не все? — спросил Конан.

— Нет, — призналась Омия, — не все. — Впервые в голос ее закралась неуверенность. — Были существа в высших сферах, существа столь могу-

шественные, что колдуны-полулюди Джанагара называли их просто Силы. Вначале они казались невероятно великими, но не замечающими человека, как проклятое солнце. Неважно, чем они занимались, но их не интересовал человек ни в этом мире, ни в другом.

— Эти Силы, — спросил взволнованно Конан. — Это были боги?

— Кто знает, что такое бог? — ответила она, отмахнувшись. — Часто бывает, что «бог» — лишь слово, которым человек называет то, что ему неизвестно, но чего он боится. Для дикарей животные и реки, бури и грозы — все боги. Некоторые считают, что огонь — это бог. Многие поклоняются, как богу, проклятому солнцу. Часто бог похож на человека, обычно всего лишь преувеличенное представление о предке, чье имя просто самое старое из тех, что помнят его потомки. Те древние колдуны давно уже не верили в богов. Но они верили в Силы.

К этому времени кубки их снова опустели. Омия хлопнула в ладоши.

— История эта длинна, и рассказывать ее следует неторопливо. Давай немного подкрепимся.

Не успели слова эти слететь с ее губ, как та же рабыня принесла еще вина, но на этот раз с ней пришла и другая, принеся поднос с кушаньями. Поклонившись, обе женщины удалились.

— Угощайся, — сказала Омия, показав рукой на поднос.

Конан послушался. Он не обратил внимания на грибы, приготовленные по-разному и под различными соусами. На подносе лежали также вяленые финики, изюм, инжир и другие фрукты. Киммериец проглотил инжир с медом и запил вином. Он знал, что все эти фрукты были характерным товаром Стигии. Конан взял горсть фиников и показал их Омии:

— Они ведь выросли не здесь, под землей.

— Конечно нет, — согласилась она. — Но сейчас мы не говорим о таком низменном, как пища. Сейчас мы говорим о возвышенном. — Ей явно не хотелось сообщать, откуда эти плоды.

Конан сделал вид, что ему все равно.

— Действительно, вяленые плоды гораздо ниже по сравнению со взлетами и падением империи. Но я просто сказал так потому, что фрукты мне нравятся больше, чем эти бесконечные грибы.

При этих словах Омия улыбнулась:

— Наше искусство выращивания мицелия дает нам не только грибы, хотя ты наверняка не знаешь, что это такое. Очень давно мы научились выращивать организмы, которые не нуждаются в проклятом солнце, и стол наш богат и разнообразен, надо лишь обладать тонким вкусом, чтобы оценить его превосходство.

— На поверхности предпочитают пищу с более сильным вкусом. Хотя насчет вина пожаловаться не могу. — Конан нетвердо взмахнул третьим кубком, делая вид, что пьян. У него была очень сильная голова, и он мог часами пить золотое вино, прежде чем поддаться настоящему опьянению.

— Вероятно, тебе не следует им так увлекаться, — проговорила она. — Если ты им упьешься, то будешь мне мало полезен.

Он громко расхохотался:

— Этим? Да я могу пить, как верблюд! Не беспокойся. Из-за какого-нибудь кубка вина Конан из Киммерии не перестает быть мужчиной!

Он снова расхохотался, надеясь, что это бахвальство еще сильнее убедило ее в том, что он невежественный придурок. Конан прекрасно сознавал, что ее в нем привлекают не мыслительные способности.

— Я рада это слышать, и скоро ты узнаешь почему. Да, на чем мы остановились?

Киммериец закусил кусочком дыни в имбирном сиропе, жалея, что нет настоящего мяса.

— Силы, — напомнил он ей.

— Ах да. Продолжаю. Благодаря сочетанию человеческого и нечеловеческого, а также многочисленным оттенкам этого сочетания, маги Джанагара обладали многими видами искусства, в прошлом недостижимыми для простых людей. По мере того как они пользовались этими видами искусства, осуществляя все более великие свершения, на них наконец стали обращать внимание Силы. Некая невидимая, неизвестная черта была пересечена, и Силы настояжились. Вначале великие колдуны попробовали обращаться с этими формами разума так же, как и со всеми другими, — попытались получить от них знание для того, чтобы воспользоваться им.

Но этому не суждено было быть. Внимание Сил означало их неумолимый гнев. Один за другим колдуны, вступившие с ними в контакт, были лишены существования заклятиями такой силы, что сама ткань мира дрожала каждый раз, когда гнев обрушивался на одного из великих колдунов. Во время своих странствий разве ты не слышал легенды о катастрофах, происшедших в древности?

— Слышал. Великие землетрясения, всемирные потопа, чудовищные извержения вулканов составляют часть любого мифологического цикла.

— И разве эти древние мифы не содержат каждый раз рассказа о войне между богами, или между богами и великанами, или богами и людьми?

— Да, — согласился Конан. — У нас, в моей родной Киммерии, есть старый рассказ о великой битве между нашим богом Кромом и Ймиром из Аэсира, о битве, сотрясшей землю. У всех есть такая легенда.

Не спрашивая разрешения, он налил себе еще вина из запотевшего кувшина, который стоял на подносе рядом с лакомствами.

— Все эти рассказы возникли под влиянием эпической битвы между Силами и колдунами Джана-

гара. Битва эта продолжалась века и изменила структуру всего мира.

— Если Силы столь могущественны, — сказал Конан, — как случилось, что борьба была такой долгой? Ведь боги могли просто раздавить простых колдунов, какими бы сильными ни считались они по меркам смертных.

— Хитрый вопрос. Но ты должен помнить, что к этому времени колдуны Джанагара уже не были просто людьми. Они владели высшим искусством почти так же хорошо, как и сами Силы. Уступали же они лишь в грубой силе. Но эти битвы шли также и в других мирах, и в других сферах. Много-много лет колдуны Джанагара пытались сохранить в секрете от Сил само местоположение нашего мира, так как Силы всегда стремились уничтожить весь мир, где есть им соперники. И это, как мы узнали, они довольно часто делали и раньше.

— Ваши колдуны занимались тем, что лучше представлять в покое.

Она изящно пожала своими красивыми плечами:

— Истинно великие народы не боятся вызова, насколько бы ни превосходил враг силой и как бы тяжелы ни были возможные последствия.

— Но ведь они рисковали всем миром!

— Ну и что? Неудача означала уничтожение Джанагара и его народа. Если бы это случилось, кому какое дело, что погибнут еще и низшие народы? Если горит твой дом, плачешь ли ты по крысам и тараканам, погибающим в огне?

— В этом что-то есть, — согласился Конан.

Он не впервые сталкивался с таким отношением. Множество царей заявляло, что после их кончины пусть землю поглотит либо огонь, либо потоп.

— Через некоторое время, — продолжила Омия, — великих магов больше не осталось, и все высшие сферы были потеряны для нас. В конце концов все свои усилия мы уже направили на то,

чтобы отсрочить поражение и спасти наш мир и нашу империю. Конечно, самые могущественные заклатья были призваны сохранить сам Джанагар. Другие защищали остальные великие города империи. Заклатья сосредоточивались в храмах, где день и ночь проводились самые величественные и самые чудовищные обряды.

— Какие заклатья могли их защитить от таких существ? — спросил Конан, невольно захваченный рассказом о предсмертных судорогах империи.

— Последним заклатьем, к которому обратились тогда, когда все другие были израсходованы, было Великое Заклатье Неизменности. Как только оно установлено, города, защищенные таким образом, будут оставаться такими, как были, без каких-либо изменений. Более того, они становятся невидимыми для Сил, а войти в этот мир для того, чтобы уничтожить его, они могут только в фокусных точках великого колдовства.

— Это объясняет состояние города наверху. Но если Силы так и не нашли этот мир, как было уничтожено все вокруг и плодородные поля, окружавшие Джанагар, были обращены в песчаную пустыню?

— Это сделали не Силы. Энергия, необходимая для поддержания заклатья, высала жизненную силу из земли, втянув в себя ее плодородие, как губка воду. Когда-то Джанагар лежал рядом с великой рекой, из которой мы брали воду при помощи самой удивительной из когда-либо существовавших системы каналов. Река обмелела и наконец исчезла.

— Почему же Джанагар не погиб тогда? — спросил Конан, уже зная ответ. — Когда у города больше нет воды, он гибнет. Я видел, как это происходит, когда у осажденного города перекрывают акведуки, а колодцев в городе нет. Когда цистерны становятся пустыми, гибель неизбежна.

— Конечно, даже ты догадался, — сказала она, улыбнувшись. — Мы принялись копать, пока снова

не нашли нашу реку. Она оставила поверхность, но по-прежнему текла по грандиозной системе пещер. Великие жрецы Джанагара объявили, что солнце проклято, и мы, если не хотим погибнуть, должны уходить вглубь, вырубать в недрах земли новый Джанагар.

Но для того, чтобы поддерживать Великое Заклатье Неизменности, город наверху должен сохраняться точно в таком состоянии, в каком он был тогда, когда заклатье начало действовать. Для этой цели каждую ночь, когда солнце зайдет, бригады мастеров выходят через великий храм в город, чтобы восстанавливать то, что разрушает время. Поскольку ветры и пески пустыни не проникают сюда, разрушения незначительны.

— А что случилось с другими городами? — спросил Конан.

— Им недоставало воли Джанагара. Некоторые сохранялись столетиями, но жители не смогли поддерживать свои города в неизменном состоянии, так что заклатье ослабло. Мы постепенно теряли связь с этими городами, но к тому времени Силы были чем-то отвлечены, так как не пытались войти в наш мир через развалины.

Конан вспомнил огромные руины храма, где он видел, как близнецы общались со стариком. Это, должно быть, были остатки одного из городов империи Джанагара. Сейчас остались развалины лишь одного здания, а от Великого Заклатья Неизменности сохранился прямоугольник травы, на котором не хотят пастись животные.

— И с тех пор вы живете здесь под землей? Прячетесь от солнца и свежего воздуха?

— Да, это так, — сказала она, перекачиваясь на живот и кладя подбородок на скрещенные предплечья. — Нам это подходит, но такой образ жизни вызывает... последствия. Именно поэтому ты и твои спутники интересуете нас.

— Как это? — спросил Конан, уже зная, что ответ ему не понравится.

— Спрятавшись от Сил и затем от проклятого солнца, мы решили лишь самые настоятельные вопросы. Теперь надо восстановить в себе то, что мы потеряли, стремясь к колдовскому знанию.

— Ты имеешь в виду смещение человеческой крови с нечеловеческой.

— Именно. Народ, который начал закапываться в эти норы, не показался бы тебе, сказав мягко, близкими родственниками.

От этой мысли у Конана по коже пробежали мурашки.

— Представляю себе.

— Прежде всего требовалась строгая программа селекции для того, чтобы удалить из нас все следы нечеловеческого. На это потребовались сотни поколений, но наконец программа была завершена и жители Джанагара снова стали людьми.

В этом Конан сильно сомневался. Человек — это не только внешность, и линия крови, так сильно загрязненная, никогда не сможет снова стать человеческой. Он подозревал, что им удалось восстановить лишь внешний облик.

— И снова, — сказала Омия, — наше великое достижение обошлось нам столь же великой ценой. С самого начала запас человеческой крови у нас был очень ограничен. По причинам, как сверхъестественным, так и алхимическим, когда строишь на таком узком основании, возникают нежелательные последствия.

— Короче говоря, узкое смещение вызывает вырождение.

— Ты слишком упрощаешь, — произнесла она, нахмурясь. — Мы выводим не породы скота, а человеческие существа. В любом случае мы всегда старались делать так, чтобы попадающийся нам людской материал, обладающий особыми достоинствами,

привносился к нашей крови. Учитывая, что из себя представляют жители пустыни, это происходит нечасто.

— Почему бы вам не выйти наружу и самим не поискать свежей крови?

— Ты забываешь, что мы не выносим лучей проклятого солнца. Нет, мы останемся здесь, и пусть материал приходит к нам. Возможности кочевников мы истощили уже давно. Некоторое время одно племя кочевников приводило к нам превосходных пленников, но пустыня увеличилась. В конце концов у них не стало хватать запасов воды для того, чтобы добраться сюда. Они были последними людьми на поверхности, которые знали дорогу в Джанагар.

Конан догадался, что это, должно быть, племя Уадим, о котором ему рассказывал старик. Их странная обрывочная и путаная легенда являлась последним воспоминанием о том времени, когда племя было молодо, а пустыня меньше и не так страшна.

— Но вы ведь соединены с внешним миром при помощи реки, — произнес Конан, нарочно выговаривая слова медленно и с трудом, будто совсем пьяный. Он налил себе еще один кубок. — Меня ты не обманешь. Эти плоды... — он взмахнул рукой, чуть не опрокинув кувшин, — они сверху. И я здесь видел предметы, изготовленные в Стигии.

— У нас есть некоторая связь, — ответила Омия, — с небольшим племенем, живущим на реке недалеко от того места, где она снова выходит в мир проклятого солнца. Эти жители реки — низкорослый уродливый народ, который нас не интересует, и они слишком слабы для того, чтобы добыть нужных нам пленников. Они хранят сведения о нашем существовании в секрете, чтобы другие племена не убили их, желая взять торговлю с нами в свои руки.

Конан задумчиво кивнул.

— Вполне понимаю, как вам нужен наш материал, — сказал киммериец, специально еле выговари-

вая слова. Он ударил себя в широкую грудь. — Во мне течет чистая киммерийская кровь, кровь величайших в мире воинов. Акила великолепная женщина, сильнее многих мужчин. И ее три женщины лучше, чем женщины здесь. — Конан подумал некоторое время, будто сам не совсем понял, что сказал. — Исключая тебя, конечно, — поправился он.

При этих словах она покачала головой и рассмеелась:

— Варвар, неужели ты думаешь, что мы хотим смешать нашу кровь с твоей из-за твоей силы и внешности?

— А разве нет? — На этот раз он искренне удивился.

— Ни в коей мере. Когда мы потеряли империю и были вынуждены удалить из себя нечеловеческую кровь, мы также потеряли способность к колдовству. У нас есть огромные знания, и нет никакой возможности воспользоваться ими. То же самое, как если бы мы были великими рудокопами, но не имели ни кирки, ни лопаты.

Она странно улыбнулась, и в этой улыбке Конан заметил оставшиеся следы нечеловеческого.

— При помощи твоей чистой варварской крови, крови более молодого народа, мы сможем вернуть себе способность пользоваться великими заклетами наших предков. Джанагар снова займет свое место как царь мира!

Из всех причин, по которым Омия могла бы желать его, эта Конану была наименее приятна.

— Значит, я тебе нужен для размножения?

— Да. И я не вижу необходимости обсуждать это дальше.

Она начала лениво подниматься. Прозрачная накидка распахнулась, еще более открыв взору зрелые контуры.

— Согласен! — с жаром произнес киммериец. — Давай этим и займемся.

Он схватил Омия под мышки и без труда поднял ее. Одной рукой он задрал вуаль и неловко чмокнул в губы. Все еще держа женщину на руках, он покачнулся.

— Подожди! — раздраженно крикнула она. — Ты слишком...

— Слишком что? — спросил он, возясь с ее накидкой, будто узел, удерживающий ткань на шее, был слишком для него сложен. Наконец он просто сорвал с нее эту одежду.

Омия колотила его по лицу кулаками:

— Помедленнее, ты, пьяный олух!

Вдруг Конан уронил ее, и Омия плашмя упала на подушки.

— Мне кажется... — проговорил он, качаясь на ногах взад и вперед. — Мне кажется...

Медленно, величественно, будто огромное дерево, киммериец повалился и упал лицом вниз, даже не подставив рук. Омия с криком отползла на четвереньках с траектории его падения, но недостаточно быстро, так что ноги ее оказались прижаты гигантским торсом.

Женщина рывком высвободила ноги, встала и принялась пинать своего упавшего будущего любовника.

— Скотина! Ублюдок! Пьянь! — Каждый эпитет сопровождался сильным пинком в ребра. В результате рухнувший воин лишь что-то невнятно пробурчал, и Омия обнаружила, что она просто зря ранит свои нежные ножки.

Конан не изменил выражения лица во время ее отчаянной тирады; он лишь думал о том, что эти люди действительно выродились за время своего муравьиного существования. Акила поломала бы ему ребра одним ударом. Наконец боль в ногах и недостаток воздуха заставили Омия перестать. Она хлопнула в ладоши, и Конан услышал, что кто-то вошел. По легкой походке он определил, что это одна из

рабынь. Послышался шепот, и рабыня ушла. Чтобы не скучно было ждать, Омия пнула киммерийца в голову. В ухе зазвенело, но по ее крику он понял, что Омии намного больнее.

Более тяжелые шаги возвестили о том, что вошел кто-то покрупнее.

— Это и есть великий воин, убивший крокодила? — Голос принадлежал Аббаду.

— Ему помогала женщина, — ответила Омия. — Это животное, и к тому же тупое! Какой мужчина предпочтет вино телу царицы? — От презрения, содержащегося в голосе, на спине более чувствительного человека, чем Конан, выступили бы волдыри.

— Но, в конце концов, Омия, — Аббаду было очень весело, — нужны они нам не ради их культуры и воспитанности. Я думаю, что мне не понадобится ни времени, ни вина, чтобы расположить к себе большую женщину.

— В этом я не сомневаюсь. Раньше я думала, что этот поумнее.

— Я не знал, что ты пригласила его для беседы. — В голосе явно слышался сарказм.

— А как часто я нахожу нового собеседника? — раздраженно спросила она. Омия вкратце пересказала содержание их разговора.

— Ты рассказала больше, чем необходимо, — упрекнул ее Аббад. — Этому храпящему мешку не нужно столько знать. Теперь я должен следить за ним еще внимательнее.

— Зачем? Мы добьемся от этого варвара того, что нам надо, а затем избавимся от него. То немногое, что могло остаться в этом толстом черепе, ему не поможет.

— Все же мне это не нравится, — сказал Аббад. — Отсутствие надежды — это самые надежные кандалы для пленника. Лучше, чтобы у него вообще не возникало тщетных мыслей.

— Убери его, — приказала она. — Он оскверняет мои покои. Сделаю еще одну попытку тогда, когда он протрезвеет. В следующий раз не буду тратить на него слов. Унеси отсюда это огромное тело.

— Повинуюсь, моя царица, — дерзко произнес Аббад. — Стража!

Через несколько мгновений комнату наполнил звук шагов, и киммерийца снова связали. Затем с крихтением и стонами его подняли и понесли по лабиринту подземного Джанагара. Вскоре его бесцеремонно бросили на пол камеры и опять приковали к цепи, вделанной в стену. Затем стражники вышли. Неуверенный в том, что уже находится в камере, Конан ждал.

— На этот раз твой друг доставил нам мало удовольствия, — сказал, издеваясь, Аббад. — Смотри, не допусти такой же оплошности, если не хочешь пострадать. Жди, когда я тебя позову. Это будет скоро.

В ответ послышался лишь звук плевка. Затем Конан услышал, как Аббад покидает камеру и как шаги его затихают в коридоре.

— Конан, они тебя не убили? — спросила заботливо Акила. — Нет, вижу, что ты дышишь. Но они, должно быть, пытали тебя так, что ты потерял сознание. Ой! — Он услышал, как зазвенела цепь, и почувствовал в голосе женщины отчаяние. — Мне не дотянуться до тебя. Ой, Конан, я... — Голос ее дрогнул и затих. Затем киммериец услышал звук втягиваемого носом воздуха. — Что это? — Забота, как по волшебству, сменилась гневом. — Вино? Ты пьян? Ты, киммерийский придурок, тебя что, уводили в таверну вместо камеры пыток? Только ты мог так сделать!

В голосе ее послышались ноты подозрения.

— Значит, та злая женщина хочет размножаться? Она накачала тебя вином, чтобы заглушить предрассудки, которые у тебя, по ее мнению, есть? Да,

ей не стоило беспокоиться! Вставай! Я хочу, чтобы ты слышал, как я тебя проклинаяю!

Конан вдруг сел, и Акила отдернулась назад.

— На самом деле я даже не пьян. Но было приятно узнать, что ты за меня беспокоишься.

Он нагло улыбнулся, красивое лицо Акилы залилось краской.

— Ты думаешь, я беспокоюсь о благе твоей мерзкой шкуры? — Она неловко пыталась оправдаться. — Мне просто нужно, чтобы ты вытащил нас отсюда!

— Да, так я тебе и поверю!

— Если согласишься, — шипела она, прищурив глаза, — тогда и я соглашусь поверить в твой рассказ о том, что произошло между тобой и царицей выродков.

Растянувшись на матрасе и подложив под голову руки, Конан пересказал услышанную им от Омии историю Джанагара. Этот рассказ он прерывал описаниями царицы, ее рабынь и описанием ее покоев. Искоса поглядывая на амазонку, он был доволен тем, что Акила сжимала губы каждый раз, когда он говорил о прелести царицы.

— И ты притворился пьяным, — сказала она наконец, — и между вами больше ничего не произошло? Только не подумай, что для меня это что-то значит.

— Ничего не произошло, — произнес он задумчиво.

— Ладно, хорошо. Теперь мы знаем, что здесь где-то действительно есть река и что по ней мы можем выбраться наружу.

— Меня волнует еще одно, — сказал Конан.

— Что?

— Крокодил. Что с ним сделали?

— Крокодил? — раздраженно воскликнула Акила. — Какое нам дело, когда он уже мертв?

— На самом деле не дает покоя моим мыслям хвост крокодила, — объяснил он ей.

— Его хвост? Не подсыпала ли их царица тебе в вино чего-нибудь такого, что размягло у тебя и остатки мозгов? Какое тебе дело до его хвоста?

Конан невозмутимо продолжил:

— Очищенный и хорошо приготовленный крокодилий хвост очень вкусен. Кости Крома, мне так надоела местная пища!

Глава 13

Время их не поджимало. Когда Конан проснулся, он понял, что проспал лишь немногим больше двух часов. Даже в подземелье, где не существовало ни дня, ни ночи, чувство времени не покидало киммерийца. Сон его нарушил какой-то звук, и сейчас Конан ждал, не услышит ли этот звук снова. Рядом на боку, ровно дыша, лежала Акила и крепко спала. Он не думал, что ее инстинкты менее остры, чем его.* Но она никогда не проводила столько времени в тюрьме. Как и большинство неопытных людей, она, вероятно, полагала, что толстые стены, решетки и цепи означают, по крайней мере, что она может спать в безопасности.

Конан, испытывший уже тюрьмы, казематы, застенки, темницы, остроги, чуланы, трюмы, ямы, колодцы, кандалы и другие средства лишения свободы, знал, что все тюрьмы — жестокие места, где люди, запертые, как звери, под присмотром жестоких стражников и капризных тюремщиков, могут броситься друг на друга, будто голодные крысы в клетке. И более всего уязвим человек во сне. Конан едва ли мог сосчитать, сколько раз он просыпался и обнаруживал, что товарищ по камере заколот во сне самодельным кинжалом, задушен собственными цепями, что ему проломлен череп камнем или его вытолкнули за борт к акулам, и убийство это всегда совершал враг внутри тюрьмы.

Конан часто, просыпаясь в таких местах, обнаруживал, что товарищи по цепям жаждут его крови. Поэтому он приучил себя в кандалах спать еще более чутко.

Он снова услышал этот звук. Кто-то находился в коридоре перед камерой. Он узнал по походке, что это не кто-то из обычных стражников и что это не Аббад. Слух его хорошо различал такие тонкости. Походка была легкой, крадущейся. Еще до того, как фигура появилась в двери, киммериец был почти уверен в том, кто это.

Лежал киммериец тихо, как труп, дыша так же ровно и глубоко, как и Акила. Он прекрасно понимал, что не следует изображать храп. Такие уловки редко бывают убедительны для опытного обманщика, а здесь, Конан знал, вошел ветеран. Сквозь неплотно закрытые веки киммериец видел, что фигура пригнулась и вползла в камеру на четвереньках. Тусклый свет бездымного факела, горящего в коридоре, блеснул на чем-то в правой руке: на каком-то металлическом предмете.

Фигура подошла ближе, еще ближе, и вдруг сильная левая рука киммерийца выбросилась вперед, и мощные пальцы схватили жилистую шею так быстро, что и при солнечном свете движение показалось бы размазанным. В полумраке камеры оно было совершенно незаметно. Громкий сдавленный крик прервался, когда Конан нажал большим пальцем на горло человека.

Акила вздрогнула, зазвенев цепью, и села.

— Конан! Что... кто это?

Она быстро моргала.

— Как же... Это наш старый друг Амрам. А зачем он здесь, он сейчас нам сам расскажет. Конечно, он может предпочесть умереть и не говорить. Сейчас наш друг сделает выбор!

Амрам отчаянно замахал руками, выражая яростное желание говорить. Конан немного ослабил

захват, позволив щуплому человеку набрать немного воздуха в легкие.

— Друзья мои! — прохрипел он. — Я не причиню вам вреда! Я пришел, чтобы предложить вам спасение!

— И делаешь ты это, подкрадываясь, как рептилия? — холодно спросил Конан. — Ты это делаешь, подползая ко мне с оружием в руке? — Конан снова начал сжимать пальцы.

— Никакого оружия! Посмотри! — Он протянул правую руку. Действительно, на ладони лежал не кинжал, а блестящий ключ.

— Это уже лучше, — прорычал Конан. — Но еще недостаточно хорошо. Почему ты бежал от нас во время песчаной бури, ты, подлец? Где близнецы? Кто ты этим муравьям и зачем ты заманил нас сюда своим лживым рассказом?

— Прошу вас, друзья мои, сейчас не время! — сказал Амрам.

— Да, но у пленника ничего нет, кроме времени, — ответил Конан. — Я хочу услышать твой рассказ. Только теперь я буду внимательнее слушать, чтобы не пропустить лжи. Как только мне покажется, что ты говоришь неправду, я сломаю твою тощую шейку!

— Но, мой киммерийский товарищ, я никак не думал, что ты любишь разговоры!

— Мне плевать на его историю, — сказала нетерпеливо Акила. — Выпусти нас отсюда!

— Мне это не нравится, — мрачно произнес Конан. — Это насекомое только заманивает людей в ловушки.

Акила раздраженно поглядела на Конана.

— В ловушки? Мы прикованы к стене в подземелье, ты, придурок! Куда еще он может нас завести?

— Ты не видела света, женщина, — резко ответил ей Конан, — если считаешь, что это самое худшее.

— Мои милые друзья, — пытался успокоить их подобострастным голосом Амрам, — не будем ссориться. Я вижу, что вы слегка расходитесь во мнениях, но здесь не место и не время решать вопросы. Позвольте мне дать вам свободу, и тогда на досуге вы все подробно обсудите.

— Ладно, — сказал Конан. — Но я не успокаиваю себя обманом. Оставаться здесь без цепей еще не означает свободы. На арене, когда мы бились с крокодилом, на нас не было цепей.

— А я думаю, что это улучшит наше положение, — заявила Акила, почти потеряв от нетерпения рассудок. — Сними с меня эти цепи, Амрам, пока я еще не сошла с ума!

— Сию минуту, госпожа. То есть если мой добрый друг киммериец соизволит отпустить меня.

— Конан!

— Ну ладно. — Он нехотя разжал руку, но тут же схватил костлявую щиколотку. — Получишь назад свою пятку тогда, когда мы будем свободны от цепей.

Амрам закудаhtал.

— Так трудно угодить. А я еще ожидал благодарности. По крайней мере, доброго слова.

— Когда мы выберемся отсюда, — сказал Конан, — я воздам тебе величайшие почести. Если хочешь, назову в твою честь сына, но только снова нас не предавай.

Несколько минут Амрам возился с замками на ошейниках и кандалах. Ключ, явно не предназначавшийся специально для этих замков, являлся просто-напросто отмычкой, которая требовала значительного искусства в обращении.

— Хорошо, что они их не заклепали, — проворчал Конан.

Но скоро цепи упали, и пленники были на ногах, потирая стертую кожу и разминая конечности.

— Теперь освободим моих женщин, — заявила Акила.

— Нет времени, — сказал Амрам, трясая головой. — Они просто прислуга. Оставь их.

Теперь надо было спорить с Акилой. Она схватила Амрама за шею так же, как делал до этого Конан.

— Если бы я не была царицей и не имела представления о том, что все-таки должна тебя благодарить, я бы тотчас свернула бы тебе шею. Мой товарищ хорошо знаком с замками и кандалами. Могу поспорить, что он сумеет воспользоваться твоим ключом.

— Да, это простое устройство, — подтвердил ее слова Конан, мрачно улыбнувшись.

— О, тогда ладно! — сказал Амрам, скрипнув зубами при виде такого самоубийственного спокойствия. — Я их освобожу. Но время нам может стоить очень дорого.

— Просто выведи нас отсюда, — сказал Конан. — Дай добраться до нашего оружия, и тогда мы побеспокоимся о том, чтобы все расходы понесли эти муравьи.

— Ты говоришь слишком самоуверенно, — проворчал щуплый человек, когда они направлялись к другой камере.

Они вошли внутрь, и Акила растолкала своих женщин, предварительно прикрыв каждой рот рукой. Женщины радовались, но дисциплина их была совершенной, так что они не задавали вопросов, когда с них снимали цепи. Враги явно не посчитали амазонок столь же опасными, как их двух предводителей, поскольку на каждой из них был только ошейник, прикованный цепью к стене.

— Теперь, — сказал Конан, когда все были освобождены от цепей, — веди нас к нашему оружию, затем к реке.

— Ты думаешь, это прогулка, и я могу отвести вас к любым достопримечательностям по вашему желанию?

— Тогда только к оружию, — заявила Акила. — К реке мы проберемся сами. И к нашим вещам и верблюдам. Я возьму свой рог.

— Свой рог? — Конан поднял брови. Он не видел украшенного серебром рога с самого Лонха: царица его тщательно упаковала на время дороги.

— Да. Это древняя реликвия моего народа. Без него я не уйду.

— Как я слышал, твой народ с тобой разделался. Но если ты хочешь забрать рог, я не возражаю. Я направляюсь за своим мечом и кинжалом.

Амрам глядел то на Конана, то на Акилу, будто на двух диких зверей.

— Вы сошли с ума оба. Я среди безумцев.

— Пробудешь с ними еще недолго, — заметил Конан. — Но мне кажется, что ты в любом положении можешь извлечь для себя выгоду, так что делай то, что тебе говорят, и извлекай ее. Я так понял, что ты и сам хочешь убраться из этого чудовищного места?

— Я хочу этого так же сильно, как и жить! — заявил Амрам.

— Да, — заметила Акила, — ты из тех людей, которые многое согласны переносить ради того, чтобы просто остаться в живых. Делай так, как мы говорим.

Она похлопала его по бритой макушке, но в этой ласке скрывалась такая же угроза, как и в прямых словах киммерийца.

Амрам глубоко вздохнул.

— Ладно. Идемте за мной и ведите себя очень-очень тихо. От этого зависит наша жизнь.

— Веди, — сказал, ухмыльнувшись, Конан.

В соседнем помещении они обнаружили дежуривших стражников, которые были либо мертвы, либо усыплены, бегущие пленники не стали выяснять, что именно. Конан нагнулся и подобрал короткий стигийский меч, а Акила взяла кинжал. Экун хотела

было забрать длинную алебарду, но Акила остановила ее.

— Никакого длинного оружия, — шепнула она. — Оно неудобно в узких коридорах и создает много шума.

Амрам высунул голову из двери и посмотрел в обе стороны.

— Снаружи никого, — прошептал он громко. — Идите за мной.

— На этот счет не беспокойся, — заверил его Конан. — Я буду у тебя за спиной.

— Может показаться, что ты мне не доверяешь, — обиженно проговорил Амрам.

Киммериец оставил это замечание без ответа.

— Почему так тихо? — спросил Конан.

Они проходили по району, который, как он знал по прошлому опыту, занимали ремесленники. Всюду была тишина, помещения пустовали.

— Сейчас ночь. Даже здесь, где нет ни солнца, ни луны, должны быть день и ночь. Людям нужно спать, и для удобства организации труда все спят одновременно. Лишь работники вентиляции и некоторых других необходимых служб работают и «ночью».

Сзади к нему подошла Акила.

— Каких таких необходимых служб?

— Т-с-с-с-с! — Амрам поднял руку, призывая всех к тишине. — Работники одной такой службы сейчас приближаются. Сюда! — Амрам затолкал всех в чулан, где хранился инвентарь для приборки. Беглецы оказались в тесноте среди метел, швабр, тряпок и ведер.

— Что там? — спросила шепотом Акила. Ее тело было плотно прижато к спине Конана.

— Какая разница, — произнес с улыбкой киммериец. — Мне здесь нравится.

Она ударила его по затылку.

— Тихо! — зашипел Амрам. — Это патруль осведомления!

Вход в чулан был завешан занавеской так, что оставалась щель. По коридору шли два раба. Около каждого рожка они останавливались. Конан уже обратил внимание на то, что горел лишь каждый третий факел: несомненно, из-за того, что сейчас была «ночь». Эти рабы подстраивали пламя горящих факелов. У каждого негорящего рожка один из рабов пригибался и нюхал. У одного такого рожка раб нахмурился и молча подал знак другому. Другой раб вынул из сумки какой-то бронзовый инструмент и что-то поделал с рожком. Первый раб снова понюхал, затем кивнул. Они прошли мимо.

Когда оба раба скрылись за углом, беглецы и их провожатый вышли из чулана.

— Это стоило нам времени, — все беспокоился Амрам.

— Что они делали? — спросил Конан.

— Освещение надо постоянно проверять, — сказал Амрам. Объяснение, казалось, как-то успокаивало его нервы. — Там горят природные пары, которые поступают из глубины земли. Пары сгорают полностью без дыма и запаха, но сами по себе эти пары — смертельный яд. Если пламя погаснет, то пары будут поступать в воздух. Много людей может погибнуть, если быстро не обнаружить утечку. А при большом их скоплении пары могут взорваться, как вулкан. В прошлом так погибли целые районы подземного города.

— А зачем один из них нюхал рожок? — спросила Акила.

— Проверял, нет ли утечки паров. Рожки сделаны из бронзы и керамики, и со временем соединения становятся неплотными, и могут начать выходить пары в небольшом, но все равно опасном количестве. Надо постоянно следить. А так как эти пары не имеют запаха, к ним в цеху добавляют другие пары с резким запахом. И таким образом находят утечку.

— Они не только живут в земле, как насекомые, — сказал Конан, — но еще каждое мгновение рискуют задохнуться или сгореть. Разве так могут жить люди?

Амрам пожал плечами.

— Ты был когда-нибудь в море? Жизнь на борту судна намного опаснее.

— Там, по крайней мере, свежий воздух, солнце и звезды, — возразил Конан.

— Кому что нравится, — ответил Амрам, — я человек большой терпимости и нахожу все образы жизни одинаково странными.

Дальше они шли молча по спящему городу, минуя широкие коридоры, пробираясь по узким коридорам, среди спальных помещений, откуда доносились храп и сопение; поднимаясь по длинным лестницам, по прямым и по винтовым. Несколько раз им встречался патруль освещения, и они прятались в ближайшей комнате, где не было факелов. Наконец они подошли к огромному залу, из которого доносился резкий запах.

— Это завод паров, — предупредил Амрам. — Будьте предельно осторожны. Здесь все время дежурят рабочие.

Зал был огромен, и Конан вошел в него с трепетом — не из-за опасности быть обнаруженным, а из-за нелюбви находиться рядом с чем-то таким непонятным, как завод паров. Он знал от Омии, что подземные жители неспособны даже на колдовство, но этот огромный резервуар горячего газа для его варварских инстинктов вполне мог быть и результатом магии.

Свет был тусклым, и создавался он здесь не открытым пламенем, а кучками светящихся грибов. Ядовито-зеленое, голубое, оранжевое и желтое свечение их давало достаточно света, чтобы можно было разглядеть огромные из соединенных заклепками бронзовых листов чаны, от которых

переплетающиеся трубы тянулись к другим емкостям, к другим трубам или устройствам. Конан не мог подобрать им названия. Всюду были разных размеров вóроты, явно приводящие в действие клапаны, регулирующие подачу паров. В воздухе висел едкий запах. Конан подумал о том, как же здесь удастся обнаружить утечку.

Среди таинственного оборудования двигались странные тени, некоторые маленькие, некоторые громадные. У киммерийца зашевелились волосы на затылке, когда он увидел людей с длинными тяжелыми мускулистыми руками и плечами гориллы, но с необычно маленькими головами. Он похлопал Амрама по плечу и показал на одного такого человека, который шел по металлическому мостику наверху: кисти рук почти волочились по железным перекладинам, рот был раскрыт, а глаза тупо глядели перед собой. Амрам прошептал ответ на ухо:

— Они безопасны. Это рабы, специально выведенные для того, чтобы крутить самые большие колеса, как бы сильно их ни заклинило. Когда случается авария, то нет времени звать кого-то еще на помощь или использовать инструменты. Пары должны быть перекрыты мгновенно.

С трудом преодолевая желание поскорее убраться отсюда, Конан пытался запомнить то, что здесь происходило. По сравнению с остальным подземным городом, здесь было очень шумно: всюду шипело и грохотало, лязгал металл, выкрикивались команды, и пытели огромные рабы.

Они прошли мимо гигантского ворота, к которому были прикованы шесть огромных рабов. Конан заключил, что это главный клапан, перекрывающий подачу паров в случае аварии для всего города, включая и этот цех. Киммериец подумал о том, как город может жить в полной темноте, но затем понял, что ответ всюду вокруг него: светящиеся грибы. Без сомнения, у муравьев достаточно

этих грибов во всех частях города для аварийного освещения.

И конечно же, размышлял он, продумано у них все хорошо. Хотя ведь они имели тысячи лет для того, чтобы совершенствовать искусство жизни без солнца. Он поежился при этой мысли. Рабы и свободные рабочие всем своим видом с безжалостной ясностью говорили о последствиях такой жизни. Холодный свет грибов делал их похожими на разлагающиеся трупы.

Как только беглецы вышли с завода паров, они оказались в более привычной обстановке. Киммериец узнал места, по которым они проходили, впервые попав в этот город. Дорога все время шла вверх, и он понял, что Амрам ведет их назад к огромному храму. Его не прельщала перспектива снова идти по пустыне, но это лучше, чем еще несколько дней оставаться в гостях у Омии и Аббада.

Амрам вдруг повел их по незнакомому боковому коридору.

— Куда мы идем? — спросил Конан, схватив шуплого человека за руку. — Я не помню этого места.

— Ты и не должен его помнить, — был ответ. — Но вы, кажется, говорили, что вам нужны ваше оружие и вещи?

Конан улыбнулся:

— Веди.

Они пошли дальше, пока у поворота Амрам не остановил их. Он притянул к себе головы Конана и Акилы и едва слышно зашептал:

— Здесь за углом помещение стражников. На посту должны быть по крайней мере двое, и с ними вы разбирайтесь сами. Ваши вещи лежат в следующем помещении.

Киммериец и амазонка кивнули. По команде Конана беглецы внезапно выскочили из-за угла.

Двое стражников стояли по сторонам двери, опершись на алебарды, и почти спали. Они так

напугались, когда Конан с Акилой набросились на них, что не успели даже вскрикнуть. Конан схватил стражника слева за горло и проткнул живот насквозь мечом. Акила пронзила свою жертву кинжалом, а женщины подхватили стражников под руки и бесшумно уложили их на пол. Амрам очень ловко подскочил и подхватил падающую алебарду, чтобы шум не выдал их.

Конан тут же бросился в следующее помещение, размахивая окровавленным мечом, готовый встретить еще врагов. В помещении ничто не двигалось, и киммериец выпрямился и принялся рассматривать то, что находилось тут. Комната была небольшая, шириной шагов в десять, и до самого потолка заполнена ларцами, а на стенах висели различные предметы.

— Вот! — восторженно воскликнула Акила.

Она кинулась к стене, туда, где висел ее кожаный пояс, застегнула его на себе и затем, сев на корточки, начала рыться в куче вещей у стены.

Конан нашел рядом свое оружие, оно висело над кучей, в которую были свалены его халат и прочие вещи. Он завернул все, кроме своего пояса с оружием, в накидку и перекинул через плечо. Дикие женщины тоже отыскивали свои вещи. Они не тронули того, что принадлежало Джебе или Ки-Де.

Киммерийцу показалось, что чего-то не хватает.

— Где верблюжьи седла и сбруя?

— Наверное, все еще на верблюдах, — ответила Акила. — Надеюсь, что там. Если это так, то мы сэкономим время.

— Идем! — позвал Амрам. — Мы и так здесь надолго задержались. Город скоро проснется, и наступит время смены караула у вашей камеры. Тревога распространится по городу мгновенно!

— Я готов, — сказал Конан, выходя из комнаты. — Теперь, когда мы вооружены, этим выродкам лучше не попадаться нам на пути.

Поднимаясь вверх по спиральному пандусу, беглецы услышали за спиной шум. Там был звон гонгов, бой колоколов и пронзительный визг свистков.

— Поздно, собаки! — крикнула Акила. — Мы вырвались от вас!

— Не будь самонадеянной, — предостерег ее Амрам. — Любимое занятие богов — наказывать смертных за такие заявления.

— Сейчас, — ответила амазонка, — я не боюсь ни богов, ни людей, ни дьяволов!

Неожиданно они оказались в просторном темном помещении, где голоса и шаги отдавались эхом. Это была внутренность огромного идола в самом большом храме Джанагара. Факелы еще горели внутри бронзовой скульптуры, но пламя их было так тускло, что над ними виднелись лишь неясные очертания.

— Где ворота? — спросила Акила.

— У ног богини, — ответил Амрам, бросаясь вперед. — Здесь где-то рычаги управления.

Он принялся дергать за рычаги, и послышался лязг цепей и скрип петель. Но шум, доносившийся сзади, все нарастал.

— Они приближаются! — закричала Паина. — Их много!

Три женщины выстроились перед выходом с пандуса, заслонив собой царицу. Будто по волшебству, в руках их появились короткие мечи и топоры. Конан и Акила выхватили свои мечи и приготовились к бою.

— Скорей открывай ворота! — крикнул Конан. — Я бы предпочел иметь с ними дело снаружи, а не в этой бронзовой тюрьме!

Внутри сделалось светлее, когда факелы вдруг выбросили языки пламени в пять футов высотой. Кто-то внизу увеличил подачу паров. Конан взглянул вверх. Нельзя исключать того, что враг может притаиться и наверху. Он увидел лабиринт галерей и лестниц, цепи, свисающие огромными петлями, рычаги, колеса и шестерни неизвестного назначения,

но не заметил ни одной живой души. Вдруг что-то привлекло его внимание. Это было уже знакомое пурпурное мерцание.

Но времени для размышлений больше не осталось. Стражники достигли вершины пандуса. Киммериец забежал вперед женщин Акилы и ударил по первым трем воинам, показавшимся наверху. Сталь прорубила черные доспехи и вошла в плоть и кости. Напав на этих трех стражников неожиданно, он одолел их достаточно легко. Когда Конан дрался, он с облегчением заметил, что это не тот хорошо обученный отряд, впервые встретивший их с сетями и веревками. Это были просто стражники, первые прибежавшие на тревогу и к тому же утомившиеся после долгого подъема.

— Дайте мне больше места! — потребовала Акила, размахивая мечом.

Два стражника кинулись на нее, но так же быстро отпрыгнули назад — у одного рука была распорота вдоль до кости. У другого из перерубленной артерии на бедре фонтаном хлестала кровь. Дикие женщины умело действовали своими короткими мечами. Пандус сделался скользким от крови, и на некоторое мгновение нападавшие в замешательстве отступили.

Конан бросил взгляд через плечо и увидел, что Амрам, дергая за разные рычаги и, в свою очередь, тоже оглядываясь на драку за спиной, сумел открыть ворота примерно на фут. Он еще раз дернул и слышался лязг металла. Ворота отрылись еще на фут. Киммериец обратил внимание на то, с каким рычагом боролся этот шуплый человек.

— Уходите! — закричал Конан. — Уходите через ворота! Я их задержу и догоню вас. Направляйтесь к большим городским воротам, туда, где наши верблюды.

— Я не покину битвы! — заявила Акила, лицо ее светилось жадой боя. — Не позволю мужчине драться за меня!

Конан обратился к трем женщинам:

— Уберите отсюда свою царицу!

Они молча кивнули. Затем все втроем схватили Акилу и грубо потащили ее.

— Конан! — орала она. — Один ты их не оставишь! Они убьют тебя!

— Мы им нужны живыми, разве ты забыла?

На самом деле он не был в этом уверен. Омии он, может быть, и нужен живым, но здесь ее видно не было, а эти стражники вполне могут иметь инструкцию убивать всех, пытающихся бежать. Он увидел, что женщины проталкивают свою царицу в ворота. Амрама видно не было. Вероятно, он вышел первым, проявляя свою обычную заботу о собственной шкуре. Больше у киммерийца не было времени оглядываться.

В толпе стражников под одобрительные возгласы своих товарищей появился стражник более крепко сложенный и в более тяжелой броне. Конан догадался, что прибыл местный герой. На нем была маска демона, а в руке он держал булаву. Взревев, он попытался со всего маху нанести удар в голову. Киммериец пригнулся и ответил горизонтальным ударом. Стражник отпрыгнул и остановил меч своим оружием. Клинок меча и ручка булавы зазвенели, и посыпались искры. Затем массивная голова булавы полетела к Конану сбоку, но киммериец сделал шаг вперед, сократив дистанцию, и схватил стражника под локоть.

Рукоятью меча Конан ударил в лицо стражника, смяв тонкий металл маски; удар был таким мощным, что из прорезей для глаз брызнула кровь. Стражник взвыл и отпрянул назад. В это время Конан выхватил у него булаву. Широко размахнувшись булавой, он размозил голову большого стражника и не останавливаясь, расплющил бок другому, в то время как меч пронзил грудь третьего. Толпа в ужасе отступила, а он развернулся и побежал к воротам.

Тем не менее стражники собрались с духом и бросились следом, однако киммериец был уже у ворот. Но он не вошел в них. Вместо этого он взял меч в зубы, бросил булаву на пол, схватился за рычаг и потянул. Мускулы вздулись, рычаг застоялся, и ворота захлопнулись. Затем Конан нагнулся, схватил булаву и размахнулся. Железный рычаг, толщиной с человеческое запястье, сломался, полетел по воздуху и со звоном ударился о бронзовую обшивку идола.

Стражники стояли, разинув рот, не понимая, что только что произошло. Затем сзади послышался шум, и появилась Омия. Следом шел Аббад.

— Что это? Где... — Она вдруг увидела улыбающегося ей киммерийца.

— Ты никогда раньше не разводила быков? — спросил он ехидно. — Если бы разводила, то была бы осторожнее. Все скотоводы знают, что лучший племенной скот самый опасный!

— Где женщины? — заорал Аббад.

— Какое тебе дело? — спросил Конан. — Тебе все равно к ним не притронуться!

С последним словом он бросил булаву прямо в Аббада. Он не считал булаву оружием и взял ее лишь для того, чтобы сломать рычаг управления. Аббад увернулся так ловко, что позавидовал бы и акробат. За его спиной повалились два человека с лицами, превращенными в кровавое месиво.

— Убить его! — крикнул Аббад.

— Нет! — закричала царица. — Он мне нужен живым!

Но Конан не слушал их. Он неслся к ближайшей лестнице. Снова взяв меч в зубы, киммериец прыгнул вверх и схватился руками за перекладину в пятнадцати футах от земли. Он тут же принялся карабкаться, как обезьяна. Конан услышал, как внизу щелкнул арбалет, и рядом с головой пролетела и отскочила от бронзовой пластины стрела. Омия

что-то орала. Выстрел явно был сделан в нарушение ее приказа.

Лестница вела на галерею, и он вскочил на нее. Сзади лезли стражники. Лестница была слишком крепко привинчена, и Конан не мог ее отсоединить, и швырнуть вниз было нечего. Киммериец понимал, что он может стоять на месте и рубить головы весь день, как только они будут появляться над лестницей, но сам он являлся хорошей мишенью для лучников, по крайней мере для тех из них, кто подчиняется приказам Аббада.

— Слезай! — крикнула Омия. — Тебе не причинят вреда!

Не обращая на нее внимания, Аббад дал команду двум женщинам с арбалетами, и обе тетивы запели одновременно. Одна выбросила стрелу с острым наконечником, другая метнула свинцовую пулю, которая может пробить череп. Киммериец едва увернулся от того и другого.

Омия набросилась на Аббада.

— Ты умрешь за это, предатель!

— Я так не думаю! — сказал Аббад. Он подошел к Омии и, казалось, нежно обнял. — Твое робкое правление подошло к концу, моя царица. Настало время оставить прошлое и вернуться в настоящий мир.

— Ты сошел с ума! — кричала она, извиваясь в его руках. — Мы все погибнем! Джанагара не будет! Тебе нельзя... Стража!

Последние слова она прокричала в ужасе, увидев, как Аббад поднял клинок. Затем он медленно, будто лаская возлюбленную, провел острым лезвием по горлу. Омия открыла рот, чтобы закричать, но вопль захлебнулся в потоке крови. Она повалилась у ног своего убийцы. Стражники стояли, не в состоянии понять смысла событий.

— Теперь будете подчиняться моим приказам, — спокойно заявил им Аббад. — Я новый царь

Джанагара. Мой первый приказ как царя — убить этого... где же он?

Взгляд его проследил направление, указываемое его же рукой, но на галерее наверху был лишь только что влезший туда стражник.

Когда киммериец увидел, что царица Джанагара погибла, он не стал задерживаться. Ему приходилось видеть, как трон меняет своего обладателя и с меньшими церемониями, и он понимал, что новый монарх был не столь мягкосердечен, как предыдущий. По крайней мере, этому не за чем сохранять ему жизнь. Киммериец тихо пробежал к концу галереи и вскочил на перила. Вложив меч в ножны, он запрыгнул на следующую галерею, ухватившись за стойку перил и подтянувшись с легкостью человека, выросшего среди обрывистых скал. Ни один горный козел не был так ловок, как киммериец.

— Вот он! — крикнул кто-то, и Конан пригнулся, зная, что за словами последуют стрелы арбалетов. Он пробежал по галерее и прыгнул в пустое пространство. Затем ухватился за свисающую цепь и, качнувшись на ней, перелетел на большую платформу, полную шестерней и рычагов, явно часть механизма, приводящего в движение руки идола и другие подвижные части. Конан прошел к краю платформы и принялся думать, стоя на краю на высоте сотни футов, куда направиться дальше. Он не боялся высоты, чего нельзя было сказать о стражниках, которые карабкались крайне осторожно.

Но они все-таки приближались. Они заполняли лестницы и галереи, и скоро они окажутся на платформе вместе с ним. Конан понимал, что даже величайший воин должен склониться перед численным превосходством. Вдруг он увидел что-то наверху. От платформы, где он стоял, поднималась, теряясь в темноте, лесенка из переключин между двух тросов. Там, куда не достигал свет факелов и нельзя

было разглядеть подробностей, мерцало пурпурное сияние. В центре сияния находилась фигурка чело-вечка, и она, казалось, махала Конану рукой.

В платформу у его ног ударились три стрелы. Не имея лучшего выбора, Конан полез на эту очень ненадежного вида лестницу. Он обнаружил, что лезть по такой лестнице — то же самое, что карабкаться по корабельному такелажу, с одной лишь разницей, что на судах нет длинных лестниц. Мимо пролетали стрелы, но даже хорошему стрелку трудно метиться под таким углом, к тому же киммериец подозревал, что эти стрелки редко совершенствуют свое искусство в стрельбе по отдаленным мишеням. Конан подумал, что, если бы за ним гнались гирканийцы, он был бы истыкан стрелами, как мишень на сельской ярмарке.

Конан не мог сказать, в каком месте идола он находится. Верхний конец лестницы окутывал мрак. Но он мог различить тускло мерцающее тело гомункула. Как ни ненавидел он колдовство, этот человек, похоже, настроен не особенно враждебно, чего нельзя сказать о людях внизу.

Затем его привыкшие к темноте глаза различили еще одну платформу наверху. Она казалась лишь чем-то черным в общем мраке, но это по крайней мере доказывало то, что лестница где-то кончалась. До конца оставалось не больше двух десятков переключин, как вдруг лестница начала трястись. Оглянувшись, Конан увидел, что на платформе стоят стражники в масках и что один из них, похрабрее, решил карабкаться по ненадежной лестнице.

По пустому пространству внутри идола разнесся металлический грохот, сопровождаемый лязгом и звоном. Внизу старались открыть ворота, механизм которых киммериец сломал. Он усмехнулся, прошел оставшуюся часть лестницы и встал на более надежную по сравнению с лестницей платформу.

По его расчетам, если Акила и остальные бежали, как только могли, и не заблудились в городе, то они к этому времени должны находиться вблизи украшенных опалами ворот Джанагара. Смех киммерийца оборвался, когда платформа с металлическим стоном качнулась у него под ногами под действием его веса и веса стражников на лестнице внизу: крепление древней шаткой конструкции оказалось вырванным.

Платформа снова качнулась, и послышалось, как лопаются ржавые заклепки. Платформа наклонилась, и люди на лестнице в ужасе закричали. Конан искал средства спасения. Сможет ли он пробиться вниз по лестнице, до того как платформа сорвется полностью? Это было так же мало вероятно, как и остаться в живых среди превосходящих числом врагов внизу. Куда девался этот проклятый гомункул?

Вдруг он снова заметил пурпурное сияние. На вогнутой бронзовой стене перед ним, от которой в любое мгновение могла оторваться платформа, была длинная горизонтальная прорезь, и сияние это проникало сквозь нее. Крошечный человечек появился в щели и позвал его рукой. Конан бросился к нему, в то время как стали вылетать еще заклепки и платформа начала отрываться от стены с металлическим скрежетом, который смешивался с воплями стражников на лестнице.

В щель едва могла пролезть голова, но, пожертвовав небольшим количеством волос и кожи, Конан слегка расширил ее, упершись руками в нижний край, и попытался пролезть. На наклонившуюся платформу было неудобно опираться, но в следующее мгновение она уже вообще не могла служить опорой, когда со скрежетом она отвалилась полностью, а ноги Конана повисли в воздухе. Крики стражников на лестнице оборвались, а Конан все боролся с упрямым металлом.

Медленно, со скрипом верхняя металлическая часть начала подниматься. Конан понимал, что даже с его силой невозможно согнуть толстую бронзу. Верхняя часть каким-то образом крепилась на шарнирах. Судя по издаваемому звуку, этот механизм не использовался многие годы, а возможно, и многие века. Превозмогая боль, киммериец просунул в отверстие плечи и грудь. Остальная часть тела прошла легче. Он пролез и оказался на узком изогнутом уступе. Сделав несколько глубоких вдохов для того, чтобы восстановить силы, он осторожно сел и огляделся вокруг.

Вначале Конан увидел лишь то, что он очень высоко, у самого сводчатого потолка храма. Вся масса идола находилась внизу. Когда киммериец посмотрел вниз, то даже у него закружилась голова. Он осмотрел прорезь, через которую вылез, и изогнутую секцию, которую приподнял, и расхохотался. Он вылез из глаза идола. Верхняя часть была подвижным веком. Несомненно, в прошлые века внутри зажигались огни, и для того, чтобы вызвать у зрителей благоговение, глаза механически открывались.

Теперь Конан лежал на скуле идола, и самым важным для него делом было спуститься на землю, не сломав себе шею и по возможности до того, как те, что жаждут его крови, откроют ворота. Звук, с которым они били портал, разносился по огромному храму, будто звон невообразимо громадного гонга. Гомункула нигде не было видно, но после мрака внутри идола в храме, казалось Конану, было светло, как днем, так что человечка трудно разглядеть в таких условиях.

Внизу не было ничего, кроме обрыва футов в пятьдесят, до самой выступающей груди богини, и даже если киммериец невредимым преодолест это расстояние, то бронзовая полусфера была такой гладкой, что он просто скатится с нее и разобьется

на коленях богини, будто запоздалая жертва божеству, чей храм давно покинут молящимися.

Переносица выдавалась слишком сильно, и Конан не мог через нее перелезть, так что он обратил внимание на другой предмет и обнаружил, что ухом можно воспользоваться. Раковина была достаточно велика для того, чтобы он поместился в ней, а с удлиненной мочки свисала серьга, доходившая почти до плеча.

Расстояние от края скулы до уха было слишком большим для того, чтобы Конан мог покрыть его одним прыжком, но прямо над ухом находился завиток волос богини, сделанный из бронзовых прутьев, которые могли на вид выдержать вес человека. Это было рискованно, но жизнь его редко текла спокойно. Звук ударов внизу изменился, будто ворота начали подаваться.

Конан не стал колебаться. Он низко присел, затем прыгнул. Он схватился руками за два прута и почувствовал, как один из них чуть сдвинулся. Конан отпустил его и схватился двумя руками за другой прут как раз в тот момент, когда первый отвалился и полетел вниз. Бронзовый завиток ударился о плечо богини, затем зазвенел на полу. Киммериец быстро перебирался с одной пряди на другую, не оставаясь висеть на каждой слишком долго, чтобы она не успела отломаться вместе с ним и полететь на твердую поверхность внизу. Но вот он уже сидел в ухе и обдумывал свои дальнейшие действия.

Мочка оказалась тонкой, так что за нее можно было ухватиться и съехать вниз до серьги, большой и вычурной, как люстра в немедийском дворце. По серьге он слез легко, будто это дуб, а от ее конца недалеко было и до плеча. Рука была гладкой, но с одного плеча до другого шло что-то похожее на бусы.

Хватаясь за рельефные бусины, Конан начал спускаться по украшению. Первая часть пути ока-

залась легкой, но когда он добрался до выпуклости груди, пришлось здорово попотеть, так как ноги почти не находили опоры. Покатый живот представлял меньшую трудность, и вскоре киммериец пробирался над пупом, походившим на вход в пещеру.

Он добрался до склона бедра, а оттуда соскользнул к паху. Перед ним находились скрещенные щиколотки, он перелез через них, затем слез с самого идола и встал на его пьедестал. Конан не колеблясь спрыгнул с пьедестала и приземлился на полу, сильно согнув колени, чтобы смягчить удар.

Радость его была недолгой, поскольку с оглушительным треском ворота в нескольких шагах от него снесли и высыпали стражники. Конан, как олень, понесся к входу храма, надеясь на то, что стражники не выставили в первые ряды арбалетчиков, когда выбегали из идола.

На свободном пространстве киммериец не боялся, что его догонят. Он мчался к двери и слышал, как за спиной щелкают арбалеты, но стрелы летели мимо и ударялись о стены, либо отскакивали от пола. Дверь манила обещанием спасения: сквозь нее лился солнечный свет, а Конан знал, что толпа, бегущая за ним, боится солнца, как чумы.

Он вылетел из дверей прямо на площадь. Он смеялся от радости, но смех быстро затих, когда киммериец увидел то, что перед ним. Акила и три ее оставшиеся подруги, которые должны были верхом на верблюдах ехать подальше от города, стояли, грустно опустив головы. За ними выстроились примерно два десятка человек, некоторые из них — жители пустыни, некоторые — иноземные воины. Впереди них, рядом с Акилой, стояли двое, которых Конан сразу узнал.

— Я так понимаю, что ты и есть Конан из Киммерии? — произнес высокий худой мужчина в пурпурном тюрбане. — Я полагаю, что ты знаком

с моим другом Владигом. — Он указал рукой на человека в красных сапогах, стоявшего рядом. Владиг приветствовал киммерийца сардонической улыбкой.

— Я — Арсаций, маг из города Квум в Иранистане. Хорошо, что ты и я наконец встретились, поскольку нам о многом нужно поговорить.

Маг непринужденно двигал руками перед собой, и Конан увидел, что он пересыпает из ладони в ладонь кучку фиолетовых блестящих кристаллов.

Глава 14

Один человек в кожаном жилете с блестящими стальными накладками взял у Конана меч и кинжал. Киммериец, хотя он и был поражен, постарался запомнить черты лица, снаряжение и цвет бронированного жилета. Он хотел сразу обратиться к нужному человеку, когда настанет время забрать свое оружие.

— Вам не причинили вреда? — спросил он Акилу, не обращая внимания на колдуна.

— Ты же видишь нас. Мы в порядке, разве что несвободны. Конан, это ты закрыл за нами ворота?

— Да, — признался он. — Я хотел, чтобы вы оторвались от них. Я думал, что сейчас вы уже далеко от города.

— Как видишь, — ответила она, — тебе можно было не беспокоиться. — Кроме тоски в ее голосе, Конан уловил какой-то новый блеск в ее глазах, когда она смотрела на него. — Я бы запретила тебе это делать, если бы знала.

Конан криво усмехнулся.

— Поэтому я ничего и не сказал. Я не был настроен на спор.

— Мои отважные друзья, — тихо сказал Арсаций, — простите мне мою неучтивость. У вас еще

много времени для того, чтобы наговориться, так что придержите пока свои языки. У меня же, напротив, здесь есть дело огромной важности. Идите за мной.

Он дал команду своей свите, и пленников повели, что, как с огорчением заметил Конан, становилось уже привычным. Он оглянулся и увидел в приоткрытых дверях толпу людей в масках. Ему показалось, что он узнал среди них Аббада. Конан понимал, что с наступлением ночи жители подземного города выйдут из храма, но не видел причин, по которым ему следует предупреждать своих новых стражей.

— Где Амрам? — произнес Конан уголками рта. Акила пожала плечами.

— Я не видела его, после того как мы покинули храм. Он вполне мог остаться внутри.

Конан удивленно покачал головой. Этот человек скользкий, как угорь.

Акила взглянула наверх.

— Несколько дней назад я бы не поверила, если бы мне сказали, что я буду рада увидеть солнце. Но перспектива остаться жить под землей подействовала. Хотя я и в плену, но видеть солнце как бальзам для меня.

— Потихе там! — строго сказал Владиг.

— Будь учтив с теми, кто лучше тебя, собака! — презрительно бросила ему Акила. — Если бы ты был достоин целовать мои ноги, я бы на тебя плюнула.

Владиг зарычал и схватился за рукоять сабли, но Арсаций произнес лишь одно слово, очень тихо: «Владиг». Он тут же успокоился и отвернулся от пленников. Конан и четыре женщины рассмеялись при виде смущения Владига. Это было хоть какой-то компенсацией за постоянное унижение в течение стольких дней.

Когда они пробирались по городу, подобному лабиринту, Конан начал обращать внимание на дома

вокруг и заметил, что что-то изменилось. Он толкнул локтем Акилу и кивнул в сторону верхних этажей зданий. Руки им не связали, но он не хотел делать явных жестов. Она посмотрела вверх и увидела то, что заметил Конан.

Когда они впервые шли по невообразимо древнему городу, он казался нетронутым, будто никогда не знал жителей. Омия объяснила, что ночные бригады рабочих поддерживают город в таком состоянии с тех пор, как жители ушли в подземелье. Теперь же что-то изменилось. Звезда, полумесяц и другие блестящие украшения куполов исчезли, да и сами купола имели повреждения. Некоторые были разбиты, будто кувалдами, другие же казались оплавленными. Маковки исчезли, а камень, стекло, керамика и позолоченная бронза были каким-то образом разжижены, стекли и застыли блестящей массой, будто затвердевшая лава.

Осквернение явно проходило планомерно, словно кто-то, начиная сверху, разбирает город камень за камнем, кирпич за кирпичом, черепицу за черепицей. Разрушение при помощи кувалды и молота Конану было еще понятно, но то, что могло растворить такие твердые вещества, говорило о присутствии чего-то такого, о чем киммериец предпочитал не думать.

Паина толкнула его и свою царицу, когда они шли переулком. Там валялись тела и растерзанные части тел. Наиболее полно сохранившиеся останки имели одежду и маски подземных жителей. Некоторые из них, возможно, являлись рабами, остальные оказались растерзаны так, что трудно было что-то сказать. Конан вспомнил об обнаруженном им в пустыне погибшем племени. От тел поднимался невыносимый запах разложения, и в любом обычном городе в воздухе гудели бы тучи мух. Это, решил Конан, останки ночной ремонтной партии.

Киммериец, амазонки и их новые стражи подошли к городской стене и обнаружили, что большие ворота распахнуты. Они вышли и увидели, что у желоба с водой разбит лагерь. На траве паслось множество верблюдов, и Конан не мог определить, есть ли среди них те, на которых приехали они. Двугорбых верблюдов близнецов видно не было.

Пленников провели в самый большой шатер. Как принято в пустыне, три его стороны были подняты, образуя навесы, а задняя, опущенная сторона была обращена к ветру. Только, подумалось Конану, в этом жутком месте нет ветра. Вдруг он с удивлением почувствовал слабое дуновение. Киммериец взглянул вверх и увидел, что бывшая совершенно ровной чаша, в которой лежал город, больше не являлась ровной. Края кратера осыпались, появились щербинки. И даже когда он смотрел, налетевший порыв ветра бросил немного песка через край на внутренний склон.

— Садитесь, — произнес Арсаций, скрестив ноги и опустившись на подушки. — Охране он сказал: — Подождите в стороне. Я хочу поговорить с этими людьми наедине.

— Но, мой господин... — начал Владиг, однако Арсаций оборвал его.

— Я буду в безопасности, — заявил колдун, голос и взгляд его были такими твердыми, что в этих словах сомневаться было нельзя.

Владиг поклонился, дал команду охране и неохотно вышел.

Конан и Акила сели напротив Арсация на расстоянии меча от него. Женщины Акилы сели за спиной своей царицы. Автоматически, будто по привычке, Паина принялась массировать шею и плечи царицы.

— Вы, люди, несколько удивили меня, — начал Арсаций. — Я пришел сюда, ожидая столкновения

колдунов и высших Сил. Я знал, что будет охрана, но я думал, что это будут такие же подонки, каких нанял и я сам.

Он кивнул в сторону кочевников и воинов, которые сидели в стороне. Кочевники уже разожгли костер из привезенных с собой веток кустарника. Они, как обычно, готовили травяной чай. Арсаций снова посмотрел на своих гостей поневоле.

— Я не ожидал встретить героя-варвара и воительницу-амазонку.

— Жизнь полна неожиданностей, — произнесла Акила с таким достоинством, будто восседала на троне в окружении надушенных придворных.

Маг невольно улыбнулся.

— Кому как не колдуну знать об этом? Но даже если так, вы оказали мне услугу, хотя и не сознавали этого.

— Ты напустил на нас песчаную бурю! — заявил Конан. — И я не сомневаюсь в том, что это ты натравил на меня демонов!

Арсаций любезно посмотрел на него.

— А почему я не должен был этого делать? Ты следил за моим лагерем. Я не терплю таких дерзостей от людей, стоящих ниже меня.

— Не смей так говорить о моей царице! — сказала Паина, гордая, будто княгиня, несмотря на свой оборванный вид.

— Твоя царица у меня в плену. Замолчи, женщина.

Акила похлопала Паину по руке.

— Да, моя крошка, успокойся. Этому человеку что-то нужно от нас, и мы должны терпеть его заносчивость до тех пор, пока он не скажет нам, чего хочет.

Лицо колдуна покраснело. Но затем он все-таки сумел успокоиться.

— Вначале я хотел бы знать о том, что произошло внизу.

— Мы бежали, дрались и лезли вверх в течение нескольких часов, — сказал Конан. — Как насчет еды и питья, прежде чем перейти к делу? Настоящий кочевник предложил бы у себя в шатре угощение даже пленнику.

— Ты дерзок невообразимо! — воскликнул Арсаций. — Хотя я полагаю, что от варвара и следует этого ожидать!

— Ожидай это от жителей севера! — сказал Конан. — Мы не подлизываем плевки, как твои приспешники. — Он кивнул в сторону людей, сидящих снаружи.

Арсаций хлопнул в ладоши и крикнул. Вошли люди и поставили перед ним еду и питье: вяленые походные фрукты и разбавленное вино. После того как пленники поели, они сели на пятках прямо и приготовились торговаться.

— О чем бы ты хотел знать? — спросил Конан. — Ты ведь видел бой с крокодилом? Мы заметили там твоего человечка. Он ведь твои глаза и уши?

Арсаций снова улыбнулся.

— Ты не так глуп, как можно заключить по твоему виду, киммериец. Только глаза, увы. Кристаллы передают лишь световые колебания, но не звуковые. Да, я видел битву, и она произвела на меня сильное впечатление. Это тогда я понял, что вы не простые люди и что ваше присутствие здесь может быть не совсем случайным. Так что давайте начнем с рассказа о том, как случилось, что вас нанял мой Противник.

— Ты имеешь в виду близнецов? — спросила Акила.

— Я имею в виду своего Противника, — повторил он строго. — Рассказывайте.

И Акила принялась рассказывать о том, как все они встретились в убогом разбойничьем городишке Лонхе в горах далекой Бритунии и как от отчаяния

согласились сопровождать таинственных близнецов в этом безумном походе в пустыню, и о том, как близнецы в пути проявляли необычные способности.

Рассказ подхватил Конан и поведал о странном зрелище, виденном им в разрушенном храме в Заморе. Акила строго глядела на него, когда он описывал действия близнецов и величественного белобородого человека на алтаре храма и совершенную тишину, окутывавшую все в стенах того храма.

— Ты мне этого не рассказывал, — упрекнула его Акила.

— Иногда полезно помолчать, — сказал Конан.

— Не пытайся иметь секреты от меня, — угрозил маг. — Я неизбежно обнаружу недомолвки. Продолжай.

Конан рассказал о пути по пустыне, о драке с бандитами и об уничтожении племени.

— Бандитов нанял ты? — спросил Конан.

Маг кивнул.

— Да. Это было пробное нападение, попытка узнать, что из себя представляете вы и мой Противник. Я давно слежу за ним издали. Никогда раньше я его не видел и не имел возможности помериться силами.

— Ты постоянно говоришь так, будто он один, их ведь двое, — возразила Акила.

— Со временем все станет ясно. То есть если сочту вас достойными того, чтобы ради вас утрудить себя объяснением.

Едва сдерживая гнев, Конан рассказал о последних этапах путешествия, о битве с демонами бури и о пути по пустыне пешком, что чуть не явилось для Акилы концом. Все это маг выслушивал без каких-либо замечаний и не меняя выражения лица, его брови дрогнули только тогда, когда Конан описывал Амрама и передавал историю этого щуплого хамелеона. Конану даже показалось, что он разгля-

дел улыбку на лице мага во время этой части рассказа, но затем улыбка исчезла.

Снова заговорила Акила и рассказала о том, как лезли на ворота и обследовали город, об этом она поведала быстро, так как понимала, что это неважно. Когда она описывала их пленение в огромном храме, колдун уперся руками в колени и весь подался вперед, внимательно слушая. На ковре перед ним мягко пульсировала внутренним светом кучка кристаллов.

Когда они дошли до беседы Конана с Омией, повествование взял на себя киммериец. Он повторил рассказанную Омией историю Джанагара, передавая дословно, и колдун кивал, будто все это он и ожидал услышать.

Акила закончила рассказом о побеге, поведав о том, как Амрам освободил их и сопровождал до самого храма, где они его потеряли.

— Остальное, — сказала она, — я думаю, ты знаешь.

— Все, кроме одного. — Он обратился к Конану. — Аббад действительно убил Омию? Мой го-мункул был так высоко внутри идола, что я плохо видел, а звуков, как я уже говорил, он не передает.

— Убил, — заверил его Конан. — Будто лаская, перерезал ей горло.

— Так ей и надо, — сказала Акила, и слова ее, словно эхо, повторили три ее женщины.

— Вы бы так не говорили, если бы видели, — сказал Конан. — Аббад не совсем человек. Хотя все они не совсем люди. Ну вот, Арсаций, — он направил свои горящие голубые глаза на колдуна, — мы рассказали тебе правду и не пытались сделать тебе ничего плохого. Не объяснишь ли и ты кое-что нам?

— Ладно. Знай же, что история Джанагара, поведанная тебе покойной царицей Омией, правдива, по крайней мере настолько, насколько она знала эту

историю. Эпос каждого народа повествует так, будто это единственный народ в мире. Но всегда есть и другие народы. Так же и с Джанагаром. Империя Джанагара была великой, но она включала в себя города-государства с неменьшим блеском, чем блеск самого Джанагара, и в эпоху смутного правления царей-жрецов Джанагара в этих городах возникло недовольство, они боялись пути, избранного зарвавшимися колдунами. Одним из этих городов был город-государство Пулавар, лежавший недалеко от того места, где сейчас граница Заморы.

— Там, где я видел храм, — сказал Конан.

Арсаций кивнул.

— Те развалины стен без крыши и разрушенная башня — это все, что теперь осталось от великолепного Пулавара, который в свое время по роскоши мог сравниться с самим Джанагаром. Самый могущественный маг Пулавара сформировал Гильдию Мургала, названную так по имени Силы, с которой они общались в сфере, где обитает это существо.

— Значит, и другие связывались с Силами? — спросил Конан.

— Да, связывались, однако, в отличие от магов Джанагара, они совершали это, не смешивая свою кровь с нечеловеческой. Старик, которого ты видел в храме, был последним Магистром Гильдии. То есть ты видел его призрак, так как сам он уже давным-давно мертв.

Взгляд Арсация сделался неподвижен, будто сам маг находился в трансе.

— Неисчислимое количество лет прошло с тех пор, как колдуны Джанагара пытались спастись при помощи Великого Заклятия Неизменности. Конкурирующая Гильдия Пулавара старалась закрыть все двери, ведущие в высшие сферы, и затем обратилась к тому же заклятию, но они не были столь же искусны в земном колдовстве, и от Пулавара остались жалкие развалины, которые вы видели. Когда маги

Пулавара поняли, что им не продержаться, они установили многочисленную защиту. Это заклятия и письма, которые появятся, по крайней мере, в виде фрагментов, если легкомыслие Джанагара снова будет угрожать миру.

— Аббад! — сказал Конан. — Он, когда убивал Омию, говорил о возвращении в настоящий мир.

— Снова твой ум противоречит твоей внешности, — заметил Арсаций. — Он последний потомок царской династии Джанагара, и в нем возродились тщеславные кошунственные устремления древних колдунов проклятого народа. Несколько лет назад он начал думать о возможности восстановления былого могущества, и с того момента стала появляться установленная защита. Ученые обнаружили ее, но элементы были столь фрагментарны, что потребовались годы и многочисленные консультации для того, чтобы восстановить историю и решить, что теперь с этим делать. Некоторые колдуны-одиночки нашего века упадка пытались найти этот город для себя в надежде завладеть тайным знанием, но почти все они погибли во время подобных попыток.

— И близнецы тоже нашли какие-то документы, оставленные как защита? — спросила Акила.

Он покачал головой.

— Нет-нет. Они и сами элемент защиты!

— Какая-то ерунда! — возразила царица.

— Разве? — удивился колдун. — Ты сама отметила их странное поведение: и то, как они говорили, будто один человек, и то, что они, казалось, ничего не ели и не пили.

— Да, — сказал Конан, — но как же...

— Подумай! — прервал его Арсаций. — Ваши верблюды стоят вместе с остальными. Ты видел там их необычных животных?

— Не видел, — признался Конан.

— Это потому, что они такие же верблюды, как и твои близнецы — человеческие существа. На самом деле то, что вы сопровождали сюда, было одним существом, принявшим форму четырех: мужчины, женщины и двух верблюдов.

— Это невозможно! — воскликнула Акила.

— Почему нет? — спросил маг. — Что ты знаешь о существах из запредельных миров? Когда защита стала проявляться, это существо было вызвано из своей сферы в нашу. Размер его огромен, а по причинам, которые вы все равно не поймете, всегда должно сохраняться определенное соотношение между массой и энергией. Существо не могло уменьшить свой размер, но оно имеет возможность делиться в определенных пределах. В конечном итоге, оно остановилось на образе двух людей и двух животных. Мы привыкли к тому, что близнецы ближе друг к другу, чем обычные люди. Близнецы и верблюды меньше обращают на себя внимания, чем десять человек, ведущие себя совершенно одинаково, вы с этим не согласны? Но при этом существо не могло вести себя полностью как человек.

Слушающие Арсация уже ничему не могли удивляться.

— Ты называешь его своим Противником, — сказал Конан. — Почему?

— Оно здесь для того, чтобы уничтожить Джанагар.

— Но ты, кажется, здесь для того же, — недоумевал киммериец. — Почему вы не союзники?

— Потому что мы хотим уничтожить город по разным причинам. Оно хочет распахнуть последние ворота и допустить Силы в наш мир. Я же хочу закрыть их навсегда. Понимаете, никто из колдунов древних времен, ни колдуны Джанагара, ни колдуны Пулавара, не понимали природу Сил. Силы были с тех пор предметом исследования величайших ученых в области тауматургии, и всем известно теперь,

что с Силами шутить нельзя. С ними нельзя обходиться ни одним способом, доступным людям, или даже полулюдям, какими были те древние колдуны Джанагара.

Тауматурги Пулавара назвали известную им Силу Мургал, хотя в действительности Силы не имеют имен в человеческом смысле, и считали ее доброй. Они ошибались. Они просто еще не вызвали с ее стороны никаких враждебных действий. На самом же деле Силы враждебны ко всему, даже друг к другу. Они постоянно дерутся и поглощают друг друга. Во время последнего сообщения с Мургалом Гильдия получила от этих Сил существо, известное вам как близнецы. Оно явилось в наш мир, ничего не зная и не имея понятия о том, где находится хорошо спрятанный Джанагар. Оно должно было искать, как и все мы.

— Зачем такому существу понадобилась охрана? — спросила Акила.

— В этом мире существо уязвимо. Оно затрачивает много сил на поддержание внешнего вида. Кроме того, оно пыталось выглядеть достоверно, а ученые люди знатного происхождения никогда не путешествуют по дикой местности без эскорта.

— Демоны бури явно подчиняются тебе, — сказал Конан. — Однако о них говорится еще в древней легенде о Джанагаре. Как это так?

— Они, как и мой Противник, еще один элемент защиты. Они лежали глубоко в песке со времени падения Пулавара, но несколько раз некоторые случайно оказывались вызваны на поверхность для разрушения и убийства, так и возникли легенды кочевников. Демоны зашевелились, когда пришли в действия и другие элементы защиты, и в последние месяцы сделались очень активны. Они неразумны и сами не могут выбирать цели, отсюда и найденные тобой растерзанные останки кочевников. Были, возможно, и другие растерзанные племена.

— Между прочим, — продолжал маг, и в словах его слышалась сдержанная похвала, — очень трудно убить одного из них. А в одиночку драться в темноте с двумя и убить одного, а другого тяжело ранить... это подвиг настоящего героя. В одном из фрагментов текста содержалось привязывающее заклятие, и теперь демоны подчинены мне. Они умеют не только убивать. Их когти могут рвать камень, а кислота способна растворять и камень, и металл, и стекло. Те подонки, — он указал рукой в сторону своего эскорта, — хороши для того, чтобы убивать, но они ненавидят тяжелую работу. Демоны бури могут действовать только в темноте, так что они крушат город ночью.

— Сколько времени понадобится им на эту работу? — спросил Конан.

— Немного. Нет необходимости разрушать город полностью, надо лишь нарушить Заклятие Неизменности. Оно уже сильно ослаблено.

— Подождите, — сказала Акила. — Когда мы нашли Амрама, или, скорее, когда он нас нашел, он говорил о колдуне по имени Фираги, которого якобы привел сюда. Это тоже была ложь?

Маг снова, казалось, улыбнулся.

— Ничто из сказанного им не было совершенной ложью, но полностью верить в это тоже нельзя. Человек, которого вы знали как Амрама, и есть колдун Фираги.

— Кром! — в отчаянии воскликнул Конан. — Здесь ничто не кажется самым собой. Я считал, что хорошо разбираюсь в людях, и я бы мог поклясться в том, что он беглый раб, беглый висельник из Кофа!

— Он и это, и многое другое. Ты помнишь, что я говорил о колдунах-одиночках, искавших Джанагар самостоятельно? Фираги один из них. За время своей разнообразной карьеры, он был рабом стигийского колдуна и от него немного научился таума-

тургии. У него изворотливый ум и талант принимать различные обличия. В течение многих лет он был колдуном-оводом, почти вне закона среди нас, разве только что у нас нет закона. Братство терпит его только из-за того, что он забавен и иногда полезен. Настоящий подлец может находить решения тогда, когда обычный колдун в замешательстве.

Во всяком случае, Фираги нашел один из самых первых появившихся фрагментов: сосуд с надписью, попавшийся в сети какому-то рыбаку на озере в Кешане. Он купил сосуд, спрятал его и расшифровал надпись, и оказалось, что там содержится лучшее описание Джанагара и его местоположения. Ко времени, когда это описание попало в руки братства и было приобщено к другим сведениям, Фираги давно уже действовал.

— Почему же он не спрятал сосуд или не уничтожил его? — поинтересовалась Акила.

— Он этого не мог сделать. Фрагменты окутаны одним из самых сильных заклятий. Фираги не выносил близости этого предмета, и как только он выведал его секрет, то сразу же вышвырнул сосуд. Но как и происходило всегда с такими предметами, через несколько дней сосуд был найден и попал в руки братства.

— Что это за братство? — спросил Конан.

— Это что-то вроде нестрогого союза между магами колдовских наук. Обычно мы трудимся в одиночку, и часто сил у нас не хватает, но перед лицом большой опасности мы объединяемся и делимся знанием. Это мы и называем братством, и многие из нас работают над этой задачей с тех пор, как элементы защиты пришли в действие.

Почти все, что известно о Джанагаре, это плод наших исследований с тех пор. Я был избран представлять братство во время последнего этапа запечатывания Джанагара не потому, что я самый

великий, а просто потому, что я неизвестен в этих краях.

Теперь же я обнаружил, что меня опередил не только мой Противник, но и Фираги долгое время был здесь. Он, как обычно, сумел обратить ситуацию себе на пользу. Его схватили, но вскоре он добился места советника при Омии и Аббаде. Он, вероятно, сообщал им о характере мира за пределами пустыни. Это, без сомнения, распалило амбиции Аббада еще больше. Мои методы сообщают мне также, что они использовали его в тех же целях, в каких намеревались использовать и вас.

— Кром! Значит, у них действительно не было племенного материала!

— Но зачем он провел близнецов — твоего Противника — к городу? — спросила Акила.

— Должно быть, он не имел выбора. Как я уже сказал, колдун он неважный. Его, вероятно, послала царица Омия заманивать в город путников. Должно быть, у них есть способ узнавать, когда кто-либо находится рядом. Он мог и не знать, кто такой этот Противник, но он, конечно, понимал, что сопровождает не обычных близнецов и двух верблюдов. И, как всегда, он вел свою игру. И эта игра, вероятно, такая же безумная, как и все его действия.

— И ты не знаешь, где сейчас Противник? — спросил Конан.

— Нет. Два года назад я бы знал, где искать его, но сейчас он многому научился и умеет скрываться. Когда вы снова его увидите, я сомневаюсь, что он будет в облике близнецов. Или верблюдов.

— Что!? — воскликнул Конан. — Зачем нам снова на него смотреть? Лично я собираюсь сесть на верблюда и уехать отсюда. Мне по уши надоело это место, и я отправляюсь через пустыню!

— Ты забыл о том, что безоружен и окружен моими людьми, — бросил ему Арсаций.

Конан вскипел, но Акила положила руку ему на плечо.

— Мне кажется, мы услышим сейчас о том, что он хочет, — сказала она.

— Что ты хочешь? — угрюмо спросил Конан.

— Вы уже и сами догадались, конечно. Я хочу, чтобы вы вернулись в подземный город.

Глава 15

Солнце пустыни опустилось, коснулось линии горизонта и начало скрываться за ней. Конан стоял на краю огромной песчаной чаши и смотрел на ее медленную смерть. Когда-то совершенные контуры бассейна под воздействием ветра сделались неровными. Скоро настанет ночь, время для демонов бури возобновить свою работу. Конан знал, что ночь обещает быть весьма беспокойной. Внизу он видел, как Акила забиралась к нему по склону, шагая своей обычной легкой походкой. Вскоре она уже стояла рядом с киммерийцем. Половина солнечного диска скрылась за горизонтом.

— Скоро будет пора, — сказала она, красный закат густо освещал ее развевающиеся на ветру волосы. — Если даже это и последний мой закат, он, по крайней мере, красивый.

— Не нравится мне все это, — проговорил Конан. — Не люблю я колдунов и то, что они делают. У них наше оружие, но я и раньше оказывался без меча. Я попытаюсь перейти пустыню. Что скажешь? Отправимся вдвоем, только ты и я?

Она грустно улыбнулась и покачала головой.

— Нет, я слишком хорошо помню то, что было в прошлый раз. Я не пойду в эти пески без хорошего халата и верхового животного, пусть даже вонючего верблюда. И я не могу оставить подруг, как бы мало их ни было.

— Да, так будет разумнее. Ладно, однажды мы выбрались из этого города живыми. Может быть, получится и второй раз. — Конан, как всегда, не любил зависеть от других.

— Конан, тебе никогда не было интересно узнать о том, как я потеряла свой трон?

Это было чем-то неожиданным.

— Да, меня это интересовало.

— Ты слышал легенды о том, как размножается мое племя? О том, как мы берем в плен мужчин и держим их у себя лишь до того, пока не будет зачат ребенок?

— Слышал, — признался он.

— Все это правда. Вскоре после того как я стала царицей, у нас состоялась такая церемония. Я тщательно выбирала среди пленных. Он оказался юношей из Асгарда, бродяга и искатель приключений. Рыжеволосый, со смеющимися глазами, совсем не такой суровый, как ты. — Она улыбнулась, когда Конан смутился. — Мы провели вместе положенный нам месяц, и за это время я почувствовала к нему такую любовь, которая превосходила все прежние чувства.

— Очень некстати, так как в конце ты должна была его убить.

— Это был мой первый грех. Юношу звали Этельвульф, и я не могла вынести мысли о том, что его больше не будет. Так что, пока старуха не успела перерезать ему горло на великом жертвенном камне, я пробралась в пещеру, где содержался юноша, оглушила охранниц и перерезала его веревки. Я никогда его больше не видела, и никто не видел того, как я его освободила, но заподозрили все равно меня. Слухи распустила моя сестра Бризейс. Целые месяцы вокруг меня ходили сплетни. Говорили, что Акила слишком мягкосердечна для того, чтобы быть царицей, что она не послушала богов своего народа.

Конан откровенно расхохотался.

— Наверное, только ваше племя или варвар вроде меня может посчитать тебя мягкосердечной!

— Как бы то ни было, но так все началось. В положенный срок у меня родился ребенок.

Конану показалось, что он уже знает о том, что случилось дальше, но он промолчал. Теперь над горизонтом виднелся лишь краешек солнца.

— Родился мальчик. Время года было неудачным: не ожидалось проходящих караванов, которым можно было бы отдать ребенка и других мужчин, так что младенца отнесли в Дом Старух, где его, по древнему обычаю, должны были убить. Я не могла смириться с этим. Я поднялась с постели, растолкала повитух и схватила меч. Кое-как я сумела доковылять до Дома Старух, и там увидела, что самая старшая сестра уже занесла нож над горлом моего сына. Я снесла с плеч ее седую голову. Затем убила остальных старух и схватила ребенка.

Я бросилась к своей лошади. Все расступались передо мной, поскольку я могла напугать и дракона! Я ускакала на холм рядом с деревней и увидела с него, что моя сестра заставляет преследовать меня, нахлестывая плеткой тех, кто недостаточно расторопен. Я подняла ребенка над головой и прокричала ей оскорбления. Затем ускакала.

Несколько месяцев я жила одна, как животное, кормя ребенка и добывая пищу себе охотой. Затем меня нашли мои степные сестры. Бризейс им надоела, и они предпочли быть вместе со мной изгоями. Тогда их было десятка два. В живых остались лишь Ломби, Паина и Экун. Так что теперь ты все знаешь. Даже Джеба, который был мне ближе всех мужчин после Этельвульфа, не знал всей истории.

— А что случилось с ребенком?

— Младенец не вынес бы такой жизни. Я отдала его семье охотника в горах и навещала иногда в течение многих лет. Я назвала его Вульфом в честь отца, так как у нашего народа нет мужских имен.

Если он жив, ему сейчас двенадцать лет. Время начинать воинское обучение.

Конан минуту молчал. Затем проговорил:

— Акила, ты самая великая женщина из тех, что я знал. Не только великая размерами, силой и храбростью, но великая сердцем. Ты единственная настоящая царица, а я видел много женщин, сидящих на троне. На месте Этельвульфа я за тебя дрался бы со всем твоим народом.

Она улыбнулась, склонилась вперед, и губы их встретились. Он прижал ее к себе, а руки Акилы, не менее сильные, чем его, обняли Конана. Если бы тигры целовались, то это было бы подобно поцелую амазонки и киммерийца. Затем они разорвали объятия.

— Идем, — сказала Акила. — Возьмем оружие и погибнем вместе.

Голос ее был поистине счастливым. Солнце скрылось за горизонтом.

Они вошли в город с обнаженными мечами. Конан и Акила шли впереди, три дикие женщины не отставали. Поодаль шли следом люди Арсация, волнуясь, но держа наготове сабли, луки и арбалеты. Самым последним шел Арсаций с гомункулом на плече, будто с домашней птицей.

— Наш Арсаций очень неторопливый и осторожный человек, — произнес Конан, оскалившись по-волчьи.

— Без сомнения, это наилучшая тактика против таких врагов, — сказала Акила. — Мне же в любое время подавай кровь и сталь.

— Да, я... Что это?

Со всех сторон слышался шум крыльев.

— Просто демоны бури начинают свою ночную работу, — прокричал им сзади Арсаций. — Не обращайтесь на них внимания и идите дальше.

Они пошли дальше, но не обращать на демонов внимания было невозможно. Доносился шум разрываемого и ломаемого камня, разбиваемого стекла, неопишемое шипение. Всюду висела удушающая вонь кислоты, от которой вскоре все уже кашляли, а желтый дым, стекающий по стенам высоких домов, казался скорее жидкостью, нежели дымом. Он образовывал на улице слой, глубиной по колено, и кожа на ногах начала чесаться и жечь.

— Кром, скорее выберемся отсюда! — крикнул Конан, бросившись к ближайшей лестнице. Акила и ее женщины помчались, как олени, а воины заковыляли следом, путаясь в халатах и звеня доспехами. Колдун с достоинством вышагивал, не обращая внимания на неудобство.

В более высокой части города воздух оставался еще чистым. Скоро все уже стояли на площади перед огромным храмом. Двери храма были открыты, и внутри мерцал свет.

— Скоро у нас появится компания, — сказал Конан. — Ты готова?

— Я всегда готова, — проговорила Акила, плотнее сжимая грубую рукоять меча. За их спинами ждали нанятые воины, а на вершинах окружающих площадь домов собрались другие существа.

— Не нравится мне сражаться на одной стороне с этими тварями, — прошептал киммериец.

— Когда враг намного превосходит числом, — заметила Акила, — союзников выбирать не приходится.

— Пошли, — сказал Конан.

Время колебаний миновало. Как бы то ни было, но пора начинать ночную работу. Они прошли не больше дюжины шагов, как вдруг из храма хлынули воины. Они орали, протяжно выли, и воздух загудел от арбалетных стрел. Многие из подземных воинов размахивали факелами, отчего пляшущие тени лишь мешали целиться.

Первые воины, подбежавшие к киммерийцу и царице амазонок, с криком попадали, истекая кровью. Нанятые воины Арсация выстроились шеренгой и вступили в бой. Подземные жители были меньше ростом, что является недостатком в рукопашной схватке, но в числе они намного превосходили. Два воина Арсация с криком упали, другой упал молча, со стрелой, торчащей из глазницы. Затем в драку вмешались демоны бури.

Конан сражался уже в шагах двадцати от входа в храм, когда появились бьющие крыльями зловонные твари. Киммериец не мог в темноте ясно разглядеть их, да и не был уверен, что хочет их видеть. Через несколько мгновений его заливал дождь из окровавленных внутренностей, вырываемых отнюдь не сталью. Воины в масках в панике начали отступать, а Конан и сражавшиеся вместе с ним принялись рубить по их незащищенным спинам. Это была отчаянная битва с превосходящим числом врагом, в которой нет места для благородных условностей.

Внутри храма по стенам горели бездымные факелы, а на развернутых вверх ладонях бронзовой богини пылало огромное пламя. Перед входом в подземелье Конан увидел Аббада, кричащего на своих воинов. Голос его выдавал все возрастающий ужас.

— Нет! Назад, черви! Они разрушают город, когда время еще не настало! Великое Заклятие Неизменности надо сохранить еще немного!

Слов его никто не слушал, поскольку нападавшие воины и демоны бури уже ворвались в храм.

Но вот инициатива начала переходить к обороняющимся, поскольку демоны не выносили света факелов и теперь должны были забиться в тень и хватать оттуда подходивших слишком близко воинов в масках. Но все равно присутствие, а еще больше запах кислоты демонов сеяли панику, что не давало

подземным жителям собраться вновь с силами. Некоторые из них пытались пробежать мимо Аббада и как-нибудь спрятаться в подземном городе, но он многих зарубил мечом, а спины других превратил в месиво короткой, но толстой плеткой.

— Назад, трусы! — орал он. — Мы в безопасности, пока факелы горят ярко.

Под действием его криков и ругани воины в масках образовали у ног гигантского идола кордон и таким образом закрыли вход в подземелье. Конан, Акила и несколько оставшихся в живых нанятых воинов вклинились в первые шеренги, и от их действии враг нес большие потери, но на место павших воинов в масках прибывали все новые. Битва, казалось, начала принимать затяжной характер, как вдруг вмешался новый и чудовищный фактор.

Из укрытия под самым куполом свалился Противник.

Явление его было встречено криками удивления и ужаса, и несколько секунд киммериец, парализованный, стоял разинув рот и глядел на то, что он знал как Йоланту, Монанда и двух верблюдов. Сейчас оно вернуло себе облик, обычный для своей сферы. Киммериец решил, что весит оно примерно тонну. Существо имело неправильную шарообразную форму и было покрыто грубой торчащей щетиной, а по низу шли светящиеся красным и зеленым щупальцы. Его шесть длинных коленчатых рук заканчивались кривыми клешнями. Но самыми ужасными казались глаза. Выпученные, со зрачками-щелками, эти три шара на мерзком теле светились жутким разумом, отчего неразумные демоны бури казались рядом с этим чудовищем просто безобидными.

На несколько секунд все люди молча замерли, пораженные этим новым явлением. Тишина была разрушена, когда шесть волосатых рук выбросились

с неожиданной быстротой и схватили шестерых человек, которые принялись биться и извиваться. Клешни раздавили людей и поднесли к шести вертикально-вытянутым отверстиям, полным похожих на шипы зубов. Клешни запихали куски тел во рты. Отверстия закрылись, и Противник начал расти.

Над шумом возобновившейся битвы будто гром поднялся голос Арсация, и вокруг него замелькали фиолетовые огни.

Конану вдруг показалось, что в подземном городе будет не так уж плохо. Он почти с безумной яростью принялся рубить шеренгу, стоявшую перед ним, меч его засвистел, будто ураган, и при виде такой ярости даже Акила приостановилась. Но тут же ее отвлек душераздирающий крик.

— Моя царица!

Конан обернулся, и его охватила волна ужаса. Клешни схватили Экун и начали отрывать ее от пола. Даже в шуме битвы киммериец слышал, как в безжалостном захвате хрустнули толстые кости таза.

Без малейшего колебания Акила подскочила и пронзила мечом сердце страдающей женщины.

— Умри спокойно, сестра!

Наградой ей был взгляд неопишуемой благодарности, который быстро погас. Экун умерла еще до того, как Акила выдернула меч. Двумя пальцами левой руки Акила взяла кровь женщины с конца клинка и провела на лице красную черту от лба до губ. Паина и Ломби смочили свои пальцы, коснувшись клинка, и произвели тот же ритуал.

Монстр вдруг поднялся выше, напившись человеческой плотью. Но тут его опутала фиолетовая сеть, когда Арсаций кинул в него горсть кристаллов. Камешки метались, словно блестящие осы, образуя светящиеся полосы света. Короткие щупальца начали вспыхивать разными цветами, на многие из ко-

торых человеку было больно глядеть, и твари пришлось прекратить поглощать людей, чтобы драться с колдуном.

Конан больше не хотел на это смотреть. Он с удвоенной силой бросился в бой. За считанные мгновения он и Акила прорубили сквозь ряды сопротивляющегося врага путь внутрь идола. Паина и Ломби находились рядом за спиной. Нанятые воины либо все погибли, либо бежали; что именно произошло с ними, осталось неизвестным. Еще несколько ударов мечом — и дорога к спиральному пандусу открыта. Друзья бросились туда, с каждым шагом отдаляясь от ужаса, творящегося за спиной.

— Аббад! — кричал Конан, сбега по пандусу. — Где ты? Выходи, собака! Посмотрим, справишься ли со мной так же, как со своей царицей!

Ответило Конану лишь собственное эхо.

Через несколько минут Конан и женщины уже бежали по главному коридору. Руководствуясь своей безошибочной памятью, киммериец вел женщин по той дороге, по которой они совершали побег из города. Они встречали множество жителей, но жители в страхе отступали в сторону. Все воины были наверху, где либо сражались, либо лежали мертвыми.

— Куда дальше? — спросила Акила, когда они подбежали к развилке.

— Сюда! — сказал Конан, направляясь по коридору, идущему вправо. Впереди доносились скрежет, скрип и шипение. Пробежав еще сотню шагов, они оказались у входа на завод паров. Первым внутрь бросился Конан, затем Акила. Следом за царицей Паина, и последней вбежала Ломби. Ломби вскрикнула, все обернулись и увидели, что она стоит и удивленно смотрит на фут окровавленной стали, неожиданно появившейся у нее между грудей. Клинок исчез снова, и взгляд женщины погас. Она сделала несколько нетвердых шагов и упала,

как срубленное дерево. За ней с окровавленным мечом стоял Аббад.

На этот раз узурпатор не имел маски; контуры его угловатого лица были не совсем человеческими. На лице появилось выражение чувственного удовольствия, когда он смочил пальцы в крови, покрывавшей клинок. Он поднес пальцы ко рту и облизал их, сумев одновременно еще и улыбнуться трем оставшимся в живых.

— Сучий выродок! — проревел Конан, собираясь броситься на Аббада.

Акила остановила киммерийца жестом руки.

— Он мой, — только и сказала она, но в голосе было столько царского достоинства, что киммериец и воительница Паина замерли на полпути. Походкой львицы Акила пошла к Аббаду и на ходу бросила свой окровавленный меч назад через плечо. Меч перекувырнулся в воздухе, и Паина поймала его на лету.

— Не хочу марать о тебя сталь! — произнесла она с испепеляющим презрением.

Аббад захихикал, как безумец.

— Умри, как хочешь, большая женщина!

Он кинулся на нее, вложив всю силу в вертикальный удар, намереваясь рассечь царицу от плеча до пояса.

Большая левая ладонь Акилы схватила запястье Аббада и остановила клинок. Глаза Аббада вытаращились от удивления, но у него не было времени восхищаться силой женщины, когда она пропустила свое правое предплечье ему под локоть, схватилась правой кистью за свое левое предплечье и обвила правой ногой его ноги.

Складывая вместе силу рук, плеч и спины, Акила нагнулась вперед, используя предплечье узурпатора как рычаг, а его локоть как ось. Если бы Аббад успел побыстрее упасть на пол, он бы выиграл секунду для действий, но стальное бедро Акилы как раз этого и не давало ему сделать. Было слышно, как последо-

вательно подаются кости предплечья, как выламывается локоть, как разрывается плечевой сустав и ломается посередине кость плеча.

Аббад заорал и выхватил левой рукой из ножен свой кинжал. Смертоносная сталь метнулась к боку женщины, но правая рука Акилы, уже свободная, резко опустилась и схватила запястье Аббада, когда острый клинок уже успел оцарапать кожу над правым бедром.

Правая рука Аббада бесполезно болталась, а Акила обвила своей левой рукой его шею, в приливе ярости оторвала Аббада от пола и поднесла его лицо почти вплотную к своему. Она дико улыбнулась Аббаду и принялась душить. Глаза его выкатились еще больше, сделались красными, и сначала из ушей, а затем из носа и изо рта брызнула кровь. Кинжал выпал из ослабевшей руки. Акила бросила его тело у своих ног, и, как обезглавленная змея, оно еще извивалось и билось некоторое время, пока кровь пеной выходила изо рта.

Конан присвистнул при виде такого подвига.

— Кром, женщина! Напоминай, чтобы я не попался тебе под горячую руку!

Она не обратила внимание на это замечание и подошла к мертвой Ломби. Там она опустилась на колени, смочила руки в крови убитой и провела на лице вторую линию рядом с первой. Паина повторила этот ритуал.

Конан отрезал кусок ткани от одежды Аббада и вытер меч, затем вложил его в ножны. Оглядевшись вокруг, киммериец обнаружил, что все рабочие и рабы бежали с завода, кроме огромных с маленькими головами рабов, которые стояли разинув рты, так как никто не объяснил им, что надо делать.

Конан нашел громадный главный клапан с шестью прикованными рабами.

— Крутите! — заорал он.

Рабы устали на него, в их глазах не отразился даже жалкий проблеск понимания.

— Кром, Ллир и вся их кровь! — выругался киммериец, хватаясь за ворот и дергая его. Акила и Пайна присоединили свои усилия. Ворот не шелохнулся.

— Я не могу вам помочь?

Конан обернулся и увидел Амрама, который стоял, заложив руки за спину, с подчеркнутым выражением невинности на лице.

— Я как раз подумал о том, когда ты появишься, — сказал киммериец.

— Я могу поинтересоваться, зачем вы все это делаете? — спросил Амрам.

— Нам велел сделать так колдун по имени Арсаций, который сейчас сражается там, наверху, с чем-то, что называет Противником, — ответил Конан, ткнув пальцем вверх.

— Арсаций! — произнес щуплый человек, поморщившись. — С ним сейчас я не хотел бы встречаться.

— Тебе и не надо, — сказал Конан. — Просто заставь рабов перекрыть подачу паров в город.

— Ладно.

Щуплый человек произнес несколько каких-то странных слов, и рабы взяли своими уродливыми руками за ворот и принялись толкать. Клапан явно редко закручивали, поскольку он, протестуя, громко заскрипел. Рабы налегали, будто матросы, выбирающие шпилем якорь, и постепенно постоянное шипение на заводе начало стихать. Через несколько минут оно прекратилось полностью.

— Хорошо, — произнес Конан. — Теперь вели им сломать его.

— Прошу прощения? — вежливо переспросил Амрам.

— Пусть ониломают ворот, Сэт тебя побери! — крикнул киммериец. — Я хочу, чтобы этот механизм не работал!

— Не надо так кричать, — фыркнул щуплый человек. — Достаточно ясной инструкции.

Он произнес еще несколько слов на том же языке, что и раньше. Рабы перебрались на одну сторону ворота настолько, насколько позволяли им цепи, уперлись в него плечами и натужились изо всех сил. Послышался скрежет металла, и ворот начал сгибаться. Затем он оторвался от оси и со звоном упал на пол.

— Это вас удовлетворит? — поинтересовался Амрам.

— Этого хотел Арсаций, — сказал Конан. — Теперь сюда могут спуститься демоны бури и разрушить подземный город.

Амрам закрыл глаза, и казалось, будто он не может проглотить что-то большое.

— Ты говоришь — демоны бури? — выговорил он наконец дрожащим голосом. — Нам нельзя здесь оставаться!

— И так же ясно, что мы не можем вернуться! — сказал Конан. — Не в тот же ужас, что мы оставили в храме наверху!

— И мне уже надоела пустыня! — произнесла Акила, надвигаясь на колдуна-хамелеона. — Так что, Амрам, или Фираги, или кто бы ты ни был, веди нас к реке!

— Да, — сказал он, выставив перед собой руки. — Да, я думаю, что это лучше всего. Но разрушить этот удивительный древний город с его богатствами и тайнами! Какая потеря!

— Этому городу давно пора погибнуть, — заявил Конан. — Забудь об этом и веди.

— Тогда за мной, — произнес Амрам.

Друзья поспешили за ним, и, когда они бежали по темному коридору, Амрам не переставал горестно причитать.

— Пять лет я к этому стремился! Я сделался бы так богат, что не вообразить даже скупцу. Знания

Джанагара сразу забросили бы меня в маги высшего разряда!

— Где настоящие колдуны быстренько бы тебя обобрали, после чего снова сбросили бы на прежнее место, — презрительно заметила Акила.

— Кроме того, — добавил Конан, — ты неплохо здесь устроился для беглого кофитского раба. — Он похлопал по толстому мешку, привешенному к поясу Амрама. — За время пребывания здесь ты даже приобрел кое-какие ценности.

— Да, некоторые безделушки, — сказал шуплый человечек, небрежно отмахиваясь. — Может быть, хватит, чтобы устроиться на новом месте после всех этих жертв.

— Если это опалы, — многозначительно произнес Конан, — то ты хорошо устроился на весь остаток жизни.

— Вы же, конечно, не лишите меня этого маленького утешения?

Конан рассмеялся.

— Нет. Сейчас мне нужна лишь река.

Они продвигались по погружившемуся в темноту городу, который освещали теперь лишь тускло мерцающие грибы. Жители города сидели на корточках, сжавшись кучками и объятые ужасом, и оплакивали злую судьбу, обрушившуюся на их древний город.

— Уходите! — крикнул им Конан. — Если у вас есть дух, чтобы жить, бегите к реке. Джанагара больше нет!

Никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Запах реки становился все сильнее, и наконец Амрам вывел Конана и женщин в гигантскую естественную пещеру, где черная вода текла широким медленным потоком. При свете огромных шарообразных скоплений светящихся грибов они увидели грубый каменный причал, к которому был привязан длинный плот из бревен с хижинкой из веток в цент-

ре. Рядом с плотом находилась большая долбленая лодка. На плоту стояли четверо маленьких коричневых человечков, которые принялись вдруг дико жестикулировать и осыпать подошедших вопросами.

— Жители реки, — объяснил Амрам своим спутникам. — Их удивляет суматоха и то, что погасли факелы. Боюсь, что мне придется сказать им, что их торговля с Джанагаром подошла к концу. Нет, пожалуй, подожду, пока не уберемся отсюда подальше.

Он принялся беседовать с низенькими человечками на неизвестном Конану языке. Человечки скоро успокоились.

— Куда выходит эта река? — спросил Конан.

— Это петля одного из рукавов Стикса, — сказал ему Амрам. Он указал налево. — Вверх по течению, там, где живут эти люди, она проходит под горной грядой, появляется на поверхности и впадает в Стикс где-то между Пунтом и Кешаном. — Он указал рукой направо. — Вниз по течению она снова вливается в Стикс недалеко от великого изгиба, там, где на южном берегу лежит Стигия, а на северном — земли, на которые предъявляет свои права Шем. Эти люди приходят сюда, продают свои товары, включая и дерево, из которого сделан плот, и возвращаются домой в долбленке. Я собираюсь отправиться с ними и вернуться в свой родной Кешан. Я думаю, мы все поместимся в лодке.

— Нет, — сказал Конан. — Мы сядем на плот. Могу поспорить, что в Шеме сейчас война, и там найдется место хорошему воину. — Он взглянул на Акилу, и та улыбнулась.

— Да, прямо сейчас мне не хочется смотреть на заросшие джунглями земли черных людей. Я отправлюсь на плоту, — объявила она.

— Тогда прощайте, друзья мои, — сказал Амрам, залезая в долбленку. — Через три дня вы

снова увидите солнце. — Он покачал головой. — Когда в мире столько дураков, подлецов и трусов, почему именно я должен был встретиться с двумя настоящими героями?

— Тебя не любят твои боги, Амрам, — сказал Конан. — Но пусть они все равно хранят тебя. Прощай.

Коричневые люди забрались в долбленку и взяли весла. Через несколько минут они скрылись из виду.

— Уходим, — сказал Конан.

Они вошли на плот, женщины взяли шесты, а Конан мечом перерубил канаты, которыми плот был привязан к причалу. Шестами они оттолкнули плот на середину реки и, когда течение подхватило его, положили шесты. Шум города постепенно удалялся. Вскоре они вышли из огромной каверны и оказались в пещере поуже, но все равно просторной. Грибы над головой стали встречаться все реже.

На корме плота находился ящик с землей для костра и поленница дров. Кремнем киммериец выскрестил искру, и вскоре у них горел костер. Дымное оранжевое пламя казалось явно чистым после неестественного освещения подземного города. Акила подошла и встала рядом с Конаном.

— Паина, — сказала она, — займись костром. Если плот слишком близко подойдет к стене, оттолкнись шестом. У меня с Конаном есть дело в хижине. Не беспокой нас.

Паина оглядела киммерийца сверху донизу без всякой доброжелательности. Затем она произнесла самую длинную речь, какую слышал от нее Конан.

— Моя царица, я отдаю должное этому огромному уродливому зверю за оказанные тебе услуги, но я уже говорила тебе, ты слишком мягко обходишься с мужчинами.

Они вошли в хижину. Хижина была грубой и не имела никакой обстановки, но до этого им не было дела. Акила расстегнула свой пояс, и ее оружие

упало на бревна вместе с оружием Конана. Она потянула за шнурки, державшие ее скудную одежду.

— Три дня, — сказала она. — Что мы успеем за три дня?

— Больше, чем обычные мужчина и женщина, — ответил Конан, развязывая на себе одежду. — Как говорил Амрам, мы герои!

Затем они бросились друг на друга, будто спаривающиеся тигры.

Все стояли на северном берегу и смотрели на то, как плот уплывает вниз по течению к Западному Морю. Киммериец потянулся, радуясь свежему чистому воздуху и солнцу, которое не палило здесь, как в пустыне. На юге они могли различить пирамиду, в которой похоронен какой-то забытый стигийский царь. К северу, востоку и западу, насколько видел глаз, простирались поросшие травой равнины.

— Пойдем туда, — сказал Конан, указывая на запад. — Если там не идет война, то я не знаю Шема.

— Нет, — ответила, грустно вздохнув, Акила. — Я пойду туда. — Она указала на север.

— Почему? — Конан удивился. — А что там?

— Моя родина. Хочу еще раз посмотреть на своего сына. И хочу вернуть себе трон. Я буду драться с Бризейс. Все мои степные сестры, кроме Паины, погибли из-за нее. Теперь время погибнуть ей.

Конан стоял будто пораженный громом.

— Ладно, тогда я тебе помогу.

Акила покачала головой.

— Нет, Конан. Это безнадежно. Когда я снова сделаюсь царицей, рядом со мной не будет места мужчине. — Она грустно улыбнулась, — Мы бы не смогли долго пробыть вместе, ты это и сам прекрасно понимаешь. Мы герои, а два героя не могут жить под одной крышей. Не прошло бы и года,

как мы вцепились бы друг другу в глотки. Прощай, киммериец.

Акила склонилась вперед, поцеловала его, затем повернулась и зашагала на север, сопровождаемая своей последней подругой.

Конан стоял и смотрел, пока обе фигуры не скрылись из виду.

— Прощай, моя царица, — прошептал он наконец.

С суровым выражением на лице он повернулся и пошел на запад. Далеко позади него вечные пески пустыни засыпали развалины Джанагара, города Опаловых ворот.

Карл Эдвард Вагнер

ДОРОГА КОРОЛЕЙ

РОМАН

Посвящается Ли Брэкетт

«Война — отец и властелин всего сущего. Одних она делает богатыми, других — свободными, а остальных — рабами».

Гераклит.

ПРОЛОГ

Ледяное безмолвие и сверкающая, как алмаз, сталь.

Две шпаги сверкали в слабом свете, сопровождаемые сотнями глаз, не менее блестящих и безжалостных. Резкое движение — и шпаги скрестились, нарушив тишину звоном разгневанного металла. В тишине было слышно только тяжелое дыхание соперников и хриплое сопение зрителей, расположившихся по кругу. Изредка раздавался приглушенный шепот. Глаза зрителей блестели от возбуждения. Шпаги с лязгом скрестились. Смерть балансировала на остриях лезвий, нетерпеливая и безжалостная.

Один из соперников вел себя более агрессивно. Он был старше, и его блестящее искусство фехтования показывало, что длинная прямая зингарская шпага для него привычное оружие. Седые пряди виднелись в его черных волосах и аккуратно подстриженной бородке, а выразительное лицо украшали шрамы, полученные на дуэлях. Шрамы были едва заметны, ведь немало лет прошло с тех пор, когда шпага соперника последний раз касалась его лица. Ярко-красный камзол и бархатные штаны прекрасного качества хорошо сидели на стройной фигуре, подчеркивая отлично развитую мускулатуру и уверенную осанку. На правом рукаве был прикреплен черный орел — знак принадлежности к гвардии Корста, привилегированному подразделению Зингарской армии, — и под ним сияла двойная золотая звезда капитана.

Соперником был молодой человек, возможно, вдвое моложе сорокалетнего капитана. И все же он отражал удары соперника с искусством, которое было присуще скорее воину-ветерану, чем неопытному юнцу. Он был выше капитана, чей рост достигал шести футов, и куда плотнее скроен. Мощные обнаженные плечи и грудь покрывал густой загар, равномерность которого нарушалась многочисленными шрамами: глубокими, полученными в боях, и мелкими, нанесенными соперниками во время учебных боев и тренировок. Мягкая грива черных волос развевалась вокруг гладко выбритого лица, а голубые глаза светились гневом. Он был одет в кожаные штаны, какие носили северные варвары, а огромная рука, казалось, была более привычна к тяжелому широкому мечу, чем к тонкой обоюдоострой зингарской шпаге, длиной метр с небольшим.

Они находились в кругу солдат, тесно сгрудившихся, чтобы лучше видеть происходящее. Большинство из них носили ярко-красные и золотые цвета Зингарской королевской армии и знак орла, означавший принадлежность к гвардии Корста. Среди них были воины других подразделений, а кое-где виднелись люди в разнообразных и неописуемых одеяниях — наемники. Очевидно, к ним принадлежал и более молодой из соперников. За ними возвышались темные стены военной казармы. Кровати были сдвинуты к углам, чтобы очистить место для дуэли.

Напряженные глаза, видевшие много боев, следили за поединком, стараясь не пропустить ни одного движения. Перед схваткой в казарме звучали одобрительные возгласы и оскорбительные выкрики, заключались безумные пари, слышались ругательства. Но это было до того, как дуэлянты начали леденящую кровь игру ударов и контрударов, выпадов и уклонов. К настоящему моменту напряжение достиг-

ло такого накала, что уже не могло выражаться словами и криками, — и воцарилась тишина. Поддавшись напряжению дуэли, зрители чутко реагировали на каждый вздох и ждали... ждали конца. Дуэлянты уже исчерпали до конца свою выносливость и теперь выжидали, когда кто-либо из них совершит роковую ошибку.

Обе шпаги уже попробовали крови. Неглубокая рана кровоточила на предплечье капитана, куда поразила его шпага соперника. Юный дуэлянт имел две мелкие царапины в левом боку, а глубокая рана на плече, казалось, искалечила его левую руку. Эти три раны должны были заметно ухудшить реакцию молодого варвара.

Вид крови вызвал на лице капитана еле заметную улыбку. Его ноздри раздувались, и он усиливал давление на соперника, хладнокровно готовя убийство.

Молодой наемник не улыбался, гнев в его глазах светился по-прежнему, и весь облик никак не выказывал ни боли, ни усталости.

Лезвия вновь скрестились с ужасающим лязгом и вновь разошлись для того, чтобы еще раз встретиться. Капитан непрерывно атаковал и неожиданно резким круговым движением обвел соперника и вонзил шпагу в его бедро, нанеся глубокую рану.

Юноша вскрикнул от резкой боли, подавшись назад. Ноги отказывались подчиняться. Он шатался, с трудом стараясь выпрямиться, ответные удары стали слабыми и неловкими. Наступал финал долгой схватки. Круг зрителей, затаив дыхание, с горящими глазами следил за происходящим. Для того чтобы восхитить зрителей и наградить их за долгое ожидание, офицер решил поразить соперника своим коронным ударом: не глядя ударить в сердце.

Юноше было не до красивых ударов и поз. Полуповерженный, он все же бросился вперед, перебросив шпагу в левую раненую руку. Отчаяние

и близость смерти вселили в него дополнительные силы; конец шпаги вонзился в нижнюю часть живота офицера и продолжил свое движение снизу вверх. Не успев нанести свой коронный удар, капитан рухнул с предсмертным хрипом на грудь вывалившихся внутренностей.

Длинный вздох разочарования раздался вместе с разрозненными радостными восклицаниями. Офицер потускневшими глазами смотрел на соперника с пола казармы. Горящие глаза юноши были устремлены на поверженного врага. А затем он стал медленно оседать на землю, вконец ослабев от ран.

Так продолжалось несколько мгновений, пока по телу капитана не прошла предсмертная судорога. Его смерть утонула во внезапном взрыве возбужденных криков, ругательств, звоне монет и звуках борьбы и свалки. Юноша держался за шпагу, окровавленный конец которой упирался в пол. Кровь сильной струей била из раны на бедре, но он был безмолвен, только хриплое дыхание вырывалось из груди.

Юноша оставался на ногах, руки, стискивавшие рукоять шпаги, побелели от напряжения. Казалось, все силы покинули его. Глаза варвара сверкали — он был еще в пылу боя, но с облегчением расслабился, когда узнал своих друзей. Двое подхватили его. Третий солдат матерчатой повязкой стал останавливать хлещущую из раны кровь.

Шум и крики внезапно сменились тишиной. Солдаты быстро прятали выигранные деньги и потихоньку потянулись к двери. Тихий шепот прошелестел по казарме:

— Генерал Корст.

Круг солдат распался перед победителем. Он поднял голову, и в его глазах снова засверкала ярость. В сопровождении офицеров Верховный командующий Зингарской королевской армии, сам генерал

Корст, вошел в казарму. Генерал был невысок, коренаст, а его темно-русые волосы в сочетании со смуглой кожей выдавали в нем примесь шемитской крови. Командующий был сыном лагерной проститутки и неизвестного зингарского солдата. Возвышение до генерала в Зингарской армии, где сословная принадлежность имела огромное значение, говорило о его недюжинных способностях.

Глаза генерала широко раскрылись, а затем сузились, когда он заметил распростертое на земле тело. Корст задумчиво погладил подстриженную бородку.

— А, капитан Риннова! Значит, тебе довелось скрестить оружие с тем, кто превзошел тебя в этом деле?! И не он получил удар в сердце, а ты лежишь здесь мертвый.

Генерал взглянул на раненого наемника. Под бесстрастным взглядом генерала те, кто поддерживал варвара, отступили назад. Юноша качнулся, когда его опора исчезла, но с трудом выпрямился и смело посмотрел на генерала.

— Я убил его, — ответил юноша, — и в честном бою. Спросите любого.

Генерал Корст кивнул.

— Трудно было поверить, что кто-нибудь сможет скрестить шпагу с капитаном Ринновой и потом хвастаться, что остался жив. Не исключение тому и солдаты-наемники. Но, тем не менее, это случилось. Как тебя зовут?

— Конан.

— Из северных варваров?

— Я киммериец.

— Как его рана? — обратился генерал к товарищам Конана, которые нервничали и старались укрыться от генеральского взора.

— Эти царапины на ребрах не опасны. Рука проколота насквозь, Конан потерял много крови от раны на бедре, но главная артерия не задета.

— Отлично, — генерал Корст кивнул своим людям, — варвар останется жить, чтобы его повесили. Какова бы ни была причина вашей ссоры, Конан из Киммерии, наемник не имеет права убивать офицера королевской армии Зингары.

Конан зарычал и бросился на Корста. Гвардейцы преградили ему путь. Киммериец умудрился убить двоих, прежде чем его сбили с ног и он потерял сознание.

— Теряем хорошего солдата, — сказал Корст, когда Конана волокли из казармы, — но этих варваров надо приучать к дисциплине.

Глава 1

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ПОМОСТ

Утреннее солнце было ярким, чересчур ярким для глаз, бесчисленное количество дней не видевших ничего, кроме тусклого света фонарей тюремщиков. Утро обещало быть ласковым, но эта ласка предназначалась не им, осужденным узникам, которые жмурились от слепящего, причиняющего боль света и медленно двигались к эшафоту. Когда осужденных перевели через тюремный двор и они уже могли кое-что видеть, их глазам открылись свисающие петли виселиц и огромная толпа народа.

Конан краем глаза посмотрел на виселицу. Черная линия на фоне слепящего солнца, семь веревочных петель свешивались с поперечного бруса, как черная паутина. В ноздри ударил острый сладковатый запах мертвечины, запах семи разлагавшихся трупов. Тела повешенных на прошлой неделе преступников были оставлены висеть на эшафоте, пока не приведут других, чтобы уже они исполнили танец

смерти на эшафоте. Зловоние трупов смешивалось с запахом толпы, собравшейся в предвкушении интересного зрелища.

Конец алебарды ткнулся в спину Конана.

— Давай сюда, висельник! — прикрикнул на него охранник. Конан непристойно выругался и двинулся вперед. Немытый и небритый, закованный в тяжелые цепи, охватывавшие его запястья и лодыжки, киммериец тем не менее шел, не хромя. За месяц, проведенный в застенках Кордавы, его раны зажили, хотя это произошло скорее благодаря его жизненной силе, чем лекарствам тюремщиков. Та же жизненная сила провела его сквозь все заточение с несломленным духом и несклоненной головой.

Как дикий зверь в неволе, Конанлизывал раны и ждал возможности освободиться из заключения. Тихо, чтобы шум не был слышен охранникам, он целыми ночами тер звенья цепи друг о друга, бил ими о камни, стараясь освободиться от кандалов, в которые был закован. Если бы ему удалось освободиться от цепей, то оставались еще решетки камеры и бдительные стражники за дверью. Но это была уже следующая задача. Конан искал шанс для того, чтобы освободиться и мстить, любой шанс, самый маленький. Этот шанс не появился. И теперь, когда он с другими заключенными шел к виселице, его взгляд внимательно осматривал заполненную народом площадь, а мозг отчаянно пытался найти способ обмануть палачей.

Тюремный двор — танцевальный помост, как его называли в Кордаве, — был заполнен бурлящей толпой. Это было утро базарного дня. Каждую неделю народ из близлежащих городков и сел устремлялся в столицу, чтобы заполнить рыночную площадь криками, глиняной посудой, сельскохозяйственными продуктами с ферм, изделиями городских ремесленников, рыбой и экзотическими

товарами с побережья Западного океана. А что еще может лучше украсить день торговых сделок, чем бесплатный спектакль — казнь на танцевальном помосте?

Неспокойное море тел, любопытствующие лица — все глаза были устремлены на семь жертв, которые с трудом пробирались к помосту. Семь человек по существу ничем не отличались от сотен своих братьев, стремившихся насладиться зрелищем последних мучений. Семь человек будут сегодня танцевать для них. Толпа не была настроена враждебно к осужденным, но и не проявляла к ним симпатий. Главное чувство, которое владело ею, — ожидание интересного представления. Это тысячеголовое чудовище не поднимет свои тысячи рук, чтобы вырвать несчастных из рук палачей, но завопит в тысячу глоток, если ее лишат ожидаемого развлечения.

В толпе там и сям пробирались лотошники с товаром, наперебой расхваливая его. Менее открыто действовали воры-карманники и мошенники разных мастей, шнырявшие в толпе, как шакалы. На решетках переносных жаровен шипели и дымились куски мяса, рыбы, овощей. Это запах напомнил Конану, что он не ел со вчерашнего дня.

— Мы и не подумаем тратить на вас пищу, ведь можно висеть и голодными, — сказал утром надзиратель. Это стоило одному из охранников сломанного зуба, когда они отковыывали Конана от стены. После этого удар алебарды оглушил киммерийца, и он свалился без сознания.

— За это, — сказал стражник, тыча окровавленным носком сапога в лицо Конана, — ты будешь повешен последним. Ты наблюдаешь, как будут вздернуты остальные крысы, а затем мы спокойно займемся тобой, и ты покажешь нам все па, которым научишься у своих приятелей и которые ты сам придумал.

Это было некоторой удачей для киммерийца. У всех заключенных оковы сняли, а руки стянули веревкой за спиной. Но, опасаясь необузданного нрава молодого варвара, стражники не рискнули снять с него кандалы, и Конан шел к виселице в цепях.

Как истинный стоик, Конан решил умереть с достоинством, если придется умереть. Он спокойно взойдет на эшафот, если, конечно, не возникнет альтернативы. Киммерийца мучили голодные спазмы в желудке. Он считал это последним оскорблением, одним из многих, которые получил в тюрьме. А в душе бушевали ненависть и жажда мщения. В такой час большинство людей обращаются к своим богам с просьбами о милости и прощении.

Запах мертвечины усилился. Семь трупов, снятых с виселицы и брошенных у эшафота, смотрели в небо пустыми глазами. Вороны попиروвали на их лицах, изуверчив до неузнаваемости.

Они висели целую неделю, давая наглядный урок преступникам, и теперь лежали перед эшафотом, посылая последнее «прости» всему живому. Служитель по очереди отволоч их к наковальне, где с их ног сбили кандалы, ведь мертвецам не нужны оковы, а есть много живых, чьи ноги в них нуждаются.

По королевскому соизволению началась распродажа различных частей тел повешенных, используемых как амулеты. Стая ребятишек с визгом толкалась у самого эшафота, стараясь прорваться поближе, чтобы лучше видеть.

— Прядь волос мертвеца! Для вас, девушки! — кричал торговец, срезая волосы и потрясая ими над головой. — Если вы их приколете у сердца, то парни толпой будут ходить за вами!

С громким хохотом ребята разбежались и затеяли веселую игру в пятнашки между столбами виселицы.

— Кисть мертвеца! Кто хочет купить? — Удар топора, и отрубленная кисть поднялась для

всеобщего обозрения. — Кисть повешенного! — кричал продавец, потрясая ею.

— Человеческий жир для факелов! Хотите отыскать клад? Вот амулет, который вам поможет! Кто заплатит серебром, чтобы найти золото?

— Семенные железы мертвеца! — кричал другой, поднимая небольшую склянку. — Они от труп Булозиса, знаменитого насильника и убийцы! Вся сила этого жеребца будет вашей! Дамы! Ваши мужья приобретут пыл молодого быка! Семенные железы повешенного! Кто купит?

Среди этого гама медленно двигались к эшафоту исполнители главных ролей будущего спектакля. Толпа расступалась перед алебардами стражников, давая проход печальной процессии. Тысячи любопытных глаз жадно рассматривали семерых, одетых в костюмы из лохмотьев и цепей. Родители поднимали детей на плечи, чтобы тем было лучше видно. Опоздавшие лихорадочно протискивались сквозь толпу с помощью локтей и коленей. Многие жевали мясо, хлеб, овощи, не отрываясь от зрелища. Руки других прижимали узлы к животам, опасаясь воров. Когда осужденные добрались до эшафота, разыгравшиеся ребяташки радостно завопили и принялись прыгать вокруг них. Торговцы потеряли интерес к своему занятию и приготовились смотреть на драму, которая повторялась перед их глазами каждую неделю.

Взойти на эшафот со связанными ногами — не легкая задача, и стражники приготовили алебарды, чтобы помогать узникам подняться. Человек, идущий перед Конаном, оступился и не смог удержаться от падения назад, так как руки у него были связаны за спиной. Острием алебарды стражник стал поднимать упавшего. Конан, чьи руки были закованы спереди, вытянул их на длину цепей и поднял упавшего. Не обращая внимания на ругательства стражников, они заняли свои места в шеренге под виселицами.

— Благодарю, — сказал сосед. Он был не старше Конана, стройный юноша с аристократической внешностью и лихорадочным блеском в темных глазах.

— Не стоит благодарности.

— Умирать надо с достоинством, — сказал юноша, как бы угадав мысли Конана. Он с отвращением кивнул в сторону первого по шеренге, который упал в обморок и которого поднимали несколько стражников, тогда как другой со слезами на глазах молил о пощаде гогочущую толпу.

— Пусть те, кто продолжит нашу борьбу, увидят, что мы не дрожим, отдавая наши жизни за правое дело.

Конан подумал: «К кому обращены эти слова?» — а затем решил, что юноша говорит сам с собой.

Они стояли на длинном эшафоте. Лица толпы были на уровне их ног. Массивные опоры поддерживали толстый брус, такой прочный, что легко выдерживал семерых. На эшафоте не было никаких возвышений. Петли поднимались и опускались с помощью барабана, на который при вращении наматывалась веревка. Таким образом тело осужденного поднималось медленно и аккуратно, без рывков, и тем самым гарантировалась медленная смерть от удушения, а не быстрая, внезапная смерть от перелома позвонков, когда осужденный не успевал исполнить свой предсмертный танец в полном объеме. Это и был знаменитый Танцевальный помост.

Проходя вдоль ряда осужденных, стражник аккуратно вешал на шею каждого табличку с надписью. Когда очередь дошла до Конана, то стражник постарался держаться подальше от закованных рук варвара. Конан посмотрел на табличку, лежавшую на его широкой груди. Он пытался прочесть перевернутые буквы, но его знания зингарского языка оказались для этого недостаточны. Он спросил соседа:

— Что там написано?

Тот посмотрел на табличку с ироническим интересом.

— Там написано «Конан — мятежник». Поздравляю.

— А что у тебя?

— Моя гласит: «Сантидио — бунтарь». А наши соседи различные воры, убийцы, издатели.

— Издатели?

— Да. Парень в конце ряда имел несчастье опубликовать мой небольшой политический памфлет, который так разгневал нашего обожаемого короля Римаендо.

— А чтоб наш обожаемый король поймал сифилис от своих родственников, — выругался Конан. — Я убил офицера в честном бою и по его собственному вызову, а законы Римаендо объявляют это мятежом и убийством!

— Ага! — Лихорадочно заблестевшие глаза Сантидио смотрели на него с нескрываемым уважением. — Так, значит, это ты тот самый варвар-наемник, который убил капитана Риннову?! Главного убийцу из лагеря Корста! Я бы пожал твою руку, если бы не мешали веревки. Народ будет оплакивать сегодня потерю двух своих героев.

— Заткнитесь, вы, двое! — закричал стражник, накидывая петли им на шеи. — Вам надо беречь свое дыхание!

По мнению Конана, толпа вовсе не выглядела печальной. Он медленно окинул взглядом море людей, раскинувшееся у ног. Ругань и оскорбления слышались со всех сторон; опоздавшие пытались протиснуться поближе. Глядя на их зловещие лица и грязную одежду, Конан решил, что многие из зевак могли бы с легкостью быть на его месте под виселицей, и подивился жестокому любопытству, которое влекло толпу смотреть на казнь собратьев-преступников.

Радостные крики приветствий прервали мысли Конана. Королевский палач в черной маске поднялся

на эшафот и глубоким поклоном поблагодарил толпу за восторженный прием. Подобно режиссеру, проверяющему готовность сцены и актеров перед поднятием занавеса, он прошелся по эшафоту, проверяя, все ли готово к началу спектакля. Улыбка его была настолько отрепетирована, что в ней чувствовалась скука профессионала. Конан уже видел подобную улыбку, когда присутствовал при колесовании человека. Видимо, все палачи одинаковы, решил он.

Резкий звук барабанов заставил Конана встрепенуться: веревочная петля, наброшенная на горло, дернулась. По приказу палача его помощники сделали последние приготовления: повернули семь барабанов так, что петли на шеях семи приговоренных натянулись и те были вынуждены встать на цыпочки.

Осознав свою беспомощность, Конан осознал и бесполезность попыток освободиться. До этого момента он отказывался принять реальность положения, все время его душа питала надежду на бегство или на то, что суд изменит свое решение. Конан отказывался поверить в то, что смерть так близка. Со времен детства в диких северных странах его глаза бесчисленное множество раз глядели в лицо смерти, но каждый раз он ускользал из ее объятий — это приучило считать смерть противником, с которым можно бороться. А когда петля захлестнула шею, Конан почувствовал приступ отчаяния. Киммерийские воины умирали без стога даже под самыми жестокими пытками, и теперь варвар стоял прямо, выражая всей позой молчаливое презрение к смерти.

— От Имени Его Королевского Величества, короля Римаендо, — провозгласил палач, перекрывая шум толпы, — привести приговор королевского суда в исполнение!

Внезапно наступила тишина. Конан почувствовал, что толпа затаила дыхание, и тишина как будто сконцентрировалась у эшафота.

Затем раздались звуки вращающихся шестеренок. Это палач повернул первый барабан. Медленно протягивалась веревка сквозь кольцо на горизонтальном бруске. Совершенно без усилия, словно по волшебству, тело первого осужденного отделилось от помоста и повисло в воздухе под брусом. Шея невероятно вытянулась, голова перекрутилась, глаза вылезли из орбит, язык вывалился изо рта, тело извивалось, ножные кандалы звенели: первый танец начался.

Послышался приглушенный шепот и затем более громкие звуки — как будто морские волны прокатились с шелестом по песку и с грохотом разбили о скалы. Это был единодушный вздох толпы, который сразу же превратился в восторженные крики.

Второй разбойник, если бы не туго натянутая веревка, вероятно, упал бы на колени, взывая к милосердию, однако сделать этого уже не успел. Шум толпы заглушил его всхлипывания — и затем опять закричали шестеренки, петля подняла человека к небесам, которые так и не отозвались на его мольбы.

Отвернувшись от этого ужасного зрелища, напоминающего театр марионеток, Конан посмотрел на толпу. За его спиной палач, как огромный черный паук в своей паутине, двигался между отдельными частями зловещего механизма — закрепив один барабан, удерживающий тело в воздухе, он направлялся к следующему. Опять скрежет шестеренок, и третий танец взвился в воздух. Уже третий и...

Но дьявол не ждал, дьявол пришел на Танцевальный помост.

По всей площади разнеслись крики боли и ужаса, визгливое ржание перепуганных лошадей. Из одной, а затем из другой узкой улочки, выходящих на площадь, вырвались вихри пламени, которые устремились в кричащую толпу. Погруженный в ожидание неотвратимого приближения

палача, разум Конана не сразу осмыслил взрыв ужаса, возникший на площади. Два пылающих воза сена вырвались из соседних улиц и, влекомые обезумевшими лошадьми, врезались в толпы зрителей. Черный дым стлался поверх желтых языков пламени, которыми были объаты возы, и Конан понял, что сено было предусмотрительно полито маслом. Пылающие возы неслись по площади, как кометы возмездия. Взгляд Конана зафиксировал огненный хаос на площади, но ум не мог понять причины, вызвавшей его. А пока обезумевшие люди метались по площади, в тщетных попытках стараясь спрятаться от огненного вихря, у самого эшафота возник шум жестокой схватки.

Уголком глаза Конан заметил блеск стали, вылетевшей из рук одного из тех, кто пробился к подножию эшафота за несколько мгновений до паники. Палач, занятый барабаном четвертой жертвы, выпрямился, чтобы посмотреть, чем вызван шум на площади. Тяжелый метательный нож попал прямо ему в грудь, и на черной бархатной одежде расцвел ярко-красный цветок. Отброшенный назад ударом, палач крепко держался за рукоятку барабана, и вес его тела медленно поворачивал механизм натяжения веревки, так что тело осужденного поднималось над помостом, — палач короля Риманендо выполнял приказ своего повелителя даже тогда, когда смерть пришла за ним самим. Сосед Конана по виселице первым оправился от изумления.

— Мордерми! Мордерми! — кричал он в восторге. — Мордерми, чертов сын, я люблю тебя!

— Что происходит, Сантидио?

— Это Мордерми! Это его люди! — вопил Сантидио, стараясь вырваться из петли. — Сандокадзи послала его!

Конан знал, что Мордерми — это самый дерзкий преступник из уголовного мира Кордавы. Второе имя, которое выкрикнул Сантидио, он никогда не

слышал. Но для него было достаточно знать, что сделана дерзкая попытка освобождения приговоренных, а причина его не интересовала.

Удушающая петля давила горло, палач натянул веревки так, что его клиенты могли стоять только на цыпочках, если хотели дышать. Это была предосторожность, которая лишала возможности какого-нибудь отчаянного узника сбросить петлю и прыгнуть в толпу. Конан понял, что пока кто-либо не скинет с него петлю, он будет вынужден беспомощно стоять под виселицей, в то время как вокруг эшафота идет отчаянная свалка.

Кисти Конана были закованы перед ним, а длина цепи, связывавшей ручные и ножные кандалы, позволяла поднять руки лишь до пояса. Конан в отчаянии напряг свои могучие мышцы, пытаясь разорвать цепь, но это усилие было мгновенно остановлено петлей, которая так сдавила горло, что он чуть не потерял сознание.

Расслабив мышцы, чтобы сделать вдох, Конан посмотрел на схватку, развернувшуюся на тюремном дворе. Некоторое время все перед ним было как в тумане из-за сильного головокружения. Рядом завывал и танцевал на цыпочках Сантидио. Он вел себя, как сумасшедший, очевидно, возможность освобождения от смерти, в его представлении, не требовала той стойкости и сдержанности, как сама смерть.

На площади перепуганная толпа металась, чтобы избежать столкновения с обезумевшими лошадьми, сметающими все на своем пути. Боль и страх гнали лошадей только вперед, без оглядки на кричащих людей, которые разбегались в стороны, чтобы не попасть под копыта. Безудержная в паническом порыве, толпа со слепой стремительностью и жадой спасения рванулась на соседние улицы, не останавливаясь ни перед чем в своем бегстве. Блокированные давлением перепуганной толпы, подкрепления

из тюрьмы не могли пробиться на площадь к помосту.

У самого помоста бандиты Мордерми с переменным успехом вели борьбу с охранниками, которые присутствовали на казни. Внезапность нападения и первоначальное смтение дали некоторое преимущество нападающим — Конан решил, что победа на их стороне, но в этом хаосе ни о чем нельзя было судить с уверенностью. То, что кто-нибудь решится на такое безрассудство, как освобождение приговоренных к смерти прямо с эшафота, было настолько маловероятным и абсурдным, что охрана назначалась весьма малочисленной, да и настроена была очень беспечно. И теперь, когда осажденные охранники отбивались алебардами от неожиданного нападения, требовалось немало времени, чтобы подкрепление могло пробиться на подмогу через обезумевшую толпу. У эшафота оставшиеся в живых охранники встречали мечи и ножи нападавших своими длинными алебардами. На самом эшафоте три трупа лениво болтались в петлях, а четвертый корчился в судорогах, стоя на самых кончиках пальцев. Труп палача застывшими глазами смотрел на троих, которые с петлями на шеях ждали решения своей судьбы. После первой атаки на эшафоте не осталось больше никого.

Один из атакующих пробился через кольцо охранников и устремился к беспомощным пленникам. Сантидио восторженно завопил и тут же выругался, когда лезвие алебарды разрубило ногу нападающего и, вскрикнув, искалеченный человек покатился со ступенек вниз, в гущу схватки.

— Сантидио! — крикнул Конан. — Протяни руки ко мне!

Несмотря на возбуждение, тот мгновенно все понял. Повернувшись спиной к Конану, он протянул свои связанные руки к закованным рукам Конана. Натянутые петли с трудом позволяли их рукам дотянуться друг до друга. Сдерживая спазмы в мышцах

от мучений, вызываемых удушающей петлей, Конан стал развязывать узлы, стягивающие руки Сантидио.

Узлы были крепкие, веревки туго затянуты и глубоко врезались в запястья узника. Конан выругался, когда сломал ногти, силясь распутать узлы. В висках толчками пульсировала кровь, не хватало воздуха. Резкий крик проник в сознание Конана и отвлек его внимание, почти полностью сконцентрированное на узлах веревки.

— Убейте узников!!! Убейте узников!!!

Приказ бы отдан для того, чтобы исключить возможность побега, либо для того, чтобы сделать нападение бессмысленным. Выбравшийся из боя, забрызганный кровью, охранник стал подниматься на эшафот. Один из нападающих схватил его за ногу, когда тот уже был на краю помоста, — и вспрыгнул на эшафот. Они сцепились, и охранник уронил свою алебарду. Они покатались по помосту, терзая ножами друг друга.

Кровоточащими ногтями Конан боролся с туго затянутыми узлами — и наконец ему удалось ослабить веревки. С диким усилием он стал распутывать узлы и извлекать веревки из живого мяса.

Сантидио радостно завопил и сбросил ослабевшие путы. В следующий момент юноша уже боролся с петлей. Подтянувшись, он ослабил натяжение петли, после непродолжительных усилий освободил свою голову и спрыгнул на помост.

— Освободи меня! — закричал Конан. В секунды, которые ушли на освобождение Сантидио, охранник покончил со своим соперником и теперь направлялся к ним, держа перед собой алебарду. Сантидио легко мог спрыгнуть с помоста и исчезнуть в бурлящей толпе, которой было не до него. И Конан не посмел бы даже обидеться или осудить его.

Вместо этого Сантидио повернулся к Конану, спиной к приближающемуся охраннику.

— Постарайся ослабить петлю, — крикнул он.

Конан поднялся на носки, насколько смог. Сантидио старался изо всех сил ослабить петлю, чтобы подбородок киммерийца прошел через нее. Охранник прикончил третьего, все еще живого приговоренного и устремился к Сантидио. Четвертый узник внезапно подпрыгнул и ударил ногой не ожидавшего нападения охранника. Тот покачнулся, выругался и затем вонзил лезвие алебарды в грудь беззащитного человека.

На это ушло всего несколько мгновений, которых было достаточно, чтобы Сантидио снял петлю с шеи Конана, ободрав при этом кожу на лице. Затем Сантидио в ярости бросился на охранника. Конан подумал: так уличный кот бросается в атаку на изнеженную домашнюю собаку. Сантидио ухватился за рукоятку алебарды, которую охранник пытался вытянуть из пронзенной груди своей жертвы. Стражник даже не подумал вырывать алебарду из рук узкоплечего юноши, чтобы пустить в ход ее смертоносное лезвие. Он просто бросился на узника, повалил, прижал к помосту и стал рукоятью алебарды давить на горло Сантидио, несмотря на отчаянное сопротивление последнего.

Освободившись от петли, Конан тем не менее не мог считать себя свободным. Он был закован в цепи и знал, что в одиночку у него практически нет шансов прорваться через кольцо охраны. Когда Сантидио упал, еще один стражник выбрался из схватки и стал пробираться на эшафот, чтобы присоединиться к своему товарищу и выполнить приказ.

Конан направил всю свою огромную силу против железа, он расположил ноги и плечи так, чтобы максимальное усилие приходилось на цепь, стягивавшую кисти и голени. Массивные бугры мышц вздулись на торсе и плечах, железные кольца врезались в тело.

Яркая кровь выступила из пор кожи и тут же растворилась в обильных каплях пота. Шаги

приближавшегося охранника тонули в гуле ударов бешено бившегося сердца. Мускулы против железа — или то, или другое должно было не выдержать невыносимого напряжения. Железо оказалось слабее.

Звено цепи, разрушенное долгими часами трения о соседнее звено, внезапно лопнуло. К своему разочарованию, Конан понял, что лопнуло только связующее звено, а кисти и голени были еще скованы. Но этого было достаточно для спасения жизни. Как только второй охранник приблизился к нему сзади, Конан резко повернулся и отступил в сторону, раскрутив цепь, точно пращу. Цепь хлестнула охранника прямо по лицу, выбив ему глаза и сломав переносицу. С диким криком стражник упал с эшафота.

Быстрым прыжком Конан очутился подле другого стражника, слишком увлеченного борьбой с Сантидио и не заметившего неожиданную угрозу. В одно мгновение Конан обвил цепь вокруг толстой шеи стражника. Упершись коленом ему в спину, киммериец резко дернул. Шейные позвонки хрустнули, и охранник закончил свой жизненный путь.

Задышающийся Сантидио с трудом выбрался из-под алебарды. Конан помог ему встать на ноги и немного поддержал, пока к тому не вернулась прежняя устойчивость. Окинув взглядом площадь, Конан увидел, что она почти опустела. По ней спешил отряд стражников на подмогу защитникам эшафота, прокладывая себе путь через немногих мечущихся зрителей. Около эшафота оставшиеся охранники были заняты только тем, чтобы сохранить свои жизни, пока не подойдет подкрепление, в то время как нападавшие выказывали явное стремление разбежаться и раствориться в толпе.

Как только площадь немного очистилась, появилась небольшая группа всадников, скачущих по направлению к эшафоту против движения толпы. С

ними было несколько лошадей без всадников. Грозные копыта заставляли людей расступаться.

— Это Мордерми! — просипел полузадушенный Сантидио. — Митра! И Сандокадзи с ними! Они привели лошадей для нас! Мы ускачем с ними!

— Если разбойники успеют раньше, чем к стражникам подоспеет подмога, — сказал Конан. Он взял брошенную алебарду, перехватил поудобнее ее рукоятку и изо всех сил ударил по ножным кандалам. Лезвие со звоном отскочило от железа. Примерившись, Конан повторил удар. Цепи лопнули, освободив ноги.

Конан удовлетворенно хмыкнул. Положив алебарду на землю, он зажал ручку между ног и просунул пику в ослабленное звено ручных кандалов. Затем, используя ее в качестве рычага, варвар с силой стал крутить кольцо. Некоторое время казалось, что пика не выдержит и согнется, но раньше хрустнуло и порвалось звено цепи. С хриплым смехом Конан потряс свободными руками и вновь подхватил алебарду.

— Давайте сюда нового палача, вы, шакалы! Я повешу его на его собственных кишках!

Никто из стражников не принял вызов.

— Сантидио!

Конан удивился. Это был голос женщины. Ее волосы, перехваченные красным шарфом, развевались, как черный флаг. Она скакала во главе отряда, рассекая толпу.

— Сандокадзи! Это ты! — восторженно завопил Сантидио, когда всадники остановились у эшафота.

— Быстрее! Стражники скоро будут здесь. И они будут стрелять из луков, как только площадь станет посвободнее.

Это был голос предводителя отряда. Конан узнал Мордерми. Он точно соответствовал описаниям, которые киммериец слышал раньше.

— Давай, Конан! — закричал Сантидио. — У нас есть для тебя лошадь.

Отряд стражников был уже совсем близко. Конану не потребовалось дополнительное приглашение, он вскочил в седло и присоединился к отряду. Группа всадников проскочила через площадь и затем по извилистым улицам столицы помчалась прочь от эшафота.

Глава 2

ПРЕИСПОДНЯЯ

Хотя прошло не так много лет с тех пор, как Конан с диких гор своей родной Киммерии попал в южные страны, он пережил больше приключений, чем любой бродяга вдвое старше его. Молодой варвар побывал во многих больших городах гиборийских королевств и не был чужаком даже в самых знаменитых трущобах с их преступными притонами. Он был вором в Мауле, в Заморе — и там приобрел такое мастерство, что впоследствии стал самым известным вором в Гибории. Но Преисподняя Кордавы была уникальным местом среди многих известных трущоб в больших гиборийских городах.

Много веков тому назад землетрясение и пожар уничтожили большую часть Кордавы, причем район города, выходивший к морю, оказался под водой. При первых же толчках большинство людей покинули город, благодаря чему было спасено много жизней. После землетрясения десятки тысяч людей оказались без крова и на развалинах старого города начали возводить новый. В местах наибольших разрушений город просто засыпали мусором — это оказалось легче, чем вывозить этот хлам, — и на раз-

валинах появились совершенно новые строения и улицы.

Некоторые жители Кордавы не стали дожидаться окончания строительства нового города, прокапывая ходы в подвалы и разрушенные здания старого города. Опасность погибнуть под завалами компенсировалась возможностью легко получить кров над головой и вероятностью добыть среди руин что-нибудь ценное. Шли годы, и постепенно выросла новая Кордава, под которой, подобно раковой опухоли, распространялся старый подземный город, медленно перерождаясь в убежище кордавских бедняков, проходимцев и авантюристов.

С самого начала это подземелье получило название «Преисподняя», что полностью соответствовало действительности. Преисподняя была прибежищем для отбросов общества: для бедняков и неудачников, калек и дегенератов. Преступники всех мастей открыто расхаживали по постоянно темным улицам, городские стражники остерегались заходить в лабиринты улиц подземного города. Моряки и солдаты несли свои деньги в Преисподнюю в поисках развлечений. Развлечения здесь можно было найти на любой вкус, даже самый извращенный, так как из всех злачных мест побережья Западного океана Преисподняя пользовалась самой мрачной репутацией. Говорили даже, что по развращенности эта земная Преисподняя не уступает Аду, населенному демонами. Конан однажды был в Преисподней, когда служил в Зингарской армии, — оттуда он вернулся с пустым кошельком и головой, трещавшей от крупной пьянки.

Теперь Конан гордо возвращался в Преисподнюю верхом на коне, спускаясь со своими спутниками по одному из многочисленных туннелей, что вели к подземным улицам старого города. Быстрая скачка с Танцевального помоста исключала возможность погони, а на заполненных народом улицах старого

города не нашлось никого, кто попытался бы их остановить. А когда они попали в Преисподнюю, то здесь за ними могла охотиться хоть тысяча всадников, и у них было бы столько же шансов поймать беглецов, сколько у человека, взявшегося вычерпывать море решетом.

Было позднее утро, и дневной свет кое-где пробиался на темные улицы, которые в это время были пусты, в отличие от улиц верхнего города. Жизнь в Преисподней бурлила ночью, и ее жители были творениями ночи. Несколько винных лавчонок и борделей были все еще открыты. У их входов слонялись проститутки с утомленными лицами, дожидаясь случайных клиентов, которые могут забрести сюда в поисках сомнительных удовольствий. Тусклые уличные фонари бросали желтые пятна света на грязные тротуары. Опиумные курильни и игорные притоны были забиты своими приверженцами. За опущенными занавесами и закрытыми окнами публичных домов их обитатели уже укладывались спать после бессонной трудовой ночи. В маленьких освещенных задних комнатах воры и убийцы делили свой ночной заработок, и, вероятно, их мучили угрызения остатков совести.

В архитектурном отношении, хотя Конан об этом и не задумывался, Преисподняя была настоящим музеем. Любой ценитель старины с большим интересом осматривал бы фасады зданий и металлические решетки, изготовленные много лет назад, прекрасные оконные витражи, причудливых форм уличные фонари и вообще все то, что уцелело от разрушения. Конан же видел только грязь, опустошение и отчаянные усилия содержать эти разрушенные здания хотя бы в относительном порядке. По его мнению, лучше было бы дать им развалиться до конца.

В катакомбы проникало немного дневного света, который был не в силах победить крошечный мрак, он только слабо разбавлял его и превращал в глубокие серые тени, теснившиеся по углам. Вентиляцион-

ные отверстия немного освежали воздух подземелья, выпуская наружу миазмы дыма, нищеты и разорения.

Потолок пещер, расположенный на высоте трех-четырёх метров, выглядел как черный беззвездный небосклон. Многочисленные опоры удерживали на себе мир дневного света, находящийся наверху. Странно выглядевшие, наполовину срезанные, дома подземного города упирались в потолок и служили фундаментом для домов нового города. Подвалы новых домов сообщались со старым городом при помощи замаскированных подземных ходов. Таким образом, Преисподняя была настоящими катакомбами, в которых жили люди, отвергнутые обществом, выброшенные из него.

Конан почти не разговаривал со своими спутниками во время бешеной скачки по извилистым узким улицам. Сантидио поручился за Конана перед Мордерми. Сам Сантидио был занят беседой с Мордерми и Сандокадзи и не прерывал течения мыслей Конана. Конан был рад, что увеличивается расстояние, отделявшее его от резни и кровопролития на Танцевальном помосте. Протвиеоеественный союз высокообразованного аристократа с самым известным преступником Кордавы был загадкой для Конана. Но он об этом не думал. Варвар размышлял о том, как ему без помех проникнуть в гавань и попасть на корабль, отходящий к безопасным берегам.

Они скакали по узкому коридору, образованному стенами домов. Этот коридор заканчивался тупиком — перед ними возникла кирпичная стена. Но всадники, приближаясь к ней, не сбавили хода, как будто перед ними выросла не стена, а нечто нематериальное. Конан не удивился, когда часть стены скользнула вниз — и образовался проход для проезда небольшого отряда. Когда всадники проехали, стена быстро встала на место. Конан слышал слабый скрежет шестеренок и перемещающихся противовесов.

Эта стена, решил Конан, когда-то служила границей богатого поместья с садом и многочисленными угодьями. Под копытами лошадей сквозь слои грязи угадывались мозаичные изображения морских нимф и дельфинов. Кучи мусора закрывали бывшие цветочные клумбы, и садовый фонтан также утонул в грязи. Кирпичные опоры заменяли в этом саду деревья, а сводчатый потолок, покрытый копотью, грязью и сажей, служил небесами, звездами и облаками. Откуда-то доносилось йодистое дыхание моря. Невдалеке виднелись остатки того, что раньше было одним из красивейших дворцов старого города. Массивные стены достигали в высоту двух этажей и там переходили в крышу. На старых стенах громоздилась новая кирпичная кладка. Конан предположил, что это фундамент здания, которое выситя ныне в новом городе. Из окон виднелся свет, испускаемый многочисленными факелами, закрепленными на стенах попеременно всякими драгоценными безделушками и украшениями, украденными в новом городе.

Из здания выбежали хорошо вооруженные люди. Они присоединились к тем, кто уже был во дворе, и приветствовали прибывших громкими криками. Дети бегали взад-вперед между каменными столбами, радостным гамом выражая свое возбуждение. Несколько неряшливо одетых женщин высунулись из окон и тоже приветствовали всадников. Отвечая на приветствия, Мордерми и его люди спешили и передали поводья встречающим. Конан последовал за ними, чувствуя на себе подозрительные взгляды.

Мордерми вскинул руки во всеобщем приветствии и закричал, перекрикивая шум вопросов и возгласов:

— Прошу внимания, друзья! Прошу вашего внимания. Как вы знаете, сегодня утром я решил украсть с виселицы птичку от короля Риманендо. И что же? Король Риманендо будет сегодня в ужасном гневе — он подарил мне двух птичек из своих королевских

клеток. Он не только вернул нам нашего ученого брата Сантидио, большого мастера полемики...

Здесь крики и свист заглушили его. Сантидио отвесил почтительный поклон.

— Не только Сантидио, — продолжал Мордерми, — наш уважаемый король презентовал вам блестящего дуэлянта и мятежника Конана из Киммерии, бывшего наемника Зингарской армии и победителя капитана Ринновы!

Пока толпа осознала все, сказанное Мордерми, стояла тишина, которая взорвалась бурей восторженных криков и аплодисментов. Мужчины выкрикивали поздравления и с интересом осматривали Конана, некоторые подходили и похлопывали его по плечу, ощупывали руки. Конан принял с удовольствием их поздравления и приветствия: это были люди того типа, которых он знал и любил, среди которых жил. В окружающей толпе возникло небольшое движение — и перед ним появилась Сандокадзи, пробившаяся в первые ряды. Она быстро поцеловала Конана, и ее поцелуй был теплый и неожиданный.

— Я видела, что ты сделал, — сказала она Конану. — Сантидио — мой брат. Я не забуду это.

Затем между ними встал Мордерми.

— Ну а теперь, Конан, — его тон был приветливым, но улыбка казалась несколько натянутой, — раз уж тебя целует моя девушка, то почему бы нам не сбить железные украшения, которые ты носишь?!

Глава 3

БЕЛАЯ РОЗА

Поднялось облако пара, когда девушка вылила следующую кружку кипящей воды в ванну. Конан, втиснутый в дубовый чан, не смог увернуться и был

ошеломлен. Ртом, полным вина, он промычал ругательство и шлепнул девушку цыпленком, которого держал в руке. Девушка, Конан забыл ее имя, хрипло засмеялась и встала на колени, чтобы тереть его спину губкой и мылом, от которого едко пахло серой. Сантидио уверял, что оно устранил тюремный запах. Тонкое хлопчатобумажное платье девушки намочило и плотно облегло тело, вырисовывая все подробности. Конан, с кружкой вина в одной руке и полуобжаренным цыпленком в другой, принимал ее заботы как должное.

Один из людей Мордерми сбил с киммерийца кандалы, и теперь, в обитой дубовыми панелями норе Мордерми, Конан и Сантидио пытались смыть с себя грязь, накопившуюся за время их тюремного заключения. Хихикающие проститутки помогали им, и наполненная паром комната напоминала публичные бани. Конан, мечтавший набить свой урчавший живот, не видел никаких причин откладывать это.

Сантидио, сидевший в чане позади него, казалось, не испытывал ни жажды, ни голода. Ожесточенно натирая свои костлявые бока, он неумоимо трещал, описывая все малейшие детали своего ареста, заключения и особенно борьбы на помосте виселицы. Мордерми вежливо слушал, иногда задавая вопросы. Сандокадзи, в глазах которой светилось оживление, больше внимания уделяла Конану.

Сейчас, когда она находилась рядом с братом, сходство было очевидным. Оно проявлялось в округлом подбородке, форме носа и чувственного рта, сверкающих глазах. Сандокадзи была брюнеткой, как и все зингарцы, ее прекрасные черные локоны были стянуты красным шарфом. Это была высокая, стройная девушка с длинными, как и у ее брата, ногами. Красивую фигуру покрывала блуза из тонкой ткани, ниспадающей с плеч, и широкая длинная юбка. Девушка была того же возраста, что и брат, так что Конан не мог определить, кто из них старше.

Мордерми был моложе, чем предполагал Конан. Он был на голову ниже огромного киммерийца, несмотря на сапоги с высокими каблуками. Принц кордавских воров имел репутацию опасного преступника и, по слухам, был хорошим бойцом как в групповых, так и в одиночных схватках, и Конан увидел этому подтверждение в его гибкой фигуре и хорошо развитой мускулатуре. Мордерми имел квадратную челюсть и нос, который был сломан, по меньшей мере, несколько раз. Лицо его было настороженным, глаза пронизывали насквозь, когда он смотрел на собеседника, и становились непроницаемыми, когда встречали ответный взгляд.

Разбойник тоже был брюнетом, а маслянистая копна черных волос, почти прикрывая глаза, была стянута шарфом, как у Сандокадзи. Конан решил, что тонкие черные усики и золотые украшения чересчур претенциозны, но моды Зингары всегда были киммерийцу не по вкусу. В кожаных штанах и богато отделанном камзоле Мордерми мог бы смотреться принцем крови, а не главой преступной банды. Ничего женственного не было и в его обоюдоострой шпаге и длинном кинжале, которые висели на поясе.

Конан выпил вино, и веселая помощница вновь наполнила кружку. Цыпленок был жесткий и плохо приготовленный, но Конан был слишком голоден, чтобы думать об этом. Наслаждаясь теплой ванной, он со вкусом рвал зубами жилистое мясо, бросая кости по пол. На руках и ногах кандалы оставили глубокие ссадины. Конан осмотрел их и отметил в своей памяти, что шрамы необходимо перевязать, а то по этим приметам легко будет опознать беглеца. Вопрос Мордерми показал, что тот внимательно следил за глазами наемника и течением его мыслей:

— Что ты собираешься делать теперь, Конан?

— Убраться из Кордавы, — ответил Конан. — Пробраться на какой-нибудь корабль, а может,

выбраться за городские стены и уехать в другую страну — Аргос или Аквилонию.

Мордерми покачал головой.

— Плохо. Они этого и ждут. Они будут следить за гаванью, поставят двойную охрану вдоль стен и пошлют на границу приказы с твоим описанием. Риманендо прикажет Корсту схватить тебя любой ценой. Корст не дурак, а тебя так же легко опознать, как слона в курятнике.

— Тем больше причин исчезнуть из Кордавы как можно скорей, — возразил Конан. — Страна диких пиктов совсем рядом, за Черной рекой, и Корст, вероятно, не будет особенно бдительно охранять эту границу.

— Верно, — согласился Мордерми, — ведь ни один здравомыслящий человек не пойдет в страну пиктов.

— Ты хочешь рассказать киммерийцу, кто такие пикты? — саркастически спросил Конан.

Мордерми улыбнулся на это.

— Почему бы тебе не остаться здесь? Здесь ты будешь в безопасности, как нигде. Половина моих людей была бы повешена, если бы они попали в руки магистрата. Корст знает их лица и знает, где искать, но он не попытается проникнуть сюда.

— А может, теперь рискнет? — предположил Сантидио. — Мы здорово нарушили пищеварение Риманендо. Я всегда думал, что он двинет свои силы в Преисподнюю, если ему дать достаточный повод.

— Ну что же, пусть. Они могут завалить тысячи выходов, у нас найдется тысяча новых. Путь они обыскивают тысячи подвалов, мы будем над ними смеяться из тысячи новых, о которых они не подозревают. Насколько я знаю Корста, этот вояка наймет убийц, чтобы избавиться от нас. Так что нам придется иметь дело с убийцами. Ты боишься этого, Конан?

Конан оторвал голову цыпленку и засмеялся ртом, набитым хрустящими костями.

— Ну и хорошо, — хмыкнул Мордерми. — Оставайся здесь, пока дураки Риманендо будут ждать твоего бегства. Я знаю людей. Я видел, что ты творил на эшафоте. Ты смог убить Риннову в честном бою. Ты мне нужен, Конан. Мои люди и я живем очень хорошо, как ты видишь, и ты будешь жить не хуже. Ты будешь получать намного больше, чем наемники, а риск несколько не больше. Подожди, пусть все утихнет, и ты сможешь скрыться из Кордавы, но уже с кучей золота.

— Помятче, Мордерми! — запротестовал Сантидио, ожесточенно растирая полотенцем свое тощее тело. — Ты забыл, что Конан не из тех, с кем вы привыкли иметь дело. Он человек твердых принципов и боец за свободу, как и я.

— Варвар-наемник?.. — начал Мордерми.

— ...и человек с чувством чести и благородства. Киммериец может неправильно понять приглашение в банду воров, — остановил его Сантидио. — Конан, ты должен знать, что мотивы нашей деятельности выше, чем нажива. Мы не бандиты, мы — альтруисты.

— Сантидио, я не думаю, что Конан...

— Хватит, Мордерми! Ты нас освободил сегодня, а это предприятие, должен отметить, сопровождалось огромным риском и не принесло тебе никакой выгоды. И это с ясностью показало, что ты один из наших. Конан, ты, конечно, слышал о «Белой Розе»?

Конан, рот которого был полон вином и цыплячьей грудкой, с восхищением смотрел на Сандокадзи. Ее полные губы прильнули к апельсину, высасывая из него сок, а глаза улыбались Конану, который всю работу выполнял челюстями.

Сантидио слишком любил свой голос, чтобы дожидаться ответа.

— Как ты знаешь, «Белая Роза» — это повстанческая армия, желающая свергнуть короля Риманендо и его насквозь прогнивший двор для того, чтобы основать свободную республику Зингара. Несомненно, ты видел наши листовки, которые мы распространяем быстрее, чем прихвостни Риманендо могут их уничтожить. А может, ты даже читал наши воззвания, возможно, даже мой собственный памфлет, тот самый, из-за которого мы встретились под виселицей.

Конан вежливо кивнул, облизывая жир с пальцев. Цыпленок несколько утолил его голод и вернул прежнюю невозмутимость. Наемник припомнил, как в казарме начинался шум, когда находили какие-то возмутительные бумажки, вспомнил споры о каком-то тайном обществе, которое стремится свергнуть короля Риманендо. Беспокойство об этом, как он считал, было делом городской стражи, а не наемников, к тому же Конан полагал, что все политические разговоры скучны и бесплодны так же, как и другие словесные упражнения, которыми увлекаются дураки — религиозные словоблуды.

— Республика? — с трудом произнес Конан неизвестное зингарское слово. — А что это?

— Я не уверен, что в твоём родном языке есть такое понятие, — сказал Сантидио. — Это вершина многих раздумий. Я не знаю, как назовешь это ты, но республика — это когда народ сам выбирает себе правителей вместо того, чтобы принимать тех, кого бог ставит над ним. В общем, это примерно так же, как в некоторых примитивных племенах, где люди сами выбирают себе вождя, — Сантидио осекся, — примитивные, это другими словами, э-э-э... некоторые варварские народы... — Он попытался припомнить, какая форма правления у киммерийцев.

— Ты сказал, что «Белая Роза» — это армия, — сказал Конан, — а где же солдаты?

— Наши солдаты — это народ Зингары. — Сантидио размахивал руками в подтверждение своих слов. — Наши цели — это цели всех людей, стремящихся к свободе и желающих освободиться от власти жестокого тирана.

Конан хотел спросить, кто же руководит всем движением, но спросил иначе:

— А ваши офицеры, кто они?

— У нас нет офицеров, во всяком случае в том смысле, как ты подразумеваешь. У нас, конечно, есть лидеры, но это те люди, которых мы выбираем из своих рядов, а не те, кто своим положением обязан исключительно происхождению.

— А кто же глава «Белой Розы»? — настаивал Конан.

— У нас нет главного, во всяком случае одного... У нас не один глава, которому все подчинены, но, конечно, нельзя сказать, что у нас нет лидеров.

Конан кивнул, кружка с вином направилась к рту.

— У нас их несколько, — продолжал Сантидио. — Одни считают, что я глава «Белой Розы». Но у нас есть несколько групп, как и в любом движении: Аввинти имеет последователей среди богатых, Карико популярен в средних слоях общества. Есть и другие выдающиеся люди в нашем движении, имеющие своих последователей.

— А кто же принимает решения?

— А! Мы, конечно! Мы собираемся и обсуждаем все аспекты проблемы. Затем голосуем за необходимые действия. Так что власть принадлежит всем.

— Если бы все дело поручить твоим друзьям-болтунам, — рассмеялся Мордерми, — то твой бойкий язык, Сантидио, уже выклевали бы вороны. Ты знаешь, почему «Белая Роза» не сделала ничего для твоего освобождения? Потому что комитет, который собрался для обсуждения твоего вопроса, так и не

смог решить, что делать: брать штурмом тюрьму или перебить стражников по дороге на эшафот, — и затем Аввинти заявил, что ты будешь полезней движению в качестве жертвы, а не как писатель полу-сырых памфлетов...

— О, этот ублюдок Аввинти! Я убью его! — кричал Сантидио. — Но я думал, что это Сандокадзи уговорила тебя пойти на это.

— Сандокадзи говорила об этом, должен отметить, тем не менее освобождение было полностью моим решением.

— Этот ублюдок Аввинти! — Лицо Сантидио стало страшным. — Я дам ему шанс стать жертвой.

Вытеревшись, он стал натягивать свежее белье, принесенное ему Сандокадзи. Одна из проституток попыталась помочь ему, но он нетерпеливо оттолкнул ее и завертелся по комнате, ругаясь про себя. Помощница Конана принесла зеркало и бритву. Она намеревалась побрить его, но Конан не желал, чтобы чья-либо чужая рука приближалась с бритвой к его горлу. Заставив девушку держать зеркало, он стал сбрасывать отросшую в тюрьме щетину, а Сантидио просто подстриг бороду до ее обычного размера, продолжая уже успокоившись:

— Короче говоря, ситуация такова: Мордерми поддерживает цели и основные принципы «Белой Розы», хотя этот самодовольный осел считает нас просто идеалистами.

— Ты и твои друзья говорят беднякам, что все богатства двора Риманендо по праву принадлежат всем, — сказал саркастически Мордерми. — Я возьму все богатства Риманендо и раздам их угнетенным, но только после подсчета прибыли, я ведь несу довольно большие расходы, а вы — альтруисты.

— Мордерми! — Сантидио ткнул в его сторону обвиняющий палец. — За этими циничными словами стоит каменное сердце. Кадзи, где моя шпага?

Сандокадзи что-то сказала одной из служанок, та исчезла и быстро вернулась со шпагой в слегка заплесневевших ножнах. Сантидио вынул лезвие, критически осмотрел его и сделал несколько выпадов. Конан наблюдал за его действиями с интересом. Язык Сантидио был боек, но его таланты, по-видимому, не ограничивались словесными упражнениями.

— Аввинти, пора с тобой побеседовать, — буркнул Сантидио, вставляя шпагу в ножны и пристегивая их к поясу. — Конан, ты что, улитка? Ты собираешься сидеть в этой раковине весь день?

— Сейчас мне принесут одежду.

— Она кишела насекомыми, — засмеялась Сандокадзи. — Мы послали ее королю Риманендо на десерт. Девочки сейчас подберут что-нибудь для тебя.

Конан положил бритву на место, смыл с лица мыло. Вода достигла такой степени загрязненности, что уже не очищала, а пачкала кожу, но по крайней мере он смыл с себя тюремную грязь. Конан выбрался из чана и стал вытираться полотенцем, борясь с желавшей ему помочь служанкой. Сандокадзи смотрела на него с мягкой иронией и жевала апельсин. Когда киммериец вытерся, принесли одежду, не новую, но чистую.

Конан всунул ноги в узкие кожаные штаны, плотно облегавшие его тело. Затем надел ярко-красный камзол с широкими рукавами. Сапоги были вычищены, а следы кандалов тщательно заделаны. Кроме того, его одежду составила фуфайка без рукавов, ранее принадлежавшая какому-то толстяку, и шляпа с опущенными полями.

— Неплохо, — оценил его Сантидио, — за графа из свиты Риманендо тебя не примут, но в толпе ты сможешь ходить.

Сандокадзи опять усмехнулась.

— Думаю, что со временем подберем более подходящий костюм, — сказал примирительно Мордерми. — Что-нибудь более приближающееся к моде. А кроме того, охранники ведь будут разыскивать одетого в лохмотья варвара.

— Мне бы хотелось хорошую шпагу, — сказал ему Конан.

— Это проще простого, наш арсенал гораздо богаче, чем гардероб, — засмеялся Мордерми. — Хорошую шпагу? У нас большой выбор различной длины и формы лезвия. А может, ты хочешь такую, какой дрался с Ринновой?

— Лучше бы широкий меч, — сказал Конан. На самом деле он предпочел бы прямой двуручный меч, но сомневался, найдется ли здесь такой.

— Ну конечно, — заметил Мордерми, — ты можешь выбрать все, что хочешь. Я провожу тебя на склад оружия. Мы отбираем себе только самое лучшее.

— Я заплачу за все, когда смогу, — вспомнил Конан.

— Заплатишь нам? — Мордерми хлопнул его по плечу. — Конан, здесь не все украдено. А кроме того, я у тебя в долгу. Без твоего вмешательства моя попытка освобождения была бы напрасной тратой времени.

— Мы распределяем между бедняками все то, что было несправедливым образом изъято у них вследствие социальной несправедливости...

— Заткнись, Сантидио! — воскликнул Мордерми. — Конан присоединился к нам не для того, чтобы слушать твою болтовню!

— А ты присоединяешься к нам? — спросил у Конана Сантидио.

— Я вступил в армию Риманендо по доброй воле, — Конан пожал плечами, — правительство предало меня. Я убил хвастливого буйвола на дуэли, на которую он сам меня вызвал. Генерал Корст решил повесить меня. Мне непонятны твои

теории и красивые слова, Сантидио, но я должен отомстить Риманендо и его прислужникам и я должен Мордерми за меч.

Глава 4

СТАЛЬ И МЕЧТАТЕЛИ

— Он и его друзья могут спорить до бесконечности, но идеи Сантидио все-таки основа всех их высказываний, — сказал Мордерми.

Разбойник как будто оправдывается, подумал Конан. Он осматривал оружие, критически выбирая лучшее. На этом складе, который Мордерми называл арсеналом, было несколько широких мечей. Сантидио и его сестра вышли, пока Конан выбирал. Один меч, сделанный из хорошей стали, привлек его внимание — такие мечи были неизвестны на западе.

— Ваш союз удивляет меня, — сказал Конан, пробуя лезвие.

— Но почему? — засмеялся Мордерми. — Здесь рай для неудачных мечтателей — будь их мечты о богатстве или об артистической или иной карьере. Риманендо правит Зингарой, как раздувшийся вампир, жирея на нашей крови, а его знать все время изобретает новые способы лишения нас денег и здоровья. В другой стране Сантидио мог бы проповедовать свои идеи на публичных форумах, и там бы его или осмеяли, как дурачка, или приветствовали, как национального героя. Здесь, в Кордаве, тех, чьи мечтания поднимают народ против тирана-поработителя, вешают так же, как и тех, кто мечтает о богатстве и ворует, чтобы вернуть себе то, что у них отняли.

— Значит, и вы часть армии «Белая Роза»?

— Несмотря на все мое почтение к идеям Сантидио, «Белая Роза» — это всего лишь общество

спорщиков, а не армия. Друзья Сантидио — самые большие умы Зингары, по крайней мере так они говорят о себе. Эти краснобаи могут спорить до хрипоты, обсуждая мудрость бесчисленных мыслителей, мертвых и ныне живущих в других странах, — но половина из них не сообразит, за какой конец брать шпагу, даже если им дать три попытки.

— Мне нравится этот меч, — сказал Конан. Оружие было прекрасной работы: прямое широкое лезвие, заточенное с двух сторон, удобная рукоять с плетеной гардой. Закалка была очень тонкая, а слоев, казалось, было бесчисленное множество.

— Это очень хороший меч, — согласился Мордерми. — Мне бы хотелось знать его историю. Правда, рукоять не блещет оригинальностью. Я сам имел такой меч, но рукоять была для моей руки не очень удобной. Шпага — более универсальное оружие: она легкая, длинная, позволяет колоть острием и рубить лезвием. Традиция все еще требует короткую шпагу для дуэлей, но я уверен, что она со временем уступит место такой, как у меня, а рубящие удары заменятся колющими.

— У этих узких лезвий слишком мала убойная сила, — возразил Конан. — Я видел одного пьяного наемника, которому шпагой проткнули сердце, а он тем не менее разрубил своего обидчика пополам и убил двух его друзей, прежде чем упал на землю и умер. С такой шпагой расколешь противнику череп, а потом надо с осторожностью ходить вокруг него, чтобы убедиться, что он умер. Вы можете иметь прекрасную технику и хорошую шпагу для уколов, но дайте мне меч с острым лезвием — и я проложу себе путь в любой схватке.

— Конечно. — В тоне Мордерми слышался не прикрытый сарказм, и Конан на этот раз уловил его. — Ты доказал это капитану Риннове, но не хочешь ли попробовать со мной? — Мордерми вынул свою шпагу. — Только для того, чтобы убедиться в

правильности выбора, — улыбнулся он. — До первой крови?

Хотя Конан не любил фальшивые поединки, которые цивилизованные люди считали проявлением настоящего фехтовального искусства, предложение было достаточно невинным. Однако Конан многое бы отдал за то, чтобы прочитать затаенные мысли Мордерми, которые скрывались за его непроницаемыми глазами.

Мордерми защищался, вежливо ожидая, чтобы Конан взял инициативу в свои руки. Конан почувствовал себя не в своей тарелке, когда Мордерми шутя отбил его неловкий выпад. В атаке Мордерми был необыкновенно пластичен и точен, и Конан с трудом отразил его удар гардой меча в последний момент.

Рассерженный Конан отбил лезвие шпаги Мордерми и сориентировал свою кисть так, чтобы нанести колющий удар. В следующее мгновение он понял, что удар придется острием меча в солнечное сплетение, и приостановил движение. Это позволило Мордерми избежать смертельной раны, отскочив в сторону за те доли секунды, которые Конан ему предоставил. Рубящие удары могут нанести тяжелые увечья, и Конан напомнил себе, что схватка всего лишь игра. У Мордерми же никаких колебаний не было; прежде чем Конан смог защититься, клинок шпаги Мордерми резанул его лицо. Конан пытался защититься, но Мордерми оказался чуть быстрее. Их клинки скрестились, затем разошлись, и Конан почувствовал боль в челюсти. Теперь широкое лезвие его меча, ведомое инстинктивным движением опытного бойца, ударило по шпаге Мордерми, когда тот готовил выпад. Удар тяжелого меча пришелся по шпаге близ рукоятки, меч скользнул по гарде. Сила удара была такова, что рукоятка шпаги выскочила из рук Мордерми.

— Конан! — Крик Сандокадзи привел варвара в чувство. Его широкий меч был занесен для

смертельного удара. Мордерми попытался подхватить свою шпагу, кувыркавшуюся в воздухе. Конан застыл. Шпага упала на землю, высоко подпрыгнув. Мордерми поднял ее.

— У тебя кровь, — сказал он спокойно.

Конан пощупал свою челюсть и почувствовал теплую липкую влагу, вытекающую из неглубокой раны.

— Что это за сумасшествие? — спросила Сандокадзи. — Я услышала звон стали...

— Извините, — покорно сказал Конан, глядя на пальцы, запачканные кровью. — Я не привык заниматься фехтованием для развлечения.

— Мне нужно было вовремя расслабить руку, — прокомментировал схватку Мордерми, — но бог с ним, упражнение было поучительным.

— Митра, что вы...

— Конан хотел проверить свой меч, а мне было любопытно проверить мастера, который победил самого Рингову. У Конана есть своя точка зрения...

— Не у меня, а у тебя, — запротестовал Конан.

— Я просто сказал, что шпага самое универсальное оружие. Ты тоже это знаешь, Кадзи. А вообще, тебе следовало бы посмотреть: Конан фехтует так, будто меч является продолжением его руки и весит не больше спицы для вязания.

— И ты называешь моего брата чокнутым! — Сандокадзи вскинула голову. — Я лучше буду слушать его споры с соперниками, во время этих разговоров хотя бы не льется кровь.

— Не обращай внимания, — шепнул Мордерми, когда девушка ушла. — Даже Сантидио и Аввинти пасуют перед ее остроумием и отвагой.

— Если бы я был Аввинти, я бы не хотел, чтобы Сандокадзи была у меня за спиной, когда дело дойдет до дуэли, — заметил Конан. — Она ни секунды не колебалась, когда скакала сегодня утром к эшафоту, топчя при этом людей. Это освобождение унесло немало жизней — как зрителей, так и участников боя.

— Ни один из рода Эсанди не остановится ни перед чем на пути, который они выбрали. Ты знаешь, это была ее идея относительно горящих возов с сеном — Он осмотрел царяпину на подбородке Конана. — Чепуха, я глубже режусь во время бритья.

— Из рода Эсанди? — переспросил Конан, отметив некоторое пренебрежение в голосе Мордерми.

— Да, Сантидио и Сандокадзи из рода Эсанди, занимавшего при дворе очень высокое положение, разве ты не знаешь? Ах да, я забыл, что ты недавно в Кордаве. Но теперь из этого рода в живых остались только трое, — добавил он помолчав. — Ты можешь выбрать себе и кинжал. Посмотри, может быть, тебе что и понравится.

Конан осмотрел ряд клинков, на которые указал ему Мордерми, и подумал, что этим оружием и снаряжением можно было бы снабдить небольшую армию, если бы Сантидио и его друзья решили подкрепить свои речи сталью.

— Ты сказал, что их осталось трое. Значит, один из них носит свой фамильный титул — в то время как Сантидио и Сандокадзи находятся вне закона?

— Больше нет ни титула, ни состояния. Остались только Сантидио и две его сестры. Все трое близнецы. Они были уже большими, когда их отец оскорбил короля Риманендо. Король обвинил его в том, что тот утаил приличную часть суммы, которую собирал с жителей в виде налога, а Сантидио уверяет, что отец отказался увеличивать сумму налогов согласно приказу короля. Я не знаю, кто говорит правду, да и не в этом дело. Старику отрубили голову, а все состояние перешло в руки других прислужников Риманендо. Я забыл, что случилось с домашними графа, во всяком случае о них уже больше не слышно. Но рождение трех близнецов — редкий для Зингары случай, за время своего пребывания в этой стране я впервые слышу о таком. Три — это святое число, и ввиду широкой огласки от них не смогли избавиться тайно, как

от всех остальных членов семейства. Благодаря симпатии народа к отцу дети остались живы. Сантидио и Сандокадзи в конце концов попали сюда, как и многие другие, кто не в ладах с властью. Их преданные друзья оставили им деньги, чтобы можно было существовать. Сандокадзи танцует, а Сантидио как активный лидер «Белой Розы» живет на суммы из ее фондов.

Конан нашел тяжелый кинжал с обоюдоострым клинком, который ему понравился.

— А третья?

— Это Дестандази. Она... она пошла по другому пути. Она также ненавидела короля и его клику, но если Сантидио и Сандокадзи направили свою энергию на его свержение, то Дестандази покинула общество. Она вошла в секту Джаббал Саг и, по слухам, стала настоятельницей отделения секты где-то за Черной рекой. С ней нет связи уже несколько лет. Колдуны, особенно те, кто исповедует старые культы, стараются как можно меньше общаться с теми сторонами жизни, без которых не могут жить ее брат и сестра.

— Дестандази, — повторил Конан, вешая кинжал на пояс, — она близнец Сандокадзи?

— И Сантидио, — засмеялся Мордерми.

Глава 5

НОЧНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

При первом же неясном звуке Конан мгновенно проснулся. Его глаза обшаривали темноту комнаты, а рука потянулась к рукоятке кинжала.

Мордерми предоставил ему комнату в своем доме. Конан из врожденной осторожности расположил тюфяк среди наваленных вещей так, чтобы можно было наблюдать за дверью. Мягкое шел-

канье хорошо смазанного засова разбудило его после нескольких часов сна. Кто-то быстро открыл дверь и проскользнул в комнату; в этом Конан был убежден, несмотря на то, что дверь уже плотно закрылась, а комната с полностью зашторенными окнами была погружена в абсолютный мрак. Вошедший не двигался и ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Конан тихо выскользнул из-под покрывала и неслышными шагами направился к источнику еле угадываемого мягкого дыхания.

Когда варвар приблизился к непрошеному посетителю, его рука, лежавшая на ручке кинжала, расслабилась. В воздухе плавал слабый аромат духов. Конан вытянул руку и нащупал соблазнительную женскую фигуру. Сандокадзи невольно вскрикнула от неожиданности и скользнула в его объятия. Быстро ошупав ее, Конан убедился, что она безоружна.

— Я напугал тебя? — сказал Конан.

— Ты, как кошка, видишь в темноте.

— Я услышал твое дыхание и почувствовал запах твоих духов. — Конан удивился, что ему приходится объяснять очевидное. — А я думал, что дверь у меня заперта.

— Любой может открыть эти запоры, — ответила Сандокадзи приглушенным тоном. — И потом, кто же осмелится грабить Мордерми?

— Верно.

На Сандокадзи была только тонкая накидка. Конан, который был почти обнажен, почувствовал острое желание, когда теплое, мягкое, податливое женское тело прижалось к его груди.

Сандокадзи прошептала:

— Я сегодня очень долго танцевала. Все уже пьяны и храпят после бурного празднования бегства Сантидио.

Конан, оставивший празднество очень рано, когда оно еще только разгоралось, был не настолько глуп, чтобы не понять, зачем пришла девушка.

Он бы не медлил, если бы появилась разбитная помощница по купанию, но в данном случае его поведение определялось совсем другим. Киммериец действовал строго в соответствии со своим диким кодексом чести, кодексом, которому полностью подчинялись все его желания и инстинкты, и потому чувственная фигура, полулежавшая сейчас в его объятиях, согласно этике варвара, была для него запретным плодом.

— Я же обещала не забыть, как ты спас моего брата, — продолжала Сандокадзи тоном, в котором звучало недвусмысленное обещание. Ее пальцы ласкали Конана.

— Ты — женщина Мордерми, — с усилием вымолвил Конан.

— Мордерми необязательно об этом знать. Он не был моим первым любовником, не будет и последним. Я не служительница культа, как моя святая сестра.

— Не в этом дело, — запротестовал Конан, чувствуя, что если дело пойдет дальше, то его чувства возьмут верх над этикой. — Мордерми — хозяин дома и мой друг. Я не хочу обманывать друга в его собственном доме.

— Святая простота! — поразила Сандокадзи. — И кто мог бы заподозрить ее в варваре? Мои руки говорят мне, что ты не из тех, кто способен только скакать на жеребцах. Ты что, боишься Мордерми?

— Конечно, тебе может показаться, — гнев слышался в голосе Конана, — что я недостаточно цивилизован для того, чтобы кататься в сене с женщиной моего друга. У нас в Киммерии обычаи несколько отличаются от ваших. Они более архаичны.

— Но здесь же не Киммерия, не правда ли? Неужели ты предлагаешь руку и сердце каждой шлюхе, с которой переспешь?

— Нет, не каждой! — воскликнул в ярости Конан. Гнев уже возобладал над его чувствами и

желанием, которое она возбуждала. — Но если я хочу женщину, то делаю ее своей, и я убью каждого, кто попытается ею завладеть. Мордерми чувствует то же самое, насколько я могу судить о нем. Если я сделаю тебя своей, то нам придется драться, а я не хочу убивать друга из-за бабы.

— Ах так! — Сандокадзи разомкнула свои объятия. В ней тоже вспыхнул гнев отверженной женщины. — Сантидио был прав — ты альтруист. Ну что же, мой набожный киммериец. Я вовсе не предполагала стать хозяйкой в твоей хижине где-нибудь в захудалой горной деревушке. Я хотела подарить тебе ночь удовольствия! Мне просто любопытно знать, есть ли мужчина под твоей великолепной мускулатурой. А вместо этого я нашла большого неуклюжего дурака!

Сандокадзи оттолкнула Конана и направилась к двери. Киммериец готов был согласиться с ней. Варвар не привык обдумывать свои поступки — и только мысль о том, что он предаст своего друга, а это было противно его сознанию, не позволила схватить Сандокадзи и швырнуть мягкое желанное тело на тюфяк. Поэтому Конан позволил ей уйти.

Когда дверь открылась, после крошечной тьмы в комнате Конана сумрак коридора показался ярко освещенным. Сандокадзи ступала бесшумно своими босыми ступнями, так что человек, который прятался за дверью, оказался в полосе света. Хотя он был застигнут врасплох, тем не менее быстро сориентировался, и в его руке зловеще сверкнул нож.

Напуганная Сандокадзи пронзительно вскрикнула. Рука незнакомца непроизвольно вздрогнула — он не ожидал увидеть женщину, — и его секундного колебания оказалось достаточно для Сандокадзи, чтобы увернуться от удара. Она выскочила в коридор, получив только царапину на плече, где нож незнакомца разрезал ей накидку. Нападающий все еще был в замешательстве от

неожиданного поворота событий. Убийца не мог решить, что делать: заставить замолчать девушку или ворваться в комнату, где надеялся застать врасплох спящего Конана.

Конан выскочил из темноты и ударил первым. Схватив руку незнакомца, сжимавшую нож, он вонзил свой кинжал ему в живот и резким движением рванул вверх. Рывок был так силен, что грудная клетка незнакомца оказалась разрубленной. Дикий крик боли превратился в предсмертный стон, и труп выскользнул из рук Конана, медленно осев на пол лицом вниз.

Сандокадзи перестала кричать и смотрела на Конана блестящими глазами. Крики тревоги разнеслись по дому. Люди со всех ног сбегались сюда, клинки сверкали в свете факелов. Среди подоспевших был и Мордерми. Когда он и его люди увидели открывшуюся их глазам картину, на его лице застыл немой вопрос. Сандокадзи не колебалась:

— Я шла по коридору, когда увидела кого-то, крадущегося в темноте. Его поведение показалось мне подозрительным, и я решила проследить за ним. Когда он остановился у комнаты Конана, я поняла, что это подосланный убийца. Я закричала, чтобы предупредить Конана, убийца напал на меня, а затем выскочил Конан, вступил в бой и убил его.

Она приспустила на плече свою разрезанную накидку, чтобы осмотреть рану. Царапина немного кровоточила, но ничего серьезного не было. Конану только и оставалось, как подтвердить рассказ девушки.

— Тебе следовало бы позвать кого-нибудь из нас. — Мордерми поверил ее словам. — Тебя могли убить.

— Позвать вас? Вы же все спали, уткнувшись в свои чаши с вином.

— Переверни его, посмотрим, что это за птица, — приказал Мордерми. — Что же у меня за охрана,

если убийцы Корста свободно разгуливают в моем доме!

Охранники перевернули труп и осветили факелом лицо, покрытое кровью. Некоторые смотрели на него с изумлением. Мордерми воскликнул:

— Черт возьми! Это же Велио! Он был у меня офицером, и я доверял ему, как самому себе! Оказывается, золото Риманендо может купить даже моих ближайших помощников! Конан, я предложил тебе здесь убежище и чуть не стал причиной твоей смерти.

Конан промолчал. Он вовсе не был убежден, что Велио действительно был шпионом и убийцей, возможно, он был верным приверженцем, который, обнаружив измену Сандокадзи, решил отомстить за своего хозяина и восстановить его честь.

Глава 6

ПОД КОРОЛЕВСКОЙ МАСКОЙ

Запах моря смешивался с ароматом роз, цветущих в большом саду вокруг королевского павильона, который находился за высокими стенами, что отделяли его от побережья. Вдали от Кордавской гавани павильон сообщался с морем посредством высоченного мола. Тысячи праздничных фонарей всех цветов радуги украшали сад. Смех и веселье гостей тонули в шуме прибоя, разбивавшегося в темноте о мол.

Скорее настороженный, чем веселый, Конан шел среди гостей маскарада, назначенного в честь дня рождения Риманендо. Он думал, что сегодняшнее предприятие даже для Мордерми слишком дерзкая выходка. Мордерми предложил подделывать королевские приглашения. Киммериец являл собой фантастическую фигуру среди многочисленных

представителей знати и богачей, собравшихся здесь, — и он сам это понимал. Варвар был одет в рогатый шлем, доспехи и меховой плащ воина вана, нации, которую он не любил. Черная грива волос красиво оттеняла загар, а шелковая маска скрывала верхнюю половину лица. Этот костюм был идеей Сандокадзи, так же, как и боевой топор, который киммериец нес на плече, — двуручное оружие варвара с двумя лезвиями и головкой наподобие молотка. Конан одобрил такое приложение к маскарадному костюму: человек с подобным оружием вызовет меньше подозрений на празднике у короля, чем человек, вооруженный шпагой, поскольку топор был частью его костюма.

— Кому придет в голову, что варвар переоденется в варвара? — уверяла Сандокадзи, для которой, как и для абсолютного большинства зингарцев, представители разных племен варваров были на одно лицо. Конан вполне прилично говорил на языке ванов, чтобы без труда разыгрывать из себя официального представителя отдаленной страны, да и его акцент в такой ситуации не вызовет подозрений у снобов зингарской знати, так как многие из них не отличили бы пикта от кушита, стигийца от туранца. Конан считал, что не привлечет к себе больше внимания, чем другие гости.

Сама Сандокадзи надела маску сокола, закрывавшую лицо, а оперение птицы колыхалось вокруг ее обнаженных рук и ног во время ходьбы. Под плащом, сделанном из птичьих перьев, виднелось обнаженное тело. Сантидио вел сестру на серебряной цепочке, накинута на шею. Он, в свою очередь, был облачен в одежду сокольника и черную маску. Как и предсказывала Сандокадзи, вся группа ничем не выделялась в окружающей толпе.

Самый оригинальный костюм надел Мордерми. В этом наряде главарь бандитов представлял собой приукрашенную копию самого короля Риманендо:

горностаевая мантия, позолоченная кольчуга, корона из мишуры, напудренные волосы, приличный живот, достаточный для того, чтобы подчеркнуть сходство, но в то же время не оскорбляющий достоинство монарха. Идея костюма также принадлежала Сандокадзи. Разве может вызвать подозрение копия их короля? По мнению Конана, девушка была чрезвычайно сообразительна. Достаточно было вспомнить, как хитро она вывернулась из пикантной ситуации в ночь воображаемого покушения. Ведь с тех пор ночных визитов больше не было.

Время, проведенное в Преисподней, прошло быстро и с пользой для Конана. Грабежи принесли удачу Мордерми и его банде. Мордерми был умным предводителем. Конан в деле показал себя молодцом, ни в чем не уступая самым опытным зингарским ворам, ни в дерзости, ни в изобретательности. Взаимное восхищение двух мужчин переросло в дружбу, к которой примешивалось скрытое соперничество. В сферу этой дружбы входили Сантидио и Сандокадзи, хотя в данном случае не было тех крепких духовных уз, которые связывали между собой Конана и Мордерми. Мордерми в реальной жизни был варваром городских трущоб, и жизнь его была такой же грубой и непритязательной, как и жизнь Конана в горах Киммерии. Сантидио и Сандокадзи от них всегда отделял высокий барьер, воздвигнутый разницей в происхождении. Несмотря на все разговоры о братстве человечества, интеллектуальность Сантидио лишала его мечты реальности, а что касается Сандокадзи, то она всегда вела себя, как участница какой-то веселой детской игры.

На чем же основывался союз столь разных людей? Конан догадывался о том, что являлось загадкой для всех окружающих. Их дружба, возможно, питалась тем, что каждый из них имел свои определенные цели; амбиции Мордерми распространялись гораздо дальше участи короля воров.

Сандокадзи тешила себя надеждой разрушить тот социальный порядок, который лишил ее прав, принадлежащих ей от рождения. Сантидио мечтал создать новое общество, основанное на разуме, а не на силе. И, наконец, Конан — варвар, искатель приключений, который покинул Киммерию, чтобы посмотреть цивилизованные страны, но ничего не нашел для удовлетворения своей ненасытной жажды путешествий. Зато он стал участником многих приключений, а это Конана вполне устраивало.

На королевском маскараде собрались сотни гостей. Фантастически одетые фигуры прогуливались по саду, а внутри павильона высшая знать кружилась в танцах на полу из черного мрамора. Полуобнаженные девушки скользили вокруг помоста с подносами, на которых лежали сласти и деликатесы, стояли драгоценные серебряные кубки с редкими винами и мороженым. Влюбленные парочки скрывались в тени деревьев или в увитых цветами беседках — и музыка маскарада заглушала их тихий смех, шелест шелка и томные вздохи.

Конан ел с удовольствием, но отказывался от любых напитков, которые подносили ему, он отвергал столетнее вино так, как будто это было простое пиво.

Тем, кто обращался к нему, Конан бросал короткие ответы на заморском языке; по его угрожающему тону гости заключили, что варвар пьян и груб, как и подобает варвару.

Это ночное приключение было Конану не по душе, но Мордерми считал затею великолепной. Киммериец предпочитал заниматься простым воровством или — еще лучше — открытым грабежом: взломать сокровищницу богатого лорда или ограбить купеческий караван. Сегодняшний план Мордерми, по мнению киммерийца, был рискованным. Многоходовая, тщательно разработанная схема своей сложностью беспокоила Конана.

Многих из своих людей и людей «Белой Розы» Мордерми расположил внутри королевского дворца. Большинство было одето слугами и лакеями, а приверженцы Сантидио присутствовали в качестве гостей маскарада. Оружие было слабым звеном в продуманном плане: никто не имел права явиться на маскарад в честь дня рождения короля хорошо вооруженным. Правда, ни один дворянин не появился на празднике без шпаги, а лакей — без ножа для защиты от воров. Вначале Конан хотел командовать нападением снаружи, но Мордерми решил, что варвар принесет больше пользы в бою внутри дворца.

Королевский дворец, окруженный высокими стенами и обрывающимися в море утесами, охранял отборный отряд гвардии Риманендо.

План ограбления был основан на невероятной дерзости. Риск граничил с самоубийством. Добыча — золото и драгоценности богатейших людей Зингары.

Рыжеволосая девушка, одетая только в шкуры и подпоясанная цепью, состоявшей из соединенных между собой серебряных дисков, с трудом волокла тяжелый двуручный меч, изображая смехотворную пародию на воина-варвара. Она с улыбкой обратилась к суровому и хмурому Конану:

— Почему ты так мрачен, мальчик? — прошептала она. — Я знаю укромное местечко, где мы можем скрестить наше оружие в интимной схватке. Ведь еще не время снимать... маски.

— Еще не полночь? — спросил Конан о сильным акцентом. — Но скоро начнется прелестный танец сокола, который был нам обещан.

Девушка сделала гримасу.

— Ну, если тебе больше нравится смотреть на какой-то дурацкий танец, не смею тебя задерживать.

— Сука, — пробормотал Конан, когда девушка упорхнула. Настроение у него совсем испортилось. Киммериец с удовольствием принял бы предложение

рыжей шлюхи из высокородной знати и заставил бы ее изменить пренебрежительное мнение о себе, а уж потом бы занялся делами. Но игра была спланирована Мордерми, и Конан имел в ней свою определенную роль, от которой не имел права отступать. В противном случае весь тщательно разработанный план налета мог превратиться в смертельную ловушку для заговорщиков.

Конан не устоял и позволил служанке наполнить свой кубок. Выпив вино, варвар направился в павильон, где Сандокадзи готовилась к своему танцу. С приближением начала смертельно опасной схватки люди обычно нервничают от постепенно нарастающего напряжения. Киммериец же, напротив, становился все более спокойным и хладнокровным.

То, что один из королевских гостей изъявил желание станцевать на сцене перед остальными, как простой актер в захудалой харчевне, никого не удивило. Ведь это был маскарад в честь дня рождения короля, когда вся зингарская знать отбрасывала свою чопорность и действовала в соответствии с персонажами, которых изображали их костюмы и маски. Строгие матроны приставали ко всем, как уличные девки, суровые вельможи, одетые в костюмы полусвета, жеманились в танцах, их ошалевшие от вседозволенности дочери втиснули тела в самые куцые одежды и демонстрировали свои прелести перед горящими глазами молодых людей, чьи фантастические одежды скорее подчеркивали, чем скрывали их мужские достоинства.

Председательствуя на празднестве, король Рима-нендо из своей королевской ложи, что находилась на верхней галерее, улыбался гостям, кружившим на черном мраморном полу. Его Величество был уже пьян больше, чем того требовало приличие, и улыбка на его расплывшемся лице была еще более бессмысленная, чем обычно. Отдельные части тучной фигуры свешивались с обитого фиолетовым

бархатом кресла. Мальчик, чье тело лоснилось от густо намазанных благовоний, подносил кубок с вином и опиумом к губам своего господина. Второй любимчик вытирал капли пота и вина с многочисленных подбородков монарха.

Несколько фаворитов из числа особо приближенных также сидели в королевской ложе, а вся галерея была забита блестящими воинами из личной охраны.

Король Рима-нендо был не настолько глуп, чтобы оказаться без охраны, когда он уснет во время праздника, а гости будут продолжать плясать и веселиться.

Появление Сандокадзи вызвало возбуждение у распоясавшихся в обнаженном бесстыдстве гостей. Сегодня благородные дамы соревновались в том, кто соблазнительнее продемонстрирует свои сомнительные достоинства. Сандокадзи соблазняла и возбуждала зрителей в те краткие моменты, когда под каскадом перьев, из которых состоял плащ, мелькала великолепная обнаженная фигура. Девушка пообещала станцевать свой танец до полуночи, перед тем, как придет время снимать маски. Все гости собрались в павильоне, очистив место на блестящем черном мраморном полу. Сандокадзи что-то сказала музыкантам, с которыми сговорила заранее, и они начали играть на скрипках, флейтах и барабанах какую-то быструю вибрирующую мелодию. Конан плохо знал музыку, и эта мелодия была ему совершенно неизвестна, но остальные гости встретили музыку взрывом бурных аплодисментов.

Танцовщица стояла в центре круга, приготовленного для представления. Ее фигура выглядела фантастически даже среди всего разнообразия масок, собравшихся посмотреть на танец. Оперение закрывало девушку от шеи до пяток, и она стояла неподвижно. Под маской сокола, полностью закрывавшей лицо, блестящие глаза, не мигая, смотрели на людей. Затем Сантидио отстегнул серебряную цепочку с шеи сестры и отошел в сторону.

Освободившись от оков, Сандокадзи взлетела в воздух в сильном внезапном прыжке, раскинув руки в жесте, который поднял ее плащ в разные стороны, как крылья птицы, распростерты в воздухе. Стройное тело полностью открылось взорам изумленных зрителей. Затем танцовщица, сопровождаемая единодушным вздохом тысячи людей, легко опустилась на пол, и ее нагота опять скрылась под перьями.

На черном полу Сандокадзи начала свой танец, изгибаясь, грациозно вращаясь и затем взмывая в воздух внезапными прыжками. Ее движения были настолько стремительны, что наряд из перьев, как настоящие живые крылья, то обнажал часть белой упругой груди или загорелого бедра, то плотно облегал фигуру, как вторая кожа.

Музыканты увеличили темп мелодии, и Сандокадзи как будто летала над черным полом, парила в воздухе, стремительно кидалась вниз и снова взмывала вверх. Скорость танца все возрастала вместе с темпом музыки, только опытный танцор мог выдерживать такой ритм, сочетая его с искусными и выразительными пируэтами и позами. Многие из зрителей пытались угадать, кто же скрывается под маской сокола, очарованные открывавшейся перед ними красотой. И наконец, когда возбуждающая мелодия достигла наивысшего напряжения, Сандокадзи, раскинув руки, опять взмыла в воздух, застыв в пируэте. Ее перьевой наряд взметнулся до уровня плеч, показав обнаженное совершенство тела, парящего над черным полированным полом. Сложив крылья, она приземлилась на пол маленьким серым комочком, как сокол, настигший жертву. Закутившись в плащ, Сандокадзи застыла в глубоком поклоне перед потрясенными зрителями.

— Дамы и господа! — Сантидио присоединился к сестре, принимавшей восторженные аплодисменты. — Вы видели танец сокола! Но вспомните, что

сокол — птица хищная, и вы должны хорошо заплатить за представление!

Все решили, что танцовщицу следует засыпать дождем мелких монет и безделушек, как они сделали бы это с простой актрисой. Но грозные возгласы бандитов быстро вывели их из заблуждения.

— Ну, господа, быстро! — предупредил Сантидио, обнажая шпагу. — Нам нужно ваше золото и драгоценности, а вовсе не ваши жизни!

Повергнутые во внезапное смятение, гости, казалось, были не способны понять, что это вовсе не часть представления, а начало тщательно разработанного плана ограбления. Пока они были поглощены танцем сокола, люди Мордерми заняли позиции в дверях. Теперь все выходы из павильона были блокированы зловещными бандитами, державшими оружие наготове. Те гости, которые оставались в саду, напуганные внезапным появлением из зарослей вооруженных бандитов, разбежались кто куда.

— Стойте на местах! — закричал Мордерми, вспрыгивая на стол и угрожающе размахивая шпагой. — Павильон окружен сотней моих людей! Не оказывайте сопротивления — и никто не причинит вам вреда!

Некоторые из гостей, опомнившись от замешательства или протрезвев, схватились за шпаги. Люди Мордерми ударами шпаг и ножей быстро покончили с ними. Женщины в ужасе закричали, увидев на полу потоки крови.

Гости короля пришли сюда для развлечений, бандиты пришли сюда грабить. Разбойники были вооружены и организованы, и их внезапная атака не оставила никаких надежд на успешное сопротивление. Паника мгновенно охватила гостей, и они в беспорядке заметались по залу.

Как только зазвенели шпаги и пролилась кровь, гвардейцы Риманендо инстинктивно бросились вниз.

Это было предусмотрено. Конан, испустив удовлетворенное рычание, ухватился поудобнее за ручку своего топора и занял место на лестнице, ведущей вниз с галереи. Некоторые из его соратников поспешили присоединиться к нему, таща столы и стулья для сооружения баррикады. Конан закричал:

— Стойте! Дайте мне место! Я удержу лестницу, будь против меня тысяча этих надушенных солдатиков. Ну, идите сюда, вы, разряженные хлыщи! Кто хочет умереть первым?!

То, что говорил Конан, было правдой. Одновременно по лестнице могли спускаться только несколько гвардейцев. Они были разодеты в шелка и бархат, на них сверкали позолоченные кольчуги, но их длинные алебарды были бесполезны в таком узком пространстве, а среди них не было лучников, способных на расстоянии перестрелять разбойников.

— Ко мне, дурачье! — пронзительно завопил Риманендо, когда его затуманенный алкоголем мозг осознал опасность. — Окружите меня, слышите? Вашему королю угрожает смерть! Любому, кто оставит меня, я отрублю голову!

Король Зингары крепко прижал к груди дрожащими руками своих любимчиков. Бледнея от ужаса, он приказал солдатам окружить трон плотным кольцом и драться до последней капли крови, защищая его жизнь.

— Пусть те, кто внизу, защищаются, как хотят. О боже, как они кричат! Но почему солдаты наружной охраны не идут ко мне на помощь?!

Сильный гарнизон располагался у ворот и высоких стен, отделяющих дворец от города, а другие охранники патрулировали часть мыса, уходящую в море. Присутствие солдат не должно было мешать уединению гостей. Стража была предназначена для отпугивания воров, а не для отражения нападения.

Как только танец Сандокадзи достиг апогея, Мордерми дал сигнал одному из своих людей. И

тогда на темной дороге, ведущей из города к королевскому дворцу, внезапно вспыхнули факелы. Грозные крики послышались в ночи, и толпа появилась у ворот. Более сотни членов «Белой Розы» бушевали перед воротами, размахивая плакатами и выкрикивая лозунги.

— Разойдитесь! — скомандовал капитан гвардии. — Расходитесь! Вы что, оглохли?! — Он отдал приказ своим солдатам усилить охрану ворот.

— Мы не разойдемся, пока не поговорим с королем Риманендо! — закричал представитель демонстрантов, человек плотного сложения. Это был Карико, наиболее радикальный из конкурентов Сантидио в борьбе за лидерство в «Белой Розе». Кузнец был рад тому, что роль, отведенная ему в событиях этой ночи, увеличит его популярность.

— Наш король и его знать проводят ночи в пьянстве и разгуле — в то время как наши женщины и дети питаются объедками и ходят в лохмотьях!

— Расходитесь, а не то я прикажу солдатам отрубить несколько голов! — взревел капитан.

— Без разговора с королем Риманендо мы не разойдемся! — кричал Карико. — Народ пухнет с голоду, а тиран и его прихлебатели жиреют на крови, которую они высасывают из страны!

— Вызвать лучников! — скомандовал капитан, обеспокоенный тем, что град камней и оскорблений обрушился на ворота. «Если этот шум привлечет внимание Его Величества — мне не сносить головы!» — подумал он.

И когда гости короля бурей аплодисментов выражали восторг искусством Сандокадзи, солдаты со всех сторон бежали на шум свалки у главных ворот.

Ворота были далеко от павильона, и шум не доходил туда, да и происходящее в павильоне тоже не было слышно у ворот, где солдаты делали все, чтобы не пропустить толпу к королю и не нарушить праздника. Конечно, такое положение не могло

продолжаться долго. Солдаты, наверняка, вскоре узнают о нападении на павильон. Чтобы избежать этого, нападавшим надо было действовать достаточно быстро. Захватить павильон с пьяными мужчинами и лежащими в беспмятстве женщинами — задача более простая, чем встретиться лицом к лицу с вооруженными солдатами.

Пока Римагендо прятался за спинами своих гвардейцев, бандиты Мордерми избавили королевских гостей от драгоценностей, работая быстро и искусно. Это было крупнейшее празднество года, и поэтому на гостях были лучшие драгоценности. Теперь эти кольца, браслеты, ожерелья, диадемы, отделанные драгоценными камнями и золотом кошельки — все бесцеремонно забиралось и складывалось в мешки. Сандокадзи, возбужденно смеясь под маской, бегала с открытым мешком, быстро заполняя его драгоценностями, в то время как брат охранял ее со шпагой в руке. После нескольких жестоких убийств в начале нападения никто из гостей не оказывал сопротивления. Женщины всхлипывали, когда у них забирали драгоценности, а мужчины хмурились и шептали проклятия и угрозы. На полу валялась дюжина трупов и еще столько же человек стонали от свежих кровоточащих ран. Это с очевидностью доказывало, что в случае необходимости преступники не будут церемониться и перед убийством не остановятся.

Конан расслабил мышцы напряженных плеч и недобро посмотрел на гвардейцев короля. Было очевидно, что они не решатся спуститься с галерей. Киммериец размышлял над тем, есть ли у зингарцев честь и совесть, если даже их король — пьяный трус и подонок — допустил, чтобы приближенных дворян ограбили прямо у него на глазах, и не приказал солдатам стать на защиту гостей.

— Быстрее, друзья! — кричал Мордерми, хлопая в ладоши и расхаживая по залу. В своем костюме короля он ничем не отличался от Римагендо, но

придворные Его Величества не смогли по достоинству оценить юмора положения.

Ограбление павильона происходило очень быстро. За несколько минут бандиты набили мешки так, что их с трудом можно было унести. Мордерми решил, что настало время пожелать хозяевам спокойной ночи и удалиться — прежде, чем прибудет подкрепление и разрушит так хорошо начатое дело.

— Все оставайтесь на местах, если вам дорога жизнь! — предупредил Мордерми громовым голосом. — Я расположил снаружи отряд лучников, которые держат под прицелом все двери. Тот осел, который захочет преследовать нас, получит дубовую иглу в сердце.

Думая о том, как долго будет действовать этот блеф, Конан последовал за своими товарищами из павильона. Если эти дворяне сделаны из того же теста, что и их король, то они будут сидеть там, пока не умрут с голода. Бандиты отошли не очень далеко и поняли, что сделали это вовремя. Толпа перед воротами, увидев перед собой лучников, быстро рассеялась. Из-за деревьев демонстранты продолжали бросать камни и выкрикивать оскорбления. Карико вдохновлял их изо всех сил. На середину дороги выставили соломенное чучело короля Римагендо и с торжествующими воплями сожгли его. Взбешенный капитан отдал приказ стрелять в толпу; крики раненых вознаградили его усилия, но лучников было мало, а их мишени спрятались понадежнее в лесу под покровом темноты. Толпа, защищенная от беспорядочной стрельбы, была больше разгневана, чем напугана этой демонстрацией силы, — и бунт разгорелся еще жарче.

Не дожидаясь подкрепления из города, капитан приказал выйти и рассеять мятежников. Сильный отряд солдат вышел из ворот, и в это время пришла весть о нападении на королевский павильон. В нерешительности офицер приказал отряду вернуться

и, оставив часть гарнизона для защиты ворот, с другой частью устремился к павильону, пытаясь определить, где противник атакует главными силами. В результате затянувшихся сомнений беспорядочная толпа солдат прибыла к павильону слишком поздно — ей не удалось запереть Мордерми в мраморном здании. Вместо разбойников охрана нашла перепуганных королевских гостей, оплакивавших свои драгоценности и требовавших казни всех тех, кто в этом повинен, в том числе и неумелых стражников.

В страшной спешке Мордерми и его люди пробирались по саду, избегая освещенных мест. Пока им удалось немного опередить погоню, и все же следовало поторопиться. Выбраться отсюда, когда весь гарнизон поднят по тревоге, было чрезвычайно сложно; по обеим сторонам мыса в море спускались отвесные утесы, а высокие стены тщательно охранялись. Теперь должна была сработать завершающая часть хорошо разработанного плана Мордерми, иначе их всех здесь переловят, как волков, забравшихся в овчарню.

В тумане моря маленькая флотилия суденышек боролась с волнами, стараясь достичь узкой полоски суши у подножия утесов. Мыс подымался на сто футов над прибоем и имел отвесные стены. Когда бандиты пришли к месту назначения, с берега была пущена стрела с привязанной к ней бечевкой. С ее помощью снизу была поднята толстая веревка, конец которой быстро привязали к дереву у самого обрыва, — и грабители вместе с грузом начали спускаться. Спуск затрудняли тяжелые мешки с награбленными ценностями.

Конан снял шелковую маску, закрывавшую лицо, и посмотрел назад, на дорогу, по которой они отступали. Было очень темно, и это давало беглецам некоторое преимущество. В темноте невозможно было угадать, куда побежали грабители, но Конан уже слышал шум и голоса пробирающихся сквозь зарос-

ли людей и знал, что время работает не в пользу разбойников.

— Спускайся, Кадзи! — крикнул Мордерми. — Нам, вероятно, придется драться!

— Я подожду вас, — ответила Сандокадзи.

— Сандокадзи, спускайся по веревке, а не то я брошу тебя с обрыва — лети, как сокол, к дому. Конан и я будем охранять тыл.

Конан посмотрел, как Сантидию и Сандокадзи спускаются.

— Нам не хватит времени на спуск. Может, сбросить им мешки и двигаться побыстрее?

— Что?! И потерять драгоценности в море?! — свирепо заорал Мордерми. — Конан, зачем же нам было добывать их с таким риском, если мы не сможем уберечь сокровища?

— Как хочешь, но я боюсь, что не удастся уберечь свою собственную жизнь и этими богатствами мы вообще никогда не воспользуемся.

Из зарослей с диким шумом появилась первая группа солдат. Было уже достаточно светло, так что они могли различать силуэты грабителей на краю обрыва. Солдаты стали кричать остальным, что грабители здесь и что они в ловушке. Конан взглянул вниз: большинство уже спустились, остальные в спешке подтягивались. Но для их благополучного приземления ему и Мордерми необходимо было задержать солдат. Охрана, запыхавшись от погони, держала шпаги наготове. Конан в шлеме и доспехах имел преимущество перед новыми врагами, поэтому он, не колеблясь ни секунды, атаковал первого из солдат. Держа топор в двух руках, он сильным ударом сломал шпагу, которой солдат безуспешно пытался парировать нападение. Следующий удар проломил кирасу, и солдат упал замертво. Освободив топор, Конан отразил рукоятью выпад следующего, затем отрубил солдату руку и тупым концом прикончил его.

Будучи великолепным фехтовальщиком, Мордерми моментально проверил прочность его кирасы, затем круговым движением лишил его возможности защищаться и поразил в не прикрытое кирасой горло. Отшатнувшись, когда следующий солдат бросился на него, Мордерми оступился — и нападавший в прыжке вонзил шпагу в живот короля бандитов.

Конан отшвырнул своего мертвого противника и тяжелым ударом разможил череп солдата, который нанес смертельную рану Мордерми. К удивлению киммерийца, Мордерми только рассмеялся, вонзив шпагу в следующего солдата, и, когда тот скорчился от боли, прикончил его. Из раны в животе вместо крови и внутренностей высыпалось всякое тряпье — клинок шпаги распорол фальшивый живот, с помощью которого главарь бандитов изображал короля. Конан закричал:

— Давай вниз, пока не собрались остальные!

— Лучше спускайся ты, я буду прикрывать, — возразил Мордерми.

Вдруг он вскрикнул и зашатался у края обрыва. Глаза расширились от боли и изумления при виде стрелы, пронзившей его плечо. Реакция Конана была мгновенной. Он стремительно бросился на землю, и в тот же миг стрела просвистела над его головой. Выругавшись, рядом упал Мордерми. Еще одна стрела звякнула о камни рядом с обороняющимися. Они слышали, как постепенно около обрыва стягиваются силы противника.

— Как ты? — Конан старался рассмотреть рану под стиснутыми пальцами Мордерми.

— Сердце не задето, если ты спрашиваешь об этом. Кажется, я могу спуститься с одной рукой. Давай ты первым, а я за тобой.

— Упрямый осел! — воскликнул Конан и, резко прыгнув вперед, обрушил топор на подобравшегося слишком близко охранника, вооруженного луком. Раздался предсмертный вскрик — и все стихло. —

Думаю, там был всего один лучник. Пошли, пока не собрались остальные.

В спешке они перебрались через край обрыва. Конан спускался первым, так как должен был поддерживать раненого. Это был очень трудный спуск. Они перебирали руками веревку, упираясь ногами в отвесную стену утеса. Разбойники спустились до середины, как вдруг веревка дернулась и ее натяжение ослабло. Мордерми начал сползать вниз, отчаянно цепляясь за расщелины. Ухватившись за трещину, Конан задержал его падение. Они находились на высоте тридцати футов над берегом, и острые камни поджидали внизу. Конан одной рукой держался за трещину, а другой держал Мордерми. Ослабевшие кольца перерубленной веревки медленно проползли мимо них. Снизу они слышали крики ужаса.

— Я почувствовал, что они рубят веревку, и заранее нашел место, где можно зацепиться, — сказал Конан.

— Мы в ловушке, — угрюмо сказал ему Мордерми, — отсюда без веревки не выбраться.

— В Киммерии каждый ребенок прежде чем научиться ходить, — Конан хмыкнул, — учится лазать по скалам. А здесь не скала, а так, садовая дорожка. Давай-ка, цепляйся за меня, и мы быстро спустимся.

Беспомощный Мордерми постарался одной рукой ухватиться за Конана. Утес казался гладким, как стекло. Плотный туман, не пропускавший даже света звезд, окутывал скалы. Камни были скользкими от брызг прибоя, в расщелинах росли скользкий мох и трава — все это делало спуск особенно опасным. Тем не менее Конан спускался с ловкостью обезьяны. Он будто не замечал веса беспомощно повисшего на нем Мордерми. Этого спуска Мордерми не забудет никогда, хотя Конану потребовалось не более минуты, чтобы преодолеть оставшееся до берега расстояние.

— Вы решили поиздеваться над нами? — встретила их с нервным смехом Сандокадзи. — Мы увидели падающую веревку и гадали, что же упадет за ней.

— Половина армии Риманендо, если мы еще будем торчать здесь, — ответил Конан.

— Отчаливай! Что вы ждете?! — лицо Мордерми побледнело от потери крови. — Конан, я не забуду этого!

— Ты спас меня от виселицы, — ответил ему Конан, когда лодки прошли прибрежные буруны. — Я всегда плачу свои долги.

Глава 7

ЗОЛОТОЙ СВЕТ, ГОЛУБОЙ СВЕТ

Лицо Мордерми было неестественно бледным от потери крови, но в его голосе не чувствовалось и намек на слабость, когда он поднес великолепное ожерелье из огромных жемчужин к золотому свету свечи.

— Сандокадзи, это тебе. Вычтите стоимость ожерелья из моей доли. Никто не смог бы станцевать так хорошо, чтобы собрать стадо этих знатных баранов в место для стрижки.

Левое плечо Мордерми было забинтовано, и тело обнажено до пояса. Когда бандиты без всяких приключений вернулись в Преисподнюю через один из туннелей, ведущий в катакомбы с моря, стрелу из плеча Мордерми вырезали. Она зацепила кость, но рана оказалась неопасной. Сон вернул ему силы, а вид огромного богатства совсем оживил и поднял настроение.

Компания сидела в логове Мордерми: Конан, жующий кусок сыра с огромным ломтем хлеба и

запивающий все это вином, Сантидио, не выпавший и весь всклокоченный от возбуждения, Сандокадзи, весело примерявшая жемчужное ожерелье, и Мордерми, глаза которого сверкали, когда он смотрел на результаты ограбления, которое принесет ему славу и сделает легендой среди многих поколений воров.

В центре обшитой деревянными панелями комнаты стоял массивный деревянный банкетный стол, трещащий от наваленного богатства. Одна только гора драгоценных камней стоила столько денег, что они даже не могли представить эту сумму. Кольца и кулоны, диадемы, серьги и ожерелья — как будто все звезды слетели с небосвода и улеглись в роскошном беспорядке на этом столе. Возле потрясающей воображение груды драгоценных камней лежащие рядом золото и серебро казались чем-то безвкусным и мало-значительным.

— Вы знаете, — сказал Мордерми задумчиво, — что раздел будет очень трудным, труднее, чем само ограбление?

— Но и более приятным, — ответил Сантидио.

Конан запил вином из золотого кубка застрявший в горле кусок сыра.

— Должен сказать, что реализовать драгоценности будет не менее трудно. Ведь их невозможно продать. На эти побрякушки приятно смотреть, но я бы предпочел получить деньги. Сыщики, наверняка, будут рыскать повсюду в поисках сокровищ.

— Чепуха, — успокоил его Мордерми, — это будет не сложнее, чем всегда. Кроме того, у меня есть свои люди. Переплавим золото и серебро в слитки, и при их продаже никаких затруднений не будет. Драгоценности продадим через моих людей в Аквилонии. Даже с учетом платы контрабандистам и перекупщикам у нас останется столько денег, что хватит купить всю Зингару и отправить

короля Римаендо в общественные бани в качестве мойщика.

— Денег слишком много, — упорствовал Конан, — а это всегда опасно. — Он глотнул вина, собираясь продолжить.

— И половина этого принадлежит «Белой Розе», — сказал Сантидио, не обращая внимания на сомнения Конана: ведь киммериец был для него темным человеком.

— Мы хорошо поработали, — согласился Мордерми, — должен признаться, что я даже сомневаюсь, смогут ли ваши люди беспрепятственно унести отсюда свою часть добычи.

— Я тоже, — согласился Сантидио.

В обшиту деревянными панелями дверь кто-то постучал. Один из людей Мордерми — штаб-квартира банды представляла собой вооруженный лагерь — открыл дверь и впустил Карико и Аввинти. Аввинти поклонился с подчеркнуто холодной учтивостью, а Карико бурно приветствовал собравшихся, крепко пожав всем руки. Глаза пришедших выражали благоговейный трепет при виде огромного богатства, лежавшего на столе. Эти двое были главными соперниками Сантидио в борьбе за лидерство в «Белой Розе».

Аввинти — высокий, стройный — аристократическими манерами и благородными чертами напоминал Сантидио. Четвертый сын в семье из высшего света, он получил очень хорошее образование, как и Сантидио, но это сходство скорее служило разобщению, чем укреплению дружбы между ними. Конан презирал таких людей.

Карико был совсем другим. Неуклюжий, плохо скроенный, но крепко сшитый, с грубыми чертами лица, он всегда был приветлив. Со своей широкой выпуклой грудью и сильными массивными плечами он напоминал кузнеца, на минуту отошедшего от наковальни. Впрочем, он и был раньше кузнецом.

Несмотря на отсутствие образования, он проявил себя мыслящим и хорошим пропагандистом, что привлекало к нему неимущие массы. Конан, отец которого тоже был кузнецом, подумал, что Карико наверняка хороший компаньон в выпивке и по внешнему виду ему гораздо больше подходит подраться где-нибудь в таверне, чем произносить умные речи.

Государственная доктрина Сантидио лежала где-то между доктриной Аввинти, по которой предполагалась диктатура интеллектуальной элиты, и бесклассовой утопией Карико, хотя фракции Сантидио и Аввинти осуждали Карико за крайний, по их мнению, радикализм. Тем не менее им приходилось с ним считаться, так как его поддерживали неимущие массы, которых в городе было гораздо больше, чем богатых. При таком несходстве взглядов двух крайних фракций коалиция во главе с Сантидио не давала распадаться «Белой Розе».

— Впечатляет, не так ли? — Сантидио обратился к двум вновь прибывшим, стоявшим с раскрытыми ртами.

— Этого хватит, чтобы кормить весь народ Зингары в течение пяти лет! — воскликнул Карико.

— Вполне достаточно, чтобы создать фонды «Белой Розы», — поучающе сказал Аввинти, — необходимые для того, чтобы она стала силой, с которой придется считаться в зингарской политике.

— Как распределить наши доли, это мы обсудим при следующей встрече, — предупредил Сантидио начинающуюся ссору. — Мордерми нужно время, чтобы реализовать все это.

— Сколько времени? — подозрительно спросил Аввинти.

— Это зависит от генерала Корста, — холодно посмотрел на него Мордерми. — Мы постараемся сделать все побыстрее, но необходимо исключить возможность опознания похищенного. Корст сосредоточит все усилия на гавани, ведь он понимает, что

сохранность его головы зависит от успеха в поисках. Мы должны быть чрезвычайно осторожными.

— Нам нужно разделить все прямо сейчас. Уверен, что мы сможем реализовать свою часть быстро и без риска быть обманутыми, — сказал Аввинти.

— Обманутыми? — холодный блеск появился в глазах Мордерми, а его рука легла на рукоять шпаги.

— Посредниками, — поспешно поправился Аввинти.

— Много ли скупщиков ты знаешь? — спросил у него Карико.

— И нам нужен эксперт, чтобы оценить все это, — добавил Сантидио, — ведь не хотим же мы, чтобы шемитские ювелиры оплатили нам только половину того, что мы имеем?

— Я хочу только, чтобы было лучше «Белой Розе», — ответил Аввинти холодно. — Прошу простить меня, если я мало разбираюсь в технике сбыта краденного.

Конан, при котором такие споры разыгрывались бесчисленное множество раз, молчал. От Мордерми не укрылось, что Конан ел и пил только левой рукой и держал правую на рукоятке меча. Аввинти был не так глуп, чтобы не оценить ситуацию. Обстоятельства складывались не в его пользу. Он с кислой миной на лице продолжал:

— Если того хочет большинство, то я согласен реализовать ценностей доверить Мордерми, но тогда, может быть, мы сейчас разделим деньги?

— Хорошо, — согласился Мордерми. — Разделим деньги на две равные части. У меня есть весы, и если желаете... или наши благородные господа не захотят унижаться, взвешивая презренный металл?

В предвкушении дележа настроение у всех улучшилось. Сандокадзи перегнулась через стол и передвинула тяжелые кучи золотых и серебряных монет

к Мордерми. Все взгляды устремились на стол, на котором сверкали рассыпавшиеся монеты.

Все так были поглощены этим зрелищем, что только Конан заметил, как пламя свечей внезапно окружили голубые нимбы. Киммериец протер глаза. Возникло ощущение, что пламя светит через голубую вуаль. Конан не успел сказать об этом, как открылась дверь. Внезапно, тихо, без предупреждения и стука. Освещенный голубоватым пламенем свечей, на пороге стоял незнакомец. Никем не задержанный, он вошел в комнату. Пока дверь закрывалась за ним, Конан увидел неподвижные фигуры людей из охраны Мордерми, безмятежно стоявших на своих постах. Это случилось так неожиданно, что, казалось, прошла целая вечность, прежде чем присутствующие пришли в себя от удивления.

— Ты кто и как попал сюда? — начал Мордерми.

— Каллидиос. И я просто пришел, — ответил незнакомец.

— Я приказал никого не впускать! — зарычал Мордерми.

— Мне никто ничего не сказал, — ответил незнакомец.

— Тогда зачем же ты здесь?

— Я пришел, чтобы дать вам короля.

Конан стиснул рукоятку меча, но Мордерми только рассмеялся, через мгновение к нему присоединились и остальные. Эти слова, самоуверенно прозвучавшие в воровском притоне среди безжалостных убийц, произнес, без сомнения, сумасшедший. Но Конану было не до смеха. Во всем происходящем он чувствовал холодное дыхание колдовства, и этот странный запах был запахом Стигии.

На первый взгляд казалось, что Каллидиос не внушает опасения. Он был молод, не старше всех присутствующих, руки и ноги свободно двигались под одеждой, требующей ремонта и стирки. Свободный плащ из какого-то старого материала свободно

висел на узких плечах, и стигиец неуклюже переступал с ноги на ногу, как будто спотыкался о длинную шпагу, которая слишком низко висела на его бедре. Каллидиос был смугл и, как все представители высшей знати стигийцев, имел ястребиный нос, но соломенного цвета волосы и светло-зеленые глаза указывали на примесь другой крови. Между волосами и узкими глазами изгибалась выразительная линия бровей, хотя интеллект, подчеркнутый широким лбом, как бы мерк в безвольно кривящейся линии губ и в чрезмерном блеске глаз, который был, несомненно, вызван наркотическим воздействием лотоса.

— Еще раз, — закончив смеяться, продолжал Мордерми, — прежде чем мои люди переломают тебе ребра, ответь, зачем ты здесь?

— Зови своих людей, но вряд ли ты дождешься их, — в свою очередь рассмеялся Каллидиос и опять тяжело переступил с ноги на ногу, — они сейчас храпят. Наверное, вчера очень поздно легли спать.

— Сифино! Амоси! — закричал Мордерми. — Идите и выбейте наглецу зубы!

Не услышав ответа, Мордерми повторил свой приказ с еще большим гневом, но вновь безрезультатно.

— Это очень простое заклинание, — хмыкнул Каллидиос. — Я умею еще кое-что. Не доставайте ваши шпаги, господа, если бы я хотел сделать вам что-нибудь плохое, вы бы узнали об этом раньше.

— Конан, убей этого идиота, если он двинется с места, — сказал Мордерми. — Сантидио, выгляни за дверь, что там творится?

Сантидио встал из-за стола и вдруг застыл. В комнате не было двери. Только белая стена на том месте, где она была.

— Детский фокус, уверяю вас, — заметил Каллидиос. — Дверь, наверное, еще есть, хотя я и не уверен. Но простите мои предосторожности. То, о

чем мы будем говорить, не должно выйти за пределы нашего маленького общества.

Каллидиос не сделал ни одного движения, но дверь вдруг появилась снова. Из коридора были слышны крики споривших о чем-то бандитов Мордерми. Каллидиос пояснил:

— Это просто внушение.

— Подожди, Конан! — Мордерми остановил выпад киммерийца, готового убить Каллидиоса. — Выслушаем его. Наш посетитель обладает коварным талантом.

— Он стигийский колдун, и если он будет на голову короче, — сказал Конан, — он будет менее коварен. Его надо убить сейчас, а то мы будем об этом жалеть.

— Немного попозже, — предложил Мордерми, увидев, что все остальные согласны с мнением Конана. — Но прежде чем Каллидиоса унесут отсюда, позволим ему объяснить свое присутствие.

— Без труда, — вяло сказал Каллидиос. — Я здесь, чтобы помочь вам истратить ваши сокровища, — и с полной беззаботностью уселся в кресло рядом со столом.

— Это сумасшедший! — воскликнул Мордерми. — Кажется, я видел его раньше, он болтался по Преисподней, шатаясь от дыма желтого лотоса. Я не знаю, как ты попал сюда, но ты — или шпион Риманендо, или сам что-то замышляешь. Во всяком случае тебе, знающему нашу тайну, не выйти отсюда.

— Тайну? Неужели ты думаешь, что такое ограбление может остаться в тайне? Каждый дурак в Преисподней говорит об удачном налете Мордерми минувшей ночью. Даже глупцы при королевском дворе знают, чья рука похитила их драгоценности и их гордость. Жаль, что ты украл все это, Мордерми. Раньше Риманендо не предпринимал против тебя никаких действий просто потому, что не обращал на

тебя внимания. Ты был королем здесь, в Преисподней, но Его Величество и его лорды налогами воровали у народа больше за неделю, чем ты со своей бандой за год. А теперь ты украл их гордость. Риманендо может спасти свое лицо, только если ты и твои люди будут кормить ворон на Танцевальном помосте. И, хуже того, ты вошел в союз с «Белой Розой» и вдохновил ее членов перейти от болтовни к открытому мятежу. Корст теперь двинется на Преисподнюю, и Риманендо прикажет ему использовать все силы, которые потребуются для того, чтобы уничтожить Мордерми и «Белую Розу». Итак, тебе нужно использовать приобретенное богатство со всей осторожностью, иначе ты будешь кормить ворон.

— Этот человек — мудрец, — саркастически засмеялся Мордерми. — А мы-то думали, что Риманендо хочет, чтобы мы воспользовались его богатствами. И теперь, когда тебе осталось недолго жить, скажи, как нам истратить наши сокровища?

— Используйте их для того, чтобы уничтожить Риманендо прежде, чем он уничтожит вас. — Каллидиос встал и начал расхаживать по комнате своей дурацкой расхлябанной походкой. — Вы украли богатство, но не знаете ему цену. Вы говорили о еде для голодных, красивой одежде для себя, оружии для своих сторонников. Вы напоминаете мне воров, которые украли старинный амулет из замка Сет в моей стране. Когда их схватили, то обнаружили, что они выломали драгоценные камни и расплавили золото, полагая, что они теперь богачи. А ведь амулет, который они разрушили, делал его владельцев неуязвимыми. Знаете ли вы, что имеете? Какова цена всему? Это цена королевства! Если вы правильно распорядитесь сокровищами, вы свергнете Риманендо. Из преследуемых отверженных, вынужденных прятаться, как крысы, под землей, вы превратитесь в новых правителей Зингары и будете жить в роскоши во дворцах ваших бывших хозяев.

— Как ты правильно заметил, — сказал Сантидио, обращаясь к Мордерми, — этот человек — сумасшедший.

— Может, он нанюхался лотоса и теперь рассказывает нам свои сны, — сказал Мордерми. — Но такие сны приятно смотреть.

— Я сейчас излечу его от сумасшествия, — закричал Конан.

— Нет, погоди, выслушаем его до конца, — остановил его Мордерми.

— Рассмотрим силы, благодаря которым Риманендо удерживается у власти, — продолжал Каллидиос спокойно, как будто сидел у себя дома. — На самом верху пирамиды король Риманендо, развращенный и глупый. Единственное, благодаря чему он удерживается у власти, это содержимое его сундуков, которого хватает, чтобы купить себе трон. Ниже короля находятся его лорды; последним позволено грабить народ Зингары до тех пор, пока это не нарушает покой короля. Любой из лордов может свергнуть короля, но его конкуренты будут всячески препятствовать возвышению нахала — и только таким образом поддерживается баланс сил. Короля и его двор защищает армия — как королевская армия Зингары, так и вооруженные силы могущественных лордов. Они охраняют своих хозяев, позволяя грабить тех, кто составляет основание пирамиды, — народ Зингары.

— Этот человек, — сказал Сантидио, — с исключительным самомнением сообщает нам то, что мы знаем и без него.

— И вы терпите такое положение вещей? — спросил Каллидиос.

— Осталось недолго! — взорвался Карико, не способный сдерживать себя. — Когда двинется основание пирамиды, ее верхушка рухнет. «Белая Роза» приведет народ к новому социальному порядку, где не будет места ни угнетаемым, ни угнетателям!

— Я уверен, что все мы испытываем одинаковые чувства, — прервал его Каллидиос, — но самая прекрасная болтология не свергает королей и не дает простым крестьянам возможность победить регулярную дисциплинированную армию.

— Солдаты не будут драться со своими братьями. «Белая Роза» убедит их, что наши цели — это цели всего народа Зингары.

— Ты не прав, Карико. Солдаты будут драться за того, кто им платит. Потому-то они и солдаты. — Каллидиос осмотрел всех и указал на стол, заваленный сокровищами. — Они будут драться за это.

Как ни странно, но вся компания слушала стигийца.

— Вы видите в этих сокровищах только материальные богатства, — продолжал тот, — вы как те несчастные воришки с амулетом. А я скажу вам, что настоящая цена всему этому — власть. И даже больше — способ получить еще большую власть. Абсолютную власть в Зингаре, если вы захотите.

— Почему бы мне не проверить этого колдуна честной сталью? — предложил Конан. — Его язык так же болтается, как и его походка.

— Пусть продолжает, — вмешался Аввинти. — Может, он и сумасшедший, но не дурак.

— Зингара созрела для того, чтобы ее сорвали, — продолжал Каллидиос, видя, что ему не мешают, — но не болтуны и не воры. Любой из могущественных лордов без труда мог бы занять место Риманендо, если бы ему позволили конкуренты. Но такая узурпация нарушит равновесие сил и приведет к гражданской войне, а гражданская война обескровит всех. Поэтому Риманендо остается на троне. Но с тем богатством, которое сейчас у вас, если, конечно, вы решитесь на это, вы можете нарушить баланс. Мордерми — герой нищего люда, а «Белая Роза» — лидер масс. Со своим богатством вы можете купить могуществен-

ных друзей, привлечь на свою сторону тех, кто занимает высокие посты, вы можете купить королевских судей и чиновников. Вы можете купить оружие и снаряжение для народной армии, а еще лучше купить наемников, которые будут служить только вам. Как только ваша сила станет очевидной, вы сможете вести секретные переговоры с высшими лордами. И наступит момент, когда вы будете настолько сильны, что сможете ударить по Риманендо и его сторонникам. В пламени гражданской войны возникнет новый порядок и появится новый правитель, которого назначите вы сами. Ловите момент! Если вы будете колебаться, то сила, которую вы сами вызвали на себя, вас же и уничтожит.

— А где твое место в том сне, который ты рассказал нам? — поинтересовался Сантидио.

— Я, конечно, хочу разделить с вами власть, — мягко сказал ему Каллидиос, улыбаясь. — Как уже отметил Мордерми, я человек коварных талантов. Кроме того, я проник в ваше убежище без всяких контактов с охраной. Я мог бы так же незаметно исчезнуть, захватив ваши сокровища, если бы в этом была моя цель. Но я хочу управлять королевством, а не драться с другими собаками за кости, упавшие с королевского стола.

— Неплохо придумано, — сказал Мордерми. — Но я не могу понять, нужен ли нам этот стигийский колдун-ренегат для того, чтобы пристроить наши сокровища. И вообще очень странно, что человек с такими способностями, как у тебя, должен прозябать здесь, в Преисподней.

— Как ты совершенно верно предположил, — Каллидиос пожал плечами, — мне нельзя возвращаться в Стигию. Если бы я был одним из лордов Черного Круга, вы бы никогда не увидели меня так низко павшим. Но у меня есть причина прятаться здесь. — Он налил себе вина в кубок и

откинулся в кресле, умудрившись не пролить и капли. — Мой отец был жрецом Сета. Моя мать — рабыня из Эзира — была предназначена для выполнения основных функций жертвенного ритуала. Она была прекрасна, и мой отец возжелал ее. Через короткое время она уже не могла выполнять ритуал, так как перестала быть девственницей. Мой отец был достаточно влиятелен и мог позволить себе нарушить дисциплину, но не смог избежать немилости. После моего рождения его враги постоянно наблюдали за мной, и отец начал считать меня основной причиной опалы. Когда мать умерла, мне пришлось скитаться по стране, как дикому животному. Меня терпели, как терпят бродячую собаку, забежавшую на кухню, но терпят до тех пор, пока она не надоела. Я многое постиг в замках Сета, в том числе и старые забытые тайны и запрещенное знание, которое я собирал по крохам у бесстрастных хранителей. Наконец, мне пришлось бежать из Стигии, но лишь тогда, когда я сумел уже многому научиться. И то, что я сижу здесь, перед вами, — убедительное доказательство тому, что я не хвастаюсь. Из Луксура я бежал в Кеми и там сел на корабль, идущий в Кордаву. Уже несколько недель я сижу здесь, в Преисподней, но не потому, что вынужден прятаться. Этот подземный город — ненадежное убежище от колдунов Стигии. Они, если захотят, в любой момент настигнут меня и здесь. Я пришел сюда в поисках того, о чем имею верные сведения. Я нашел то, что искал, но сомневаюсь, что сумею в одиночку этим воспользоваться. Все в Преисподней знают о блестящем успехе налета Мордерми. Когда я внимательно изучил события вчерашней ночи, я увидел, что мы можем послужить друг другу к обоюдной выгоде.

— Каллидиос, я уже сказал, — засмеялся Мордерми, — что для колдуна-самоучки ты слишком нагл, как любой проходимец. Если бы твои заклинания

имели хотя бы половину той силы, которой наполнены твои речи, ты бы давно правил Стигией. Но все же в твоих словах что-то есть, и я всегда могу взять умного мошенника в банду. А можешь ли ты пользоваться шпагой? Или ты сначала усыпляешь соперника своими заклятиями, а потом убегаешь?

— Об этом мне трудно судить, — спокойно сказал Каллидиос, — но я могу поднять армию воинов, против которых не устоит ни один человек.

— Армию? — Мордерми удивился, хотя должен был засмеяться.

В тоне Каллидиоса было столько ледяной самоуверенности, что его слова уже нельзя было считать пустым сотрясанием воздуха.

— Да, армию, которую я могу собрать и направить против кого следует при помощи своих заклинаний. Так же, как ты можешь собрать армию при помощи украденных тобой денег. Так давай будем союзниками, ты и я.

Саркастическая издевка плясала в его серо-зеленых глазах, и Мордерми внезапно понял, что не знает, кто играет в этом спектакле роль дурака.

Глава 8

УТРЕННЕЕ КУПАНИЕ

Море лениво лизало подгнившие сваи. Вдали слышался звон колоколов. Конан смотрел на Сандокадзи, опустившую ноги в серую воду, и думал, какие же ощущения она испытывает.

— Нам нужна будет лодка, — говорил вчера Каллидиос, — и кто-нибудь, кто может ею управлять, а также хороший пловец.

И вот Конан сделал сильный гребок веслами, и лодка скользнула по поверхности воды. На корме Сандокадзи задрала юбку до бедер и опустила ноги в воду. Каллидиос, сидя на носу в обычной своей искривленной позе, выкрикивал команды. Конан согласился на эту экскурсию с намерением привязать якорь к шее стигийца и бросить его за борт в самой глубокой части гавани.

Мордерми и Сантидио всю ночь были заняты переговорами с главарями банд и командным составом «Белой Розы». К неудовольствию Конана, они полностью приняли предложение стигийца, причем Мордерми объявил и, возможно, сам в это поверил, что Каллидиос только сформулировал то, о чем он уже и сам думал.

Более того, Каллидиоса расспрашивали о колдовстве, которое он постиг, о могущественных силах, какие он может вызвать на помощь своим союзникам. Возможно, все, о чем говорил стигиец, вызвано было парами лотоса. Но нельзя так просто игнорировать заявление человека, посвященного в сокровенные тайны жрецов Сета. От Каллидиоса потребовали доказательств всех его хвастливых обещаний. Конану было поручено проверить эти доказательства, а Сандокадзи присоединилась к ним, чтобы препятствовать возможным враждебным действиям Конана против потенциально полезного союзника.

Утро было холодным. Туман рассеивался, и скорость, с которой он исчезал, предвещала ясный и теплый день. Конан знал, что люди Корста внимательно следят за гаванью, и поэтому обругал Каллидиоса за сумасшедшую экскурсию в порт Кордавы. Сейчас был отлив, и разноцветные паруса торговых и рыбацких судов удалились от берега и маячили на горизонте, так что Конан надеялся, что они смогут пройти незамеченными.

— Конан, смотри, — позвала Сандокадзи, — люди на дне!

Каллидиос поспешно перегнулся за борт, стараясь увидеть то, о чем говорила девушка.

— Статуи! — сказал он с видимым облегчением. — Ничего, кроме садовых статуй. Я вам покажу кое-что поинтересней.

Конан перестал грести и посмотрел за борт. Утренние лучи солнца проникали в голубую толщу моря, и в их свете можно было различить руины старой Кордавы. Погребенные в лесу из водорослей, статуи стояли среди обломков колонн и развалин потонувшей виллы. Стайки рыбешек, как серебряные птички, мелькали вокруг разъеденных морской водой камней и груд кирпича. На дне, где подводные течения, как морской ветерок, колыхали водоросли, неясно виднелись развалины зданий. Конан сказал:

— Я не понимаю, каким образом старый город оказался под водой во время землетрясения. Я думал, что под водой оказалась только прибрежная часть, а мы уже отошли на добрую милю от берега.

— Мы находимся за стенами старого города, — ответил Каллидиос. — Это длинный полуостров, который раньше ограничивал то, что стало теперь гаванью Кордавы. Весь полуостров полностью оказался под водой в результате землетрясения. Богатейшие люди строили здесь свои виллы. Мы сейчас проплываем над их руинами.

И он направил лодку в открытое море, где утренний ветер поднимал большие волны над затопленной территорией.

— Хорошо, мы на правильном курсе, правь вон туда, на мель. Гробница лежит дальше в море, но мы сможем найти ее без особого труда.

— Ты нас ведешь к гробнице? — саркастически спросил Конан. — А я думал, ты покажешь нам свою армию.

— Я покажу тебе все, что ты захочешь увидеть, киммериец.

Конан направил лодку в море и налег на весла. Он мало верил болтовне Каллидиоса. Варвар предполагал, что ренегат-стигиец держит под своим руководством банду убийц и, возможно, они поджигают лодку где-нибудь на корабле или на одном из пустынных островов в дельте Черной реки при впадении ее в море.

— Чью гробницу мы ищем? — спросила Сандокадзи, чтобы нарушить тягостную тишину.

— Короля Калениуса.

— Тебе он, наверное, приснился. — Сандокадзи задумалась, поджав губы. — Я не припомню такого имени среди королей Зингары.

Конан хмыкнул, думая о том, что, как только они пройдут эту мель, море станет опять достаточно глубоким.

— Калениус — один из величайших туранских королей, — надменно проговорил Каллидиос. — Он жил в те времена, когда до рождения Зингары надо было ждать многие сотни лет.

— Но я никогда не слышала ни о короле Калениусе, ни о его гробнице, ни о его королевстве, — сказала раздраженно Сандокадзи.

— Короли и королевства древнего Турана теперь превратились в пыль и прах. Они совершенно забыты современной цивилизацией, которая поднялась на их обломках. Думаю, что когда-нибудь придет такое время, когда мы тоже превратимся в прах, а дети, которые будут танцевать на наших истлевших костях, станут вспоминать о нашем времени только в смутных снах.

— Какая чушь! — рассмеялась Сандокадзи. — Короли умирают, но как могут исчезать страны и народы?

— Посмотри на дно — и ты увидишь ответ.

Конан воздержался от комментариев. Если Сандокадзи хочет спорить с сумасшедшим, то пусть развлекается. Веревка якоря, накинутаая на шею Кал-

лидиоса, и несколько сотен футов глубины подводного царства скоро успокоят говорливый язык.

— Через несколько веков после того, как Кулл захватил трон, туранские королевства были ввергнуты в междоусобные войны, и только Калениус смог установить мир и согласие в странах к северу и западу от Грондара и в Потерянных странах. Он сумел создать империю, о которой даже не мог мечтать честолюбивый принц Ездигерд из нынешнего Турана. Все правители и народы континента склонили головы перед волей Калениуса. Он считал, что его империя будет существовать тысячелетия, а память о нем и времени его правления никогда не исчезнет. Но король составил и умер, и империя погрязла в междоусобных войнах, которые начались сразу же после того, как короля положили в гробницу. Наконец, Великий Катаклизм наложил завесу темноты на королевства Турана — и теперь о Калениусе помнят немногие, кто ищет забытые знания старых забытых времен.

Каллидиос прервал свой монолог, внимательно всматриваясь в воду. И затем громко закричал:

— Суши весла, Конан! Мы на месте!

В следующее мгновение стигиец бросил якорь. Глаза Конана заметили кривую улыбку на губах колдуна, и киммериец выругался про себя. Они стояли на якоре далеко от берега. Под ними на не очень большой глубине лежал затопленный полуостров. Поблизости не было других судов, их капитаны предпочитали более глубокие воды.

— Гробница под нами! — провозгласил Каллидиос.

Сандокадзи и Конан внимательно посмотрели вниз. Море было спокойным, но рябь на поверхности воды мешала рассмотреть дно. Над ними с пронзительными криками носились чайки, море и небо вдали сливались у горизонта. Конану показалось,

что дно здесь поднимается и образует подводный холм довольно больших размеров.

— Где гробница? — спросил Конан, со значени-ем глядя на Сандокадзи.

— Под водой и под песком, — ответил Каллидиос. — Тысячу лет назад вы смогли бы разглядеть развалины самого большого мавзолея, на сооружение которого Калениус потратил тридцать лет. Все, что пощадили землетрясения, растащили основатели Кордавы, используя в качестве строительного материала. Остался только могильный холм, и тот впоследствии поглотило море. Мы бросили якорь как раз над его остатками.

— Очень интересно, — сказала Сандокадзи.

— Тридцать лет отдал Калениус строительству гробницы, десятки тысяч искусных рабочих, тысячи лучших ремесленников, все богатства империи направлялись волей абсолютного правителя на строительство его гробницы, которая должна была стать чудом, должна была пережить века.

— Это урок для всех вас, — заметила Сандокадзи.

— Здесь нет ничего, — поправил ее Конан, чувствуя себя обманутым грандиозной фальсификацией Каллидиоса.

— Мавзолей находится здесь. — Каллидиос сбросил обувь. — И его можно найти, если знать, где искать. Мраморные дворцы и позолоченные фонтаны могут противостоять действию веков не лучше, чем букет цветов, брошенных на могилу. Главные чудеса гробницы Калениуса спрятаны под землей. — Он положил обувь рядом со шпагой, снял штаны и начал выкручиваться из камзола. — Конечно, ты должен плыть рядом со мной, — он посмотрел на Конана, — если хочешь увидеть все своими глазами.

Конан пожал плечами и скинул сапоги. Он был уже обнажен до пояса и быстро выскользнул из

кожаных штанов. На пояс варвар повесил кинжал, позаботившись, чтобы лезвие не смогло выскользнуть из ножен. Сандокадзи улыбнулась и тоже начала раздеваться. Перешагнув через упавшую юбку, она стянула блузу через голову и, оставшись в тонкой сорочке, посмотрела на киммерийца.

— Ты тоже собираешься с нами? — недовольным тоном спросил Конан.

— А почему бы и нет? Погода для купания очень хорошая, а к тому же Каллидиос обещал показать нам удивительные чудеса.

— Это займет немного времени. — Каллидиос поправил веревку якоря так, чтобы лодка встала над краем затопленного холма. Раздетый стигиец представлял собой невероятное скопление костей и шишковатых сочленений. Рядом с великолепно сложенным, бронзовым от загара, широкоплечим Конаном Каллидиос выглядел ободранным уличным котом, который только что выбрался из лужи.

— Что мы должны увидеть? — спросил Конан.

— Следуй за мной. — Каллидиос прыгнул в море. Весело засмеявшись, Сандокадзи последовала за ним. Нахмурившись, нырнул за ними и Конан. Три головы показались над поверхностью воды. Пустая лодка, когда ее относило утренним бризом, натягивала позади них якорную веревку. Каллидиос, чьи жидкие волосы цвета пакли облепили куполообразный череп, по-собачьи поплыл к тому месту, где холм круто уходил в глубину. Там, крутясь на месте, он поджидал своих спутников.

— Тысячестолбный мавзолей с крышей из плит голубого ляписа, по которой днем перемещалось золотое солнце, а ночью платиновая луна, и полом, устланным мраморными плитами, по которому текли вечно сверкающие серебряные реки, должен был служить ярким зрелищем для поколений подданных, погруженных в глубокий траур. Тело короля, защищенное от тления искусством его колдунов, было

помещено в секретную гробницу под землей. Ее величие настолько превосходило чудеса наземного дворца, насколько сам дворец превосходил жалкие жилища бедняков. Калениус приказал своим подданным воздвигнуть здесь, на равнине, высокую гору. Двести тысяч рабов трудились день и ночь, перетаскивая землю, чтобы поднять над гробницей Калениуса гору, которой здесь раньше не было. Это был курган, достойный увенчать могилу усопшего бога, курган диаметром тысячу футов и высотой двести футов. На нем были воздвигнуты монументы, поражающие воображение. А внутри погребен дворец, намного превосходивший тот, из которого при жизни король правил своими владениями. Останки короля были помещены в подземном дворце на золотой трон, с которого Калениус намеревался править вечно.

Каллидиос остановился, чтобы перевести дыхание. Конан бросил взгляд на лодку, удостоверился, что якорь удерживает ее на месте, и про себя подумал, что стигиец мог бы произнести свою высокопарную речь на борту суденышка. Каллидиос продолжал:

— Во времена, когда содрогнулась земля и лава поглотила старую Кордаву, имя Калениуса уже было забыто, а его грандиозный курган время превратило в невысокий холмик. Затем море поглотило и то, что когда-то было одним из величайших творений эпохи. В конечном счете гора, воздвигнутая королем, стала безымянной мелью. Сокрушенная землетрясением гробница Калениуса опустилась под воду, и уже многие столетия штормы и волны разрушают последние остатки подземного дворца. Если вы хотите увидеть доказательства, то следуйте за мной.

Конан, несмотря на врожденный скептицизм, внезапно загорелся любопытством. Перспектива ограбления королевской гробницы придала его мыслям новое направление. Золото короля Калениуса, в отличие от памяти о нем, могло пережить века.

— Эта гробница... — начал Конан.

Но Каллидиос уже нырнул и исчез под водой. Конан выругался сквозь зубы и последовал за стигийцем в глубь моря.

Соленая вода вначале резала глаза, но потом варвар привык к неприятным ощущениям и стал видеть лучше. За ним плыла Сандокадзи; ее белая тонкая сорочка плотно облегла тело, четко обрисовывая соблазнительные очертания фигуры. Каллидиос погружался все глубже и глубже. Конан почувствовал возросшее давление воды, но стиснул зубы и следовал за колдуном.

Мель завершилась, и дно круто уходило вниз. Качающиеся заросли водорослей скрывали край обрыва, точные контуры которого невозможно было определить. Конан с трудом различил огромные каменные глыбы, в беспорядке торчавшие из ила. Присмотревшись к ним, киммериец понял, что это остатки огромных циклопических колонн.

Вода сжимала грудь Конана, и череп его раскалывался от боли. Вдруг Каллидиос задержался над каким-то темным пятном на склоне холма. Стигиец энергичными жестами подозвал Конана и затем устремился вверх. На последних остатках воздуха Конан подплыл к указанному месту.

Обрамленная качающимися водорослями, в склоне открывалась темная расщелина. Обломки каменных плит и колонн расходились от нее в разные стороны по склонам затонувшего холма. Они уходили от нее и в глубину, и к прежнему берегу моря. Подплыв ближе к расщелине, Конан увидел, что это вход в курган. Конца коридора варвар не мог рассмотреть, так как коридор уходил в темноту. Наполовину заваленное землей и различными обломками, входное отверстие было украшено рядом каменных фигур, таинственно видневшихся в полутьме туннеля. Задышавшись от недостатка воздуха, Конан стремительно пошел вверх. Направляясь к солнечному

свету, он видел над собой тощие ноги Каллидиоса, двигавшиеся в прозрачной воде, и красивые ноги Сандокадзи, полностью открытые, так как ее тонкая сорочка всплыла наверх. Конан вынырнул рядом с ними и с удовольствием сделал большой вдох.

— Ну что? — спросил Каллидиос. — Ты видел?

— Я видел каменные развалины и пещеру на краю холма, — ответил Конан, протирая глаза.

— Как я и говорил, море и землетрясение разрушили курган и открыли вход в гробницу Калениуса. Я провел здесь много дней в поисках этого входа, старался найти доказательства, что это действительно гробница. И разве я не нашел их? Разве ты не видел, что я прав?

— Ты сказал, что знаешь, как собрать таинственную армию, которая поможет нам свергнуть Риманендо, — ответил Конан. — Мы пришли сюда искать доказательства этому заявлению, а вместо этого ты показываешь нам какие-то развалины и подводный курган. Мне кажется, твои обещания помочь нам — простое хвастовство и единственное, чего ты хочешь от нас, — помощи в поисках сомнительных богатств в затопленной гробнице.

— Неужели ты думаешь, что я поделился бы своими знаниями с тобой и твоими друзьями, если бы не нуждался в вашей помощи? — проворчал Каллидиос. — В гробнице лежат такие богатства, которые тебе и не снились, киммериец. Иначе я не убежал бы из Стигии искать их. Да, я обещал тебе, что покажу те силы, которые помогут вам. Вспомни, что ты еще видел внизу?

— Ничего, кроме темной дыры в холме, сломанных колонн и еще каких-то статуй вроде тех, что мы видели раньше.

— Статуи? — рассмеялся Каллидиос. — Значит, ты их видел? Осмотри их получше, киммериец!

Не дожидаясь ответа, Каллидиос сделал глубокий вдох и снова нырнул в глубину моря.

Конан последовал за ним. Снова дикая боль внутри черепа. Конан подумал, что только опытный ныряльщик и пловец способен добраться до расщелины. И это вызывало уважение к стигийцу, но цели колдуна по-прежнему оставались неясными.

Хотя лес водорослей и скрывал дно, Конан понял, что стигиец сказал правду: размеры гробницы соответствовали величию короля.

Подплыв поближе к входу, Конан посмотрел на статуи, наполовину погребенные под обломками и заросшие водорослями. Это были изваянные из какого-то черного камня фигуры воинов, вооруженных древним и незнакомым оружием. Фигуры высекались очень аккуратно, с тончайшей проработкой деталей, причем материал, из которого они были сделаны, с успехом противостоял воздействию морской воды. С полдюжины воинов выстроились у входа в туннель, а дальше, в глубине коридора, виднелись другие. Если бы их можно было поднять на поверхность, то за них в Кордаве заплатили бы большие деньги. Итак, армия Каллидиоса — блеф. Но фантастические богатства действительно лежат внутри гробницы и находятся в безопасности от любого вора, не имеющего плавников. Неудивительно, что Каллидиосу нужна помощь, чтобы разграбить эту гробницу.

Двигая загорелыми ногами, Сандокадзи подплыла к входу в пещеру и остановилась вблизи воинов.

Рука статуи резко поднялась. Черная кисть схватила край ее сорочки, Сандокадзи в испуге рванулась к поверхности и посмотрела вниз, чтобы увидеть, кто держит ее сорочку. Крик ужаса вырвался у нее, и туча пузырьков полетела к поверхности.

Крепко держа Сандокадзи, статуя подняла каменную палицу и стала подтягивать к себе отчаянно сопротивляющуюся девушку, чтобы нанести смертельный удар.

Не теряя времени на то, чтобы осмыслить происшедшее, Конан выхватил нож и бросился на помощь Сандокадзи. Схватив девушку за плечо, он рванул ее в сторону, так что палица ударила мимо. Краем глаза Конан увидел, что другая черная фигура повернулась к ним. Морской ил осыпался с ног воина, когда он двинулся на помощь первому. Меч из оникса был занесен для смертельного удара.

Пузырьки изо рта Сандокадзи прекратились, ее ноги беспомощно двигались в воде. Конан ударил ножом. Стальное лезвие скользнуло по поверхности каменной руки. Палица снова опустилась, но Конан увернулся, изо всех сил ударив ногами в каменное плечо, чтобы освободить Сандокадзи. При этом ее сорочка порвалась, полностью обнажив девушку. Конан, стискивая руками обнаженную Сандокадзи, быстро поплыл на поверхность. Он рискнул бросить взгляд вниз. Воин смотрел на них, задрал голову и подняв каменную палицу. Белая сорочка развевалась в другой руке, как доказательство того, что все случившееся вовсе не было кошмаром или галлюцинацией, возникшей в мозгу из-за чрезмерного давления воды. Конан вынырнул из воды и закричал:

— Каллидиос, ублюдок! Ты знал, что они живые! Почему ты не предупредил нас?!

— Да, я знал, что они начнут двигаться, как только вы подплывете. Но они слишком тяжелы, чтобы гнаться за вами, и я не мог представить, что вы так неосторожно приблизитесь к ним. — Он злобно усмехнулся. — Ну, где теперь ваши насмешки?! А?! Значит, я — нюхатель лотоса?! Почему я должен тратить свою мудрость на то, чтобы доказать что-то надменной шлюхе и неотесанному варвару? Теперь я предоставил вам неоспоримые доказательства, и если это было сопряжено с опасностью, ну что ж, я делил ее вместе с вами.

— Оставь его, Конан, — с трудом сказала Сандокадзи. — Он прав. Мы ему не верили и не поверили бы, пока не увидели все своими глазами. Я хотела посмотреть, из какого камня сделаны воины, иначе бы не приблизилась к ним так близко.

— Все-таки ты должен был предупредить нас, — Конан сердито поднимал якорь.

— Кто же эти черные солдаты? — спросила Сандокадзи.

— Их называли Последняя Гвардия. Тысяча лучших воинов-фанатиков, чью преданность не смогла поколебать даже смерть их кумира, — ответил Каллидиос.

— Но они же не люди, — запротестовал Конан.

— Когда-то это была живая плоть. Королевские маги создали из них Последнюю Гвардию. Тысяча лучших воинов была превращена в бессмертные существа из живого камня.

— Как здоровый человек мог выбрать себе такую судьбу? — Сандокадзи содрогнулась от ужаса.

— История ничего не говорит об этом, и вряд ли у них был выбор. Ведь всем известно, что великих монархов погребали вместе с приближенными — живыми или мертвыми. Последняя Гвардия — это элита, состоявшая из фанатиков, которые почитали за честь такой выбор. И кроме того, другие правители милостиво позволяют своим солдатам умирать за них, а Калениус обеспечил бессмертие своим воинам.

— Ты считаешь, что живая смерть — это честь? — Конан изо всех сил налег на весла.

— Но ты должен согласиться, что свой долг они выполняют безукоризненно. Рука времени превратила дворец Калениуса в руины, но его гробница до сих пор не ограблена людьми... Может ли человек победить таких телохранителей? Сталь не способна нанести им вреда, золото не может купить их. Только Калениус мог командовать ими, а Калениус мертв.

Он приказал охранять его вечный покой, и Последняя Гвардия будет выполнять этот приказ, пока не кончится само время.

Конан перестал грести.

— Так значит, ты привел нас сюда, чтобы показать армию дьяволов, которой ни один человек не сможет управлять, и королевскую гробницу, которую ни один человек не сможет ограбить? Мордерми будет тебе очень благодарен.

— Он действительно поблагодарит меня, когда я сделаю и то, и другое, — доверительно сказал Каллидиос.

— Конан! — прервала их Сандокадзи. — Пожар на побережье!

Конан повернулся, чтобы посмотреть, что происходит. Клубы черного дыма заволакивали безоблачное небо. Везде, по всей линии побережья, начали появляться языки пламени. Дым и пламя мешали разглядеть фигурки людей, которые метались по улицам. Конан угрюмо сказал:

— Это Корст. Он напал на Преисподнюю.

Глава 9

ДОРОГИ НАЗАД НЕТ

Атака Корста была вызвана отчаянием. После налета Мордерми король Риманендо собрал у себя всех генералов, выразив свои мысли и волю с лаконичностью, не допускавшей иных толкований:

— Если через три дня воры не будут повешены, будете повешены вы.

То, как Мордерми мастерски провел свою преступную операцию, показало, что он пользовался данными шпионов, сеть которых у него была не менее эффективна, чем сеть шпионов Риманендо.

До этого момента известный преступник был для Корста не более чем мелким беспокойством: его поисками должна была заниматься городская стража, а не армия. Налет на королевский павильон все изменил. Честь Риманендо была оскорблена, а участие «Белой Розы» означало открытое выступление против короля. Вывод из сложившейся ситуации был один: Мордерми и его банда должны быть уничтожены любой ценой.

И Корст знал, что цена будет очень высокой. Преисподняя — это город внутри города, это государство, где зингарские законы не более применимы, чем где-нибудь в Кхитае или в Вендии. Вторжение в Преисподнюю означает вторжение в чужую страну, население которой будет оказывать самое жестокое сопротивление.

Корст не желал стоять вместо Мордерми на Танцевальном помосте. К тому времени, как Конан достиг побережья, наступление Корста уже началось. Ярко-красные и золотые цвета армии Зингары, казалось, заполнили собой все улицы города. Дома над Преисподней дымились и горели, небольшие группы людей защищали главные входы в подземелье.

— Ты не собираешься туда? — спросил Каллидиос.

— Мордерми — мой друг, — просто ответил Конан.

— Мордерми в ловушке, — сказал Каллидиос. — Ты прорвешься сквозь войска Корста ради сомнительной привилегии присоединиться к нему, чтобы вместе погибнуть.

— Я был бы сейчас вместе с ними, если бы ты не повел нас на бесцельную прогулку, — огрызнулся Конан. — Если Мордерми продержится какое-то время и остановит атаку солдат Корста, то для нас еще останется шанс на спасение. Не сожжет же Корст всю Кордаву, чтобы выкурить нас оттуда.

Сандокадзи, тебе лучше быть подальше от боя. Ты и Каллидиос садитесь в лодку, когда я высажусь на берег, и...

— Если ты думаешь, что я собираюсь бежать, то ты такой же сумасшедший, как и Каллидиос, — прервала его девушка, — это и моя борьба, Конан.

— Как хочешь, — пожал плечами киммериец. Женщины его родины не боялись кровопролития, но варвар не единожды видел, что в цивилизованных странах от женщин требуется отнюдь не отвага и мужество. — Каллидиос, как только мы коснемся берега, ты поворачивай лодку и гребь в свою Стигию.

Колдун натянул на себя одежду и пристегнул шпагу.

— Я обещал Мордерми, что сделаю его королем, — ухмыльнулся колдун. — К несчастью, Корст опередил нас, но для каждого из присутствующих обратной дороги нет. Ты и твои друзья готовились к восстанию. Ну так начнем его сейчас. Для восставших не будет пощады. Нас будут приветствовать как освободителей или повесят как предателей. Так что сейчас мы должны довериться своим шпагам и своему разуму.

В таком случае шансы стигийца равны нулю, рассудил Конан. Каллидиос по-прежнему оставался для него загадкой. Скрывалось ли действительно мужество за этими саркастическими глазами или же запах желтого лотоса сделал колдуна невосприимчивым к физической опасности? Конан оставил эти рассуждения на будущее и посмотрел на свой меч.

Сандокадзи высказала соображение:

— Каллидиос, прошлой ночью ты каким-то образом проник в наш штаб незамеченным. Может ли твоя магия перенести нас через кордоны Корста?

— Всех троих, днем, через такие толпы?! — запротестовал стигиец. — Ситуация совсем другая, не то что вчера. У меня совсем другой профиль работы.

— Наконец-то мы получили истинное представление о возможностях этого колдуна, — сказал Конан.

— Что ты знаешь о колдовстве, варвар! — воскликнул стигиец. — Если воин является мастером в стрельбе из лука, так вовсе не следует ожидать от него, что он будет мастером в фехтовании. Я пошел по одному пути колдовства, а по другим не пошел — и нет ни одного Колдуна Черного Круга, который бы продвинулся на моем пути дальше, чем я.

— Ты это расскажешь гвардейцам Корста, когда они спросят у тебя, что ты тут делаешь, — предложил ему Конан. — Попытаемся проникнуть к Мордерми через туннель, который мы использовали после налета. У Корста вряд ли есть столько людей, чтобы заткнуть каждую крысиную нору.

В этом Конан был прав. Это полностью понимал и Корст. Поэтому он послал по предполагаемым границам Преисподней уличные патрули и снарядил три отряда Зингарской армии прямо в подземный город. С указом Риманендо, давшим ему полную свободу действий, генерал решил завоевать Преисподнюю, как вражеский укрепленный город. Те, кто не оказывал никакого сопротивления, были взяты под стражу; затем, после соответствующего расследования, их сажали в тюрьму или освобождали. Те же, кто оказывал неповиновение и сопротивление законам страны и королевской воле, уничтожались беспощадно.

Корст рассчитывал, если все пойдет хорошо, запереть Мордерми в его логове и перебить всех бандитов еще до того, как преступники поймут, что они в ловушке. Но Корст был реалистом и хорошо понимал, что победа легко не достанется. Скорее всего каждый житель Преисподней с оружием в руках будет до последнего сопротивляться. Но человеческая жизнь стоила для Корста не больше, чем и для его хозяина короля.

Туннель под побережьем ускользнул от внимания гвардии Корста. Как долго он останется свободным, Конан не мог знать, но чувствовал, что на этот ход нельзя рассчитывать как на возможный путь бегства. Варвар старался добраться до Мордерми раньше, чем солдаты генерала заполнят улицы подземного города. Конан прокладывал путь сквозь многочисленные уличные стычки, используя весь свой боевой опыт. Под улицами Кордавы Преисподняя представляла собой какую-то дикую мешанину резни и бойни, которая больше походила на пьяную драку в трактире, чем на битву. Здесь не было открытого пространства — только улицы и дома, и везде шла борьба с обезумевшими людьми, борьба не на жизнь, а на смерть. Клубы дыма сделали сводчатый потолок Преисподней еще ниже. Воздух раздражал легкие, шум закладывал уши. Конан несколько лет назад участвовал в схватке, когда сошлись два отряда в туннеле под насыпью. Зрелище было ужасным. Тот страшный бой вспомнился ему сейчас, когда он с трудом пробирался через переполненные улицы подземного города. Хаос в гораздо большей степени мешал Корсту преуспеть в военных действиях, чем вооруженное сопротивление бандитов. Стремясь захватить Преисподнюю, он вторгся в подземный город с трех сторон, стараясь захватить его прежде, чем его обитатели сумеют организовать сопротивление. Но Преисподняя получила предупреждение при первом же появлении патрулей и кордонов, а присутствие королевской армии убедило подземных обитателей города, что Римагендо намеревается очистить Кордаву от ее печально известной клоаки пороков и преступлений. Будучи отрезанными от путей к бегству, жители Преисподней в отчаянии защищались, как загнанные в угол крысы.

Ожидая, что сопротивление жителей подземелья будет не сильнее, чем сопротивление овечьего стада, отряды Корста неожиданно для себя встретили раз-

ярных зверей. Это были не беспомощные, слепо повинующиеся законам граждане страны. Народ Преисподней составляли хорошо вооруженные мошенники и закоренелые преступники, для которых жестокость и насилие были неотъемлемой частью их жизни и которые ненавидели королевские законы. Люди Корста смогли проникнуть только на несколько кварталов и уже наткнулись на баррикады с отчаянными защитниками, которые блокировали узкие улицы, готовясь умереть, но не пустить врага.

Стрелы и камни летели в солдат, а сами стрелки и метатели оставались под защитой стен и баррикад. Солдаты откатились назад, унося с собой убитых и раненых. Они были неспособны пробиться по узким, похожим на туннель улицам. Отступив, командир послал донесение Корсту, в котором сообщал о невозможности продвижения вперед. Корст, не смутившись, послал в атаку свежие части.

В этих условиях Конан и его спутники прокладывали себе путь. По всему периметру окружения войска Корста без особого успеха пытались пробиться во входы в Преисподнюю, внутри которой, как во время настоящей осады, все обитатели города объединились для защиты своего города против захватчиков. Ведь победа Корста означала бы полное уничтожение подземного города. Огонь, с помощью которого выкуривали обитателей Преисподней, вышел из-под контроля, и пожары угрожали распространиться по узким улицам. Во всех проходах, по которым можно было проникнуть в Преисподнюю, разносили оружие и материалы для сооружения баррикад. На узких улицах шла жестокая бойня, в результате чего из тел погибших возникали новые барьеры для нападающих.

Компания с варваром во главе уже почти достигла убежища Мордерми, и тут Конан увидел главаря преступников, окруженного сподвижниками. Его лицо горело от возбуждения. В голосе бандита не было и

намека на панику, когда он громким голосом отдавал приказы по защите своего государства. Губы тронула мимолетная улыбка, лишь только он услышал приветствие Конана.

— А, вот и киммериец! — засмеялся Мордерми. — В то время как мои блистательные воины поговаривают о бегстве, Конан пробивается сюда для участия в борьбе. Ну, как там?

— Корст окружил Преисподнюю... — начал Конан.

— Скажи что-нибудь новенькое. Мы досыта накормим Корста и его неповоротливых кретинов. Мы удержимся здесь, а за это время Сантидио вооружит своих людей и поставит на баррикады. Нападение Корста привлечет столько новых людей в народную армию «Белой Розы», сколько этим болтунам никогда бы не уговорить своими длинными речами. Если мы закрепимся на баррикадах, Корсту не выбить нас оттуда, не разрушив почти всей Кордавы.

Мордерми кивнул в сторону Каллидиоса.

— Ну, что вам показал наш самозванный изготавитель королей? Показал ли он что-либо из обещанных чудес или вы просто занимались поисками желтого лотоса?

— Спроси Сандокадзи, — буркнул Конан, у которого не было настроения говорить о колдовстве в то время, когда запах битвы щекотал ему ноздри. — Где мое место в этой свалке?

— Прими команду над баррикадами по улице Еэл и пришли Сифино ко мне с докладом. — Мордерми с гримасой боли дотронулся до забинтованного плеча. — Корст концентрирует там свои силы для главного удара, и если он прорвется, то сможет проникнуть глубоко в Преисподнюю. Я руковожу обороной отсюда, с моим плечом я не могу непосредственно участвовать в бою, — и мы укроемся в моем убежище, если придется. Но для всех нас лучше бы не допускать Корста в Преисподнюю.

— Теперь ты, — сказал Конан, — дай мне одну из своих лошадей, а то, пока я буду пешком пробираться через толпу, бой закончится.

Один из людей Мордерми спешился и бросил поводья Конану. Киммериец вскочил в седло и прищипорил коня, направив его на улицу Еэл. Он с облегчением выбросил из своей головы воспоминания о колдовстве и планах Каллидиоса и полностью переключился на предстоящую битву. Человек против человека, сталь против стали — вот то, что уважал и к чему стремился Конан. Это была его родная стихия.

Конан начал быстро пробираться вдоль переполненной улицы, и Мордерми улыбнулся, глядя на него.

— Черт побери! Будь у меня сотня таких людей, и в Зингаре был бы уже новый король! — Он почувствовал на себе взгляд Каллидиоса. — Ну что, стигиец?

— Конан поскакал драться, как обычная пешка, — засмеялся Каллидиос. — Пешки нужны, чтобы выигрывать битвы и целые войны, но только человек, который знает, как правильно расставить своих пешек и добиться победы, может следовать дорогой королей. Я полагаю, Мордерми, пришло время, чтобы нам вдвоем обсудить детали дальнейших действий.

Глава 10

БЕЛЫЙ ЖАР

Еэл была главной улицей Преисподней. Она была гордостью обитателей подземного города. В дни старой Кордавы улица носила другое название, теперь забытое, была широкой и прямой, имела

прекрасные здания. Теперь, когда большинство других улиц стали такими узкими, что на них не могли разехаться даже две телеги, Еэл по стратегическому замыслу Корста была лучшим местом для атаки. И когда на остальных направлениях продвижение войск было остановлено, Корст сконцентрировал свои силы здесь.

— Конан! — послышался знакомый голос из группы раненых. — Рад тебя видеть! Сантидио сказал, что ты уехал ловить рыбу.

Массивное бедро Карико было перевязано грязной тряпкой.

— Какой-то ублюдок укусил меня под кольчугой, — почти извиняющимся тоном сказал он, когда Конан спешился, — но он уже не сможет пожаловаться, что я выпустил ему не все мозги.

— Где Сантидио? — спросил Конан смеясь.

— Вышел через потайной ход, — сказал Карико, пробуя перенести тяжесть тела на раненую ногу. — Пытается поднять на борьбу верхний город. Конечно, было бы лучше поговорить с народом мне, но та работа, которую мы сейчас делаем здесь, требует побольше мяса на костях, чем есть у Сантидио.

— Мордерми хочет, чтобы я принял командование на этом участке, — сказал ему Конан. — Где Сифино?

Звуки боя на улице, полностью покрытой дымом, напоминали раскаты грома.

— Скорее всего мертв, — сказал Карико. — Он был на первой баррикаде, а она пала. Корст бросил против нас все, что имеет. Тебе нужна кольчуга, возьми мою. Моя кузница рядом, и я пошлю кого-нибудь за другой, пока буду останавливать кровь из проклятой царапины. Маловато людей у тебя осталось. — Он указал на груды убитых.

Конан торопливо пробормотал благодарность и натянул на себя кольчугу. Дородный кузнец был ниже Конана, но в плечах и в талии не уступал

громадному киммерийцу. Подарок был очень кстати: без кольчуги ни один воин не продержался бы долго в такой битве.

Дневной свет проникал под землю через входное отверстие с улицы Еэл, а далее постепенно переходил во мрак, слабо рассеиваемый грудями горящих обломков и тлеющих балок наземного здания. Защитники Преисподней получили некоторую передышку, когда солдаты Корста были отброшены огнем пожарища. В непосредственной близости от тлеющих обломков обороняющиеся вытаскивали тела из-под баррикады, отделяя своих от трупов людей, одетых в ярко-красные и золотые цвета. В нескольких десятках метрах от сгоревшей уже стояла другая баррикада. Конан остановился здесь, наблюдая, как защитники стараются усилить самодельное укрепление; телеги, бревна, двери, куски мебели образовали завал от стены до стены и от пола до потолка. В отличие от обычных баррикад эту нельзя было перескочить. Нападающие могли только проломиться, а узкий проход позволял при падении первой баррикады укрыться за второй.

— Несите все это вперед, — сказал Конан, — мы же можем восстановить первую баррикаду, пока Корст перегруппируется. Не будем отдавать свою территорию этим ублюдкам, пока в наших силах удерживать ее. И начинайте строить третью баррикаду подальше. Лучники, займите позицию, откуда вы сможете их обстреливать, если солдаты полезут вперед. А затем отойдите и будьте готовы прикрывать наше отступление, если они прорвутся.

Число защитников достигло нескольких сотен. Большинство из них были простые граждане, другая часть — люди из банды Мордерми, а остальные — члены организации «Белая Роза», которых привел Карико. Если кто-нибудь и был недоволен командованием Конана, он не высказывал свое недовольство

вслух. К Конану всегда хорошо относились те, кто знал его лично или по слухам. У незнакомых его могучая, затянута в кольчугу фигура и широкий меч отбивали всякое желание поднимать вопрос о праве варвара на лидерство.

Конан нашел в груди трупов стальной кинжал и подвесил его к поясу. Покопавшись в том же источнике, он обнаружил вполне приличный щит. Драться здесь — все равно что драться в угрюмой и узкой пещере, подумал Конан. Это будет жестокая и безжалостная битва, которую вряд ли воспоют в стихах и балладах. Тем не менее Конаном владела спокойная уверенность. Все политические рассуждения его цивилизованных друзей не трогали Конана, но когда цивилизация отбрасывала софистику и утверждала свои принципы силой оружия, Конан быстро находил свое место в ее рядах.

За горящими обломками обрушившегося здания Конан видел солдат, тушивших пламя и растаскивавших обломки, чтобы расчистить себе путь. Возможно, люди Корста попытаются найти еще один способ пробиться.

Как только в заполненном дымом проходе появились фигуры, лучники повстанцев встретили их градом стрел. Прикрываясь щитами, люди Корста спотыкались и падали под губительным огнем. Но многие солдаты, оставив позади трупы своих товарищей, пересекли короткое узкое пространство перед первой баррикадой. Теперь расстояние было слишком коротким — и обстрел из луков стал неэффективным, ведь все солдаты оказались в мертвой, недоступной для стрел зоне. Баррикада превратилась в стену из карабкающихся по ней тел и сверкающей стали.

Конан дрался под прикрытием перевернутой телеги. Ее доски затрещали, когда солдаты ударили тараном, чтобы отбросить телегу в сторону. В отверстии, через которое вели огонь лучники, появилось чье-то лицо; Конан ударил мечом, но в горло не попал и

ткнул острием меча прямо в рот солдату. Когда в эту амбразуру просунулось копьё, Конан успел отскочить в сторону. Один из повстанцев схватил копьё и дернул его на себя. Появилась кисть, сжимающая копьё, но прежде чем солдат успел опомниться, меч Конана разрубил и копьё, и руку. Товарищ Конана упал, все еще сжимая копьё. Конан посмотрел, удивляясь, почему он не встает, и увидел, что стрела пробила тому череп. Другая стрела вонзилась в щит. Корст тоже имел лучников, и они прицельно стреляли в каждое отверстие баррикады. Многие солдаты пробирались к баррикаде под прикрытием деревянных заграждений. Повстанцы стремились отбросить наблюдающих и не допустить, чтобы они разобрали наспех сооруженную баррикаду.

Топоры с глухим шумом опускались на доски и бревна. Конан подождал, пока отвалится доска от телеги, ткнул мечом в солдата с топором. Его широкий меч не предназначался для колющих ударов, но тем не менее оказался весьма эффективным: клинок только звенел от контрударов, которые неминуемо сломали бы более легкое оружие. Внезапно Конан получил удар алебардой из только что образовавшегося отверстия, которого он не заметил. Ее острие ударило в кольчугу. Удар был так силен, что киммериец отлетел назад. Подарок Карико спас ему жизнь. Все-таки он был хорошим кузнецом, несмотря на увлечение политической возней. Конан не стал портить лезвие меча об алебарду. Он зацепил щитом за ее лезвие и резко дернул на себя. Алебардщик, стремясь удержать оружие, по инерции высунулся из отверстия. Меч Конана выпустил ему кишки, и солдат остался висеть в амбразуре. Битва была в полном разгаре, и Конан увидел, что солдаты все прибывают. Эта баррикада, подмонтированная на скорую руку после первого штурма, была снова почти разобрана. Люди Корста применяли новую тактику: они привязывали веревки к

бревнам и растаскивали баррикаду целыми блоками, оставаясь при этом вне досягаемости оружия повстанцев. Конан понял, что защитникам придется отходить на следующий рубеж, и надеялся, что они не очень пострадают при отступлении. Было ошибкой отсылать лучников назад.

Рядом с баррикадой из дверей винной лавки вывалилась чья-то фигура. Конан резко повернулся, чтобы отразить удар, но остановил движение меча, когда узнал под окровавленным бинтом знакомое чернобородое лицо. Разбойник весь пропах вином и шатался больше от него, чем от раны. С некоторым смущением Сифино смотрел на Конана.

— Я заполз за стойку, когда баррикада пала, — пробормотал пьянчуга. — А где Карико? Как вы отбили баррикаду обратно?

— У Карико ранена нога, — сухо сказал Конан. — Мордерми хочет тебя видеть. Возьми мою лошадь, скачи туда и расскажи о нашем положении. И скажи, что нам придется отступать. И мне нужны еще люди.

В подтверждение его слов рухнула большая часть баррикады. Конан впихнул Сифино в дверь лавки как раз тогда, когда рядом рухнуло тяжелое бревно. Вместе они взгромоздили эту тяжесть на место, заткнув брешь. За то время, пока бревно ставили обратно, оно оказалось сплошь утыкано вражескими стрелами. Конан вздохнул:

— Нам баррикаду не удержать. Мы сожжем ее. Это даст нам время для перегруппировки.

Сифино кивнул и, качнувшись, ввалился в винную лавку. Он вернулся почти мгновенно, держа наполовину опустошенный бурдюк с вином и кружку, до краев наполненную лампадным маслом. Поливая дерево маслом, он сказал:

— Это поможет пожару.

Конан протянул факел, и языки желтого пламени начали лизать полуразрушенную баррикаду. В одно

мгновение деревянное сооружение превратилось в стену огня, отбросившую в разные стороны и защитников, и нападающих. Солдаты, забравшиеся внутрь баррикады, выскочили из этого ада и заплясали, как сумасшедшие, сбивая с себя пламя. Конан взял бурдюк из рук Сифино и с жадностью приник к нему.

— Расскажи Мордерми, — снова сказал он.

Карико присоединился к обороняющимся на второй баррикаде. Он уже был одет в новые доспехи и вооружен тяжелым топором. Раненая нога была покрыта слоем грязных бинтов, но в условиях боя не требовались доспехи для ног.

— Слышно что-либо новое? — угрюмо спросил Конан.

— Кажется, нам придется держаться самим. — Карико налег плечом на край телеги. Конан ухватился за колесо. Тяжелая телега наклонилась и с треском рухнула, закрывая узкий проход в баррикаде, через который прошли люди Конана. Жар от огня, охватившего первую, только что оставленную баррикаду, обжигал лица разбойников, когда они закрепляли телегу массивными досками.

Наступление Корста увязло. Оставалось предположить, что он будет или наносить удар в одну и ту же точку, или будет двигаться через каждую крысину нору, ведущую в подземелье.

— Корст не способен войти сюда, а мы не можем выйти.

— Наша основная тактика — отступить туда, где мы можем создать надежную линию обороны, — сказал Карико с оптимизмом. — У нас достаточно воды и продовольствия, чтобы продержаться век. Город поднимется против Риманендо!

— За нашу победу! — торжественно провозгласил Конан и протянул бурдюк с вином Карико. Его собственная оценка ситуации была более сдержанной. Но обаянию и уверенности Карико было трудно сопротивляться.

— Когда начнется наша контратака? — спросил Конан.

— Сантидио старается собрать простой люд Кордавы на нашу сторону. Аввинти взял часть золота, чтобы подкупить некоторых лордов и уговорить их оказать нам поддержку. Так что от нас пока требуется только твердо держаться против армии Корста. Трон Римаендо держится на страхе. Когда народ увидит, что его силам можно сопротивляться, тогда забудется страх и останется только ненависть.

— А что там насчет Аввинти? — перебил Конан, не особенно интересуясь его ораторскими способностями. — Как это получилось? Мордерми не настолько глуп, чтобы доверять этим разряженным куклам.

— Я не люблю Аввинти, — сказал Карико, — но в «Белой Розе» нет предателей. Аввинти имеет связи среди высокопоставленных лиц, и это делает его неоценимым в нашей ситуации. Он ушел еще до нападения с задачей использовать золотой ключ, как они его называли.

— До нападения? — подозрения Конана только усилились. — Аввинти знал о планах Корста?

— Его атака не была неожиданной, — напомнил ему Карико. — Каллидиос предсказывал это — и было очевидным, что наши планы надо претворять, не теряя времени.

— Но если Мордерми предполагал нападение, то почему мы не забрали золото и не скрылись, когда ушел Аввинти? Корст прошел бы по Преисподней без сопротивления, обнаружил бы, что мы с золотом исчезли, и битвы не было бы.

— Не было бы битвы, не было бы войны, — объявил Карико очевидное. — Нам необходимо это кровавое столкновение с Римаендо, чтобы укрепить веру народа в наше восстание. — Что-то в лице Конана насторожило его, и он быстро исправился. — Все это, конечно, догадки. Кто мог знать, что Корст всеми силами обрушится на Преисподнюю?

Конан молчал, угрюмо глядя на пылающие обломки баррикады. Перерыв в борьбе дал возможность перевести дух и укрепить заграждения. Он также позволил Конану спокойно подумать и решить, кто же его друзья: дураки или сумасшедшие.

Сифино вернулся раньше, чем пламя затихло.

— Что сказал Мордерми? — спросил Конан.

— Я не говорил с Мордерми. Он и этот проклятый стигиец держат тайный совет вдвоем и не желают, чтобы их беспокоили. Я не стал ждать. Переговорил с Сандокадзи, собрал всех, кого смог, и прискакал сюда.

— Каллидиос! — Конан стал еще более угрюмым. — Черт бы его побрал! Мордерми тоже сошел с ума! Сейчас нет времени плести интриги и составлять сумасшедшие планы. Мы должны драться, если хотим выжить!

Конан принял решение:

— Сифино, ты опять примешь здесь командование. Я поеду и осматрю остальные баррикады. Затем я доложу обо всем Мордерми, и если он все еще будет совещаться с Каллидиосом и у него не будет времени на битву, то я сам поведу вас!

Преисподняя была чудовищным лабиринтом извилистых переходов и потолков. Ее странная архитектура не позволяла успешно развивать прямое наступление, но по той же причине невозможно было создать стабильную линию обороны. Высокомерно отказывая обитателям Преисподней в способности организовать разумное сопротивление, Корст не менял свою тактику решительного массированного наступления по трем фронтам. Конан понимал, что если повстанцы будут продолжать сопротивляться, то войска Корста постараются проникнуть в Преисподнюю через каждую щель или лестницу. Жертвы будут огромными, люди Корста рассеются по всей территории, но Преисподняя неминуемо падет под ударами превосходящих сил королевской армии.

Преисподняя падет даже в том случае, если все баррикады будут удержаны повстанцами. Она будет спасена, только если какие-нибудь внешние силы прорвут блокаду. Конан мало надеялся на то, что Сантидио удастся поднять народ Кордавы на борьбу, обреченную на поражение. Варвар был уверен, что Аввинти на пути к Аквилонии с богатствами, за которые его прежние товарищи сейчас гибнут. Падение Преисподней было только делом времени. Все зависит от того, когда у Корста лопнет терпение.

Конан прибыл на улицу Воды и увидел, что все баррикады покинуты. Огонь распространился на всю прибрежную часть — и противники вынуждены были отступить, гонимые пожаром каждый в свою сторону. Пожар уже вышел за границы Преисподней и распространялся дальше в город.

На улице Старого рынка защитники подпилили колонны, поддерживавшие своды зданий. Грандиозный обвал погубил многих солдат и повстанцев, но улица была теперь так забита, что Корсту потребовался бы месяц, чтобы пробраться сквозь этот завал.

Конан быстро проскакал через всю Преисподнюю. Он нетерпеливо подгонял свою лошадь, чтобы скорее пробраться сквозь толпы людей. Везде были баррикады, защищавшие многочисленные лазейки в Преисподнюю. Окна и двери были заколочены. Из каждого укрытия виднелись настороженные люди, ожидавшие нападения. Солдат не было видно. Корст, очевидно, готовился к новой атаке. В предчувствии самого плохого Конан прищипил коня и поскакал обратно на улицу Еэл.

Охваченные паникой беглецы насторожили его. Как он и предполагал, предчувствия его не обманули.

Когда Конан с трудом пробился сквозь толпу и повернул на улицу Еэл, он с первого взгляда определил, что произошла катастрофа. Корст сконцентрировал главные силы удара здесь, когда понял, что остальные атаки захлебнулись. Пока солдаты штур-

мовали баррикаду, гвардейцы тайно пробрались в здание борделя, которое стояло позади баррикады. Затем они спустились вниз. В пылу боя повстанцы не заметили их, поэтому удар в спину был неожиданным. В последовавшей резне невозможно было определить точное число нападавших. Испугавшись, что сопротивление защитников баррикады полностью сломлено, резервные силы повстанцев, находившиеся на третьей баррикаде, бросили свои позиции и побежали. Конан врезался в ряды бегущих и стал плашмя лупить их мечом.

— Стойте, презренные трусы! — вопил он. — Куда вы бежите?! Стойте и деритесь или умрите!

Присутствие гиганта-киммерийца отрезвило беглецов. Многие заколебались и остановились.

— Следуйте за мной, собаки! Назад, на баррикады! Мы можем задержать мясников Корста!

И, не оглянувшись на них, Конан поскакал вперед, намереваясь драться и, если придется, погибнуть в бою, а не умереть среди трусов. Некоторые потерявшие стыд бандиты продолжали бегство, но большая часть повернула назад и устремилась за киммерийцем.

Расчистив проход к третьей баррикаде, Конан прикончил двух солдат короля так быстро, что они даже не успели понять, что смерть настигла их. В узком пространстве не было места для маневра, и им негде было укрыться от смертельных копыт лошади и беспощадного меча Конана. Столкнувшись с Конаном, солдаты встретились лицом к лицу с новой опасностью, и это дало передышку тем повстанцам, которые находились в ловушке у второй баррикады. Повстанцы, бегущие за Конаном, ринулись с криками в бой.

Лошадь Конана заржала и оступилась. Ей подрезали жилы на ногах. Конан вовремя скатился с седла. Отчаянно лежащие копыта убили тех, кто не успел увернуться. Конан упал на колени,

оглушенный падением. На него обрушился удар меча. Конан неуклюже парировал его, но при этом уронил свой меч. Его противник зловеще улыбнулся, но тут же лезвие топора врезалось в его лицо, сделав улыбку еще шире.

Карико взял Конана за плечи и поставил на ноги.

— Неплохо, парень, — сказал он. — В следующий раз, когда будешь продавать свой меч кому-нибудь лорду, записывайся в кавалерию, а не в пехоту.

Конан перевел дух и тут же отрубил ногу солдату, перебравшемуся через полуразрушенную баррикаду. Гвардейцы Корста толпами выскакивали из борделя и сразу же вступали в бой. Баррикада разрушалась прямо на глазах. Атакуя всеми силами, люди Корста проломались через баррикаду под прикрытием импровизированного барьера. Конан кричал:

— Отступайте! Надо поджечь завал!

— Не успеем! — ответил Карико.

Целая секция баррикады рухнула, пока он отвечал.

Зингарские лучники оставались за укрытием и поражали противника стрелами, а остальные солдаты с боевым кличем ринулись в образовавшуюся брешь.

— Отступайте! — командовал Конан. Стрела отскочила от его щита. — Отступай! — Его команда превратила паническое бегство в стратегический отход. — Занимай позиции на третьей баррикаде!

— А если и она падет? — поинтересовался Карико. Битва превратилась уже в нечто большее, чем политические дебаты.

— Мы воздвигнем следующую и будем драться там, — хрипло ответил Конан. — Мы же хотели зажать Корста в тиски и уничтожить, разве ты забыл свои слова?

Глава 11

ИДЕТ ПОСЛЕДНЯЯ ГВАРДИЯ

По всему побережью Кордавы огонь и дым поднимали мрачное знамя над тем адом кровавой бойни, которая происходила внизу, в Преисподней.

Под водами гавани рождался другой ужас, ужас куда более страшный. Он неумолимо двигался на город в отблесках пожаров.

Свидетелей его появления не было. Вся гавань горела. Солдаты Корста оставили свои посты и спасались от невыносимого жара вместе с теми, чьи жилища и лавки погибли в огне. Везде слышались звуки боя, и отряды солдат, одетых в золотое и красное, загоняли всех любопытных в дома. В такой битве каждый, кто не был одет в солдатский мундир, был потенциальным противником, и люди Корста не сдерживали себя.

Если бы кто-нибудь сейчас стоял на пустынной набережной, он услышал бы шум под маслянистыми волнами. Шум, порожденный каменными шагами, направляющимися из глубины моря на берег. Затем он увидел бы ряд голов, рассекающих поверхность воды. Их лица были страшны в свете отраженных водой пожаров. Через мгновение появился второй ряд голов, а у воинов первого ряда показались мощные плечи и груди. Они шли по морскому дну на берег, рассекая пенистые волны.

Первая шеренга вышла на берег и пошла вперед в сомкнутом строю. За ними непрерывно выходили из возмущенных волн на берег все новые и новые фигуры, зловещие в своей безмолвии. Они не производили никакого шума — только лязг оружия и неестественно громкий стук сандалий разрывали тишину. В огненных сумерках их вооружение и тела казались одинаково темными и блестящими, как полированный обсидиан. Вода стекала с воинов,

точно с намазанного воском стекла, оставляя тела совершенно сухими и блестящими. Шеренги Последней Гвардии поднимались по ступеням и выстраивались на набережной.

Каждое движение выполнялось с удивительной точностью, как будто хорошо обученное подразделение вышло на парад. Лязга стали не было слышно. Вместо этого раздавались звуки, напоминавшие движение ножа по точильному камню, или скрип снега во время арктического ветра, или трение грифеля по доске, или хруст расколотого хрусталя. Свет пламени зажег малиновые звезды на остриях палиц, лезвиях мечей и боевых топоров — все это тоже было черное, блестящее и острое, как края расколотого зеркала.

Подчиняясь безмолвной команде, первая выстроенная группа пошла вперед с набережной в охваченные огнем улицы. За ней двинулась вторая группа, а следом — все остальные обсидиановые воины, которые выходили из моря на набережную. И как морские волны равномерно и не зная усталости накатываются на берег, так и каменные воины шли мерной поступью, бесчисленными рядами.

Пожар, который вынудил солдат Корста откататься от атаки на улице Воды, угрожал полностью уничтожить этот район Кордавы. Некоторые бегали вокруг, стараясь спасти хоть что-нибудь из огня. Они и были первыми, увидевшими приход Последней Гвардии. Все в ужасе бежали.

Огонь прыгал с одной стороны улицы на другую. Стены дряхлых домов падали на мостовую, и шум их падения, смешиваясь с треском пламени, перекачивался раскатами грома. Через эту огненную бурю шла первая сотня Последней Гвардии, шла, не обращая внимания ни на что, как будто на нее падали не горящие бревна, а листья в лесу.

Рядом с охваченным огнем районом армейский кордон терпеливо ожидал беглецов снизу — так коты, собравшись кружком, терпеливо дежурят у

мышинной норки. Услышав испуганные крики, солдаты повернулись и увидели сотню воинов, бесстрашно шагавших в море огня. Некоторые люди Корста сбежали, другие погибли.

Ввиду неминуемого прорыва по Еал Корст направил свои основные силы в этот сектор. Несмотря на первоначальные неудачи и большие потери, вызванные неожиданно сильным сопротивлением, борьба обещала закончиться к полному удовлетворению планов генерала. Он вовлек повстанцев в организованную битву — и теперь он сокрушит их одним решительным ударом. Некоторые, конечно, скроются, их выловят потом, но зреющее всеобщее восстание будет задушено, его корни и ветви будут обрублены начисто. Риманендо будет доволен, победа генерала восстановит его честь и в то же время уничтожит тех, кто угрожает престолу.

С оружием, красным от свежей крови, Последняя Гвардия шагала к улице Еал.

Короткая смертельная схватка каменных воинов с кордоном была уже известна основной группе войск Корста. Несколько уцелевших солдат принесли сообщения настолько фантастические, что их нельзя было рассматривать иначе как порождения охваченного паникой мозга. Ожидая всего лишь более или менее организованный отряд повстанцев, желающих в отчаянной схватке прорваться наверх, королевская армия быстро перестроилась, чтобы принять их контратакующий удар. В сгустившихся сумерках, в неверном свете пожара войны не сразу смогли заметить сверхъестественного врага. Они предположили, что повстанцы намеренно вымазали себя черной краской как защитным цветом для ночного боя.

Град стрел встретил безмолвных воинов, когда они появились из дымного мрака. Они не прикрывались щитами, не расстроили шеренгу. Лучники приписали это плохому освещению и хорошим доспехам

и отступили назад, давая возможность пехоте вступить в бой.

Боевые крики гвардейцев прозвучали странно, без какого-либо ответа со стороны их бесстрастного противника... Зингарские солдаты бросились на Последнюю Гвардию. Это было так, словно морская волна набросилась на базальтовый утес. Волна разбилась на мелкие брызги, и все вокруг покрылось пеной. Пена и брызги были красными.

Стальное оружие ломалось при ударе о камень. Мечи пришельцев сверкали, как черные алмазы, разрубали доспехи, плоть и кости с одинаковой легкостью. Солдат Корста буквально рубили на части. Боевые крики перешли в предсмертные стоны, в глухие удары падающих на землю отрубленных конечностей.

Древние чары превратили воинов-людей в неразрушимые машины для убийства. Сделанная из живого камня, Последняя Гвардия продвигалась вперед с той же скоростью, поражая врагов с тем же искусством, как и те блестящие воины древности, которыми они когда-то были. Теперь их неуязвимые тела двигали мускулы сверхъестественной силы. Крепкое, как алмаз, оружие разрубало доспехи и тела, обсидиановые руки отрывали конечности, рвали мышцы, дробили кости.

Ужас был так силен, что те, кто это видел, терял сознание. Когда прошла передняя шеренга, которая без усталости уничтожала на своем пути все, следующие шеренги удвоили ужас и панику. Задние ряды солдат Корста, все еще не ведавшие, что их ждет, слышали крики впереди — и, предполагая, что их авангард встретил неожиданное сопротивление, кидались вперед на помощь. Они сталкивались с бегущими от ужаса солдатами. Офицеры выкрикивали команды, обезумевшие солдаты вопили что-то неразборчивое, бессмысленно отвечая на вопросы. Стиснутая в узкой улочке

армия превратилась в нечто неуправляемое и парализованное от страха.

В этом хаосе Последняя Гвардия шагала вперед, без усталости размахивая мечами. Они напоминали людей, косящих траву на лугу, красном от крови. Улица была покрыта кровью, ее устилали человеческие тела. Последние Гвардейцы были тяжелы, точно каменные статуи; если раньше они шли по дну моря, то теперь они шли по морю человеческих трупов. Своими тяжелыми шагами они вдавливали тела в мостовую. Те же, кто, споткнувшись, падал к ним под ноги, погибали мучительной смертью. Некоторые, не способные бежать, размазывались по стенам домов безжалостным и неумолимым движением Последней Гвардии.

Развернувшись в обратную сторону, как кольца смертельно раненного питона, королевская армия Зингары остановила свое продвижение вперед и повернула вспять. За собой она оставляла кровавый след, и, маршируя по этой крови, словно на параде, сотня за сотней шла Последняя Гвардия. Шла, выходя из пучины моря и пучины времени.

Глава 12

СЛЕДОВАТЬ ДОРОГОЙ КОРОЛЕЙ

На третьей баррикаде Конан дрался с яростью раненого льва. Военное счастье отвернулось от повстанцев, поражение было неизбежным, а бегство невозможным. Солдаты двигались на баррикаду лавиной, вынуждая повстанцев отойти на последнюю линию обороны. Сифино пропал при предыдущем отступлении; Карико, чья рана снова начала кровоточить, размахивал топором уже с меньшей энергией. Многие из защитников погибли;

слабодушные, почувствовав, что исход битвы ясен, сбежали, Конан руководил теми, кто решил бороться до последнего. Он дрался яростно, пытаясь отбросить королевскую армию, не щадя себя и не думая укрываться. Его могли убить, но Конан поклялся, что умрет, но не станет снова узником. Когда он упал, то гряда трупов вокруг него свидетельствовала, что варвар дорого отдавал свою жизнь. Несмотря на отчаянные усилия, третья баррикада была разрушена и уже не могла долго продержаться. Солдаты Корста лавиной проникали в проделанные проходы; их было так много, что только сумятица, вызванная излишним количеством, а не оборона повстанцев мешала им добиться решающего успеха. Но финал боя был близок.

Вновь поднявшийся Конан услышал крики сзади и решил, что солдаты вновь обошли его линию защиты с тыла. Но с удивлением понял, что это крики радости и приветствия. Киммериец посмотрел назад.

Мордерми, размахивая шпагой в здоровой руке, скакал впереди своих людей, его левое плечо было забинтовано. Свежие силы влились в ряды измученных защитников третьей баррикады. Главарь бандитов ввел в бой резервы, и, судя по толпе, сопровождавшей его, он собрал людей со всех остальных баррикад.

Уступив место в гуще боя свежим бойцам, Конан приветствовал друга сильным рукопожатием.

— Ты сейчас похож на конную статую короля-победителя, — утомленно улыбнулся он, — но ты чересчур долго ждал. У Корста слишком много солдат, и они здорово потеснили нас.

— Черт побери! Вы, северные варвары, тупые идиоты! — рассмеялся Мордерми, вкладывая шпагу в ножны, чтобы обнять Конана. — Корст в ловушке, а не мы. Кот залез слишком далеко в крысину нору. Скоро ты все увидишь.

Конан припомнил речи Карико о том, что городской люд выступит с оружием в руках.

— Значит, Сантидио?

— Нет, не он, — ответил Мордерми. — Каллидиос.

— Что может этот нюхатель лотоса?

— Ты видел сам. — В тоне Мордерми слышалось порицание. — Сандокадзи подтвердила его слова. Последняя Гвардия!

— Каменные дьяволы, которые охраняют кости своего короля в глубине моря?

— Теперь уже нет. Каллидиос вывел их наверх.

— Как может ренегат командовать такими дьяволами?

— Конан, если бы я это знал, мне не нужен был бы Каллидиос.

— Значит, ты позволил обмануть себя этому сумасшедшему лжецу?

— Смотри, — сказал Мордерми.

И Конан посмотрел. Было трудно понять, что же происходит за баррикадой. Дым был слишком густой, не пропускающий света, к тому же сама баррикада мешала обзору. Конан внезапно почувствовал изменение боевого духа нападающих. Раньше в их криках слышалось ликование, предчувствие победы, а теперь отчетливо зазвучал страх. Прибытие Мордерми не могло бы вызвать такого ужаса.

Спустя некоторое время битва стала затихать. Обе противоборствующие стороны почувствовали холодное дыхание конца. Люди в пылу битвы застывали на месте, мечи, занесенные над противником, останавливались на полпути от цели. Было такое ощущение, что воздух внезапно превратился в лед и заморозил всех. Конан, который видел, как люди дрались на городских стенах и не прекращали борьбы даже во время падения на землю, не верил своим глазам. Как будто чье-то колдовство набросило покрывало на битву, и, хотя его

чары склонили чашу весов в пользу повстанцев, Конан дал себе решительное обещание, что он не вернется в Кордаву, не утопив Каллидиоса. Раздались крики.

Сначала солдаты, которые штурмовали баррикаду, остановились и повернулись, стараясь понять, что же случилось сзади. Затем, когда они узнали, какой ужас вырвал подобные крики из груди старых воинов, им стало ясно, что отступление невозможно.

Последняя Гвардия прибыла на улицу Еэл.

Солдаты ринулись обратно на баррикаду, пытались скрыться от нечеловеческих воинов, преследующих их. Люди Корста лезли на баррикаду в слепой панике. От страха они ни о чем не думали, почти разнесли баррикаду и, ничего не соображая, лезли прямо на топоры и мечи повстанцев. Это было невероятно для опытных бойцов, которые даже в пылу самых жестоких схваток не теряют инстинкт самосохранения.

Конан, наблюдая эту резню со стороны, отвернулся от нее с отвращением. Убивать врага, который потерял от страха возможность сопротивляться, — это не тот бой, который уважают в Киммерии.

— Останови их, — попросил он Мордерми.

— Не волнуйся. — Бандит не так понял его мысли. — Каллидиос может управлять ими.

— Я не о том. Прекрати эту бойню. Дай солдатам возможность укрыться.

— Моим людям нужна победа, — пожал плечами Мордерми, — и, кроме того, мы достаточно страдали от собак Римагендо.

Конан выругался, но дальнейший спор был излишен. Солдаты уже не пытались пройти через баррикады. Их уже не стало. На улице Еэл раздавался звук тяжелых шагов, на который накладывались едва различимые звуки падающих человеческих тел. Из темноты появились темные блес-

тящие шеренги Последней Гвардии. Они остановились перед баррикадой, ожидая дальнейшей команды. Замерли восторженные крики праздновавших победу повстанцев, когда те в изумлении увидели своих демонических союзников. Радостные вопли превратились в приглушенные голоса, в которых слышался страх. Мордерми взял инициативу на себя.

— Посмотрите на них, друзья! — крикнул он, безбоязненно выходя вперед. — Это наши союзники, которые были вызваны, чтобы принести нам победу. С помощью моего бесценного друга и советника, известного мудреца Каллидиоса, я вызвал из легенд армию неуязвимых воинов. Вы сами видели, как они помогли нам. Приветствуйте их, друзья, — наших союзников в освободительной войне — Последнюю Гвардию!

Раздались громкие дружные приветствия, которые, видимо, под воздействием недавнего страха, постепенно затихли. Мордерми приказал всем построиться и поднял руку, требуя тишины:

— Генерал Корст и его убийцы сбежали в конуру хозяина. Теперь Римагендо захнычет в своей горностаевой мантии, когда узнает о нашей победе. Он будет молиться, чтобы солдаты и стены дворца защитили его от гнева угнетенного народа. Но скажите мне, друзья, могут ли солдаты и стены защитить тирана от народного суда? — Мордерми подождал, пока громогласное «нет» достигнет крещендо. — Тогда берите оружие, друзья! С нашими непобедимыми союзниками мы пойдем свергать тирана и его продажный двор. Час освобождения близок, он в наших руках!

И после речи Мордерми начался дикий марш народа по улицам Кордавы. Это время безумного возбуждения навсегда останется в памяти Конана как кошмар. Они выходили из Преисподней, обездоленные и отверженные граждане сумеречного

мира. Их число росло с каждым шагом. Карико, который был слишком слаб, чтобы идти, упросил Конана посадить его на лошадь и взял с него обещание, что тот будет идти рядом и смотреть, чтобы он не свалился. Когда они двигались через город, к ним присоединился Сантидио. К удивлению Конана, он вел за собой под знаменем «Белой Розы» толпу в несколько тысяч человек. Конан подумал, как же удалось Сантидио собрать так много людей еще до того, как по Кордаве разнеслась весть о победе в Преисподней? Сантидио нехотя приветствовал их, что было нетипично для его характера, а затем они с Карико утешали друг друга, сожалея, что с ними нет Аввинти, чтобы разделить эту радость. Мордерми, сопровождаемый Сандокадзи, пока ее брат не присоединился к ним, ехал впереди постоянно растущей процессии.

О Каллидиосе ничего не было слышно, но его присутствие, несомненно, ощущалось. Последняя Гвардия, тысяча безмолвных дьяволов смерти, шагала впереди толпы повстанцев. Они двигались через всю Кордаву без сопротивления. По пути одни спешили присоединиться к ним, а другие робко прятались за закрытыми окнами и дверями, когда знамя «Белой Розы» проплывало мимо. Генерал Корст уклонился от бесцельной битвы с Последней Гвардией и увел с собой тех, кого он мог спасти. За стенами дворца Риманендо он готовил своих людей к обороне против повстанцев и их нечеловеческих союзников. Но катастрофа в Преисподней деморализовала королевскую армию. Спасшиеся от резни рассказывали своим товарищам о пережитом. Сражаться против человека — это одно дело, а иметь своим противником силы, порожденные черным колдовством, — совсем другое. Из королевской армии дезертировали целые подразделения во главе с офицерами.

Король Риманендо правил очень долго, и его ненавидело все окружение. Зингарцы терпели его

правление не из любви, а из страха. Теперь герои «Белой Розы» имели силу, намного превосходящую силу армии Риманендо. Пришло и деспоту время испытать страх, время, когда его восставшие подданные намеревались вершить справедливый суд. Покинутый всеми, кто имел возможность сбежать, Риманендо заперся в своих покоях, а последние из его псов готовились к безнадежной борьбе.

Марш ко дворцу Риманендо был свободным. Только у крепостных казарм повстанцы встретили некоторое вооруженное сопротивление маленького гарнизона, солдаты которого либо не слышали, либо не поверили фантастическим рассказам о демонических воинах. Первые ряды Последней Гвардии прошли через солдат, даже не замедлив шаг. Солдаты, которые пытались остановить лавину голыми руками, погибали, не понимая, в чем дело. Короткий кровавый спектакль воспламенил толпу еще больше. Те, кто не видел раньше, воочию убедились в страшной разрушительной силе Последней Гвардии. Конан вспомнил падение Венариума. Он принимал участие в этой битве несколько лет назад. Киммерийские кланы объединились тогда, чтобы уничтожить крепость, которую аквилонцы построили для колонизации южных районов Киммерии. Мужчины, женщины, дети — все были вырезаны, Венариум сожжен дотла. Та резня, в которой участвовал киммериец, останется навсегда в его памяти как славное событие. Но эта бойня, которую он тоже будет долго помнить, никогда не вызовет у него приятных ощущений.

Стена, окружавшая королевский дворец, была в стальной короне из оружия и доспехов, мрачно сверкавших в свете факелов и отдаленных отблесков пожаров, что полыхали в прибрежных районах Кордавы. Небо было закрыто густой вуалью из дыма, не пропускающего даже света звезд.

Возможно, крепостные стены придали им уверенности. Во всяком случае было очевидно, что Корст не собирается сдавать крепость без боя. Из-за укрытий в толпу посыпались стрелы, а метательные машины обрушили на приближавшихся людей град камней. Послышались крики агонии и гнева — смерть внезапно пришла в толпу повстанцев, напомнив им, что Мордерми ведет их в бой, а не на воскресную прогулку. Укрываясь от губительного града стрел и камней, люди бросились искать спасения в соседних домах. Конан повернул свою лошадь и спрятался за колонной. Он хотел посмотреть, какое действие произведут камни на Последнюю Гвардию. Обороняющиеся использовали камни самых разных размеров: от маленьких, в человеческий кулак, до огромных валунов. Мелкие камни ударялись о каменных воинов с эффектом не большим, чем комки снега. Когда же большой булыжник угодил в грудь одного из гвардейцев, каменный дьявол упал на землю, сбитый силой удара. Булыжник рассыпался на части, а воин из живого камня поднялся на ноги совершенно невредимый. Его поведение было настолько естественным, что Конан не удивился, увидев, как тот отряхивается после падения.

Но независимо от того, уязвимы они или нет, каменные гвардейцы не оставались безучастными к обстрелу. В то время как толпа людей была рассеяна стрелами и камнями, каменные воины построились в колонну и быстрым шагом направились к главным воротам крепости. Обезумевшие защитники делали все, чтобы как-то остановить безмолвную колонну: лили кипяток, горящее масло; все было напрасно. Последняя Гвардия достигла главных ворот крепости. Толстенные доски, укрепленные металлическими полосами, были способны выдержать удары тарана. Зрители по обе стороны стены затаили дыхание и ждали.

Спрятав оружие в ножны, передний отряд надавил руками на крепкий дубовый барьер. Недолго ворота, сделанные людьми, сопротивлялись мускулам живых камней. Очень недолго — и потом послышался скрип рвущихся железных болтов, треск ломавшихся досок, крепостные ворота открылись. Наконец сломанные ворота рухнули на защитников крепости, которые в отчаянии старались удержать свое укрытие плечами. Пройдя по обломкам ворот, Последняя Гвардия вошла в крепость, неся смерть тем, кто доверил свою судьбу стенам и оружию и был ими предан.

Только один момент толпа пребывала в благоговейном трепете. Затем, с голодным воем, извергнутым тысячами глоток, народ Кордавы ринулся в мрачный дворец, чтобы мстить ненавистным угнетателям. Зверь был повержен, пришло время убивать его.

Конан, решивший присутствовать при завершении дела, прищипорил лошадь. Совсем недавно, припомнил киммериец, он был уверен, что будет лежать мертвым в крови и грязи Преисподней, а теперь направлялся грабить королевский дворец.

С Последней Гвардией, безжалостно сокрушившей всех, кто стоял на ее пути, осада крепости Римагендо превратилась из битвы в жестокую бойню. Спасения от Последней Гвардии не было. Солдаты и слуги, которые пытались захватить Мордерми, были разорваны на куски. Некоторые, сбросив солдатские мундиры, присоединились к жаждающей крови толпе, другие, воспользовавшись хаосом, перебрались через стены и убежали, тем самым спасшись от неминуемой смерти. И только некоторые дрались до конца, сохранив честь, но не жизнь.

Конан нашел генерала Корста, павшего с последним из своих гвардейцев при охране королевского входа. Толпа прошла по их телам, стремясь во

дворец, где можно было хорошо пожить. Конан остановился, чувствуя уважение к храброму солдату, который служил королю до самой смерти.

Черно-голубая борода была в крови, грудь разбита всесокрушающим ударом палицы, но жизнь не совсем покинула его. Корст открыл глаза, встретив взгляд Конана, и его затуманенный смертью взор прояснился: он узнал противника.

— Я знаю тебя, — сказал он глухо, — мятежник-киммериец, ты сбежал с виселицы. Мордерми сделал тебя своей правой рукой.

— Я предложил тебе свой меч, — в голосе Конана все еще была злоба. — Ты заплатил мне петлей. Я пошел искать свое счастье у Мордерми.

— Я тоже искал свое счастье. — Глаза Корста смотрели на Конана. — Оно привело меня сюда. Смотри на меня, киммериец. Может, ты видишь свое будущее.

Конан хотел возразить, но увидел, что Корст уже не слышит его. Пройдя сквозь толпу грабителей, которые рассыпались по всему дворцу, он пошел искать Мордерми. Он нашел упоенного победой главаря банды, ломящегося в тяжелые двери, что вели к покоям короля. Конан поднял тяжелую колонну, которую они использовали как таран, но двери распахнулись. Конан не был готов к представшей перед ним сцене.

Выведенный страхом из вечно полупьяного состояния, Риманендо заперся со своими фаворитами в покоях, чтобы они успокаивали и утешали его. Его приближенные, зная, что пришел конец власти Риманендо, решили заслужить милость новых хозяев Кордавы, предав павшего монарха.

Когда Мордерми и Конан переступили порог королевских покоев, два мальчика просеменили к ним. Их волосы были залиты и напояжены, и они несли золотой поднос, на котором лежала голова Риманендо, все еще в золотой короне.

Глава 13

НОВЫЙ ПОРЯДОК И КОРОНАЦИЯ

Было решено, что Мордерми должен стать королем. Сначала Мордерми не хотел и слышать об этом, но его отговорки и возражения были отвергнуты.

Риманендо и его двор вырезали во время захвата дворца. Король не оставил ни потомков, ни наследников. Кроме того, было ясно, что повстанцы не отдадут трон родственнику тирана. А с Последней Гвардией на своей стороне они могли не опасаться, что какой-нибудь претендент на престол потребует корону для себя. Старая эпоха кончилась; новый порядок был установлен в Кордаве и во всей Зингаре.

Это была не просто смена правителей, любил указывать Сантидио, как в любом дворцовом перевороте, когда просто одна вонючка сменяет другую. Более того, победа «Белой Розы» означала и в самом деле установление нового общественного порядка в стране. «Белая Роза» создаст парламент для народа — и даст ему возможность участвовать в управлении государством, введет новые законы. Ясно, что для осуществления таких радикальных реформ потребуется много времени и сил. Должны быть сформированы комитеты, избраны представители, выдвинуты и обсуждены идеи. В промежуточный период страной будет править повстанческий комитет «Белой Розы».

Тем не менее для новой власти это было опасное время. Да, Последняя Гвардия охраняла свободу Кордавы от контрреволюции, но страна была большой, и ей угрожали как внутренние, так и внешние враги, которые видели в новой власти опасность своим собственным режимам. Поэтому из членов повстанческого комитета должен быть выбран один человек, который будет объявлен диктатором

и использует свои права и свою власть для отражения любых угроз новому порядку. Такой человек должен быть признанным лидером, происходить из народа и обладать военным талантом, чтобы побеждать в битвах. Его власть будет, конечно, временной, до выборов в парламент и избрания народных представителей. Мордерми был вынужден признать, что аргументы неопровержимы, что ситуация требует крайних мер и что он обладает всеми перечисленными признаками диктатора, временного, конечно. И все же, принять корону Зингары, когда труп короля, которого он свергнул, еще не остыл...

Аввинти, вернувшись после выполнения своей миссии, успех которой был обеспечен слухами о победе повстанцев во всех соседних странах, заявил, что в период перехода от одного правительства к другому зингарская аристократия, поддержка которой будет весьма ценной для новоиспеченного правительства, с большим удовольствием присягнет новому королю, чем какому-нибудь диктатору. Для них очень важны традиции и святость королевского престола.

Мордерми протестовал, но в конце концов был вынужден уступить логике. Конан изумлялся, что перед признанием очевидного его друзья изнуряют себя многословными спорами. Он покинул их, когда его цивилизованные друзья занялись непонятным для него ритуалом.

Это был ритуал формирования временного правительства Зингары. Мордерми будет королем. Как лидеры главных фракций «Белой Розы» Аввинти, Карики и Сантидио возглавят повстанческий комитет. Каллидиос, доказавший, что его политическая проницательность не менее блестяща, чем его колдовское искусство, будет премьер-министром. Конан, мужество и отвага которого сделали его героем в глазах народа, должен занять пост командующего Зингарской армией.

— От простого наемника до генерала королевской армии всего за месяц, — сказал Конан во время коронации Мордерми.

— Довольно-таки быстрая карьера, не правда ли? — засмеялся Мордерми, жестом приказав слуге принести вина. — Но от короля воров до короля Зингары путь еще круче! Конан, — продолжал Мордерми уже серьезно, — мне нужен друг, которому я мог бы доверять. Ты молод, киммериец, но провел в боях больше времени, чем многие опытные воины, и знаешь о военном искусстве больше, чем любой из моих мошенников или высокомудрых членов круга Сантидио. Я не могу доверить свою армию никому из них. Ты — мой друг, Конан, и я знаю, что ты единственный, на кого я могу положиться.

— Если это так, — осторожно начал Конан, — прими мой совет. Убей Каллидиоса.

— Мне нужен Каллидиос. Потребуется неделя для преобразования армии. Все это делает нас уязвимыми для любого из знатных баронов с частной армией и для любого ублюдка королевской крови. Мы должны иметь хорошую армию для защиты наших завоеваний. Каллидиос знает, как командовать Последней Гвардией, а я — нет.

— Дай мне время создать из повстанческой армии нечто большее, чем толпу, ревущую лозунги, и тебе больше не нужны будут эти каменные дьяволы, — осторожно продолжал варвар.

— Вот тогда и приходи со своими советами.

— Что? Вы только вдвоем здесь и трезвые? — Ввалился к ним Сантидио, опираясь на плечо сестры. — Чума на твою корону, Мордерми, если из-за нее ты трезв в день своей собственной коронации.

— Конан и я обсуждали структуру новой армии. И будь почтителен, когда обращаешься к королю и его генералу.

Сантидио грязно выругался, что было очень странно для человека его сословия.

— Аввинти считает, что с политической точки зрения будет полезно поговорить с графом Мановой и бароном Перизи, пришедшими на коронацию своего нового короля.

— Конечно. — Мордерми поклонился Сандокадзи. — Вашу руку, сударыня. Ты ослепишь красотой этих болванов, а я постараюсь добиться их поддержки.

Конан смотрел на красивую пару, когда они шли по переполненному залу, и вспоминал первую встречу. Мордерми выглядел величественно в королевской мантии и золотой короне. Сантидио был сейчас похож больше на пьяного студента, натянувшего свой лучший костюм. Сандокадзи была великолепна в платье из шелка с глубоким декольте, туго затянутой талией и расклешенной юбкой. Конан оглядел свою не очень свежую и не самую изысканную одежду и подумал, что королевскому генералу следовало бы в день коронации одеться поприличнее.

За те дни, что прошли со времени грабежа, дворец Риманендо, теперь принадлежавший Мордерми, был в некоторой степени приведен в надлежащий вид. Кое-где разбитые зеркала и поломанная мебель напоминали новому королю, как он и его люди громили свой собственный дворец. Народ Кордавы ликующе приветствовал Мордерми. Главарь преступников был для них всегда героем, а теперь, в качестве предводителя повстанцев, он стал освободителем, оставаясь в то же время и удачливым грабителем.

— Пусть народ сам объявит меня королем, — сказал Мордерми, — этого для коронации будет достаточно.

Аввинти, напомнивший ему, что страна также должна признать его королем, заявил, что все необходимые церемонии должны быть соблюдены.

Итак, в полуразрушенном дворце Мордерми был провозглашен королем в соответствии со священным ритуалом монархического государства. Мордерми

пригласил на коронацию всю Кордаву. Площадь перед дворцом, совсем недавно покрытая обломками зданий и трупами, сегодня была заполнена бурлящей толпой, но на этот раз многоликое сборище глазело на грандиозный праздник, и не кровь, а вино лилось рекой в этот день.

Конан осушил свой кубок, удивляясь, почему же он не разделяет со всеми бурное веселье. Его друзья одержали блестящую победу, он сам получил высокий пост. Еще несколько дней назад этот праздник казался бы пределом самых смелых и несбыточных мечтаний.

Варвар не мог забыть лицо умирающего Корста. Его последние слова не выходили из головы киммерийца. Выразил ли Корст просто свою горечь, а может, перед смертью он увидел будущее? Конан знал, что такое в его племени случалось: люди становились ясновидящими, когда смерть стояла рядом. Он поморщился, взглянув на разодетую знать, которая заполнила зал. Люди его сорта были снаружи, они распевали на площади и разносили свою радость по окружающим улицам. С ними он сможет напиться и забыть насмешку в глазах умирающего. Он найдет там веселую шлюху, которая будет ласкова с ним.

Конан с отвращением бродил по залу. Черт побери! Корона еще не успела согреться на голове Мордерми, как уже толпа прихлебателей во дворце превратилась в королевский двор!

Глава 14

КОНАН НАЧИНАЕТ СРАЖЕНИЕ

В последние дни Конан развил бурную деятельность. Все время киммериец ругал себя за то, что принял пост командующего. Хотя высокое по-

ложение было действительно большой честью, Конан быстро понял, что у генерала гораздо более нудные заботы, чем командование в битвах. И его авторитет великого воина был только одним из параметров, которым должен удовлетворять генерал. Ему совсем не нравилось проводить смотры войск на плацу; лучше сыграть с солдатами в казарме в кости. Он терпеть не мог поздно вечером просматривать рапорты, когда можно с большим удовольствием пить и гулять в тавернах ночной Кордавы. Ему противно было разбирать ссоры между офицерами, когда его первым и естественным желанием было разmozжить чей-нибудь череп. Но Мордерми поручил варвару армию, и киммериец, стиснув зубы, делал постылую работу. Хотя Конану все это было не по душе, но наличие Последней Гвардии делало его задачу выполнимой.

В первые недели правления Мордерми, когда Конан сколачивал новую армию, было весьма сомнительно, что эта толпа сможет защитить Кордаву от какого-либо нападения. Некоторые из знатных лордов, затаив злобу, шептались между собой, что невозможно допустить, чтобы трон Кордавы узурпировал обычный бандит. К тому же короли двух гиборийских стран обдумывали планы сбора экспедиционных сил, решив посадить на трон Зингары свою марионетку.

Но в слухах о свержении Риманендо обязательно присутствовали детали жестокой резни, учиненной Последней Гвардией. Кордава была под защитой армии непобедимых каменных воинов. Глупо было нападать на правителя, которому служат силы черного колдовства. Правильный курс — выждать, пока не обнаружится скрытая слабость. И пока шакалы выли и выжидали, Мордерми старался закрепиться у власти.

Задача Конана была довольно необычной для победившей партии: у победителя не было армии. По-

встанческие силы были коалицией банд Мордерми и «Белой Розы». Ни тех, ни других нельзя было, даже приближенно, назвать армией. Они состояли из вооруженных граждан, пополнявших их ряды во время битвы. Борьба в Преисподней отняла жизни у тех, кто был ядром восстания, а те, кто присоединился потом, не имели ни военной подготовки, ни боевого опыта. Конан ворчал:

— Их единственная ценность — это их тела, чтобы пополнять ряды. Они даже не знают, каким концом шлем надевают на голову. Они хороши в уличной драке, но вести их в битву бессмысленно.

— Ну так что же тебе надо? — спросил Мордерми.

— Мне нужны настоящие солдаты. Объяви амнистию тем королевским солдатам, кто раскается и принесет тебе присягу верности. Я знаю многих наемников, которые разбежались во время битвы. Можно привести их обратно, если пообещать амнистию и достаточное количество золота.

— Золото — не проблема. Сможем ли мы на них положиться?

— Наемники продают свои шпаги тем, кто им платит. Те солдаты, которые были верны Риманендо, погибли вместе с Корстом в последней битве. Если бы Риманендо любил или он оставил наследника, тогда было бы другое дело. Но сейчас обстоятельства складываются так, что наемники будут рады получить амнистию и возможность продать себя новому хозяину.

— Следует принять и предложение некоторых друзей Аввинти, которые могут передать офицеров и целые подразделения, чтобы укрепить ряды повстанческой армии.

— Я боюсь, что Аввинти не следует доверять.

— А я и не доверяю, — ласково сказал Мордерми. — Но я не доверяю и Карику с его туполобой

политикой; заметь, как много его приверженцев записалось в нашу новую армию.

Конан считал, что у него много других, более важных дел, чем ввязываться в мелочные распри своих одержимых друзей. Главной задачей было создание повстанческой армии, которая отвечала бы его требованиям как генерала. И в этом он преуспел. Амнистия вывела из убежища много новых солдат, золото Мордерми привлекло еще больше. Конан распорядился создать офицерский корпус из опытных людей, чтобы переложить на них всю нудную организационную работу. Это решение было трудным, он был индивидуалистом и неохотно доверял другим.

Золото, как и сказал Мордерми, не было проблемой для нового режима. Денег после ограбления дворца Римагендо было больше, чем медных колец в сумке мелкого уличного торговца. Но и это было мелочью по сравнению с тем, что хранилось в гробнице Калениуса.

После того как колдун вывел из моря Последнюю Гвардию, Каллидиоса видели не часто. Конан не знал, чем он занимается, — то ли углубляется в пучины черной магии, то ли блаженствует в испарениях желтого лотоса. Киммериец подозревал последнее и радовался этому, так как знал, что нюхатель лотоса долго на этом свете не протянет. Конана беспокоили слухи о том, что Каллидиос и Мордерми подолгу остаются наедине. Единственное, что, по мнению Конана, могло бы оправдать такое времяпрепровождение, так это то, если бы Мордерми использовал весь свой опыт и ум, чтобы проникнуть в тайну управления Последней Гвардией.

На одной из таких встреч тет-а-тет было решено опустошить гробницу Калениуса. Власть Каллидиоса над каменными воинами, позволившая ему использовать Последнюю Гвардию для опустошения

гробницы ее кумира, поразила Конана больше, чем их удачные действия в уничтожении войск Корста во время восстания.

Когда план был досконально изучен, его логичность стала очевидной. Кто лучше может ограбить гробницу, чем те, кто ее охранял? Тем более что для каменных грабителей и глубина моря, и заваленные проходы, и неизвестные ловушки, установленные в подземном дворце, не представляли непреодолимых препятствий. Эта операция была надругательством над честью древнего короля, предательством тем более отвратительным, что оно совершалось охранниками, которые предпочли живую смерть на долгие века, чтобы беречь гробницу своего короля от разорения.

Как цинично выразился Мордерми, золото королю Калениусу больше не потребуется. Конан был слишком большим реалистом, чтобы оспаривать это утверждение, к тому же варвар не мог устоять перед соблазном такого богатства, а древние сокровища, лишенные охраны, как он был уверен, недолго останутся без внимания рыцарей удачи.

Это было жуткое зрелище. Последняя Гвардия входила в море и возвращалась, неся запечатанные сундуки с золотыми слитками. И если экзотические меха, прекрасные ковры и гобелены, картины и деревянные статуэтки, прекрасная мебель и многое другое превратились в грязь и слизь на полу из плит голубого ляписа, то драгоценные камни и металлы сохранились в целости. Жестокое время сделало железо и бронзу прахом, но золото, серебро, вечные звезды алмазов, рубинов, изумрудов и других драгоценных камней сейчас извлекались из подводного мрака на солнечный свет другого века.

Кошмарные обсидиановые воины выходили из моря с золотыми сундуками, содержимое которых стоило целых государств. Только такая жуткая

охрана, как Последняя Гвардия, могла сохранить королевскую гробницу в неприкосновенности от бесконечных поколений грабителей. Сокровища, которые лежали теперь перед Мордерми, сделали его самым богатым королем на Гиборийском континенте.

Каллидиос вначале дал Мордерми власть, теперь он дал ему и богатство. Конан подумал, какая же сделка заключена между ними и каков будет третий подарок Каллидиоса.

Его успокаивало сознание того, что, как только повстанческая армия станет достаточно сильной, Каллидиос будет не нужен Мордерми. Последняя Гвардия окажется не у дел. Каллидиос, если он к тому времени не погибнет в дыму желтого лотоса, будет отдален от Мордерми, и государство избавится от позорного пятна колдовства. Для того чтобы приблизить этот день, Конан удвоил усилия по формированию новой армии.

Положение вне стен Кордавы было напряженным. Последняя Гвардия охраняла город от любого нападения, но в провинциях правление Мордерми было чистой формальностью. Могущественные бароны со своими крепостями и армиями могли признавать или не признавать нового короля. Хотя Последняя Гвардия была силой, которой не способна была противостоять никакая человеческая армия, Мордерми не смел послать ее в провинцию, иначе бы столица осталась без всякой защиты при внезапном нападении. Так что Мордерми нужна была новая армия, и как можно быстрее, прежде, чем отдаленные провинции поймут, что нет нужды повиноваться приказам узурпатора из Кордавы. Последняя Гвардия обеспечила Мордерми поддержку провинций, соседних с Кордавой, а богатый подкуп еще больше увеличил число его сторонников. Но армия все равно нужна была ему для упрочения режима.

Угроза его правлению вскоре приняла материальные формы. Ободренный отказом Мордерми вывести Последнюю Гвардию за пределы Кордавы, граф Дисендо, владевший огромными территориями на дальних восточных границах, объявил, что его земли становятся независимым государством. Войска из соседнего Аргоса перешли реку Хоротас, чтобы поддержать мятежного графа. Дисендо обещал им в уплату некоторые территории, которыми владел его конкурент, барон Лукабо.

— Мы должны ударить быстро и решительно, — сказал Мордерми, обрисовывая Конану положение дел. — Иначе каждый землевладелец в Зингаре объявит о своей независимости.

— Армия готова драться, — заявил Конан с большей уверенностью в голосе, чем в мыслях. — Мы выступим сейчас же.

— Отлично, — кивнул Мордерми. — Желаю тебе быстрой победы. Бей беспощадно этих мятежников. Если мы дадим им хороший урок, другие сами захотят признать власть короля. Есть сведения, что заговорщики собираются на севере вокруг какого-то идиота, объявившего себя сыном, правда, незаконнорожденным, короля Риманендо. Черт возьми, измена гнездится в каждом уголке моего королевства.

— Можешь на меня положиться.

— Я знаю. — Мордерми пожал его руку. — Боже, если бы у меня была на службе сотня таких, как ты!

Зингарская повстанческая армия вышла из Кордавы. Новый генерал, ведущий войска в свою первую кампанию, привстал на стременах и оглянулся. На фоне серого неба вырисовывались черные силуэты каменных воинов. Взгляд его выражал тревогу, но эта тревога не имела отношения к будущим боям.

Конан уходил из Кордавы в начале лета, а вернулся в конце осени. Было приятно, что сухая летняя жара сменилась холодным взрывом осенних цветов. Когда варвар находился в Преисподней, он, как и все, жил в неизменном полумраке. Конан решил, что уже достаточно долго прожил в Кордаве. Теперь, когда удалось утвердить власть Мордерми во всей Зингаре, пришла пора попрощаться с друзьями, обменять хорошее отношение Мордерми на добрую лошадь и мешок с золотом и поскакать на север в родную Киммерию. Быть генералом королевской армии до конца своих дней он не собирался; варвар жаждал путешествий и хотел участвовать в битвах.

В горах на востоке Зингары новой армии Конана пришлось провести тяжелую военную кампанию, прежде чем крепость графа Дисендо была захвачена, а мятежный граф повешен на воротах собственного полуразрушенного дома. В то же время барон Лукабо, чьи земли Дисендо пообещал Аргосу в благодарность за военную помощь, был подвергнут нападению и просил помощи у своего нового короля. Конан обратил аргосцев в бегство и преследовал до реки Хоротас, но вскоре получил приказ вернуться, поскольку его дальнейший поход мог быть расценен как военное вмешательство во внутренние дела Аргоса, — так объяснили Мордерми его эмиссары. Вторжение солдат Аргоса на территорию Зингары имело неофициальный характер, и, несомненно, виновные в этом инциденте будут наказаны своим собственным королем.

Гораздо более серьезные силы собрались на севере, как и предупреждал Мордерми. Пойнтайнский авантюрист по имени Капеллас объявил себя

незаконным сыном Риманендо и аквилонской дворянки, с которой зингарский король флиртовал во время своего визита в Пойнтайн, Капеллас представил какие-то поддельные документы, чтобы доказать истинность своих претензий, и все роялисты с радостью заявили, что истинный наследник найден. При сильной поддержке знати бывшего двора Риманендо, сбежавшей в Аквилонию, Капеллас пересек реку Алиман и вторгся в Зингару. Здесь он соединился с теми северными баронами, которые не захотели признать власть узурпатора. Капеллас прошел уже половину страны, прежде чем Конан перехватил его на берегу Громовой реки. Это оказалось жестокой проверкой боеспособности повстанческой армии, ведь Капеллас был опытен в боях. Исход битвы не был ясен целый день, пока резерв Конана, состоявший из наемников, не прорвал фланг Капелласа и не загнал его войска в реку. Капеллас пожертвовал своими окруженными войсками и сбежал на север с отрядом кавалерии. Конан начал преследование только после того, как попавшие в ловушку войска были полностью уничтожены, и настиг самозванца, когда тот переходил Алиман, чтобы скрыться в Пойнтайне. Конан пересек реку раньше и напал на беглецов во встречном бою. Поражение, которое войска неудачливого претендента на престол потерпели в последней схватке, решило его судьбу. Сам Капеллас кричал, что действия Конана противоречат всем международным нормам. Капеллас так и не пересек реку.

Затем пришли вести, будто дикие пикты, племенами живущие вдоль северных границ, обнаружили, что в пограничных крепостях нет гарнизонов, и стали совершать дерзкие налеты вдоль побережья Черной реки. Конан быстро повернул свои войска к северным границам, зная по опыту, что как только пикты начнут безнаказанно переходить границу, они уничтожат все поселения от границы

до Кордавы. Форсированным маршем армия достигла границы, и Конан поставил в крепостях гарнизоны. Несколько налетов пиктов, воодушевленных прошлыми успехами, были отбиты. Пикты ушли в свои непроходимые дебри дожидаться более удобных времен для нападения.

Итак, когда Конан возвращался в Кордаву, он ничего не знал о событиях в столице, которые произошли в его отсутствие. Только иногда Мордерми посылал к нему гонцов с приказами, да временами долетали слухи и сплетни. Конан почти все время был в движении и в боях на границах. Он был слишком занят, чтобы думать о бесцельных дебатах, которые вели члены повстанческого комитета. Теперь, когда в стране были умиротворены и успокоены все провинции, киммериец возвращался в Кордаву для того, чтобы дать своим людям заслуженный отдых.

За время отсутствия Конана здесь произошли перемены. Это стало очевидным, как только Конан вошел в Кордаву. Длинный ряд дубовых столбов был вбит перед главными городскими воротами. Водруженные на столбы, всем прохожим криво усмехались отрубленные человеческие головы. Это была обычная практика — выставление на всеобщее обозрение голов казненных преступников. Конан подумал, что Мордерми решил отказаться от старого обычая оставлять тела преступников гнить на Танцевальном помосте. А может быть, все виселицы были заняты, поэтому пришлось рубить головы, а не вешать.

Киммериец внезапно остановился, не поверив своим глазам. Возможно, он обознался. Одна из голов, которая приветствовала его возвращение, была головой Карико. Конан начал всматриваться внимательней, проходя ряд отрубленных голов, и в изумлении обнаружил многих из тех, кого хорошо знал и помнил. Это были люди из фракции

Карико. Конан направил войска размещаться в казармы, а сам поскакал во дворец.

Когда киммериец проезжал по улицам, то везде находил следы недавней гражданской войны. Лавки были с разбитыми стеклами и пустыми витринами. Со стен сорваны доски, ободрана штукатурка. Атмосфера напряжения и страха царил в городе, где недавно витал дух возбуждения и надежд — в то время, когда Конан выехал отсюда. Отряды Последней Гвардии были раскиданы по всему городу. Они стояли молча, готовые к уничтожению любого противника.

Конану ничего об этом не сообщили; видимо, главные события произошли совсем недавно. Вероятно, не было времени вызвать армию в Кордаву. А может, Мордерми был уверен, что Последняя Гвардия восстановит спокойствие? Но почему такая жестокость? И почему голова Карико выставлена для устрашения преступников? Только Мордерми может ответить на эти вопросы. Его нужно отыскать.

Дворец был под сильной охраной каменных воинов и отряда повстанческой армии. Несколько офицеров, незнакомых Конану, вышли вперед, чтобы проводить генерала к Мордерми. Когда киммериец шел по дворцу, то заметил, что Мордерми в его отсутствие восстановил хоромы до той степени роскоши, какая была при Римагендо.

Мордерми тепло приветствовал Конана.

— Ты вернулся раньше, чем я ожидал. — Он налил вина киммерийцу. — Прошлая ночь была бурной.

Конан посмотрел на Каллидиоса, беззаботно развалившегося в кресле, и спросил:

— Что случилось? На городских стенах я увидел то, чего никак не ожидал увидеть.

— Тогда ты можешь предположить, что случилось, — гнев послышался в голосе Мордерми. — Этот повстанческий комитет никогда ни с чем не

соглашался. Пока «Белая Роза» была обществом спорщиков, это мало кого волновало, но затем разные идеи об общественном порядке привели их к полному разладу. Это произошло, когда ты воевал. Аввинти говорил, что только имущие классы имеют право на голоса в правительстве. Карико настаивал, что все, от последнего нищего до самого знатного барона, имеют равные права. Ты же сам все это слышал. Я надеялся, что Сантидио сможет их уговорить и склонить к компромиссу, но этого не произошло. — Мордерми сделал глоток вина, и его лицо стало жестоким. — Аввинти отравили. Ясно, что это Карико организовал его смерть. Как только стало очевидно, что Карико замышляет заговор, я приказал арестовать его, и фракция Карико вышла из повстанческого комитета. Они начали демонстрации на улицах, требуя освобождения своего лидера. Я вынужден был признать, что Карико решился на второе восстание, которое могло бы привести его к власти. Мне не хотелось его казнить, но выбора не было. Каллидиос направил Последнюю Гвардию на подавление уличных беспорядков. Пришлось пролить некоторое количество крови, но приказ был выполнен.

— А Сантидио? — угрюмо спросил Конан.

— Сантидио вел себя как истеричная баба, когда я распустил повстанческий комитет и объявил военное положение. Это, конечно, крайние меры, и я обещал их скоро отменить. Однако Сантидио отказался увидеть смысл в моих действиях. Он начал обвинять меня в таких грехах, что, учитывая нашу долгую дружбу, весьма...

— Что случилось с Сантидио? — настаивал Конан.

— Под давлением обстоятельств я вынужден был арестовать его. Я не мог допустить, чтобы такая популярная личность обвинила меня публично в том, что я предал восстание для своей выгоды.

— Каковы же эти глупые и бездоказательные обвинения, выдвинутые Сантидио? — спросил Конан.

— Я знаю, что ты мой друг, Конан. В противном случае такой вопрос был бы для тебя опасным. Как ты сам хорошо знаешь, у меня враги везде — и на границах, и в моем собственном дворце. Я жестоко дрался, чтобы выиграть этот трон, и не хочу, чтобы у меня украли то, что я получил.

Конан вскипел:

— Карико мог бы убить Аввинти в порыве гнева, но Карико — не отравитель. Может, это дело рук какого-нибудь из знатных друзей Аввинти, которые сейчас командуют стражей дворца? Казнив Карико, ты сделал доброе дело для знати, ведь их беспокоили его речи о том, что все богатства надо раздать бедным.

— Ты сам знаешь, — Мордерми наполнил кубок Конана, — что идеи Карико глупы. И ты пришел к тому же выводу, что и Сантидио. Ты должен помнить, что слова и действия, вырванные из контекста, могут привести к злобешнему результату. Например, защита баррикады сделала тебя героем. И тем не менее мне стало известно, что ты оставлял свой пост и заявлял, что если Мордерми не пойдет в бой, то ты сам будешь командовать повстанческими силами. Уход с поста и измена, вырванные из контекста, конечно, объективное обоснование для ареста.

— Это угроза?! — зарычал Конан, глядя в упор на Мордерми. — Вот так и Сантидио был арестован? Где он? Дайте мне поговорить с ним!

— Это уже организовано, — доверительно сказал Мордерми. — Боюсь, что твои примитивные понятия о чести помешают прислушаться к голосу разума, — голос Мордерми странно отдалился.

Конан хотел выругаться, но язык не послушался его и внезапно распух во рту; киммериец посмотрел на кубок, который дал ему Мордерми. Его стало

тяжело держать, пальцы разжались, и последнее, что Конан различил, был звон падающего кубка — в тот самый момент, когда Конан бросился на Мордерми, но звука падения собственного тела варвар уже не услышал.

Мордерми посмотрел на лежавшего киммерийца, на его лице выразилось сожаление.

— Может, если бы у него было время подумать, он образумился бы? Ведь это всего лишь варвар-авантюрист. Какая ему разница, на чьей стороне бороться, если это победившая сторона?!

— Король должен знать, когда и какая пешка становится бесполезной для него, — сказал Каллидиос.

Глава 16

БЕГСТВО

Наконец пришло время, когда темнота в голове превратилась в темень тюремной камеры. Конан приподнялся на руках и застонал. От малейшего усилия кружилась голова.

— Выпей это. — Сантидио держал у губ банку с тепловатой водой.

Конан жадно выпил. Его язык был сух, во рту сохранялся привкус металла. Киммериец вытер рот и плюнул на грязный пол, стараясь освободиться от кислого привкуса во рту.

— Ну вот, теперь и ты, — сказал Сантидио.

Конан постарался осмотреться кругом. Они были в одной из камер под дворцовой крепостью. Слабый свет факелов проникал сюда из коридора. Узников бросили в грязную камеру, которую нельзя было считать большой даже для одного человека. Толстая дверь из окованного железом дуба была

одной стороной куба; стены, пол и потолок — другими сторонами. В крепости имелся длинный ряд таких камер с особым помещением для охраны в конце коридора, ведущего к выходу из подземелья. В другом конце коридора была камера пыток, которая при Римагендо содержалась в хорошем состоянии. Конан хорошо помнил это подземелье с тех пор, как повстанцы захватили дворец тирана.

— Что произошло с тех пор, как я покинул Кордаву? — Конан старался сесть, прислонившись к стене.

— Все пошло прахом. Мы думали, что наши мечты станут явью, но мечты превратились в кошмар.

— Мордерми сказал мне, что Аввинти отравлен. Я видел отрубленную голову Карико у городской стены, Мордерми обвинил его в убийстве. Он сказал мне, что Карико готовил второе восстание.

— Я слышал эти сказки. Народу Кордавы они так же не нравятся, как и тебе. На улицах возникли беспорядки в знак протеста против ареста повстанческого комитета. И тогда этот дьявол послал Последнюю Гвардию навести порядок. Мордерми объявил эти беспорядки заговором Карико и его фракции.

— Я не могу понять такого поведения Мордерми. Может быть, никто из нас не знал, что кроется в его сердце. Сандокадзи думает, что Каллидиос действует на него каким-то своим способом, Каллидиос способен на все.

Сантдию поскреб грубую щетину на лице. Его бросили сюда без отравления вином.

— Я должен был все предвидеть. Мы приняли Каллидиоса с распростертыми руками. Наши цели были справедливы — и достичь их надо было любыми средствами. Может быть, восстание было бы разгромлено без Каллидиоса, может, мы со временем сами свергли бы Римагендо. Нам никогда не приходило в голову, что наше оружие может повернуться

против нас самих. Конечно, если сейчас оглянуться, то станет ясно, что мы слишком много болтали, не обращая внимания ни на что, кроме формирования нового правительства. Думаю, что со временем мы пришли бы к компромиссу. Но Мордерми взял все в свои руки, он дискредитировал «Белую Розу», заявив, что каждый из нас готовит заговор против остальных. Знатные бароны пойдут за любым правителем, который не угрожает существующему социальному порядку. Они были бы рады видеть Аввинти на троне и, конечно, никогда бы не приняли социальных реформ, предлагаемых Кариго. Даже с помощью армии потребовалась бы долгая борьба, чтобы провести умеренные социальные реформы. Одним ударом Мордерми устранил опасного конкурента Аввинти, затем завоевал расположение аристократии, свалив убийство на Кариго, распустил повстанческий комитет и разгромил «Белую Розу» под предлогом того, что она нарушает общественный порядок. Можешь быть уверен, это не случайное совпадение — твое отсутствие в городе и эта резня. Мордерми дождался, чтобы ты ушел подальше — воевать и выигрывать сражения, прежде чем он нанесет удар по «Белой Розе».

Казалось, что Сантидио восхищался сокрушительностью нанесенного удара. Он пожал плечами со смирением.

— Так что Мордерми теперь ничем не отличается от других королей, окруженных знатью. Лорды теперь не вмешиваются в его правление. Ты сохранил мир на границах для нового тирана. Кроме того, у него есть Каллидиос и Последняя Гвардия. Думаю, скоро мы увидим, как зингарские солдаты пойдут на Аргос и Аквилонию.

— Может, они и пойдут, — угрюмо согласился Конан, — но мы-то этого не увидим. Я удивляюсь, что сижу и разговариваю с тобой, а не отравлен насмерть.

— Вероятно, Мордерми хочет поддерживать какую-то видимость законности в своих действиях, — предположил Сантидио. — Пока что мне жизнь оставлена по просьбе Сандокадзи, я уверен. А насчет тебя я не сомневаюсь, что Мордерми разными посулами постарается соблазнить тебя на дальнейшую службу. Но со временем, когда народ забудет героев Преисподней, нам все равно предъявят выдуманные обвинения в измене или еще в чем-нибудь и пошлют кормить ворон на Танцевальный помост.

Конану сделалось смешно, и он захохотал:

— Мы проделали большой и трудный путь — и увидели, что идем по кругу. Неужели мы опять с тобой будем стоять на Танцевальном помосте?

— Я думаю, нам не стоит рассчитывать на помощь Мордерми в нашем стремлении освободиться, — печально усмехнулся Сантидио.

— Мне кажется, мы можем доверить это Сандокадзи. Что с ней сейчас?

— Сестра с Мордерми, — вздохнул Сантидио, — и я не думаю, что она присоединится к нам в этой камере, если у нее есть возможность надеть корону в паре с ним. Она любит этого ублюдка и не покинет его сейчас.

— Дурак, она не позволит своему брату гнить в камере, — прозвучал чей-то голос.

Конан мгновенно вскочил на ноги, несмотря на слабость, которая еще оставалась в нем после отравления. Сандокадзи смотрела на них через решетку окна.

Сантидио воскликнул:

— Кадзи! А Мордерми знает, что ты здесь?

— Нет, еще никто не знает, — медленно улыбнулась его сестра. — Он и Каллидиос опять погружены в свои планы. Я уверена, что Каллидиос добивается приказа о немедленной казни Конана, но Мордерми пока сопротивляется и не соглашается на убийство друга.

— Шепетильность твоего любовника в таких делах хорошо известна, — выругался Конан. — Мы с ним еще раз разделим дружескую выпивку, но вино теперь буду выбирать я!

— Не ругай Мордерми за случившееся. Боже, почему мы не последовали твоему совету, когда стигиец впервые вторгся в нашу жизнь?

— Но ведь сам Мордерми налил мне отравленное вино.

— Если бы это был Каллидиос, ты бы никогда не проснулся, — возразила девушка сердито. — Как вы можете быть такими идиотами! Мордерми был таким же смертельным врагом Риманендо и его клики, как и любой из вас. Пока вы обсуждали, как поднять народ на выступление против угнетателей, Мордерми раздавал награбленное беднякам! Каллидиос все изменил в нем. Я едва узнаю сейчас Мордерми. Этот колдун наложил на него заклятие. Убейте Каллидиоса — и Мордерми освободится от черного влияния колдуна.

— Что ты здесь делаешь, Кадзи? — спросил ее брат. — Мордерми послал тебя заключить мир?

— Я пришла, чтобы освободить вас, — объяснила Сандокадзи, странно хихикнув, отчего оба с удивлением посмотрели на нее. В руках у нее была связка ключей.

— Я следила за Каллидиосом, — она торопливо, невнятно глотала слова. — Я насыпала крошки лотоса в трубку, как это делает Каллидиос, и притаилась у дверей охранников. Они клевали носами над своими чашами, и я напустила в их комнату дым. Теперь они все храпят. Я зашла туда и взяла ключи от камер.

— Черт возьми! Женщина! Так выпускай нас, пока охранники не очнулись! — закричал Конан.

— Я вас выпущу, — сказала Сандокадзи, — но вы должны пообещать, что не убьете Мордерми. Я знаю, что он предал всех вас, но Каллидиос отравил

его душу. Убейте стигийца, если вам требуется утолить жажду мести, но вы оба должны дать мне слово, что не убьете Мордерми.

Конан подумал, насколько серьезно подействовали испарения желтого лотоса на мозг девушки, но времени на споры не было. Могли очнуться охранники или одурманенная запахом лотоса девушка решит пошутить и не даст им ключи.

— Я обещаю не убивать Мордерми, — с трудом сказал Конан. Слова застревали у него в горле. Он никогда не нарушал слово, независимо от того, при каких обстоятельствах его дал.

— И я обещаю, — сказал Сантидио. — Ну, давай же ключи!

Мучительно долго она выбирала нужный ключ. Конан выскочил первым и осмотрел коридор, а Сантидио обнял сестру. Беглецы надели военные плащи с вешалки и украдкой поднялись по ступенькам.

Наверху была дверь на улицу, и возле нее лежал труп. Тонкий кинжал был весьма искусно всажен прямо в сердце.

— Я пообещала ему, что хорошо заплачу, если он пустит меня повидаться с братом, — объяснила Сандокадзи, — но мне показалось, что этот парень может выдать нас.

В темноте ночи вокруг дворца все было тихо, лишь иногда проходили патрули. Конан вовремя заметил проходящих солдат, и беглецы весьма удачно спрятались, а затем проскользнули за патрулем. Конан знал, что их бегство скоро будет раскрыто, как только солдаты отойдут от запаха лотоса.

— У меня спрятана веревка в том месте, где вы сможете спуститься со стены, — сказала Сандокадзи. Конан всегда восхищался ее умом и предусмотрительностью. — Как только вы выберетесь из крепости, вам самим придется заботиться о себе.

— Ты пойдешь с нами, — возразил Сантидио. — Мордерми заподозрит тебя.

— Мордерми может подозревать, но ничего не сделает. Каллидиос отравил его душу, но я осталась в его сердце. Мордерми свалит ваше бегство на «Белую Розу» и сделает его еще одним доказательством существования заговора.

— Не задерживай нас, женщина, — попытался спорить Конан. — Я не оставлю тебя в опасности. После того, как ты помогла нам, Мордерми больше ничего не остановит.

— Мордерми — мой возлюбленный, — оборвала его Сандокадзи. — Неужели ты не можешь понять — я люблю его! Если сейчас покинуть его, то рядом с ним не останется никого, кроме Каллидиоса.

Конан был не согласен, хотя и понимал, что это — ее личное дело. Сантидио, видимо, лучше знал, как уговорить сестру.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она, чтобы закончить спор.

— Для начала выбраться из Кордавы, — ответил брат. — Мы слишком известны и заметны, чтобы прятаться в городе, да и Мордерми крепко здесь держит все в своих руках. Мы организуем новое восстание и привлечем в свои ряды тех, кого он предал, и это уже будет настоящий заговор против него, который он не подавит так просто, как спровоцированный им самим.

— Как же вы собираетесь бороться с Последней Гвардией? — спросила Сандокадзи.

— А ты не знаешь, как Каллидиос управляет этими дьяволами? — спросил ее Конан.

— Только то, что Каллидиос закрывается в хорошо охраняемой башне, когда отдает им приказ, и не появляется, пока они не выполнят свою задачу. Каллидиос всю свою магию вершит сам — и никто не имеет туда права доступа.

— Мы попытаемся найти кого-либо, кто сведущ в оккультных науках и может помочь против колдовства стигийца, — заявил Сантидио. — Я все обдумал, пока рассматривал стены камер.

— Ты попытаешься найти другого колдуна? — изумился Конан. — Но если он сильнее Каллидиоса, то мы запустим в дом тигра, чтобы выгнать волка.

— Нет, если этот колдун наша сестра, — заявил Сантидио. — Я хочу попросить помощи у Дестандази, если, конечно, она сможет помочь.

Конан совсем забыл, что в семье Эсанти было трое детей и что их сестра, Дестандази, была изгнана из Кордавы и стала жрицей Джеббал Саг. Мордерми говорил Конану, что третья сестра из рода Эсанти находится где-то за Черной рекой.

— Дестандази порвала все связи с нашей семьей, со старыми традициями дома Эсанти и с теми идеями, за которые мы боремся, — сказала Сандокадзи. — Какой смысл ей помогать нам, даже если бы она и могла помочь.

— Я попытаюсь, — нахмурился Сантидио, — а что мне еще остается?

— Я думаю, что нам надо бежать по Черной реке, — начал решать практические дела Конан. — Граница рядом. А если принять во внимание недавние столкновения с пиктами, то ясно, что солдаты на северной границе внимательно следят за теми, кто идет в Зингару, и мало обращают внимания на тех, кто ее покидает. Сможешь ли ты найти Дестандази?

— Думаю, что смогу. Если же не найдем, то оставим свои скальпы пиктам или отдадим свои головы Мордерми.

— Мы теряем слишком много времени. — Конан внимательно посмотрел на небо. — Если не поторопимся, то вряд ли сможем до утра украсть лодку и поплыть по Черной реке. — Он проверил веревку, принесенную Сандокадзи, и привязал ее

к стене. — Последний раз спрашиваю, ты пойдешь с нами?

— Ты знаешь мое решение. Но не забудьте свое обещание не убивать Мордерми!

Конан хотел схватить ее и унести насильно, но девушка была тверда в своем решении, и киммериец почувствовал к ней уважение.

— Передай мою любовь Дестандази, — жалобно попросила она, когда они начали спуск.

Сандокадзи отвязала веревку и взяла ее с собой. Охранникам не обязательно знать, каким путем сбегали узники. Уже довольно поздно, решила Сандокадзи, хотя дым лотоса, которого она невольно наглоталась, искажал ее представление о времени. Тем не менее их осторожное продвижение к стене, а также разговоры заняли достаточно много времени, больше чем следовало.

Она пошла к покоям Мордерми, надеясь, что ее возлюбленный все еще совещается с Каллидиосом. А если нет, ну что же, он может не спать в это время, да и она тоже. Сандокадзи внезапно вспомнила, что она все еще несет с собой трубку Каллидиоса. Она хотела спрятать улику, но Каллидиос может заметить исчезновение трубки, связать ее отсутствие со спящей охраной и задуматься, почему же заговорщики, освободившие узников, выбрали такой странный способ.

Поэтому лучше всего вернуть трубку в комнату Каллидиоса — и тогда никто не сможет понять, как были усыплены охранники.

Сандокадзи сначала убедилась, что Каллидиос еще не вернулся к себе. Тем лучше. Он и Мордерми все еще обдумывали свои дьявольские планы. Осторожно она проскользнула в комнату и положила трубку в ящик стола рядом со склянкой, наполненной желтым лотосом.

Девушка забыла, что Каллидиос еще и иллюзионист. Колдун вдруг появился из серого полумрака,

прямо оттуда, где только что была дверь, и ласково сказал:

— Я не могу уснуть без этого.

Глава 17

ДЕСТАНДАЗИ

Они прошли не так много, но Сантидио уже понял, что никогда не смог бы совершить такое путешествие и выжить, не будь рядом гиганта-киммерийца. Кроме этого, Конан был его близким другом, хотя в Кордаве Сантидио не мог подавить в себе чувства превосходства над этим могучим северным варваром. Это было типичное для всей Кордавы отношение к тем, кто не имел счастья родиться и прожить всю жизнь в городе, и киммериец, с его неправильной речью и акцентом, грубыми манерами и принципами, казался неотесанным мужем из провинции.

Как только они вошли на территорию пиктов, Сантидио внезапно понял, что здесь, вдали от цивилизации, хотя Кордава была рядом, всего лишь в нескольких днях плавания по течению реки, более подготовленным был Конан, а он, Сантидио, был неученым олухом и ничего не знал и ничего не умел.

В Кордаве они украли лодку. Конан обладал кошачьим зрением и свирепо греб в темноте против течения, пока поднявшееся солнце не осветило туман над рекой. Сантидио был хорошо тренирован и достаточно мускулист. Он считал себя неплохим атлетом, но задолго до того, как Конан объявил привал, все тело Сантидио болело, будто он побывал на дыбе в камере пыток. Конан подвел лодку к берегу, загнал ее под ветви толстого дерева, росшего на берегу, и тщательно укрыл в ветвях.

— Днем слишком опасно двигаться дальше, — объяснил он. — Мордерми помнит, что некогда я предлагал бежать от Римаендо через страну пиктов. Он может послать по берегу конные отряды, и они быстро нагонят нас. Ночью мы можем ускользнуть.

Сантидио рухнул на дно лодки и мгновенно уснул, несмотря на неудобную позу. Когда он проснулся, Конан дал ему поесть каких-то плодов, собранных им на берегу. Сантидио во сне даже не почувствовал, что Конан выходил из лодки.

Беглецы продолжали путь с наступлением темноты. Конан греб теперь более спокойно, но у Сантидио все равно пробегал огонь по жилам во время каждого гребка. Однажды Конан остановил лодку и потребовал тишины. Они оставались в укрытии за полузатопленной корягой в течение часа. Наконец Конан дал знак и стал тихонько грести.

— Другая лодка, — объяснил он позже. — Разве ты не видел, как она проплыла за нами? Мордерми должен был предупредить своих людей, чтобы они не надевали кольчуги, если не умеют сидеть неподвижно.

Сантидио не слышал и не видел никого.

На следующий день Конан заколол кинжалом рыбу, используя его как острогу. Они вооружились шпагами и кинжалами, взятыми у стражников, но лук и стрелы, к сожалению, им не удалось достать. Жадно поедая свою порцию рыбы, Сантидио думал, что в случае необходимости Конан сможет изготовить примитивный лук. Следующей ночью беглецы проплыли мимо недавно покинутой стоянки. В воздухе все еще стоял запах дыма.

— Дальше о патрулях Мордерми можно не беспокоиться, — хрипло засмеялся Конан. — Здесь все время бродят пикты — и зингарцы не захотят встретиться с ними, так как пикты сделают все, чтобы повесить их скальпы на пояс.

Конан опустил весло в воду и стал грести с удвоенной энергией:

— С этого места нам следует быть осторожней и внимательней.

На следующий вечер, прежде чем отправиться на север, Конан вышел из леса с коротким луком из черного дерева и пучком стрел. Он аккуратно положил лук в лодку и протянул Сантидио мешок с сушеным мясом и ломоть грубого хлеба, прошепав:

— Тело пришлось утопить, но пикты настоящие дьяволы, им ничего не стоит найти труп соплеменника. Будем надеяться, что поблизости нет его друзей. Нам нужно поскорее убираться отсюда, и как можно дальше.

На Черной речке, в том неопределенном месте, где кончалась предполагаемая граница Зингары и начинались владения пиктов, находился торговый пост. Так как пикты никогда не слышали о границах, которые ученые люди наносят на карты, рубеж был чисто формальным. Пост содержал полукровка по имени Инзио, и, может, потому, что он был им полезен, пикты не трогали его. Письма от Дестандази проходили через Инзио, так же как и письма, переправляемые к Дестандази.

Конан решил, что пост Инзио уцелел во время налетов пиктов, и там они смогут найти дорогу к Дестандази. Инзио имел очень своеобразную внешность, обликом напоминая карлика, что, вероятно, было результатом смешения крови гиборийцев и пиктов. В отличие от других владельцев торговых постов на границе, манеры этого парня были грубы, а вид почти враждебный. Сантидио не мог понять, чем это вызвано, — то ли карлик предпочитал иметь дело с пиктами, то ли он вообще любил одиночество и не терпел посетителей. Пока Сантидио объяснял свою миссию, Инзио молча смотрел на них. Конан соорудил свирепую рожу,

что немного расшевелило полукровку, и через некоторое время Инзио пожал своими толстыми плечами и ответил:

— Письма приходят из леса, я посылаю их вниз по течению, письма приходят с реки, я посылаю их в лес.

— А кто носит письма в лес и приносит оттуда? — терпеливо спросил Сантидио.

— Филин, — Инзио нахмурился.

— Филин?

— Да. Огромный филин.

— Ты имеешь в виду почтового голубя?

— Вроде. Прилетает по ночам, стучит крыльями в дверь. Письмо привязано к ноге.

— А как же он узнает, когда прилетать?

— Это меня не волнует. Меня ничто не волнует.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — не выдержал Конан.

— Слушай, ты, киммериец, — проворчал Инзио. — Я не боюсь тебя. Я не боюсь солдат. Я не боюсь пиктов. Я не хочу неприятностей.

— Напиши письмо сестре, Сантидио, — предложил Конан. — Скажи, что мы здесь, и зачем. Попроси ее встретить нас или прислать проводника. Инзио уверен, что письмо дойдет до нее, поэтому подождем здесь, пока не придет ответ.

В полночь в дверь застучали крылья... Инзио открыл дверь, и огромный филин влетел в комнату. Конан, который мог распознать любую птицу или зверя в этих местах, никогда не видел такого филина. Черная птица угрюмо смотрела на них, пока Инзио привязывал послание к ноге. Затем почти бесшумным взмахом крыльев филин вылетел из комнаты через дверь и исчез в ночи. Они так и не поняли, как же Инзио вызвал филина.

На следующий вечер Конан задумчиво точил свою шпагу. Вдруг из темноты внезапно появился волк и направился к Сантидио. Первой мыслью

Конана было, что это ручной зверь Инзио, так спокойно и уверенно он шел к людям. Волк сверкнул желтыми глазами на Конана, и тот сразу понял, что этот зверь не ручной. За спиной он услышал вскрик Инзио и стук запираемой двери. На массивной шее волка был ремень, к которому было прикреплено письмо. Сантидио сначала прочитал его про себя, а затем вслух для Конана:

— Мой брат. Я дала обет никогда не покидать святую рощу. Если ты хочешь увидеть меня, то мой посланец проводит тебя. Я должна тебя предупредить, что ты пойдешь туда, где живут старые боги, — это не просто мифы и память. Советую тебе лучше вернуться в мир, которому ты принадлежишь. Де-стандази.

— Ну, что мы будем делать? — спросил Сантидио, размышляя над письмом. — Пойдем за ручным волком сестры?

— Пойдем. Но этот волк не ручной.

Они быстро собрались, и затем торговый пост и все созданное руками человека осталось позади — они вошли в темный лес. Еще одна миля через лес, и сумерки настолько сгустились, что друзья уже не смогли бы увидеть тропу, по которой шли, конечно, если эта тропа вообще существовала под черными колоннами огромных деревьев. Сантидио держал руку на спине волка, доверив животному вести их. Конан сжал рукоять шпаги и напряженно слушал шум леса, по которому они шли. Он знал, что в ночном путешествии им не нужно опасаться пиктов, но это не приносило облегчения его душе.

Они были посреди древнего леса, такого древнего, что он, наверное, помнил, как далекие предки Конана прятались в пещерах и открывали тайну огня. Это был настоящий безбрежный океан лесов и гор, который никогда не пересекал ни один белый человек, даже дикие пикты никогда не проникали в обширные области этой лесной страны. Когда они пробирались

по дремучему лесу меж огромных стволов и ступали по мягкому мху, заглушавшему звуки шагов, время и пространство для путешественников потеряли всякий смысл. Присутствие страшного проводника делало их похожими на две проклятые души, находящиеся в преддверии ада.

«Место, где старые боги не просто мифы», — предупредила их Дестандази. Действительно, когда друзья преодолевали первобытный лес, Конан понял, что окружающие их деревья такие же старые, как камни, лежавшие под корнями. Это было жуткое ощущение того, как жизнь встречается с невероятной древностью самой земли.

Внезапно Конан ощутил чувство глубокой радости, которое он никогда не испытывал ранее: перед ними в лесу показался далекий свет.

Это была небольшая поляна — и после тяжелого перехода между гигантскими стволами поляна показалась настоящим островом жизни, пространства и света. На поляне, ожидая их приближения, стояла женщина. Конан мгновенно окинул все оценивающим взглядом. Киммериец всю дорогу ломал голову над тем, как же выглядит третья из семейства Эсан-ти. Из описания Мордерми и сопоставления внешности ее сестры и брата Конан представлял себе девушку типа Сандокадзи, только более худую и с усмешкой сумасшедшей королевы. Но Дестандази, которая приветствовала их на поляне, вовсе не походила на созданный им образ. В ней кое-что было и от брата, и от сестры. Дестандази была высокая и прямая девушка, не худая и не полная. Ее смуглое лицо и блестящие глаза напоминали лицо Сандокадзи, но темные зрачки были чересчур большими. Тот же округлый подбородок и прямой нос, но возле губ лежала складка, которая делала улыбку жесткой, в то время как улыбка Сандокадзи была только слегка насмешливой. Плечи прямые и почти мужские, грудь маленькая и высокая; в отличие от Сан-

докадзи, чьи бедра имели роскошные формы, бедра ее сестры были узкими. Если сравнивать фигуры сестер, то Дестандази смотрелась на несколько лет моложе сестры, но лицо ее казалось на несколько лет старше. Блестящие черные волосы закрывали девушку до самых икр, черной лавиной спускались по груди. Она была задрапирована в какой-то темно-зеленый материал. Ткань была завязана на плечах и прямо спускалась до колен, стянутая на поясе алым шнуром. Девушка была без сандалий, несмотря на холод осенней ночи. Она напоминала ему дриаду или дух девственного леса, а когда варвар осмотрел поляну, то это впечатление усилилось. На краю поляны стоял огромный вяз, настолько старый, что невозможно было даже предположить, сколько ему лет. Ствол был так толст, что его не смогли бы обхватить десять человек. Как всегда бывает с деревьями такого возраста, в стволе было огромное дупло. Щель между корнями представляла собой вход. Выгнившие отверстия в стволе, в тех местах, где раньше росли ветви, были окнами. Как и всякая дриада, Дестандази жила внутри дерева. Посреди поляны находился небольшой источник. У входа в дупло на камнях горел костер, а из окон и двери выбивался свет лампы.

Конан подумал, что брат и сестра обнялись более сдержанно, чем это позволяли обстоятельства.

— Приветствую тебя в моем доме, брат, — бесстрастно встретила его Дестандази.

— Дестандази, познакомься, это Конан. Он лучший друг — мой и Сандокадзи, ты скоро в этом убедишься.

— Приветствую тебя, Конан. — Девушка подала руку. — Надеюсь, что вы не будете жалеть, что пришли сюда.

В этой ситуации Конан не знал, как себя вести: поцеловать ей руку или просто пожать. Он выбрал последнее и был рад, когда она вернула пожатие с

такой силой, которая не соответствовала ее хрупкому внешнему виду.

— Зайдете в дом? Я приготовила еду и питье.

И произнесено это было все так же бесстрастно, как и положено жрице. И кто, кроме жрицы, смог бы выдержать ужасное одиночество этого леса — или нет, не выдержать, а наслаждаться.

Конан подумал: какие же религиозные ритуалы они увидят этой ночью?

Глава 18

ВЫСЫЛКА ИЗ КОРДАВЫ

Сантидио рассказывал, пока они ели. Он говорил так долго и с такой страстью, что Конан удивлялся, как он успевал набивать рот едой.

Пища была проста и состояла из лепешек грубого помола муки, овощей, поджаренных на камнях очага под деревом, супа из овощей и фруктов и различных приправ. Конан узнал многие ингредиенты, которые произрастали в здешней местности. Все было хорошо приготовлено и очень вкусно, хотя отсутствие мяса весьма огорчило Конана. Огорчило, но не удивило, когда он вспомнил то немногое, что слышал о тайнах культа Джеббал Саг.

Внутри дупла было очень уютно и гораздо больше места, чем предполагал вначале Конан, когда судил по наружным размерам дерева. Обстановка была самая простая и, вероятно, сделана руками хозяйки. Основное пространство занимал небольшой ткацкий станок, а также стол и ящики с различной утварью, которую девушка использовала для сооружения всего, в чем нуждалась. Некоторый диссонанс в общую картину вносили несколько книг. По всем стенам были установлены полки и ящики.

Узкая кровать висела в нише, расположенной над головами. Лампы создавали мягкое освещение, и в углу был сложен небольшой очаг из камней. Тяжелые занавеси закрывали дверь и окна.

Конану не понравилось, что на территории диких пиктов женщина живет совершенно одна, не имея никакой защиты от вторжения, кроме этих занавесей. Но подумав, он решил, что жрица Джеббал Саг вряд ли подвергается опасности нападения зверя или человека в этом лесу. Конан хорошо знал лес, но чувствовал, что если бы их не сопровождал волк, он и Сантидио вечно блуждали бы в этой мрачной темноте среди деревьев.

Сантидио подвел свой рассказ к моменту, когда беглецы достигли поста Инзио. Дестандази слушала, не перебивая, весь рассказ — и только ее блестящие глаза выдавали некоторый интерес.

— Ну, так чего же вы ждете от меня? — спросила она прямо, когда стало очевидно, что Сантидио закончил и ждет ответа. Сантидио обвел рукой помещение, сделав неопределенный жест. Он указал на книги.

— Ты занималась оккультными науками, прежде чем удалилась в эту первозданную тишину, которую создали боги, ты наверняка изучала другие пути до того, как выбрать тот, по которому пошла.

— Здесь не место для такой болтовни, — быстро ответила Дестандази, и это прозвучало как предупреждение.

— Но ты же изучала их, — настаивал Сантидио, — ты должна знать, как нам победить Каллидиоса, как нам бороться с Последней Гвардией.

— Я отвернулась от всего мирского, когда стала жрицей Джеббал Саг, — четко произнесла Дестандази.

— Но тогда ты отвернешься от своего брата и сестры. Ведь мы живем в мире людей и городов.

— Я дала обет никогда не покидать этот лес.

— Тогда оставайся в своем дупле, — горячо сказал Сантидио. — Мне нужен только твой совет.

— Мой совет вам обоим: бросьте Кордаву. Там вас ничто не держит. В Кордаве запах крови рода Эсанти.

— Кордава — дом Эсанти. Я дал клятву, которая призывает меня в Кордаву. Я должен вернуться, чтобы закончить дело, которое предал Мордерми. Все, что я прошу, — это средство противостоять колдовству Каллидиоса, чтобы мы могли встретиться с Мордерми на равных.

Дестандази в задумчивости сжала губы.

— Из всего того, что ты сказал мне, я не могу определить, как же Каллидиос управляет Последней Гвардией. Колдуны, которые ее создали, имели силы, чтобы заставить ее повиноваться, но Каллидиос таких сил не имеет. В противном случае ему незачем было связывать себя с Мордерми и «Белой Розой». Я подозреваю, что он сказал вам правду: он не имеет настоящего образования архимага, но поскольку он рос в замках Сета, то развил в себе некоторые способности. То есть он просто колдун-самоучка и владеет ими лишь в какой-то узкой области.

— Это нам ничего не говорит, — устало сказал Сантидио.

— Я говорю все, что могу. Это не моя область. Тайны Джеббал Саг связаны с силами жизни. Мы те немногие, кто ПОМНИТ, последние немногие.

— ПОМНИТ? — повторил Конан с ее выражением.

— Я мало что могу объяснить вам, еще меньше вы сможете понять. Было время, когда все живое поклонялось Джеббал Саг; и люди, и звери — все были как братья и говорили на одном языке. Теперь те немногие, кто еще сохранил эту память, — больше звери, чем люди. Но память может быть разбужена. Больше я ничего не могу сказать вам.

— Можешь ли ты своим знанием помочь нам победить Последнюю Гвардию? — удрученно спросил Сантидио.

— Я изучаю живые существа, чтобы постичь единство жизни. Тебе нужна наука о смерти и хаосе. Иди к колдунам.

— Увы, это не годится, — вздохнул Сантидио. — Предположим, нам поможет маг, чьи силы могущественней, чем у Каллидиоса. Тогда есть опасность, что он возьмет под контроль Последнюю Гвардию и использует ее в своих целях.

— Да, лучше иметь дело с дьяволом, которого знаешь, — закончила Дестандази за него. — Мне жаль, что я не знаю, как помочь вам.

В тягостной тишине, повисшей после ее слов, вдруг послышался чей-то крик, донесшийся с поляны. Сразу же за ним прозвучали приглушенный злобный вой и вскрик агонии. Конан не мог определить, издал этот крик зверь или человек, в лесу ничего нельзя было сказать с уверенностью.

Дестандази вскочила на ноги легким движением. На ее лице отразились удивление и неуверенность. Конан взглянул на нее и понял, что это не был крик одного из детей Джеббал Саг, и в следующее мгновение киммериец был уже за дверью, со шпагой в руке. Варвар отскочил в сторону от полосы света и укрылся за огромным стволом, осматривая поляну в поисках источника звука. Что-то белое отчаянно металось на противоположном краю поляны. Конан осторожно, кошащими движениями, стал приближаться туда. Женщина стояла на краю святой поляны. Это была Сандокадзи.

Конан остановился на некоторое время, и к нему присоединились Сантидио и Дестандази. Сандокадзи дико смотрела на них.

— Боже! Это же Кадзи! — брат узнал ее в слабом свете. — В конце концов ты передумала и

решила присоединиться к нам? Как же ты нашла нас? Бедная Кадзи, не удивляюсь, что ты...

Он пошел к ней, чтобы обнять девушку, но Дестандази отдернула его назад, не дав приблизиться.

— Нет! Не подходи к ней! — прошипела она.

Сандокадзи взвывала низким голосом и попыталась шагнуть вперед. Какая-то сила отбросила ее назад.

Дестандази сказала напряженным голосом:

— Ты что, не видишь? Она не может пересечь круг святой поляны.

Глаза Конана постепенно привыкли к темноте, его мозг зарегистрировал то, о чем до этого предупреждал инстинкт. Сандокадзи была одета только в грязную сорочку. Ее голые ноги были исколоты и исцарапаны, нерасчесанные волосы полны колючек и щепок. На шее вместо жемчужного ожерелья болталась пеньковая веревка, которая была оставлена в виде насмешки. Шея казалась неестественно длинной и тонкой, кривой из-за завязанной узлом петли. Глаза горели жутким пламенем, излучая нечеловеческую злобу. Искусанные губы кривились в зверином оскале. Когда она старалась проникнуть в пределы поляны, со злобой глядя на них, они чувствовали запах мертвечины.

— Неужели вы не видите? — голос Дестандази был напряжен, но она оставалась спокойной. — Она мертва. Они убили ее, и Каллидиос послал ее по вашему следу, чтобы убить вас. Если бы она нашла вас на стоянке на берегу реки, то напала бы на вас, как дикий зверь, жаждущий крови. Она бы и сейчас бросилась на вас, если бы посланцы дьявола могли проникнуть на святую поляну.

Сантидио упал на колени, его рвало. Он весь содрогался, как будто чьи-то когти вонзились в его грудь. Конан поднял шпагу для удара. Его лицо исказила гримаса гнева, боли и жалости, которые он не мог выразить словами.

— Стой! — Дестандази остановила его. — Это не метод. Сестра — труп-мертвец, которым Каллидиос может управлять! Стигиец выдал теперь область колдовства, в которой он специализируется. Каллидиос — специалист по некромантии.

— Что же делать? — Конан стиснул зубы.

— Уведи Сантидио отсюда и побудь вместе с ним. Есть силы, которые я могу использовать, чтобы разрушить отвратительное заклятие этого стигийца. Нельзя, чтобы вы видели, что я буду делать: тайны Джеббал Саг ревностно охраняются.

— Я не боюсь, — проворчал Конан, — я останусь, чтобы помочь тебе.

— Уйди отсюда с той, кто раньше была моей сестрой! — прошипела Дестандази. — Ты можешь ей помочь?

Конан проглотил издевку. Подняв Сантидио, который был готов развалиться на части, как сломанная кукла, варвар оставил Дестандази творить то, что должно быть скрыто от их глаз.

Глава 19

МЕЧТЫ РОЖДАЮТСЯ, ЧТОБЫ УМИРАТЬ

В сумерках все трое сожгли Сандокадзи на святой поляне. Конан копал могилу под сумрачным небом. Он жесточно швырял землю, и при каждом ударе заступа слышался хриплый вздох. Глаза его горели мрачным блеском, будто он терзал живую плоть.

Дестандази спокойно обмыла оскверненное тело сестры, теперь освобожденное от злых духов, и приготовила саван из своих простыней. На ее лице остались следы сильного напряжения. Конан предположил, что могущество Джеббал Саг так просто не дается. Сантидио во время всей церемонии

безмолвствовал. Глядя в его глаза, Конан понял, что душа друга осталась в могиле вместе с Сандокадзи.

Когда киммериец бросил последнюю лопату земли на могилу, Сантидио заговорил:

— Меня больше не заботит, кто проиграет в нашей борьбе и на чьей стороне будет окончательная победа. Я только знаю, что вернусь в Кордаву и продолжу борьбу и что я пошлю этого стигийца в ад, который его породил, — пусть это будет последнее в жизни, что я сделаю!

— Я пойду в Кордаву с тобой, — сказала сестра.

— Но твой обет! — напомнил брат.

— Бывают ситуации, когда обеты следует нарушать. — Дестандази наклонилась, чтобы положить букетик живых цветов и осенних листьев на могилу. — Все живое посвящено Джеббал Саг. Это очень плохо — давать жизнь после смерти. Это неслыханное святотатство — поработить мертвую душу, оживив ее оболочку и превратив в отвратительную пародию на живое существо. Это огромное зло — то, что сделал Каллидиос с Сандокадзи. Такое зло следует пресекать. Оно не должно повториться.

— Значит, ты поможешь нам победить Каллидиоса? — быстро спросил Конан.

— Думаю, что я открыла его секрет управления Последней Гвардией. Если я права, то Сандокадзи будет отомщена. Тем, что он послал ее, мертвую, исполнять его приказы, Каллидиос изобличил себя. Вы когда-нибудь подозревали, что он — некромант?

— Каллидиос был скрытен во всем. Он всячески преуменьшал свои силы, демонстрировал их лишь иногда, но хвастался тем, что он большой мастер в темных силах, знания о которых он хранит в тайне.

— Его искусство в некромантии подтверждает эти слова. Поднять мертвеца и заставить его исполнять свои приказы — такое требует большого искусства и сильных заклинаний. Каллидиос, как

видно, во многом превзошел колдунов, которые изучают некромантию. Он может не только оживлять мертвых, но и заставлять их подчиняться ему и выполнять любые приказы. Послать Сандокадзи уничтожить тех, кого она любит, — это не просто высокомерный жест, но и изощренная жестокость. Он хотел, чтобы вы в момент смерти узнали, что те могущественные силы, которыми он хвастался, действительно подчиняются ему.

Сантидио обдумывал ее слова, пытаясь понять, к чему же ведет сестра.

— Значит, ты думаешь, что Каллидиос командует Последней Гвардией посредством некромантии? Но они ведь не оживлены им!

Если Каллидиос говорит правду, то каменные дьяволы бессмертны. Мудрецы древнего Турана создали их так, чтобы они могли подчиняться только королю Калениусу. Охранять его гробницу вечно — таков был его приказ.

— Я уверена, что Последняя Гвардия и сейчас подчиняется только королю Калениусу.

— Но ведь он мертв!

— Верно. Так же, как и Сандокадзи.

Они стояли молча, пока ее логика доходила до них. Дестандази им все объяснила, но их мозги отказывались принять это невероятное объяснение.

— Каллидиос изучил гробницу Калениуса в древних книгах, которые он нашел в замке Сет в Стигии. Он говорил Конану, что тело Калениуса предохранено от тления королевскими колдунами, посажено на золотой трон, чтобы править в своем вечном дворце. Калениус, вероятно, сохранился в своей гробнице; если его колдуны были способны создать Последнюю Гвардию, то можно предположить, какие усилия были приложены, чтобы сохранить останки короля. Каллидиос отыскал гробницу Калениуса и убедился, что тело того не пострадало. Я сомневаюсь, что некромант, даже такой искусный,

как он, смог бы оживить тело, рассыпавшееся в пыль и рассеявшееся в море. Но колдуны Калениуса знали свое дело. Каллидиос вызвал его из гробницы, используя свое искусство оживления, и могущественный король древности стал рабом стигийского некроманта. Значит, Калениус командует Последней Гвардией, а некромант командует Калениусом.

— Ты в этом уверена? — спросил Сантидио.

— Нет. Это только предположения, основанные на том, что вы мне сказали и что мы сами видели. Но я надеюсь, что все так и есть. Здесь лежит тайна могущества Каллидиоса. Вы пришли сюда просить у меня совета, вы слышали его.

— Мы пришли сюда узнать, как победить Последнюю Гвардию, — вступил в разговор Конан. — Означают ли твои слова, что твое знание — это оружие, которое мы можем использовать? Ответь нам, и можешь оставаться с миром в твоём лесу.

— Не оружие, а прорехи в их защите. И нанести удар я должна сама, так как только я имею для этого силу. Мы должны найти тело Калениуса, чтобы я могла изгнать из него духов зла, с помощью которых Каллидиос управляет несчастным мертвым, точно так, как я сделала с оскверненным телом моей сестры. Без Калениуса маг не сможет командовать Последней Гвардией.

— Без Последней Гвардии Мордерми не сможет удержать Кордаву, — подхватил уверенно Сантидио. — И это объясняет, почему Каллидиос так тщательно скрывает свою тайну.

— А без Каллидиоса Мордерми не сможет использовать дьявольскую армию, — продолжал Конан. — Убийство или изгнание духов в башне колдуна будет очень трудно осуществить из-за сильной охраны.

— Сломай любое звено — и цепь разорвется. Это удваивает наши шансы на успех. Тем более

что Каллидиос не знает, что мы проникли в его тайну.

— Я только молюсь, чтобы мое предположение оказалось верным, — сказала Дестандази. — Есть ли какие-нибудь факты, которые позволяют предположить, что Каллидиос владеет останками короля? Никто их не видел?

— Каллидиос творит свои заклинания в башне, куда никто не допускается, — ответил Конан. — Когда Последняя Гвардия избивала солдат Корста в Преисподней, Каллидиоса не было видно. Ранее он и Мордерми тайно совещались, Мордерми вышел из убежища, уверенный в победе. Он уже знал, что Последняя Гвардия выступила, когда повел своих людей в бой на улице Еэл. Каллидиоса не было видно и при штурме дворца Римаендо. Мордерми говорил, что только Каллидиос знает тайну управления каменными идолами. Под Преисподней есть несколько канализационных труб, выходящих в море. Я чувствовал, что море совсем рядом, когда был в убежище Мордерми. Он как-то сказал мне, что, пока крысы умеют плавать, им можно не опасаться ловушки. Если все, что ты думаешь, правда, то Каллидиос мог опускаться в трубу, тайно творить свои заклинания и заставить Калениуса покинуть свой трон, подняться наверх и встретиться с колдуном в одной из канализационных труб под Преисподней. Калениус спрятан там, а может быть, маг заставляет его возвращаться в гробницу. Но скорее всего он перенес короля в башню. Когда Последняя Гвардия опустошала гробницу и переносила сокровища во дворец Мордерми, каменные воины несли много странных сундуков. Один из них мог содержать останки их короля.

— Я почти уверена, что тело в башне Каллидиоса, — согласилась с ним Дестандази. — Там стигиец может смотреть за ним и командовать, когда

возникает необходимость. Весьма логично, Конан. Ты все описал так, как было на самом деле.

— Тогда мы должны пробраться в башню Каллидиоса и узнать всю правду. — Конан чувствовал себя более уверенным там, где требуется действие, а не построение умозаключений.

— Я должна войти в башню, — сказала спокойно Дестандази. — Мне нужно немного времени, чтобы подготовиться к путешествию.

Сантидио стоял на коленях у могилы, пока они ждали его сестру. Конан отошел, чтобы дать ему возможность попрощаться. Губы Сантидио шевелились, но по его глазам Конан понял, что юноша не молится.

Дестандази собиралась недолго.

— Я поклялась никогда не выходить из этого рая. Но зло нашло меня здесь — и мне приходится нарушить свой обет, чтобы уничтожить тень, которая упала на святой лес.

— Впоследствии, — стал утешать ее Сантидио, — ты можешь вернуться назад в свой лес и прожить здесь в мире.

— О нет. Я никогда не вернусь. Только один раз в жизни душа находит убежище. Как только она его покидает, оно для нее потеряно навсегда.

Глава 20

ДОРОГА КОРОЛЕЙ

В дороге до путешественников доходили рассказы о правлении Мордерми, о его роскоши и дебошах. Огромные расходы на задабривание баронов, армию наемников, двор истощали его казну, хотя сокровища, награбленные в гробнице Калениуса, казались беспрельдными. Чтобы сэкономить казну, Мордер-

ми удвоил налоги. Протесты жестоко подавлялись, а волнения сокрушались без пощады. Подкрепленное Последней Гвардией, правление Мордерми было несокрушимым и абсолютным.

Зингара была охвачена народными волнениями, как никогда. Но Мордерми знал, что сопротивляться ему — значит погибнуть. И все же бывают моменты, когда существование становится настолько невыносимым, что даже угроза смерти перестает пугать.

И вот в этой атмосфере нарастающего отчаяния Конан и Сантидио ехали по стране, собирая людей под своим знаменем, — сначала тайно, а потом и открыто. Эти люди любили Конана и не поверили в его измену. Людей Мордерми, заменивших в армии людей Конана, изгоняли. К Конану присоединились разные гарнизоны, состоящие из солдат, которые раньше воевали вместе с ним.

В то же время Сантидио обращался к простому люду в каждой деревне и городе, призывая его подняться против угнетателей и продолжить восстание, которое предал Мордерми. Бывший лидер «Белой Розы» всегда был хорошим оратором, но часто грешил ученостью и витиеватостью выражений. Теперь он воздействовал на умы слушателей тем обнаженным гневом, который жег его сердце. Раньше Сантидио пытался учить толпу, теперь он воспламенял людей.

Молва о растущей армии Конана достигла Мордерми. Король послал экспедиционный корпус под командованием графа Перизи, чтобы уничтожить мятежников.

Конан отступил в восточные горы. Когда Перизи, поддавшись на уловку, стал его преследовать, Конан ударил из засады.

Перизи был разгромлен, а остатки его армии рассеялись, разнося рассказы о непобедимости армии повстанцев.

После битвы армия Конана удвоилась, и повстанцы стали продвигаться к столице открыто. Бароны скрывались в своих замках и молили бога, чтобы армия повстанцев прошла мимо.

В Кордаве возросла тревога. Мордерми послал против бывших друзей свою основную армию под командованием Мановры. Конан прислал в ответ королю голову Мановры. Повстанцы уже контролировали все провинции страны. Советники короля стали умолять его направить Последнюю Гвардию, чтобы уничтожить мятежников. Мордерми отказался, указав на то, что тогда они сыграют на руку Конану. Конан того и добивается, чтобы выманить Последнюю Гвардию, захватить Кордаву и одержать окончательную победу. Со временем, говорил Мордерми, Конан обнаглает и нападет на Кордаву. Тогда уже Конан сыграет на руку Мордерми. Последняя Гвардия устроит побоище и уничтожит повстанцев, навсегда покончив с их вылазками.

Мордерми лишний раз доказал, что он знаток стратегии. Разведчики донесли, что армия Конана идет на Кордаву.

Лицо Сантидио было таким же жестоким и неприкасаемым, как и его кираса. Он готовился к завтрашней битве. Битве, которой он будет руководить.

— Ты видел столько же битв, сколько любой генерал короля, — напутствовал его Конан. — Если в чем-нибудь будешь испытывать затруднения, слушай Вегдикарми. Эта старая боевая лошадь воевала в два раза больше меня, а я родился на поле боя. — Он улыбнулся капитану наемников и продолжал: — Один из вас поведет завтра людей в атаку. В противном случае они подумают, что мы оставили их наедине с Последней Гвардией. Плохо, что меня не будет впереди, но я должен повести отряд на речные ворота. Об этом не должен знать никто — неожиданность наш единственный шанс на успех. Атака ложная, надеюсь, ты это хорошо понял. Не сбли-

жайся с Последней Гвардией, старайся выманить ее из города. Мордерми только такого сближения и ожидает, придерживая каменных истуканов. Ты не можешь победить их, поэтому отступай. Пусть они гонятся за тобой до самой Аквилонии, но не вступай в бой с этими дьяволами. Моя миссия двойная: убить Каллидиоса и доставить Дестандази в башню. Хотя бы одно из этого плана должно быть сделано. Я ничего против тебя не имею, Сантидио, но на это дело лучше идти мне, ведь если придется пробиваться в башню, то я буду более полезен, чем ты. — Он пожал руку Сантидио. — Если мы осуществим свой план и если мы правы в своих предположениях, то Последняя Гвардия перестанет быть опасной. Тогда ты сможешь начать битву с солдатами, и я желаю тебе удачи. Если же Последняя Гвардия пойдет в бой, то знай, что я погиб. Тогда попытайся начать все с начала.

Конан и Вегдикарми вышли на улицу, пока Сантидио прощался с Дестандази. Прощание было коротким. Через мгновение она уже была рядом с Конаном и кивнула ему.

Они выбрались из затемненного лагеря. Группа всадников ожидала их в поле. Киммериец посылал их провести разведку охраны речных ворот. Это были проверенные люди, умеющие хранить тайну.

Когда Конан и Дестандази расстались с ними, ни одна голова не повернулась вслед.

Кордава в ожидании завтрашней битвы спала спокойно. Часовые на стенах несли свою службу небрежно, уверенные в победе Последней Гвардии.

Другие в Кордаве испытывали отчаяние. Все их надежды были связаны с повстанцами, и завтра они увидят уничтожение этих надежд. Послезавтра уже никто не сможет угрожать правлению Мордерми.

Конан проскользнул мимо двух беспечных часовых, охранявших побережье. За ним тихо следовала

Дестандази. Достигнув набережной, они по тайному ходу спустились в Преисподнюю.

Появление двух закутанных в плащи людей не должно было привлечь внимание посторонних в эту ночь, когда обычное состояние настороженности и тревоги усугублялось ожиданием завтрашнего боя. Конан главным образом боялся, что его узнают. Он был здесь хорошо известен своей гигантской фигурой. Избегая редких освещенных участков, он надеялся, что враждебные глаза не заметят его. Обитатели Преисподней в большинстве своем симпатизировали повстанцам, но всегда мог найтись какой-нибудь предатель. Все знали, что завтра Конан поведет в бой армию, и это должно было усыпить любые подозрения у тех, кто заметит его крадущуюся фигуру. Конан был со своей армией, как же он мог быть здесь, в Кордаве?

Мордерми систематически обрубал корни «Белой Розы» после того, как она организовала выступление против его режима. Задача для него была простой, так как он знал всех ее руководителей. Но никто из подземных организаций не был арестован. Сантидио поддерживал связь с теми, кто еще боролся, несмотря на жестокие преследования Мордерми. Это были те люди, у которых Конан надеялся получить помощь.

Повернув в переулочек, Конан задержался у низенькой двери и постучал условным стуком, что-то проговорил, дверь открылась, и они вошли.

В грязной комнате собрались мужчины и женщины. Воздух был настоян на запахе мочи, немых тел и гашиша. Большинство из собравшихся здесь были непривычны к такой обстановке. Настороженные лица рассматривали пришельцев. Половину людей Конан знал.

— Приветствуем тебя, Конан, — выступил вперед их представитель. — Сантидио сообщил о твоём приходе, но я этому поверил только сейчас. Никто

из наших не находил причины для сбора. Здесь только те, кого я сумел убедить.

Конан осмотрел всех: лица этих людей выражали решительность и жестокость. Уже не было того панибратства, самоуверенности и беззаботности членов «Белой Розы» времен Римаендо. Это уже не было общество спорщиков, это были решительные и опасные бойцы. Конану понравились эти люди.

— Чем меньше вы будете знать, тем лучше, — сказал он. — Вы знаете, кто я, и, следовательно, вы знаете, что я не пришел бы без причины. Я хочу, чтобы вы через час устроили беспорядки перед воротами дворца. Нужно, чтобы ваше выступление выглядело естественно и привлекло внимание охраны. А затем разбегайтесь. Надо еще что-то объяснить?

В комнате было тихо.

— Тут есть еще один выход, ведущий наверх, — сообщил Конану руководитель заговорщиков. — Ты получишь то, что просишь.

Через несколько минут Конан и Дестандази выглядывали из дверей, осматривая открытое пространство, что отделяло королевский дворец от прилегающих к нему домов. Часовые не очень старались выполнять долг, считая, что присутствия одного Последнего Гвардейца достаточно, чтобы предотвратить нападение на дворец.

Конан вспоминал точное расположение постов. Была, правда, вероятность, что после его ухода все изменилось. Единственный путь добраться до башни незамеченными — это перебраться через стену.

Крики у главных ворот нарушили тишину. Конан видел, что туман в том месте от света факелов стал желтым. Он слышал отдельные фразы, которые выкрикивали те, кто собрался у ворот по его просьбе.

— Солдаты! Зачем вы служите тирану?!

— Чьи братья падут от рук его каменных мясников?!

— Бросайте оружие! Перестаньте быть рабами!

— Идите к нам! Помогайте своим братьям свергнуть тирана!

— Смерть Мордерми!

Вскоре ответные крики солдат утонули в ужасном шуме с площади. Конан понял по всплеску пламени, что народ поджег здание на площади. Весь гарнизон крепости ринулся туда. Конан решил, что нужный эффект достигнут и наступило его время.

— Пора, — проговорил он.

Оставив свое укрытие, две тени быстро проскочили открытое пространство и оказались в тени стены. Темные плащи полностью сливались со стенами, так что даже если бы часовой смотрел на них в это время, то не заметил бы. Конан прислушался, но на стене было тихо.

Он смотал с талии тонкую веревку из шелка необычайной крепости, с узлами, чтобы легче было забраться по ней. На одном конце был привязан крюк.

Конан размахнулся и бросил веревку. Крюк мягко звякнул и зацепился за стену.

Конан подождал. Туман заглушал все звуки, и только шум у ворот разносился в пространстве. Он потянул веревку, проверяя надежность зацепления своим весом. Крюк не поддался.

— Ты готова? — Он бы влез на стену в мгновение ока, как ящерица, но опасался за Дестандази. Хотя она и продемонстрировала свои способности в беге и прыжках, пока они путешествовали по стране, лазание по стенам все же было более трудное занятие для девушки.

— Давай. — Она сбросила плащ, чтобы он не стеснял движений. Конан скатал плащи и прикрепил их к поясу. Дестандази была одета в мужскую одежду. В черном камзоле она была похожа на высокого юношу. Шелк камзола плотно облегал тело — и Конан заметил, что одна грудь у нее почему-то меньше другой.

— Ну, пошли, — сказала девушка с ледяным спокойствием. Конан полез первым. Он остановился наверху, внимательно осматриваясь. Стена возвышалась на пятьдесят футов над улицей. На этой части стены не было никого. Ложный беспорядок у ворот сделал свое дело. Придерживая веревку, он смотрел на Дестандази. В своей черной одежде она была почти невидима. Девушка двигалась быстро, крепко хватаясь за узлы, напоминая гибкую сильную кошку.

Сам дворец стоял в середине пространства, ограниченного стенами. Казармы были расположены у передней стены. Между задней стеной и дворцом высилась стофутровая башня, та, в которую им предстояло попасть. Первоначально она была главной башней крепости, но по мере того, как крепость расширялась, башня была встроена во внешнюю стену, как редут. Исключительная по прочности, она была, пожалуй, единственной постройкой старой Кордавы, выдержавшей землетрясение. Когда был построен новый город, башня потеряла свое оборонное значение. Теперь Каллидиос нашел ей новое применение.

С вала до вершины башни возвышалась каменная стена высотой пятьдесят футов. Пригибаясь за парапетом, Конан и Дестандази добрались незамеченными до основания башни. Шум у ворот стал рассеиваться по прилегающим улицам. Видимо, охранники разогнали бунтарей. И небо в восточной части начало светлеть. Времени оставалось в обрез.

Массивные стены башни были абсолютно гладкими. Пробраться в башню можно было только с крыши. Конан бросил крюк, натянул веревку и выругался, когда крюк соскользнул и упал на кольца веревки. Он попробовал еще раз, более удачно, крюк зацепился прочно. Киммериец быстро взобрался на крышу и осмотрелся. Здесь все было спокойно. Очевидно, Каллидиос не ставил наверху часовых, чтобы они не могли проникнуть в его

тайну, забравшись в башню с крыши, доверив охрану стражникам, стоявшим снаружи. Конан повернулся, чтобы поддержать веревку для Дестандази.

Наблюдая за ее подъемом, он не смотрел по сторонам, и только первобытный инстинкт предупредил его об опасности. Из мрака выступила фигура Последнего Гвардейца, черная и блестящая. Конан выкрикнул предупреждение Дестандази, отскакивая в сторону от удара. Обсидиановое лезвие ударило в парапет в том месте, где он стоял мгновение назад. Удар едва не перерубил шелковую веревку. Любой меч, изготовленный из обычного материала, разлетелся бы вдребезги. Каменный меч выбил кусок камня из стены.

Конан начал отступать, инстинктивно обнажив свой верный боевой меч. Он должен был отвлечь дьявола от веревки, пока Дестандази не спустится обратно на вал. Каменный демон неуклюже наступал на Конана. Ему нечего было бояться, земное оружие не могло причинить ему вреда. Но многолетние рефлексы воина заставляли истукана выполнять приемы фехтования по всем правилам искусства, вместо того чтобы просто броситься на Конана и сокрушить его голыми руками.

Дестандази вскарабкалась на парапет, ее лицо белело в темноте, когда она увидела неравный бой.

— Уходи прочь! — сказал Конан. Внизу было небезопасно, но здесь неизбежная смерть ждала их обоих. Каменное создание повернулось, чтобы взглянуть на нового врага. Дестандази в ужасе вскрикнула, ее рука схватила веревку, но при этом отцепился крюк. Девушка попыталась поймать его, но он выскользнул из ее непослушных пальцев. Веревка с шелестом исчезла в темноте.

Конан как вооруженный противник привлекал больше внимания, чем невооруженная девушка. Демон опять набросился на киммерийца. Конан попытался парировать удар, сила которого была тако-

ва, что он чуть не потерял свое оружие. Конан почувствовал спиной край башни и при следующем ударе вместо того, чтобы отступить, поднырнул под руку истукана.

Дестандази издала пронзительный крик. Это мог быть просто крик ужаса, но он содержал и некие закономерные звукосочетания, пробудившие в мозгу Конана что-то давно и прочно забытое. Однако он не понял смыслового значения этого крика, если, конечно, тот хоть что-то означал.

Как только Конан оказался сзади каменного дьявола, истукан повернулся спиной к парапету и лицом к Конану, поднял меч и сделал шаг вперед. И тут же из темноты вырвались непонятные существа и облепили лицо демона. Летучие мыши. Целая туча летучих мышей. Они атаковали голову и лицо каменного воина. Их зубы и когти не могли причинить вреда его неуязвимой плоти, но падение отвлекло его внимание.

Конан не упустил момента. Спина дьявола была у самого парапета. Он бросился вперед и изо всех сил ударил мечом в черную грудь. Прочное лезвие выщербилось при ударе, но каменный воин пошатнулся. Потеряв равновесие, он стал переваливаться через парапет. Руки судорожно искали опору и не находили ее. Он безмолвно полетел вниз. Послышался характерный звук удара о землю, потрясший всю башню.

Конан посмотрел вниз. В темноте ничего нельзя было разглядеть.

— Если это падение его не убило, то будем надеяться, что ему долго придется сюда забираться. Черт возьми! Это привлечет внимание! Они заинтересуются, как же этот демон сорвался с башни?

Киммериец поспешно двинулся вниз и сообразил по дороге, что летучих мышей, наверное, вызвала Дестандази.

— Это счастье, что они отозвались. — Она угадала его мысли. — Немногие животные ПОМНЯТ. Нет ли только здесь других дьяволов?

— Каллидиос убежден, что хватит и одного. Если бы был еще один, они напали бы вместе.

Конан внимательно осмотрел темное помещение лестничной площадки. Выругавшись, он бросился к двери, которая открывала путь на лестницу. Чуткие уши уловили шум шагов, поднимающихся по лестнице. Он притаился за дверь.

Она, конечно же, была заперта — Каллидиос никому не доверял ключ от нее. Если дверь откроется, то человек, вошедший сюда, будет Каллидиос. И Конан убьет его в то же мгновение.

Вместо этого послышался осторожный стук. Он повторился, и затем мягкий голос спросил:

— Каллидиос, ты здесь?

И так как ответа не было, чья-то рука попробовала замок — тот был заперт. Шаги быстро удалились.

— Плохо, — проворчал Конан. — Сейчас они приведут Каллидиоса, а он не такой дурак, чтобы самому войти в эту дверь. Когда они найдут веревку на валу, след приведет прямо сюда.

Он приступил к двери в комнату Каллидиоса. Наверняка дверь башни, кроме замка, держит еще крепкий засов внутри. Конан вставил металлическую дубинку в скобы. Они долго не поддавались, ведь башня была рассчитана на века, но наконец не выдержали.

Черные тени в комнате уже поблекли. Конан вошел туда и посмотрел в окна. Он увидел, что день начинается. Сантидио уже выступает; он идет на смерть, если они здесь не добьются успеха.

— Чего мы ждем? — Конан взял лампу и зажег ее. Затем поднял повыше и осмотрел комнату, куда они пришли, чтобы разрушить злые чары.

Конан бывал в тайных убежищах колдунов, так что до некоторой степени представлял, что должно было открыться перед ним. Но комната Каллидиоса была полной противоположностью всему, что он

видел раньше. Комната больше напоминала склеп, анатомический театр.

В беспорядке были разбросаны трупы, которые находились на различных стадиях разложения. Мумия лежала в ворохе размотанных пробальзамированных тканей. Саркофаг из-под нее был полон высохших человеческих костей с остатками мышечной плоти на них. В шкафу стояли сосуды с человеческими зародышами, плававшими в жидкости. Масса обугленных костей валялась в углу комнаты.

Конан в изумлении покачал головой. Воздух был тяжелый, с запахом гниения, специй, масел, которые сохраняли плоть этих мертвецов. Замысловатые пентаграммы были начертаны мелом на полу, а затем небрежно затоптаны ногами и засыпаны мусором. Карты и свитки папирусов лежали на низком столе вперемежку с книгами.

— Притон некроманта. — Голос Дестандази нарушил тягостную тишину. — Но есть ли здесь труп Калениуса?

— Черт возьми! Что все это значит?

— Может, Каллидиос ищет способы доступа к спрятанным сокровищам. А может, он хочет увидеть будущее. В любом случае я думаю, что стигиец не солгал, когда утверждал, что далеко прошел по избранному пути.

На лестнице опять послышались шаги. Поднималась группа людей. Ключ повернулся в замке. Конан со шпагой в руке ждал.

Дверь, которую киммериец заложил железной дубиной, дернулась, но не открылась. Сначала осторожно, а потом с силой на дверь надавили снаружи. Дверь выдержала. Как Конан и предполагал, дверь была так крепка, что могла довольно долго стоять даже под ударами тарана.

— Откройте дверь и выходите! — прокричал Каллидиос. — Если вы сделаете это немедленно,

вам не причинят вреда. Я обещаю вам мешок золота и беспрепятственный выезд за границу.

Стигиец, видимо, решил, что следует попытаться подкупить непрощенных гостей. Но ответа не последовало, и Каллидиос заговорил другим тоном.

— Я думаю, вы пожалеете об этом.

Уверенный, что дверь в безопасности, Конан стал помогать Дестандази в поисках. Он должен был не только смотреть за дверью, но и охранять паранет, ведь враги могут, как и они, взобраться на башню.

— Калениус может оказаться любым из этих трупов, — выругался он.

— Но он должен обязательно быть здесь. Иначе колдун не стремился бы выкурить нас отсюда. По времени некромант уже должен приступить к своему колдовству: Последняя Гвардия скоро должна быть готова к отражению нападения повстанцев.

Конан нетерпеливо выбрасывал на пол содержимое одного из гробов, затем взялся за саркофаг. Он скинул крышку и увидел гниющие останки.

За дверью было тихо. Конан услышал, что люди ушли, и решил, что они отправились за топорами и ломами. Он ни на секунду не выпускал дверь из внимания, пока занимался поисками. Вдруг варвар услышал слабый звук, напоминающий царапанье, но дальше ничего не последовало. Это успокоило его: Каллидиос был хитер. Затем прозвучал ужасный голос, которого варвар никогда в жизни не слышал от стигийца:

— Калениус! Встань и выполни мое приказание!

Из-под груды костей на полу, скрывавшей его, встал обнаженный человек. Он был похож на спящего, поднятого с постели, но от него веяло неприятным и зловещим холодом. Король Калениус, чей внешний облик был таким же, как много сотен лет назад, в день его смерти, смотрел на них глазами, в которых горел огонь, придававший ему видимость жизни.

— Калениус! — скомандовал некромант. — Я требую, чтобы два воина, которые охраняют вход в башню, поднялись сюда, сломали дверь и убили пришельцев.

Мертвый король не произнес ни звука, но Конан тут же услышал шаги каменных ног, тяжело и быстро поднимающихся по ступеням лестницы.

— Торопись, Дестандази, — хмуро сказал он.

Она долго смотрела на мертвого короля, повернувшись спиной к Конану, потом приказала киммерийцу:

— Следи за дверью! Ради всего живого, не оборачивайся! Только избранные могут быть посвящены в тайны Джеббал Саг. Для остальных опасно даже смотреть на тайные символы власти!

Конан отвернулся. Мельком он увидел, как Дестандази стала рисовать в воздухе фигуру. Голубое пламя светилось на еедвигающихся пальцах. Варвар поспешно отвел глаза — и жрица забытого бога стала петь гимн на незнакомом языке, пробуждающем в памяти киммерийца смутные неосознанные воспоминания.

Дверь задрожала от сильного удара. Конан ждал, стиснув бесполезный меч. Второй удар выбил толстые железные скобы, доски затрещали.

— Так... много... сил... — выдавила из себя Дестандази. — Надо еще... попытаться...

Пыль сыпалась с каменной стены от ударов ужасающей силы, обрушивавшихся на дверь. Доски стали ломаться. И вот уже каменная рука появилась в образовавшемся отверстии. Каменные пальцы быстро расширяли пролом, легко обламывая куски дерева.

Появилась вторая рука. Каменные руки ухватились за доски и стали их крошить. Дверь разрушалась на глазах. Конан осмотрел комнату в поисках чего-либо, чем можно было бы забаррикадировать дверь, хотя и знал, что это продлит их жизнь лишь на несколько мгновений.

Внезапно сзади него раздался хрипящий вздох и послышался тупой звук, будто человек потерял сознание и упал на землю. Стонала Дестандази; Конан услышал ее стон потому, что неумолимое разрушение двери прекратилось.

Рука воина из черного камня безжизненно замерла в отверстии. Затем она медленно стала опускаться. Конан ожидал продолжения атаки, но рука бесильно повисла в воздухе. Каменная плоть стала трещать и осыпаться, обнажая источенные кости. Куски падали на пол, рассыпались и превращались в пыль.

Конану сделалось плохо от ужасного запаха разложившихся останков. Он отвернулся от мерзкого зрелища, стараясь справиться с подступившей тошнотой. На полу, куда упал Калениус, масса разлагающихся прямо на глазах останков мешалась с грудой костей.

Конан подхватил потерявшую сознание девушку и поспешил на свежий воздух, на крышу башни.

Вся крепость была перед ними как на ладони. На стенах, где Последняя Гвардия несла службу, каменные воины превратились в лужи разложившейся плоти, что столетиями находилась в оболочке из живого камня. Солдаты в панике разбежались, напуганные непонятным явлением: их непобедимые союзники прямо на глазах превратились в грязные, дурно пахнущие отбросы.

Ситуация, сложившаяся на стенах Кордавы, где находилось большинство каменных гвардейцев, готовых отразить атаку повстанческой армии, полностью повторилась у главных ворот.

С башни Конан видел, как его армия выходит на позицию, чтобы пойти в безнадежную атаку. Повстанцы были готовы идти на смерть.

В это время отряды разведчиков уже возвращались назад и несли радостную весть о том, что колдовская армия Мордерми уничтожена более мощным

колдовством. Сантидио, не теряя времени, уже мог вести полки в атаку, тем более что сопротивление повстанцам оказывать стало некому. Вся Кордава видела, как Последняя Гвардия рассыпалась при приближении повстанцев, — и восприняла это как знак богов, возвещающий о конце правления Мордерми.

Шаги за спиной заставили Конана обернуться. Ведь дверь уже была почти открыта, и любой смертный мог, засунув руку в отверстие, вытащить засов.

В глазах Каллидиоса светился огонь безумия, к которому при виде Конана добавилась смертельная ненависть. Губы стигийца свела в судороге кривая усмешка.

— Так это ты, киммериец, — он четко разделял слова на слоги. — Пешка побила короля. Но это не по правилам. Ты убил меня; я был нужен Мордерми только для контроля над Последней Гвардией. Теперь ее нет, и он убьет меня.

— Я избавлю Мордерми от этих приятных хлопот. — Конан достал меч. Глаза Каллидиоса сверкнули, когда он взялся за рукоять шпаги. Конан дал ему время обнажить ее. Он мог бы убить стигийца, как бешеную собаку, но решил сразиться с ним в честном бою, как мужчина с мужчиной. Варвар подумал о том, умеет ли Каллидиос обращаться со шпагой, ведь никто ни разу не видел, чтобы колдун обнажил оружие.

Шпага Каллидиоса вышла из ножен. Она показала варвару чересчур длинной, когда колдун сделал выпад. Его клинок был направлен в горло Конана. И это было не стальное лезвие, а живая змея, из раскрытой пасти которой торчали смертоносные ядовитые клыки.

Конан отскочил в сторону и точным ударом отрубил змее голову. Выпады Каллидиоса были быстры и напоминали резкие движения змеи во время атаки. Ни один фехтовальщик в мире не выдержал бы такого темпа схватки и несколько минут.

— Защищайся, варвар! — ехидно улыбнулся колдун. — Долго ли ты продержишься? Голова появляется после каждого удара, и клыки змеи все так же смертельны. Потанцуй для меня!

Конан чувствовал, что долго ему не продержаться. Опять змеиная голова покатила по земле, а колдун, издеваясь, держался вне пределов досягаемости меча Конана. Конан отрубил следующую змеиную голову у самой своей груди. Он быстро взглянул, нет ли раны, и тут заметил на поясе скатанные плащи. Свободной рукой он выдернул их и бросил в момент выпада Каллидиоса.

Плащи в полете развернулись, и живое лезвие попало в ловушку из черного шелка. Каллидиос выругался, когда увидел, что его извивающееся лезвие запуталось в складках плаща. Меч Конана ударил мгновенно, и некромант отправился туда, откуда прежде вызывал своих рабов.

Змея бешено вертелась в складках плаща. Конан наступил на нее ногой и с остервенением давил еще долго после того, как прекратилось всякое движение.

Дестандази медленно приходила в себя. Она поднялась на ноги и взглянула на труп Каллидиоса.

— Итак, дело сделано. — Ее глаза отражали страшную усталость от неимоверного напряжения, которое она испытала в борьбе с черными силами.

— Остался жив еще Мордерми, — ответил Конан.

Он знал, что с правлением Мордерми покончено. Вход Сантидио в Кордаву больше напоминал триумфальное шествие, чем взятие враждебного города. Защищать город от повстанцев было некому. Некоторые из солдат Мордерми пытались сопротивляться, другие бежали, третьи сдались на милость победителей. Толпа уничтожала остальных. Конан с отвращением отвернулся от неприятного зрелища. Не так давно он видел подобное и не хотел смотреть еще раз.

— Остался жив еще Мордерми, — повторил варвар.

Они спустились с башни. На пороге у разрушенной двери Конан заметил почти невесомую кучку пыли и несколько кусков металла, которые превратились в пыль под его ногами.

Защитники фактически уже покинули дворец. Те из них, кто еще остался, занимались грабежом. Шум толпы приближался, скоро она будет здесь. Во дворце киммерийца не остановили. Меч Конана был обнажен, но никто не обращал на него внимания. Все окружение оставило Мордерми и разбежалось.

Конан знал дорогу к покоям тирана. Он толкнул дверь и вошел в зал.

Мордерми собирал драгоценности в большой мешок, гребя их из сундуков, явно обеспокоенный тем, что кое-что придется оставить. Король Зингары был одет в грязную одежду рабочего и темный изношенный плащ. Пудра сделала его волосы грязно-серыми. Лицо было перевязано старым окровавленным бинтом. Все это делало его практически неузнаваемым, и он с успехом мог бы скрыться.

— Тебе нужно было поспешить и удрать с остальными крысами, — сказал Конан, — или крысакapитан желает последним покинуть корабль?

— А, Конан, — Мордерми взглянул на него. — Я надеялся, что объятия восторженных почитателей задержат твоё триумфальное шествие, и ты опоздаешь.

— Твои доброжелатели уже готовы начать новую коронацию. Ты помнишь последнюю? Конечно, сначала нужно провести церемонию отречения.

Мордерми сбросил маскардную повязку.

— Я рад, что именно ты пришел брать меня в плен, Конан. Я знаю, что могу считать тебя своим должником, ты человек чести.

— Что же заставляет тебя надеяться на мою милость, Мордерми? Никакой веревки не хватит обвязать твои преступления, — ответил Конан.

— И это я слышу от преступника, которого я снял с виселицы? — В голосе Мордерми зазвучала боль. — Я думал о тебе лучше, Конан, и, кроме того, мы с тобой совершили столько преступлений, что нас на одной веревке можно было повесить сотни раз, если бы мы были пойманы.

— Я друзей не предавал.

— Боже! Если бы я мог исправить все свои ошибки! Ты был прав, Конан. Я должен был послушать тебя в ту ночь и убить стигийца, когда он впервые появился у нас. Он опутал мой мозг своими планами и своей ложью. Я уверен, что он властвовал над моими мыслями с помощью заклинаний или наркотиков.

— Единственный наркотик, отравивший твой мозг, — твоя жажда власти. Ты использовал Каллидиоса так же, как использовал всех нас. Чем больше власти ты имел, тем больше тебе хотелось получить. А когда получал, то рвался к новой. Я любил тебя до того, как жажда власти отравила тебя. Но, может быть, ты был отравлен все время, только выжидал удобный момент, чтобы использовать своих друзей, потому что в их спину легче всего воткнуть нож, когда перестанешь в них нуждаться.

— Конан, ты впервые произнес такую прекрасную речь, — сказал Мордерми с легкой иронией. — Однако Сантидио прав, ты — альтруист. Ну ладно, зови своих людей и арестуй меня. Я отдаю себя на суд народа.

— Каких людей? — Конан засмеялся. — Дворец пуст. В нем только мы. Сантидио ведет армию в Кордаву. Дестандази и я утром перелезли через стену, и жрица разрушила чары Каллидиоса над каменными дьяволами. Ты можешь поблагодарить себя за то, что сделал с Сандокадзи. Только поэтому Дестандази вошла в игру против тебя. Неужели Кадзи верила тебе все это время, пока на шее

у нее не оказалась петля? Знаешь ли ты, что она взяла с меня и Сантидио слово, чтобы мы тебя не убивали?

Конан в своем гневе сказал слишком много. Он увидел, что выражение лица Мордерми странно изменилось, и он быстро нажал на что-то под столом.

Действуя не раздумывая, Конан с криком бросился вперед. Пол под ним провалился всего через мгновение после того, как ноги Конана оторвались от плит. Дестандази, еще не пришедшая в себя после изгнания духов, не успела среагировать на крик Конана. Она рухнула в образовавшуюся западню, и ее крик мгновенно оборвался.

В прыжке Конан долетел до стола, разбросав лежавшие на нем сокровища. Мордерми, по-прежнему ловкий и проворный, откатился от стола, где лежал распростертый Конан. Он уже был с обнаженной шпагой, и только через мгновение Конан успел встать на ноги.

— Я вижу, что ты по-прежнему предпочитаешь широкий меч, варвар, — засмеялся Мордерми, — хочешь, я дам тебе еще один урок фехтования?

Конан в гневе бросился на него, чуть не пропустив выпад. Он отбил легкое лезвие шпаги и рубанул вытянутую руку. Мордерми со смехом отскочил. Гнев Конана был слишком велик для того, чтобы демонстрировать искусство фехтования. Мордерми почувствовал это и старался еще больше разозлить киммерийца, пытаясь вывести его из равновесия, чтобы варвар сломя голову бросился вперед. Конан теснил свергнутого тирана. Мордерми не рисковал и не контратаковал противника, как непременно сделал бы с другим соперником. Мордерми слишком хорошо знал Конана и часто видел его в деле. Бывшему королю ничего не оставалось, как только выжидать момент и бить наверняка.

Шум толпы во дворце усилился, и Мордерми понял, что время работает на Конана, а тактика

выжидания не принесет успеха. Он должен поразить Конана немедленно, иначе бегство станет невозможным. Внезапно перед Мордерми открылся шанс: Конан отбросил его назад одним из своих бешеных ударов. Как только лезвие меча оказалось внизу, выпад Мордерми достиг цели. Шпага была направлена в сердце Конана, но тот в последний момент повернулся — и узкий клинок пронзил мышцу плеча. Конан застонал, резко рванулся, и тонкое лезвие шпаги сломалось.

Мордерми ринулся бежать, но Конан схватил противника за руку, в которой оставался лишь обломок шпаги. Варвар сильно ударил Мордерми, но не смертоносным лезвием, а рукоятью меча, разможив тирану лицо. Теряя сознание, Мордерми рухнул на пол. Конан брезгливо вытащил из плеча обломок шпаги и отбросил его в сторону.

— Вот она, твоя дворянская игрушка. Я бы прикончил тебя с сотней таких булавок в моей шкуре.

Лицо Мордерми представляло собой сплошную кровавую маску, нервы его были на пределе.

— Ты дал слово, что не убьешь меня, — взмолился он. Вид киммерийца с кровью, льющейся из раны в плече, и глазами, полными бешеной злобы, не обещал ничего хорошего для Мордерми.

— Я не убью тебя, собака. Иначе зачем же я старался с риском для жизни обезоружить тебя вместо того, чтобы прикончить. Я человек чести, как ты сам сказал, и я сдержу свое слово.

Толпа уже ворвалась во дворец. Конан слышал звон разбиваемых стекол, треск ломаемых дверей. Шум доносился с первого этажа. Скоро толпа займет весь дворец. Конан уже видел все это.

Он открыл окно покоев Мордерми. Они находились на высоте двенадцати футов над землей: Снизу смотрели сотни разгневанных лиц. Камни полетели в окна. Толпа жаждала крови. Она хотела мести после страха перед Последней Гвардией.

Конан рывком поставил Мордерми на ноги и подтащил к окну. Толпа их увидела.

— Конан, что ты делаешь?! Ты же обещал не убивать меня!

— А я и не буду тебя убивать! — успокоил его Конан. — Ты же хотел народного суда. Я тебе доставлю это удовольствие! — Протолкнув бешено сопротивляющегося короля в окно, Конан бросил его в толпу. Вопли внизу доказывали, что падение с высоты двенадцати футов не убило Мордерми.

Когда Сантидио достиг дворца, грабители уже растащили все, оставив только голые стены. К тому времени Конан спустился в западную, которая была в комнате Мордерми, и вынес бездыханное тело Дестандази. Конан сидел возле нее, прислонившись к стене; повязка закрывала его руку, плащ был накинут на тело Дестандази. Он не слушал, что говорил Сантидио.

— Она останется в памяти как героиня восстания, — закончил Сантидио. — Вся Кордава знает, что вы вдвоем освободили страну от Последней Гвардии, от тирании Мордерми. — Он показал на открытое окно. Вместо криков гнева снизу уже неслись приветствия. Толпа единодушно кричала:

— Конан! Конан! Конан!

— Ты — герой, Конан, — сказал Сантидио, — скажи, что примешь корону, и народ тут же объявит тебя королем. Корону нашли в одном из тайных ящиков Мордерми. — Сантидио подал ее Конану.

— Пошел ты к черту, Сантидио! Убери ее с глаз!

— Я знаю, что ты должен чувствовать, Конан. Мы оба потеряли друзей, я потерял двух сестер. Но подумай, стране нужен король. Народ любит тебя, ты — великий герой. Прими корону!

— Сантидио, — голос Конана стал грустным. — Утром я возьму лодку и отвезу Дестандази в ее убежище.

— Ты передумаешь.

— Нет, не передумаю.

Сантидио в задумчивости держал корону в руках и размышлял. Шествие по Кордаве во главе армии победителей стало для него блестящим воспоминанием, и ему жалко было расставаться с триумфом. Некоторые в толпе, окружавшей дворец, кричали:

— Сантидио! Сантидио!

Конан смотрел на него. Сантидио вздохнул.

— Если ты не передумаешь до завтра, я сам приму корону от народа. Зингара должна иметь короля, пока не будет принята конституция.

— Я не передумаю, — повторил Конан, — и не передумаю до тех пор, пока не пойму: человек возвращает власть или власть человека.

СОДЕРЖАНИЕ

Джон Маддокс Робертс
СТЕПНАЯ ЦАРИЦА
Пер. А. Митрофанова

5

Карл Эдвард Вагнер
ДОРОГА КОРОЛЕЙ
Пер. Г. Корчагина

301

*Литературно-художественное
издание*

Джон Маддокс Робертс

ПЕПЕЛ ИМПЕРИЙ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Редактор
Александр Тишинин

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Татьяна Андрианова
Татьяна Бородулина
Анастасия Келле-Пелле

Верстка
Вера Романенко

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 05.06.96.
Формат издания 84×108 ¹/₃₂. Печать высокая.
Гарнитура Петербург. Тираж 45 000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Изд. № 74. Заказ № 1827.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Уважаемые дамы и господа!

Санкт-Петербургская Гильдия Ролевых Игр «Остров»
проводит при содействии издательства «Азбука» и при поддержке
Партии Зеленых в первой половине августа 1996 г. театрализованную
ролевую игру по мотивам сериала «Dragon Lance» – «Мир Кринна III».
Игра будет проводиться в живописном месте Карельского перешейка.

Приглашаются все желающие!

Лучших игроков ждут призы – книги издательства «Азбука».
Свяжитесь с организаторами заблаговременно!

Звоните в Петербург:

понедельник, четверг с 20.00 до 22.00, 259-51-60 (Антон Эрикович)
или пишите по электронной почте: FIDO met 2:5030/419 (Yang Elves).

Приглашаем вас в далекое странствие!

Издательство "Азбука" готовит к выпуску в свет новый грандиозный проект — ретроспективу лучших произведений западных и российских авторов в жанре фэнтези под общим названием

"САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ".

В рамках этой серии вас ждет встреча с блистательным американским писателем, давно уже прочно занявшим лидирующее место во всех хит-парадах фантастической литературы. Его имя — **ТЭД УИЛЬЯМС**.

Издательство "Азбука" начинает публикацию всемирноизвестной фэнтези-эпопеи Тэда Уильямса **"ОРДЕН МАНУСКРИПТА"**.

Это великолепное повествование о путешествии юноши Саймона по таинственному, загадочному миру, имя которому — Светлый Ард. Простоватого, добродушного паренька Саймона ожидают невероятные приключения, ибо волею всемогущих богов он оказывается вовлеченным в чудовищную битву сил Добра и Зла. Десятки раз Саймон балансирует на краю черной бездны небытия... благодаря смекалке и отваге выходит невредимым из кровавых побоищ... самым хитроумным образом ускользает от лап свирепых монстров... остается жив даже после встречи с изрыгающими пламя драконами.

Открыв книгу Тэда Уильямса, вы забудете, что такое скука! Вы даже сами не заметите, как очутитесь в непосредственно-реальном, прекрасном и неповторимом мире ожившей сказки — в Светлом Арде. Рядом с вами, плечом к плечу, встанут закованные в броню великие воители. Вы услышите, как звенят, скрепящаяся в смертоносном единоборстве, сверкающие клинки. Вы увидите таинственное свечение невесомой паутины могущественных заклинаний. Вы почувствуете холодное дуновение ветра, что поднимают огромные крылья взмывающего к небесам дракона.

Сделайте шаг к тайне!

Не пропустите первый том эпопеи "Орден Манускрипта" Тэда Уильямса "Трон из костей дракона"

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

ОН ЖДЕТ
ТВОИХ
ПИСЕМ

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Авторы книги, которую вы держите в руках,
не пугаются в особой рекламе!

**ДЖОН МАДДОКС РОБЕРТС
и КАРЛ ЭДВАРД ВАГНЕР**

Два блестящих фантаста расскажут вам
о новых приключениях варвара Конана.

Ветер странствий вновь зовет в путь
отважного северянина.

Впереди — затерянный в жгучих песках
древний город, отчаянные схватки
с жуткими чудовищами.

Без страха и сомнений Конан ступает
под своды разрушенных храмов,
спускается в темные морские глубины.

Кулаком и сталью благородный варвар
разрушает козни чародеев, интриги и наветы
коварных царедворцев.

И хрустит под ногами могучего киммерийца

ПЕПЕЛ ИМПЕРИЙ